Е 103
369

РОССІЯ И АНГЛІЯ

ВЪ

СРЕДНЕЙ АЗІИ

М. А. ТЕРЕНТЬЕВЪ.

№ 1118

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Меркульева, Графскій пер., д. № 5.
1875.

Книга имеет

70 г. г. 19 в.
№ 155.
7065/М
11 7/55.
E 369
№ 1118.

РОССІЯ И АНГЛІЯ

въ

СРЕДНЕЙ АЗІИ

М. А. ТЕРЕНТЬЕВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Меркульева, Графскій пер., д. № 5.
1875.

11 I/53

ф. 3858-34

Два слова къ читателю.

Послѣдніе успѣхи наши въ Средней Азіи породили въ Западной Европѣ цѣлую литературу. Въ Англіи же каждая неожиданность, каждый шагъ нашъ впередъ, вызываютъ непремѣнно цѣлую бурю. Газеты и журналы, всевозможныхъ оттѣнковъ, переполнены статьями, разбирающими средне-азіятскій вопросъ не только въ его прошедшемъ и настоящемъ, но и въ будущемъ. Это будущее представляется англичанамъ какимъ-то грознымъ призракомъ, кошмаромъ. Они прибѣгаютъ ко всевозможнымъ заклинаніямъ, чтобы отъ него отдѣлаться.

Богатство западно-европейской литературы, по вопросу, такъ близко касающемуся Россіи, дѣлаетъ еще болѣе разительною нашу бѣдность въ этомъ отношеніи. Главный пробѣлъ, сразу бросающійся въ глаза каждому изслѣдователю— это отсутствіе свѣдѣній о нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Нѣкоторыя иностранныя правительства издаютъ періодически офиціальные сборники дипломатическихъ документовъ, (синія, красныя и т. п. книги),—эти то сборники и служатъ пока единственнымъ для насъ источникомъ, такъ какъ въ нихъ помѣщаются и русскія депеши.

Работая, съ 1870 года, надъ составленіемъ «Исторіи Завоеваній Россіи въ Средней Азіи» (приготовляется къ печати), я собралъ много матеріала и по части дипломатическихъ сношеній нашихъ съ ханствами, въ особенности за послѣд-

нее время. Желаніе восполнить, указанный выше пробѣлъ, заставило меня обработать собранный матеріалъ.

Послѣдняя наша война съ Хивою и занятіе устьевъ Аму-дарьи вызвали въ англичанахъ обычное настроеніе. На этотъ разъ дѣло не ограничилось газетными и журнальными статьями—появились и крупныя сочиненія. Въ ряду ихъ, въ особенности, замѣтны два капитальныхъ труда, изданныхъ въ Лондонѣ въ нынѣшнемъ году: «Central Asia: from the Aryan to the Cossack» Джемса Хуттона и «England and Russia in the East» генералъ маіора сэра Генри Раулинсона. Оба эти сочиненія взаимно дополняютъ другъ друга: Хуттонъ разработалъ, въ особенности, исторію средне-азіатскихъ ханствъ, Раулинсонъ же говоритъ преимущественно о политикѣ.

Мой трудъ былъ уже переданъ въ типографію, когда въ Петербургѣ получены были книги Хуттона и Раулинсона. Я, конечно, тотчасъ же воспользовался тѣми данными, какія мнѣ не были еще извѣстны и пополнилъ ими свою работу.

Такимъ образомъ, читатель найдетъ у меня не только подробности о нашихъ послѣднихъ сношеніяхъ съ ханствами и съ Англіей, но и все, что было говорено иностранцами по поводу нашего движенія въ Среднюю Азію и по поводу нашихъ возможныхъ цѣлей.

Въ нашей среднеазіятской политикѣ никакихъ секретовъ нѣтъ. Мы смѣло можемъ объявить во всеуслышаніе каждое слово, сказанное когда нибудь, какому нибудь изъ хановъ. Кто ведетъ дѣло на чистоту, кто не прибѣгаетъ къ закулиснымъ интригамъ, а съ открытымъ челомъ вступаетъ въ бой—тому не придется краснѣть за свои слова и за свои дѣйствія.

М. Терентьевъ.

С.-Петербургъ.
1875 года Іюль.

ИСТОЧНИКИ.

Григорьевъ. Кабулистанъ и Кафиристанъ. Риттера. 1867.
— Восточный или Китайскій Туркестанъ. Риттера. 1869.
— Описаніе хивинскаго ханства (Зап. И. Р. Г. Общ. 1861 № 2).
— Русская политика въ отношеніи къ Средней Азіи (Сборн. Госуд. Знаній т. I 1874).
Ханыковъ. Описаніе Бухарскаго ханства. 1843.
— Иранъ. Риттера. 1874.
— Пояснит. записка къ картѣ Аральскаго моря (Зап. И. Р. Г. Общ. 1851 № 5).
Вельяминовъ-Зерновъ. Историческія извѣстія о Коканскомъ ханствѣ. 1856.
Іакинфъ. Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи.
Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. 1870.
Левшинъ. Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей. 1832.
Костенковъ. Историческія и статистическія свѣденія о калмыкахъ.
Галкинъ. Этнографическіе матеріалы по Средней Азіи и Оренбургскому краю. 1867.
Венюковъ. Замѣтки о степныхъ походахъ въ Средней Азіи (В. Сб. 1866 № 2).
— Путешествіе по окраинамъ русской Азіи 1868.
Валихановъ. Очерки Джунгаріи (Зап. И. Р. Г. Общ. 1861 №№ 1 и 2).
— О состояніи Алтышара (Зап. И. Р. Г. Общ. 1862 № 2).
Гейнсъ. Киргизскіе очерки (В. Сб. 1866 №№ 1, 6, 7 и 8).
— О возстаніи мусульманскаго населенія или дунганей въ Западн. Китаѣ (В. Сб. 1866 № 2).
Поповъ. Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Великомъ (З. И. Р. Г. Общ. 1853 № 9)
Романовскій. Замѣтки по среднеазіятскому вопросу. 1868.
Зыковъ. Водвореніе русской власти въ Средней Азіи (В. Сб. 1868 №№ 8 и 9).
— Хивинскія дѣла 1839—1842 (Русск. Слово 1862 № 3).
Костенко. Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности. 1871.
Мейеръ. Киргизская степь оренбургскаго вѣдомства.
Красовскій. Область сибирскихъ киргизовъ. 1869.

Залѣсовъ. Очеркъ дипломатич. сношеній Россіи съ Бухарою съ 1836 по 1843 годъ (В. Сб. 1862 № 9).
— Посольство въ Хиву подполковн. Данилевскаго (В. Сб. 1866 № 5).
— Посольство Никифорова въ Хиву въ 1841 году (В. Сб. 1867 № 11).
Иванинъ. Описаніе зимняго похода въ Хиву 1839—1840 годовъ. 1874.
Лыко. Очеркъ военныхъ дѣйствій 1868 г. въ Заравшанской долинѣ (В. Сб. 1871 г. №№ 5, 6, 7 и 8).
Зиновьевъ. Осада Ура-тюбе и Джизака (Рус. Вѣстн. 1868 №№ 5 и 6).
Воронецъ. Казанская учительская семинарія (Рус. Вѣстн. 1873. іюль).
Обручевъ. Военно-статистическій сборникъ. Выпускъ III. 1868.
Макшеевъ. Географическіе, этнографическіе и статистическіе матеріалы о Туркестанскомъ краѣ.
Пашино. Туркестанскій край въ 1866 году.
Веппеусъ. Handbuch der geographie und Statistik.
Вамбери. Путешествіе по Средней Азіи въ 1863.
— Соперничество Россіи и Англіи въ Средней Азіи (Зап. для чтенія 1867 г. октябрь и ноябрь).
Лежанъ. La Russie et l'Angletere dans l'Asie Centrale.
— Les Russes en Boukharie.
— Les Anglais sur l'Indus (статьи въ Revue des deux mondes съ 1867 года).
Фонъ-Гельвальдъ. Die Russen in Central Asien.
Снайлеръ. Рапортъ отъ 6 марта 1874 г. маршалу Джуэль (Рус. Міръ 1875).
Хуттонъ. Central Asia: from the Aryan to the Cossack. 1875.
Раулинсонъ. England and Russia in the East. 1875.
Кромѣ того англійскія и русскія газеты.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Движеніе Россіи на востокъ.

Отношенія къ Бухарѣ.

Отношенія къ Кокану.

Отношенія къ Хивѣ.

Отношенія къ провинціямъ Западнаго Китая.

Отношенія къ Кашгару.

РОССІЯ И АНГЛІЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Глава I.

Движеніе Россіи на востокъ. — Взятіе Сарая, Казани и Астрахани. — Строгоновы. — Ермакъ покоряетъ Сибирское царство — Историческая необходимость занятія Средней Азіи. — Башкиры, Киргизы и Калмыки.—Оренбургская и Сибирская линіи. — Виды на Сыръ-Дарью. — Летучіе отряды. — Постоянныя укрѣпленія. — Занятіе устьевъ Сыра ген. Обручевымъ. — Противоположность взглядовъ Оренбургскихъ губернаторовъ. — Планъ соединенія Сибирской линіи съ Оренбургской. — Взятіе Акъ-Мечети. — Славное дѣло капитана Шкупя 18 декабря 1853 г.— Движеніе со стороны Сибири. — Взятіе Пишпека. — Дѣло подполковника Колпаковскаго при Узунъ-агачѣ.— Занятіе Ауліета, Туркестана, Чимкента и Ташкента.— Отправленіе русскаго посольства въ Бухару и вѣроломство Эмира. — Движеніе Черняева къ Джизаку. — Новый губернаторъ. — Взятіе Ходжента, Ура-Тюбе и Джизака. — Образованіе Туркестанскаго генерал-губернаторства. — Высочайшее полномочіе генералъ губернатору.

Движеніе Россіи на востокъ началось еще во время татарскаго ига.

Великій собиратель земли русской — Иванъ III (1462—1505), положивъ краеугольный камень нынѣшнему величію Россіи, сдѣлалъ и первый починъ движенію на востокъ: при немъ въ 1472 завоевана была Пермь (не Біармія ли это? *), а за тѣмъ Вятка и земля Югорская (Сѣв. Зап. Сибирь).

*) Нѣкоторые исторіографы подъ Біармiей разумѣютъ нынѣшнія Архангельскую и Вологодскую губерніи, а Пермь смѣшиваютъ съ землей Югорской. Скандинавскія анналы (лѣтописи) указываютъ, правда, на покореніе Біарміи Новгород-

Распавшись еще при Василіи Темномъ (1425—1462), *Золотая Орда* все еще претендовала на дань и на власть, но соперничество съ нею отпавшихъ царствъ Казанскаго и Крымскаго давало намъ возможность, союзомъ съ ними, парализовать предпріимчивость орды.

Задумавъ уничтожить и самую тѣнь постыднаго ига, Иванъ III заключилъ союзъ съ Менгли Гиреемъ крымскимъ, разорвалъ грамоту сарайскаго хана Ахмата и прогналъ его пословъ. Ахматъ также обезпечилъ себя союзомъ съ Казиміромъ IV Литовскимъ, но крымцы напали на Литву и тѣмъ отвлекли ее отъ содѣйствія Золотой Ордѣ, а русскія дружины, съ другими партіями крымцевъ, напали на Сарай и до тла разметали его. Главныя же силы Россіи и Орды, простоявъ другъ передъ другомъ на берегахъ р. Угры до поздней осени и не рискнувъ первыми перейти рѣку въ виду непріятеля — мирно разошлись 7-го ноября 1480 года. Этотъ день и считается послѣднимъ днемъ ига.

Окончательный же ударъ Кипчакскому царству нанесенъ былъ, 22 года спустя, вѣрнымъ нашимъ союзникомъ Менгли Гиреемъ — въ 1502 году.

Съ устраненіемъ стараго врага отношенія наши къ Казани и Крыму измѣнились: не стѣсняясь болѣе заботами о собственной безопасности — эти сосѣди производили безпрерывные разбойничьи набѣги на пограничныя наши области.

цами, при чемъ разумѣютъ именно сѣверныя страны, но свѣдѣнія о Россіи и теперь то еще не отличаются особенною точностью въ трудахъ иностранцевъ, а тогда и подавно могли ошибаться. Кромѣ того сходство именъ (Біармія, Баремія откуда вѣроятно Бармія, Пармія, Пермія) говоритъ тоже въ пользу нашего предположенія. Наконецъ если и теперь Архангельская губернія населена весьма слабо (на 10 квадратныхъ верстъ приходится только 4 человѣка, а въ Московской 574 чел.), то 400 лѣтъ назадъ населеніе было, конечно, еще рѣже и потому такая страна едва-ли могла послужить яблокомъ раздора между Новгородомъ и Москвою. Другое дѣло Пермь: она доставляла не только дорогіе мѣха, но и серебро, вымѣниваемое въ землѣ Югорской.

Говорятъ еще, что Архангельскія тундры могли быть населены кочевымъ народомъ, который впослѣдствіи куда нибудь откочевалъ и, значитъ, въ свое время эта страна могла быть лакомымъ кускомъ, отрицать этого нельзя, но и доказать трудно.

Хотя воеводы Ивана III и привели Казань въ зависимость отъ Москвы, но казанцы при каждомъ удобномъ случаѣ отъ нея отказывались.

Примѣромъ можетъ служить хоть слѣдующее: въ 1518 году казанскій престолъ сдѣлался вакантнымъ и Василій назначилъ царемъ одного изъ «*служебныхъ*» царевичей *) *Шигъ Алея*, но партія крымская снеслась съ Махметъ Гиреемъ, который въ 1521 году напалъ на Россію, распустившую свои ополченія и дошелъ до самой Москвы. — Казань, раздираемая борьбою партій, снова подчинилась Россіи только черезъ 30 лѣтъ, но когда ей опять навязали того же Шигъ Алея, то она снова отложилась и призвала на престолъ Крымскаго Царевича Эдигера.

Тогда Иванъ IV рѣшился покончить съ Казанью. Да и пора было: Русь уже *собралась* въ могучее цѣлое присоединеніемъ къ Москвѣ: Великаго Новгорода въ 1478 году, Твери въ 1485, Смоленска въ 1514 и Рязани въ 1517. Терпѣть долѣе набѣги и своеволіе татаръ было не для чего.

Въ 1552 году самъ Грозный со 150.000 русскихъ (въ томъ числѣ были и *стрѣльцы* — только что учрежденное постоянное войско) осадилъ Казань и взялъ ее 2-го октября приступомъ, черезъ брешь, образованную взрывомъ сильной мины (48 бочекъ пороху).

Черезъ 4 года т. е. въ 1556 присоединено, и безъ труда, слабое Астраханское царство, возникшее было на развалинахъ Золотой Орды.

Крымскіе ханы однакоже предъявили притязанія на Казань и Астрахань—отсюда рядъ кровавыхъ набѣговъ и войнъ, продолжавшихся 230 лѣтъ до 1783 года, когда Таврическій полуостровъ былъ присоединенъ наконецъ къ Россіи.

---

*) Въ XIV и XV вѣкахъ изъ Золотой Орды выходили къ намъ знатные мурзы и царевичи съ дружинами и поступали на службу къ тому или другому князю русскому. Московскіе князья стали селить этихъ служебныхъ татаръ на юго-восточныхъ окраинахъ, возлагая на нихъ обязанность защищаться самимъ отъ набѣговъ. Такъ на Окѣ образовалось ханство *Кассимовское*.

*

Къ концу царствованія Ивана Грознаго Россія шагнула за *Каменный поясъ*, какъ тогда называли Уральскій хребетъ.

Въ пустынномъ и дикомъ Пермскомъ краю только что заводились тогда русскія поселенія. Одному богатому купцу *Строгонову*, посчастливилось получить отъ царя владѣнную запись на пустыя земли между рѣками Камой и Чусовой, что составляетъ почти половину нынѣшней Пермской губерніи. Строгоновы обязались заселить эти земли, завели здѣсь соляныя варницы и получили право, для защиты края отъ сосѣдей—строить крѣпости, имѣть пушки и держать собственныя войска.

Такимъ образомъ купцы Строгоновы сдѣлались какъ бы ленными владѣтелями довольно обширной страны.

Наемныя войска ихъ состояли изъ всякаго сброда: тутъ были и русскіе, и татары, и плѣнные нѣмцы и литовцы, но ихъ едва хватало для одной только пассивной обороны отъ набѣговъ зауральскихъ татаръ, основавшихъ по Иртышу независимое владѣніе, съ главнымъ городомъ *Искеромъ* или *Сибирью*.

Чтобы дать добрую острастку этой Сибири — нашимъ слѣдовало самимъ перейдти за хребетъ и поразить разбойника сосѣда въ самое сердце. Строгоновы такъ и рѣшили. Они пригласили къ себѣ на службу одну изъ разбойничьихъ шаекъ, спасавшуюся на р. Камѣ отъ царскихъ войскъ. Это была шайка *Ермака*, состоявшая изъ донской вольницы, грабившей по Волгѣ и своихъ и чужихъ.

Нападеніе на персидскихъ и бухарскихъ пословъ, плывшихъ по Волгѣ въ Москву, вынудило Царя принять противъ разбойниковъ крутыя мѣры: казаковъ ловили, вѣшали, топили— и стали казаки разбѣгаться какъ волки...

Понятно съ какою радостью приняли, осужденные на казнь люди, предложеніе Строгоновыхъ и какъ усердно служили они своимъ кормильцамъ: они не только обороняли городки отъ набѣговъ *вогуличей*, *вотяковъ* и *пелыцмевъ*, но и сами дѣлали набѣги на этихъ *«желтокожихъ»*.

Лѣтомъ 1581 Строгоновы предложили Ермаку перевалить за Каменный поясъ и наказать хана *Кучума*.

Предпріятіе это, задуманное безъ вѣдома и позволенія Москвы, было чрезвычайно смѣло: преувеличенное понятіе о силѣ и значеніи инородцевъ, господствовавшее тогда въ Москвѣ, которая даже остяцкихъ и вогульскихъ мурзъ считала князьями, а Кучума самимъ сибирскимъ *царемъ* — грозило Строгоновымъ, въ случаѣ неудачи, большою бѣдою.

Какъ нарочно въ тотъ самый день, 1-го сентября 1581 года, когда Ермакъ съ партіей въ 840 человѣкъ (въ томъ числѣ до 300 плѣнныхъ литовцевъ, нѣмцевъ и татаръ) двинулся на Сибирь — въ тотъ же день толпы дикарей вогуличей, собранныхъ пелымскимъ княземъ, напала на Чердынь и на строгоновскія земли.

Иванъ Грозный отнесся къ предпріятію, какъ и слѣдовало ожидать, весьма строго: «это случилось по вашей измѣнѣ», писалъ царь Строгоновымъ, «вы вогуличей, вотяковъ и пелымцевъ отъ нашего жалованія отвели *) ихъ задирали... потомъ призвали къ себѣ волжскихъ атамановъ и воровъ, наняли ихъ въ свои остроги безъ нашего указа...» Осудивъ всякое движеніе впередъ, всякій набѣгъ и предписавъ настрого ограничиваться одною обороною «Пермскихъ мѣстъ» царь оканчиваетъ: «а не вышлете изъ остроговъ своихъ въ Пермь волжскихъ казаковъ—атамана Ермака Тимофѣева съ товарищами и станете держать ихъ у себя, а Пермскія мѣста не будете оберегать и если такою вашею измѣною что впредь случится... то мы за то на васъ опалу свою наложимъ большую, атамановъ же и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшать».

Грозный шутить не любилъ и потому не трудно сообра-

---

*) Не значитъ ли это, что Иванъ Грозный платилъ этимъ дикарямъ *жалованье*—другими словами *дань* за то только, чтобъ они сидѣли смирно?

зить, чѣмъ рисковали Строгоновы; подозрѣніе въ государственной измѣнѣ—грозило имъ плахой!

Дѣло однакоже было сдѣлано: Ермакъ перешелъ Каменный поясъ и, плывя на стругахъ изъ рѣки въ рѣку (Чусовая, Серебрянная, Жаровля, Тура), углубился въ нѣдра Сибирскаго царства.

Огнестрѣльное оружіе, неизвѣстное дотолѣ сибирскимъ татарамъ, навело на нихъ паническій ужасъ. Ханъ Кучумъ, побитый въ нѣсколькихъ схваткахъ, бѣжалъ въ степи. 26 октября казаки вступили въ пустой городъ Сибирь, а весною докончили завоеваніе. Атаманъ Кольцо, посланный въ Москву «ударить челомъ» *) т. е. поклониться царю Сибирскимъ царствомъ,—былъ торжественно принятъ Грознымъ. Разбойники, приговоренные къ смерти и бѣжавшіе чуть не изъ подъ висѣлицы, эти разбойники осмѣлились явиться передъ строгимъ царемъ, послѣ того какъ прибавили ко всѣмъ прежнимъ винамъ еще новую: самовольное завоеваніе сосѣдняго царства!

Можно было ожидать всего, что угодно, только не того, какъ поступилъ Грозный: онъ не только простилъ казакамъ прошлыя вины, но и одарилъ ихъ. Правда, что депутатамъ предшествовала молва о небываломъ подвигѣ горсти удальцовъ, о баснословныхъ богатствахъ Сибири, полной злата и сребра. Правда и то, что казакамъ простилъ уже самъ народъ, встрѣчавшій депутацію съ горячимъ привѣтомъ, но развѣ это значило что нибудь передъ царемъ, который больше всего хлопоталъ о дисциплинѣ? Не это повліяло на рѣшеніе царя: государственный смыслъ, подсказавшій впослѣдствіи Екатеринѣ II знаменитое «побѣдителя не судятъ», предохранилъ и Грознаго отъ излишняго увлеченія дисциплиной.

Въ годъ смерти Грознаго погибъ и Ермакъ. Бурная ночь и безпечность казаковъ дали Кучуму возможность пробраться въ самый лагерь русскихъ. Захваченные врасплохъ, казаки

*) Подобное выраженіе существуетъ во многихъ языкахъ, напримѣръ, у персовъ: *бе серъ зеденъ* — головою бить или поклониться.

всетаки отбились, но потеряли при этомъ Ермака, который, какъ искусный пловецъ, хотѣлъ было переплыть Иртышъ, но тяжеловѣсный подарокъ Грознаго—кольчуга—увлекла его на дно.

Послѣ этой катастрофы всѣ покоренныя племена возстали и казаки вынуждены были уйти назадъ въ Россію, гдѣ соединились съ царскими воеводами и тогда снова взяли Искеръ.

Впослѣдствіи русское правительство обезпечило за собою новопокоренную страну возведеніемъ крѣпостей: Тобольска, Томска, Нерчинска и Иркутска.

Чрезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ появленія русскихъ за хребтомъ—вся *Сѣверная Азія* уже принадлежала Россіи по самую Камчатку. Эта же послѣдняя присоединена только въ 1697 году.

Не то мы видимъ въ *Средней* Азіи: Сибирь мы заняли, такъ сказать, *съ налета*, отъ степей же Средней Азіи—открещивались сколько могли. Судьба толкала насъ къ Аральскому морю, а мы упирались, не шли. Надобны были цѣлыя столѣтія смутъ, набѣговъ, погромовъ со стороны дикихъ ордъ, чтобы вывести насъ изъ терпѣнія, заставить насъ двинуться впередъ, отказаться отъ страдательной роли, въ которую ставила насъ пассивная оборона. Первые шаги наши были не смѣлы, мы подвигались ощупью, мы жалѣли насиженнаго мѣста и только въ крайности рисковали перенести осѣдлость на передовой пунктъ нашей границы. Но кочевники о будущемъ не думали, уроки же прошедшаго указывали намъ, что единственный путь къ обезпеченію нашей восточной окраины—лежитъ *впереди*. Исторія посылала насъ впередъ, кочевники насъ *звали* своими набѣгами—мы же сдѣлаемъ шагъ и остановимся. Въ этой борьбѣ съ исторической необходимостью и заключается весь интересъ нашего движенія въ Среднюю Азію. Очертимъ же его въ краткихъ словахъ.

Вскорѣ по завоеваніи Казани—башкиры или бесерги *),

*) Не отсюда ли слово *бесерменъ*, *басурманъ*, *бусурманъ*?

бывшіе до того ея данниками, приняли подданство Россіи, но ни чуть не стѣснялись дѣлать на нее набѣги. Русскіе вынуждены были наконецъ возводить укрѣпленія вокругъ пограничныхъ селъ и даже *непрерывные валы* отъ села къ селу. Такимъ образомъ, одолѣвъ одного врага, Россія тотчасъ же должна была справляться съ другимъ: за Золотой Ордой—съ Казанью, за Казанью—съ башкирами и т. д. Въ этомъ какъ будто и состоитъ ея дальнѣйшее призваніе: орда за ордою, являются къ ея предѣламъ, стучатся, такъ сказать, въ дверь Европы, но суровый стражъ безцеремонно выпроваживаетъ непрошеннаго гостя!

Съ этихъ поръ даже и до слуха Европы не доходитъ зловѣщій гулъ «великихъ переселеній вооруженныхъ народовъ, но до нея не доходятъ также и стоны нашихъ пограничныхъ селъ, къ которымъ прислушивается, съ которыми страдаетъ только одна Россія...

Кипчаки, башкиры, калмыки и киргизы, по очереди, разбились о незыблемую мощь русскаго народа, избавившаго себя, а съ тѣмъ вмѣстѣ и Европу отъ ужасовъ нашествія дикихъ ордъ, способныхъ напомнить и Аттилу и Батыя.

Отбиваясь отъ дикарей, Россія или—еще точнѣе—какой нибудь Новошемшинскъ заботился, конечно, только о самомъ себѣ, а объ Европѣ и не помышлялъ, но этотъ Новошемшинскъ и не ищетъ «ни благодарности, ни славы» какъ не ищутъ этого наши соплеменники — чехи и моравы, побившіе монголовъ, въ 1241 г. подъ Оломуцемъ и тѣмъ спасшіе и себя и Европу отъ погрома!

Исторія дальнѣйшаго движенія нашего на востокъ характеризуется въ общихъ чертахъ такимъ образомъ: сосѣдство съ дикими, непризнающими ни международныхъ и *никакихъ* правъ, кромѣ права силы — вынуждало насъ укрѣплять границу линіею крѣпостей; подъ защиту этихъ крѣпостей являлись по временамъ, съ просьбою о правахъ гражданства, то есть *о защитѣ*—дикія племена, тѣснимыя болѣе сильными; эти новые подданные чрезъ нѣсколько времени оказывались

хуже враговъ; намъ приходилось или задавить ихъ окончательно, или прогнать, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ необходимо было оцѣпить занятую ими территорію рядомъ новыхъ укрѣпленій—являлась, значитъ, новая линія.

Такъ *перекатными* линіями и подвигается Русь на востокъ, въ тщетной погонѣ за спокойствіемъ. И не найдетъ она этого спокойствія, пока не дойдетъ до народа, уважающаго договоры, народа на столько цивилизованнаго, чтобы не жить грабежемъ и разбоемъ, и на столько сильнаго, чтобъ не допускать нарушенія нашихъ границъ разбойничьими набѣгами своихъ шаекъ.

Такая программа, созданная степями и дикими ордами, т. е. географическими и историческими условіями, была принята нами путемъ роковой необходимости и примѣнена впервые къ башкирамъ: когда ни укрѣпленія селъ нашихъ, ни даже непрерывные валы не въ состояніи были удержать ихъ отъ набѣговъ и разбоевъ — рѣшено было оцѣпить ихъ укрѣпленіями. При Аннѣ Ивановнѣ возникла на р. Яикѣ и его притокамъ — Оренбургская линія. Башкиры были отрѣзаны отъ степей и замкнуты въ *настоящее* подданство.

Что теперь слышно о башкирахъ? — Это самый смирный народъ.

Пойдемъ далѣе. За Яикомъ сновали *казаки* или по нашему *киргизы*, а по офиціальному – *киргизъ-кайсаки*. Тѣснимые *дзюнгарами* (иначе: джюнгары, калмыки), киргизы еще въ 1718 году искали защиты у Россіи и просили принять ихъ въ подданство. Помочь имъ мы были не въ силахъ и вотъ началось переселеніе народовъ: дзюнгары заняли Туркестанъ и долину Сыръ-дарьи. — Малая орда потянулась на сѣверо-западъ къ рѣкамъ Эмбѣ и Яику. Передовые развѣдчики проникли и за Яикъ, сообщая своимъ соплеменникамъ самыя утѣшительныя вѣсти о плодородіи приволжскихъ степей и обилія пастбищъ.

Часть киргизовъ, подъ предводительствомъ самого хана *Абулъ-Хаира*, доходила уже до *Новошемшинска* (Казанской

губерніи). Киргизы разорили этотъ городъ и хотя были прогнаны, однако захватили съ собою много русскихъ плѣнныхъ.

Россіи грозило, такимъ образомъ, новое нашествіе...

Но времена уже перемѣнились: границы наши не были уже такъ беззащитны, какъ прежде, и на этотъ разъ яицкая цѣпь сдержала напоръ милліонной орды. Мстя за набѣги набѣгами, удалые яицкіе казаки, отстояли свои луга отъ потравы, свои села отъ разоренія, свои семьи отъ неволи, а вмѣстѣ съ тѣмъ отстояли и Россію отъ многихъ бѣдъ.

Одно изъ племенъ дзюнгорскихъ—*торгоуты* отдѣлилось отъ остальныхъ еще въ 1621 г. и послѣ разныхъ мытарствъ поселилось въ степяхъ юго-восточной Россіи, между рѣками Ураломъ, Волгою и Дономъ. Правительство наше охотно приняло пришельцевъ, разсчитывая, что они послужатъ оплотомъ Россіи противъ вторженія непрошенныхъ ордъ. Калмыкамъ однакоже пришлось дать нѣсколько уроковъ, пока они научились наконецъ смотрѣть съ уваженіемъ на государство ихъ пріютившее.

Эти-то калмыки и пригодились намъ во время нашествія киргизовъ: отстаивая свои земли отъ насильственнаго дѣлежа съ новыми пришельцами—они, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказали и намъ немалую услугу.

Въ такомъ-же положеніи очутились и башкиры.

Надъ киргизами собралась гроза: яицкіе казаки, волжскіе калмыки и башкиры отбивали ихъ отъ своихъ пастбищъ и кочевокъ, а дзюнгары неотступно гнали ихъ съ одной кочевки на другую.—Киргизы бѣгали ото всѣхъ, «какъ зайцы отъ борзыхъ собакъ». Это ихъ собственное сравненіе.

Мало по малу все успокоилось и киргизы остались притиснутыми къ нашимъ границамъ:—Малая Орда примкнула къ самому Яику, а средняя къ р.р. Ори и Ую, что касается Большой Орды, то она вынуждена была подчиниться дзюнгарамъ.

И такъ, Оренбургская линія свое дѣло сдѣлала.

Не то было съ Сибирскою линіею. Всякому извѣстно, что

при выборѣ мѣста подъ укрѣпленіе приходится подумать о весьма многихъ условіяхъ, которымъ необходимо удовлетворить. Разныя стратегическія и политическія соображенія при этомъ должны уступать географическимъ условіямъ страны, а въ числѣ этихъ условій, первое мѣсто занимаетъ вода.—Всѣ рѣки Сибири принадлежатъ къ бассейну Ледовитаго моря и текутъ, такъ сказать, по направленію географическихъ долготъ отъ Юга къ Сѣверу, уклоняясь отъ этого общаго направленія, только въ частностяхъ. Это обусловило и положеніе нашихъ укрѣпленій со стороны Средней Азіи: врѣзываясь по рѣкамъ въ глубь степей, цѣпи укрѣпленій образовали такимъ образомъ цѣлую систему корридоровъ, ничѣмъ не перегороженныхъ. Будучи связаны съ центральными административными пунктами, сибирскія цѣпи были крѣпки *по долготѣ* и слабы *по широтѣ*, ибо укрѣпленія сосѣднихъ линій не имѣли поперечной связи, за безводіемъ раздѣлявшихъ ихъ степей.

Въ эти корридоры безпрепятственно проникали шайки грабителей, опустошавшихъ наши поселенія.

Сибирская линія не могла примкнуть и къ Оренбургской: отъ оконечности линіи по р. Ую, впадающему въ Тоболъ до оконечности Оренбургской линіи по р. Ори, впадающей въ Уралъ, оставался также большой промежутокъ. Заперетъ эти ворота было нечѣмъ, отряды, ежегодно высылавшіеся въ степь—не помогали и вотъ въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка, по мысли Оренбургскаго генералъ-губернатора Перовскаго,—предпринята была работа, достойная Рима и Китая:—начатъ *непрерывный валъ*! Въ 1836 году онъ уже вытянутъ былъ на 18 верстъ. Строили его башкиры по наряду. Правда, это не то, что знаменитая китайская стѣна, это не то, что Трояновъ валъ, но противъ киргизъ считалось достаточнымъ и 6 футовъ высоты. Тѣмъ не менѣе предпріятіе почему-то было оставлено.

Очевидно было, что пока не примкнемъ къ *естественной* границѣ, до тѣхъ поръ на спокойствіе разсчитывать нечего.—

Горъ впереди Сибирской и Оренбургской линій не было; подходящими рѣками, были только — Сыръ-дарья и Чу.

Давно уже сами киргизы звали насъ на р. Сыръ. Имъ хотѣлось имѣть среди своихъ кочевокъ опорный пунктъ противъ набѣговъ сосѣдей, хотѣлось имѣть рынокъ, гдѣ бы они могли пріобрѣтать мануфактурныя издѣлія и сбывать свое сырье. Первый-же ханъ, принявшій наше подданство—извѣстный Абулъ-Хаиръ— настойчиво просилъ устроить при устьѣ Сыра русскую крѣпость и непремѣнно съ пушками, которыми онъ надѣялся кстати и поддержать свою власть. Въ 1740 году послана была къ нему партія, подъ начальствомъ драгунскаго поручика Гладышева, для осмотра и выбора мѣста подъ укрѣпленіе. Этимъ осмотромъ дѣло и кончилось: выносить укрѣпленіе за 1000 верстъ впередъ, можно было не иначе, какъ привязавъ его нитью укрѣпленій къ линіи, нить-же эта легко могла быть порвана при тогдашней слабости русскаго элемента въ Оренбургской окраинѣ.

Наши оренбургскіе губернаторы, назначавшіеся нерѣдко изъ людей мало подготовленныхъ, смотрѣли на дѣло вкривь и вкось и лучшею методою управленія считали самую простую: поступать какъ разъ наоборотъ предположеніямъ предшественника...

Оно и правда: нѣтъ ничего легче, какъ бранить огуломъ все, что до насъ было дѣлано и что предполагалось.

Я не буду перечислять всѣхъ ошибокъ, надѣланныхъ тѣмъ или другимъ изъ неудачныхъ губернаторовъ и остановлюсь только на вопросѣ объ укрѣпленіяхъ.

За малыми исключеніями почти всѣ губернаторы держались того мнѣнія, что съ ордынцами можно справиться ихъ же способомъ: набѣгами. Представимъ себѣ такую картину: чумекеевцы расчебарили нашихъ башкиръ и потянулись съ барантой во свояси, но мы вступаемся и высылаемъ въ степь отрядъ... Обыкновенно въ такихъ случаяхъ виноватые успѣютъ откочевать по—далѣе, въ предѣлы Хивы или Бухары, а *подъ руку* попадаются, только невинные, какіе-нибудь чеклинцы,

которые считаютъ себя не подлежащими возмездію и потому остаются на своихъ мѣстахъ. Но такъ какъ рѣшить вопросъ виноваты они, или нѣтъ — предоставлено начальнику отряда, какому-нибудь казачьему офицеру — то отрядъ почти всегда возвращается съ барантой и съ *отличіемъ*, т. е. со славою. Расчебаренные чеклинцы являются на линію мстить, въ погоню за ними посылается другой отрядъ, который настигаетъ положимъ бейбулатовцевъ и громитъ ихъ... Счеты запутываются.

Ни одна изъ потерпѣвшихъ сторонъ въ долгу не остается, но возмѣщаетъ свои убытки на первомъ попавшемся. Спасаясь затѣмъ отъ преслѣдованія, партія конечно спѣшитъ, захваченныя стада изнуряются и скотъ начинаетъ падать.

Въ концѣ концовъ — всѣ остаются въ убыткѣ.

Если дѣло не ограничивается барантой, а развертывается въ открытое возстаніе, то наши летучіе отряды лишаются и такихъ громкихъ лавровъ, каковы побѣды надъ мирными аулами: тогда уже *мирныхъ* нѣтъ—всѣ на сторожѣ, всѣ ждутъ, и то нападаютъ врасплохъ, то улепетываютъ въ безпредѣльныя степи.

Образцомъ такого образа дѣйствій служитъ возстаніе Кенисары Касимова, въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Отрядъ за отрядомъ высылались въ степь со стороны Оренбурга и Сибири, а Кенисара вертѣлся и юлилъ въ виду этихъ отрядовъ, ускользая отъ преслѣдованія. Зимняя экспедиція Перовскаго противъ Хивы въ 1839 г. доказала, какъ нельзя лучше, что безъ надежныхъ укрѣпленій, длинныхъ походовъ предпринимать нельзя. Опытъ прежняго времени и неудачи настоящаго—убѣдили наконецъ, Обручева, что ни султаны правители ни летучіе отряды, ни кротость, ни жестокость, ни дипломатія—ни сила, ничто не въ состояніи подчинить намъ киргизовъ, пока ихъ лѣтовки и зимовки не будутъ въ нашихъ рукахъ. Другими словами: Обручевъ додумался до стараго способа, испытаннаго уже надъ башкирами—оцѣпить киргизъ укрѣпленіями.

Въ 1845 г. построены: *Оренбургское* укр. на р. Тургаѣ

и *Уральское* на р. Иргизѣ; въ 1847 г., близь устья р. Сыръ-Дарьи основано укр. *Раимъ,* переименованное впослѣдствіи въ Аральское, а потомъ въ 1855 г., перенесенное Перовскимъ—и прибавимъ: совершенно напрасно—на урочище Казалу. Въ 1848 г. построены укр. *Карабутакъ,* для связи Уральскаго укр. съ линіею и *Косъ-Аралъ* на Аральскомъ морѣ, для поддержки учрежденной тогда частной компаніи рыболовства, которая завела было свои суда, но скоро лопнула, а затѣмъ и фортъ Косъ-Аралъ былъ упраздненъ.

Съ устройствомъ фортовъ, на пути отступленія барантовщиковъ—набѣги на линію дѣйствительно прекратились.

Обручевъ заказалъ въ Швеціи два парохода, которые и привезены въ разобранномъ видѣ въ Раимъ. Первымъ былъ спущенъ пароходъ Перовскій въ 1853 году.

Дальнѣйшія предположенія Обручева заключались въ занятіи Акъ-Мечети и Хивы. Съ занятіемъ устьевъ Сыра, мы очутились въ сосѣдствѣ съ Хивою, Бухарою и Коканомъ. Изъ нихъ только Бухара сидѣла спокойно, остальные двое сосѣдей безпрестанно тревожили нашихъ киргизовъ и дѣлали набѣги. Въ особенности надоѣдали коканцы, державшіе изъ Акъ-Мечети въ страхѣ все населеніе. Записку о своихъ предположеніяхъ Обручевъ подалъ въ мартѣ 1851 г. и тотчасъ былъ замѣненъ Перовскимъ, который подвергнулъ записку строгой критикѣ и совершенно осудилъ всю систему дѣйствій Обручева.—Даже возведеніе укрѣпленій оказалось мѣрою невыгодною сравнительно съ летучими отрядами. Но что всего любопытнѣе, такъ это то, что любимая мечта Перовскаго—новый походъ въ Хиву—была признана имъ, на этотъ разъ, неосуществимою, тогда какъ съ занятіемъ устьевъ Сыръ-Дарьи,—мы стояли уже вчетверо ближе чѣмъ въ 1839 г. Можно, кажется быть увѣреннымъ, что не предложи этого Обручевъ—первымъ дѣломъ Перовскаго было бы именно занятіе Хивы...

Почти одновременно съ запискою Обручева, императору Николаю представлено было генералъ-адъютантомъ Анненковымъ «обозрѣніе киргизской степи», въ которомъ предлагалось возобновить линію Аягузо-акмолинскую, снятую въ 1838 г. по случаю разбоевъ Кенисары. При этомъ лѣвый флангъ линіи Анненковъ считалъ полезнымъ передвинуть къ р. Чу, а правый къ р. Сыръ-Дарьѣ.—Промежутокъ, оставшійся между этими естественными границами охранять было, конечно, легче, чѣмъ все пространство отъ Акмоллы до Орска.

Николай Павловичъ одобрилъ эту мысль, но когда спрошены были Оренбургскій и Западно-Сибирскій генералъ губернаторы (Перовскій и Гасфордъ) и когда первый высказался противъ проекта и воообще противъ укрѣпленій, то и государь приказалъ Гасфорду отложить сдѣланныя, было имъ распоряженія о занятіи р. Или.

Однакоже, рекогносцировка р. Сыра была рѣшена, и въ 1852 полковникъ Бларамбергъ съ 469 человѣками, при 2-хъ орудіяхъ, подступилъ къ Акъ-Мечети, штурмовалъ эту крѣпостцу и былъ отбитъ, съ урономъ въ 72 человѣка.

Въ слѣдующемъ году двинулся самъ Перовскій съ 2168 человѣками при 12 орудіяхъ и 5-ти мортирахъ и послѣ правильной осады, продолжавшейся 22 дня, взялъ это кокански гнѣздо, гдѣ сидѣло всего 250 человѣкъ горнизона.

Коканцевъ осталось въ живыхъ только 74 человѣка, да и то изъ нихъ 35 было раненыхъ. Мы потеряли 106 человѣкъ убитыми и ранеными.

Такимъ образомъ, шагъ къ соединенію Оренбургской линіи съ Сибирскою былъ сдѣланъ, но самому соединенію Перовскій противился всѣми мѣрами, хотя уже не могъ приводить противъ него довода о *безполезности* укрѣпленій, такъ какъ самъ, въ годъ взятія Акъ-Мечети, построилъ на Сыръ-Дарьѣ сразу 4 форта! Упрямство Перовскаго, а затѣмъ интриги англичанъ во время восточной войны — отдалили дѣло соединенія границъ до 1864 года.

Кромѣ Перовскаго и англичанъ дѣлу этому весьма усердно противодѣйствовали и коканцы. Это, впрочемъ, было съ ихъ стороны вполнѣ законно: свою границу мы намѣревались проводить по ихъ территоріи.

Коканцы начали съ того, что въ годъ взятія у нихъ Акъ-Мечети попытались отнять ее обратно. 14 декабря скопище въ 13000 человѣкъ при 17 мѣдныхъ орудіяхъ подступило къ форту, гдѣ тогда находилось 1055 человѣкъ гарнизона при 14 орудіяхъ и 5 мортирахъ. Укрѣпленіе наше еще не было окончено и выдержать осады не могло. Поэтому комендантъ форта подполковникъ Огаревъ рѣшился произвести вылазку. 18 числа на разсвѣтѣ 550 человѣкъ, при 4 орудіяхъ и 2-хъ ракетныхъ станкахъ, выступили изъ форта подъ командою капитана *Шкупя*. Коканцы, замѣтивъ малочисленность отряда, вздумали воспользоваться численнымъ превосходствомъ своимъ и начали обхватывать фланги и заходить въ тылъ, чтобы совершенно отрѣзать отрядъ отъ форта. Охотниковъ дѣйствовать въ тылу русскихъ оказалось такъ много, что въ центрѣ, т. е. при орудіяхъ и въ лагерѣ, толпы значительно порѣдѣли. Шкупь немедленно этимъ воспользовался: оставивъ на позиціи только *3 взвода* пѣхоты (т. е. 110 чел.) и *одну* сотню казаковъ, съ остальными *6-ю взводами* (до 230 чел.) и *одною* сотнею онъ бросился впередъ, опрокинулъ непріятельскихъ стрѣлковъ и захватилъ всѣ 17 орудій и весь лагерь. Въ то же время, на помощь къ оставшимся на позиціи взводамъ, подоспѣли двѣ небольшихъ вылазки каждая въ 80 чел. при 1 орудіи, которыя и ударили въ тылъ обходившимъ коканцамъ.

Непріятель потерялъ до 2000 убитыми и ранеными, 7 знаменъ, 17 орудій и 130 пудовъ пороху. Наша потеря ограничилась 18 убитыми и 49 ранеными.

Героемъ дня, по всей справедливости, былъ капитанъ Шкупь, распоряжавшійся дѣломъ вполнѣ самостоятельно. За это онъ и былъ произведенъ въ маіоры, а подполковникъ Огаревъ, за удачный выборъ исполнителя, произведенъ былъ прямо въ генералы и получилъ георгіевскій крестъ...

Это было первое громкое дѣло наше, показавшее какъ надобно драться съ коканцами. Цѣлыхъ семь лѣтъ коканцы сидѣли смирно и только въ 1860 году рискнули еще разъ попытать счастія, но уже къ сторонѣ Сибири. Нерѣшительное

нападеніе ихъ на Кастекъ окончилось неудачею и если они не понесли большихъ потерь, то единственно благодаря поспѣшности, съ какою они покидали свои позиціи.

Вслѣдъ за тѣмъ зачуйскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Цимермана, взялъ укр. Токмакъ и Пишпекъ, которыя и были срыты. Но когда отрядъ возвратился на линію, слѣдомъ за нимъ явилось и скопище коканцевъ — тысячъ въ 20, съ 10 орудіями. Начальникъ Алатавскаго округа, подполковникъ *Колпаковскій*, собравъ наскоро 3 роты и 4 сотни при 6 орудіяхъ и 2 ракетныхъ станкахъ, совершенно разгромилъ коканцевъ на уроч. *Узунъ-агачъ*. Наша потеря ограничилась 1 убитымъ и 26 ранеными. Непріятель потерялъ до 1.500 чел. — Артиллерія коканская не могла участвовать въ дѣлѣ и потому не досталась въ наши руки.

Это было второе замѣчательное дѣло. Тонъ былъ заданъ, и во всѣхъ послѣдующихъ столкновеніяхъ коканцы относились къ намъ съ видимымъ почтеніемъ. Въ 1863 году оренбургскія войска произвели рекогносцировку къ Туркестану, а сибирскія — къ Ауліе-ата. На основаніи добытыхъ свѣдѣній рѣшено было вести границу по сѣверному склону хребта Каратау, выше городовъ Ташкента и Туркестана.

Занятіе такихъ незначительныхъ укрѣпленій каковы: Акъ-Мечеть, Токмакъ, Пишпекъ, Ауліе-ата, конечно, не могло никому броситься въ глаза, тѣмъ болѣе, что эти названія даже не встрѣчались на многихъ англійскихъ картахъ. Другое дѣло Чимкентъ и Туркестанъ — города старые, извѣстные, способные надѣлать шума...

Приведеніе плана въ исполненіе возложено было на полковниковъ: Черняева и Веревкина. Первый, съ сибирскими войсками, долженъ былъ занять Ауліеата, а второй, съ оренбургскими, города: Сузакъ и Чулакъ-Курганъ.—Программа была выполнена съ такимъ усердіемъ, что сверхъ названныхъ городовъ въ нашихъ рукахъ оказались еще Туркестанъ и Чимкентъ....

Начальникомъ только что учрежденной Новококанской линіи

былъ сдѣланъ генералъ Черняевъ, который скоро вошелъ въ сношенія съ жителями города Ташкента, имѣя въ виду поддержать въ немъ анти-коканскую партію.

Дѣйствительно: городъ съ 200,000 жителей (какъ тогда считалось), богатый своею торговлею съ Россіей, Бухарой и Коканамъ, пользовавшійся когда-то полною независимостію и очутившійся теперь въ 120 верстахъ отъ нашей границы — не долженъ былъ доставаться ни Бухарѣ, ни Кокану. Самымъ лучшимъ, по мнѣнію Черняева, было бы образовать изъ Ташкента самостоятельное владѣніе. Это мнѣніе раздѣляла и такъ называемая «русская партія», обѣщавшая отворить намъ ворота. Обѣщаніе это, впрочемъ, исполнено не было и потому, когда Черняевъ взялъ городъ штурмомъ (15-го іюня 1865 года) — онъ считалъ себя ничѣмъ не связаннымъ.

Я не стану приводить здѣсь подробностей этого славнаго штурма. Довольно сказать, что городъ, окруженный стѣной въ 24 версты длиною, распологавшій 30,000 вооруженныхъ защитниковъ и 63-мя орудіями, былъ взятъ русскимъ отрядомъ въ 1951 человѣкъ при 12 орудіяхъ.

За мѣсяцъ до штурма, подъ Ташкентомъ, разбитъ былъ и самъ регентъ коканскаго ханства Алимъ-кулъ. Съ этого времени коканцы уже не ввязываются въ борьбу и стоятъ въ сторонѣ. За то на сцену выступаютъ бухарцы. Кто надоумилъ ихъ встать на защиту мусульманскихъ интересовъ неизвѣстно, но они встали и жестоко за то поплатились. Первое, что они заявили—состояло въ требованіи очистить Ташкентъ и Чимкентъ, впредь до полученія отъ Бѣлаго Царя окончательнаго слова — въ противномъ случаѣ намъ грозили «священной войной»—то есть возстаніемъ всѣхъ мусульманъ.

Въ отвѣтъ на это Черняевъ арестовалъ бухарскихъ купцовъ, проживавшихъ въ занятыхъ нами городахъ, а затѣмъ просилъ распространить эту мѣру и на Сыръ-Дарьинскую линію и на Оренбургскій Округъ. Все дѣло стояло за тѣмъ, что бухарцы не хотѣли вести переговоровъ съ Черняевымъ

и настаивали на непосредственныхъ сношеніяхъ съ Высочайшимъ Дворомъ, чего наше правительство допускать не желало.

Чтобы поставить, такъ или иначе, на своемъ — бухарцы подвели весьма искусную махинацію: они сами просили Черняева прислать къ нимъ посольство изъ офицеровъ и намекнули, что къ нимъ прибыли какіе то европейцы чрезъ Авганистанъ... Это обстоятельство соблазнило Черняева. Къ тому же просьба о присылкѣ посольства была похожа на косвенное согласіе вести переговоры уже не въ Петербургѣ, а въ Ташкентѣ.

Заполучивъ въ свои руки злополучное посольство, эмиръ заговорилъ другимъ языкомъ: онъ потребовалъ дальнѣйшаго пропуска его посла, задержаннаго въ Казалѣ и обѣщалъ отпустить нашу миссію только тогда, когда посолъ его благополучно возвратится изъ Петербурга. — И такъ посольство превратилось въ залогъ.

Чтобы выручить это посольство, Черняевъ предпринялъ зимнюю экспедицію къ Джизаку, но не рискнулъ на штурмъ изъ опасенія ухудшить положеніе миссіи. — 11-го февраля Черняевъ отступилъ изъ подъ Джизака, не зная ничего о томъ, что уже 10-го изъ Петербурга выѣхалъ ему на смѣну редакторъ Русскаго Инвалида генералъ Романовскій.

Дальнѣйшія событія быстро слѣдовали одно за другимъ: Иржарскій бой, штурмъ Ходжента, Ура-тюбе и Джизака—все это совершилось въ промежутокъ отъ 8 мая по 18-е октября 1866 же года — и составило конечно одну изъ блестящихъ страницъ нашей военной исторіи.

Вскорѣ затѣмъ изъ всѣхъ ново-пріобрѣтенныхъ земель образованъ былъ особый военный округъ, начальникомъ котораго назначенъ былъ извѣстный уже по своей дѣятельности въ Вильнѣ—генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й.

Завоевано было уже такъ много, что казалось-бы пора и остановиться, пора осмотрѣться да подумать: объ упроченіи за собой всего завоеваннаго, объ организаціи мѣстнаго

управленія, о развитіи богатыхъ средствъ края.—Эта задача и выпала на долю генерала фонъ-Кауфмана.

Государь Императоръ почелъ за благо снабдить туркестанскаго генералъ-губернатора политическимъ полномочіемъ на веденіе переговоровъ и заключеніе трактатовъ со всѣми ханами и независимыми владѣтелями Средней Азіи.

Такое полномочіе составляетъ весьма замѣтный фазисъ въ исторіи нашихъ внѣшнихъ сношеній, но оно было неизбѣжно вслѣдствіе отдаленности края, исключающей всякую возможность ожидать каждый разъ указаній. Кромѣ того, всѣ эти нищіе ханы дѣлаютъ изъ посольствъ выгодную аферу: нужно ли, нѣтъ ли, а посолъ за посломъ плетутся ко Двору въ чаяніи подарковъ. Такъ дѣйствовали ханы искони и правительство вынуждаемо было ограничивать право присылки пословъ напримѣръ трехлѣтнимъ срокомъ. Въ промежутокъ всѣ дѣла велись непосредственно пограничными властями. Въ дальнѣйшемъ очеркѣ современныхъ отношеній нашихъ къ средне-азіятскимъ ханствамъ мы надѣемся достаточно ярко очертить теперешнее направленіе нашей политики.

Глава II.

Переговоры съ Бухарою.—Проектъ договора, составленный генералами Крыжановскимъ и фонъ-Кауфманомъ.—Появленіе шаекъ.—Плѣнъ поручика Служенко.—Новые переговоры.—Рекогносцировка отъ Джизака къ Ухуму.—Слухи о сношеніяхъ эмира съ Кашгаромъ, Коканомъ, Авганистаномъ и Хивою.—Финансовыя мѣры эмира.—Безпорядки въ Бухарѣ.—Провозглашеніе газата.—Занятіе русскими Самарканда и Катты-Кургана.—Новыя условія мира.—Необходимость удержать за собой Самаркандъ.—Стратагема бухарцевъ: одновременное нападеніе на Катты-Курганъ, Самаркандъ и Яны-Курганъ.—Эмиръ сдается со всей артиллеріей и наличными войсками.—Капитуляція не принята.—Мирный договоръ.—Возмущеніе Катты-Тюри, старшаго сына Эмира.—Помощь, оказанная эмиру русскими.—Занятіе Карши и возвращеніе его бухарцамъ. Затрудненія эмира по взносу контрибуціи.

Современно учрежденію Туркестанскаго генералъ-губернаторства, шли переговоры между эмиромъ и оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ о заключеніи мирнаго трактата, который, въ общихъ чертахъ, удостоился Высочайшаго одобренія и такъ какъ политическое полномочіе на право веденія войны и заключенія мира было передано новому начальнику туркестанскаго края, то трактатъ этотъ предоставлено было подписать генералу Крыжановскому, но только по совмѣстномъ обсужденіи и соглашеніи съ генераломъ фонъ-Кауфманомъ. Проектированный трактатъ состоялъ изъ десяти статей, но генералъ фонъ-Кауфманъ счелъ необходимымъ включить еще двѣ: о свободномъ допускѣ во всѣ города Бухаріи и покровительствѣ русскимъ торговымъ людямъ, а также о порядкѣ будущихъ сношеній эмира *исключительно* только съ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. Кромѣ того, право пріобрѣтенія русскими подданными недвижимыхъ имуществъ въ Буха-

ріи было оговорено необходимостью имѣть для этого разрѣшеніе отъ туркестанскаго генералъ-губернатора. Наконецъ, по вопросу о границахъ, генералъ фонъ-Кауфманъ счелъ возможнымъ, и даже необходимымъ, уступить бухарцамъ только что взятую у нихъ крѣпость Яны-Курганъ, расположенную по ту сторону Нуратынскихъ горъ, въ 7 верстахъ впереди выхода изъ Джизакскаго ущелья. Нисколько не обезпечивая Джизакъ водою, крѣпость эта, выступающимъ изъ линіи положеніемъ своимъ, какъ бы вызывала эмира на борьбу. Такъ какъ эмиръ прямо объявилъ нашимъ властямъ въ Джизакѣ и повторялъ это въ письмахъ къ Крыжановскому, что онъ до тѣхъ поръ не распуститъ войска, пока мы не очистимъ Яны-Кургана, то, не желая подавать повода къ столкновеніямъ и въ видахъ упрочить давно желанный миръ, генералъ фонъ-Кауфманъ рѣшился на эту уступку тѣмъ охотнѣе, что въ письмахъ къ эмиру, онъ обусловилъ эту уступку подписаніемъ и исполненіемъ со стороны эмира, заключеннаго нами договора, и потому отступленіе наше не могло бы быть истолковано какъ признакъ нашей слабости. Перечисленныя выше измѣненія были приняты генераломъ Крыжановскимъ и, подписанный имъ 14 сентября 1867 г., трактатъ былъ врученъ Бухарскому послу. Въ статьѣ 1-й устанавливалась новая граница Россійской имперіи съ Бухарою по хребту Кашгаръ-давану, со включеніемъ ущелья Джиланъ-уты, далѣе по Нуратынскимъ горамъ до песковъ Кизылъ-кумъ, оттуда къ горамъ Буканъ-тау и наконецъ къ устью Сыръ-дарьи. Въ статьѣ 2-й договаривающіяся стороны предоставляли себѣ право командировать довѣренныхъ лицъ для точнѣйшаго опредѣленія границъ на мѣстѣ; статья 3-я обязывала обѣ стороны принимать всѣ мѣры для взаимнаго обезпеченія противъ самовольныхъ вторженій и набѣговъ пограничныхъ бековъ, шаекъ грабителей и т. п. статьею 4-ю подданнымъ обѣихъ договаривающихся сторонъ разрѣшался свободный пропускъ во всѣ города Россіи и Бухаріи; статья 5-я обязывала эмира уравнять нашихъ подданныхъ въ платежѣ караванныхъ и другихъ сборовъ съ подданными ханства; статья 6-я опредѣляла право Русскихъ подданныхъ заводить, гдѣ пожелаютъ, караванъ-сараи, ни для кого неприкосновенные; статья 7-я обязывала эмира допускать русскихъ *караванъ-башей* *) во всѣхъ городахъ, гдѣ это признается нужнымъ; статья 8-я касалась права русскихъ подданныхъ селиться и пріобрѣтать недвижимыя имущества въ бухарскихъ владѣніяхъ, съ разрѣшенія туркестанскаго генералъ-губернатора; статьею 9-ю требовалось, чтобы судъ и расправа надъ русскими подданными, совершившими преступленія въ Бухарѣ, принадлежали не бухарскимъ властямъ, а туркестанскому генералъ-губернатору; статья 10-я обязывала эмира принять мѣры къ обезпеченію русскихъ каравановъ отъ разбойническихъ нападеній; статья 11-я опредѣляла порядокъ будущихъ сношеній, письменныхъ и личныхъ между договаривающимися сторонами; статья 12-я заключительная, касалась обоюднаго обязательства хранить свято и ненарушимо подписанный трактатъ.

Тому же послу генералъ фонъ-Кауфманъ вручилъ письмо къ эмиру, котораго увѣдомлялъ о своемъ назначеніи и о желаніи поддерживать мирныя отношенія съ сосѣдями, но при этомъ счелъ необходимымъ прибавить слѣдующее: «война противна моему Государю, но она, по волѣ Его, неизбѣжна, если сосѣди не соблюдаютъ святости договоровъ и неприкосновенности границъ и несправедливо поступаютъ съ Его подданными. Недавнее прошлое да послужитъ тому примѣромъ и да удержитъ оно каждаго отъ вражды съ Россіею». Вмѣстѣ съ письмомъ, послу была вручена копія съ Высочайше дарованнаго генералъ-адъютанту фонъ Кауфману (въ 17 день іюля 1867 г.) полномочія: къ рѣшенію всякихъ политическихъ, пограничныхъ и торговыхъ дѣлъ, къ отправленію въ сосѣднія владѣнія довѣренныхъ лицъ и къ подписанію трактатовъ. Такъ какъ посолъ отправился въ сентябрѣ, то можно было разсчитывать, что отвѣтъ эмира поспѣетъ въ Ташкентъ къ концу октября; въ этомъ смыслѣ

*) Торговые уполномоченные—вродѣ консуловъ.

было и писано эмиру. На дѣлѣ это однакоже не оправдалось. Прибывъ въ Ташкентъ 7 ноября, генералъ фонъ-Кауфманъ не нашелъ тамъ бухарскаго посла, а между тѣмъ, съ передовой линіи были получаемы тревожныя извѣстія о наводненіи окрестностей шайками разбойниковъ, организованными пограничными беками. Въ началѣ сентября одною изъ такихъ шаекъ были захвачены артиллеріи поручикъ Служенко и три солдата, отдѣлившіеся отъ оказіи на пути изъ Чиназа къ Джизаку. Офицеръ этотъ, разными истязаніями и угрозами смерти, вынужденъ былъ принять мусульманство и обучать войска эмира. Въ декабрѣ 1867 года прибылъ наконецъ, бухарскій посолъ съ письмомъ эмира, въ которомъ, между прочимъ, было написано: «посланныя, съ повѣреннымъ мирахуромъ Мусабекомъ, условія получены; предложенія, ему высказанныя, доставлены. Всѣ эти предложенія соотвѣтствуютъ дружбѣ. Посылаю вышеназваннаго (Мусабека) съ надеждою, что онъ доставитъ отвѣтъ; посылаю также и условія». Условій однако же никакихъ доставлено не было. Приписывая это обстоятельство какому нибудь недоразумѣнію, генералъ губернаторъ написалъ эмиру новое письмо, отъ 19 декабря, и просилъ ратификовать мирныя условія, а поручика Служенко и трехъ солдатъ выдать немедленно. Однакоже съ перваго слова переговоровъ съ посломъ, видно было, что эмиръ далеко не такъ чистосердечно желаетъ мира, какъ того, казалось, требовали бы его собственные интересы; очевидно было, что бухарцы нарочно затягиваютъ дѣло, точно съ намѣреніемъ выиграть время для болѣе успѣшной борьбы съ нами. Посолъ не высказывалъ никакихъ желаній, не возражалъ ни на какія требованія и соглашался со всѣмъ, что ему ни говорили; но во всѣхъ его словахъ просвѣчивалось то пассивное противодѣйствіе, о которое могли разбиться самыя лучшія намѣренія. Не смотря на полную свободу, предоставленную послу въ его сношеніяхъ, онъ предпочиталъ посылать своихъ курьеровъ тайно, выбирая для этого темныя ночи. 2 марта 1868 года получено было письмо отъ Кушбеги, извѣщавшаго объ освобожденія Служенко и его товарищей по несчастію. Что касается до мирныхъ условій, то о нихъ былъ данъ уклончивый и темный отвѣтъ, нисколько не разъяснившій положенія дѣлъ и нашихъ отношеній. Желая во чтобы то ни стало, поддержать миръ съ сосѣдями и сдѣлавъ уже распоряженіе объ отъѣздѣ своемъ въ С.-Петербургъ, генералъ-губернаторъ отпустилъ посла, надѣясь, что, подъ вліяніемъ примѣра коканскаго хана, заключившаго уже съ нами торговый трактатъ, онъ доведетъ до конца свою миссію. Въ письмѣ къ эмиру, пришлось разъяснить ему порядокъ и значеніе обмѣна, утвержденныхъ подписями и печатями трактатовъ, потому что всѣ предъидущія дѣйствія эмира ясно доказывали, что онъ совершенно не знакомъ даже съ первыми пріемами общепринятыхъ международныхъ сношеній.

Съ отъѣздомъ посла, положеніе дѣлъ не только не улучшилось, но на всей нашей границѣ съ Бухарою появились еще болѣе многочисленныя шайки, грабившія нашихъ подданныхъ. Для прекращенія разбоевъ отправлены были на передовую линію, шесть сотенъ казаковъ, а эмиръ былъ извѣщенъ о дѣйствительныхъ причинахъ такой мѣры и предупрежденъ, что вдоль сѣвернаго склона Нуратынскихъ горъ, то есть, вдоль нашихъ границъ и по нашей землѣ, пройдетъ отрядъ отъ Джизака до Ухума, для введенія между новыми нашими подданными должнаго порядка и нашего управленія. Отрядъ имѣлъ кромѣ того цѣлью выборъ пункта для предполагавшагося укрѣпленія. Въ Ухумскомъ ущельи отрядъ нашъ былъ однакоже остановленъ войсками катты-курганскаго и чилекскаго бековъ, которыхъ и разбилъ, но не послѣдовалъ на южный склонъ хребта и слѣдовательно, не перешелъ границы.

Даже и это нападеніе не было поставлено въ вину эмиру бухарскому, а приписано самоволію пограничныхъ бековъ. На политику генералъ-губернатора имѣло вліяніе, конечно, желаніе довершить въ мирѣ гражданскую реформу а также—намѣреніе отправиться въ Петербургъ, гдѣ оставалось его семейство. Отъѣздъ этотъ назначенъ былъ 9 апрѣля.

Наканунѣ этого числа получены были извѣстія о провозглашеніи, вслѣдствіе интригъ бухарскаго духовенства, священной войны *газата*—противъ русскихъ, а также о сосредоточеніи бухарскихъ войскъ у крѣпости Кермине и намѣреніи начать военныя дѣйствія тотчасъ послѣ отъѣзда генералъ-губернатора. Донесенія лазутчиковъ о сношеніяхъ эмира съ правителями Кашгара, Кокана, Авганистана и Хивы, съ цѣлью составленія огромной мусульманской коалиціи, сдѣлали яснымъ — почему, въ теченіи семи мѣсяцевъ, эмиръ уклонялся отъ ратификаціи трактата и старался затянуть переговоры. Генералъ-губернаторъ отложилъ свой отъѣздъ, тѣмъ съ большею рѣшимостью, что экстренныя донесенія съ Нарына и съ передовой линіи ясно указывали на связь, существовавшую между приготовленіями бухарскаго эмира и движеніемъ войскъ въ Алтышарѣ, отразившемся безпорядками въ кочевьяхъ дикокаменныхъ киргизъ.

Наученный горькимъ опытомъ предшествовавшихъ неудачъ, эмиръ, какъ видно, не рѣшался выступить еще разъ противъ русскихъ, не заручившись прежде союзниками. Искательства бухарскаго посланника, Могамедъ-Фариссаха, у остъиндскаго правительства и турецкаго султана не повели ни къ чему. Что касается остальныхъ членовъ предполагавшейся коалиціи, то одинъ только Худояръ-Ханъ кокавскій отклонился отъ участія, подъ предлогомъ, что, въ случаѣ неудачи, Кокану первому прійдется раздѣлываться, а въ случаѣ удачи, онъ всегда успѣетъ примкнуть къ союзу. Желаніе эмира еще разъ попытать счастія и боязнь новыхъ неудачъ положили печать нерѣшительности на всѣ его сношенія съ нами и, въ то же время, вынуждали его быть всегда наготовѣ, что, въ свою очередь, влекло за собою непосильные для истощенной казны эмира, расходы. Подъ предлогомъ сборовъ на защиту мусульманства противъ невѣрныхъ, эмиръ сдѣлалъ, въ теченіи послѣдней зимы (конецъ 1867 и начало 1868 годовъ), два чрезвычайныхъ побора съ купечества, въ размѣрѣ произвольно опредѣленномъ для каждаго купца. Затѣмъ, онъ привелъ въ дѣйствіе слѣдующую операцію: *теньга*, соотвѣтствующая нашимъ 20 копѣйкамъ, ходила прежде въ 64 *чеки* *); эмиръ велѣлъ скупить ее на рынкахъ и въ караванъ-сараяхъ и затѣмъ объявилъ, что она будетъ приниматься въ уплату податей по курсу 132 чекъ; но какъ серебро уже было изъято изъ обращенія, то курсъ тенегъ поднялся до 200 чекъ и размѣнъ скопившагося въ казначействѣ серебра по такому небывалому курсу принесъ эмиру порядочный доходъ, но за то вызвалъ ропотъ въ народѣ, и безъ того терпѣвшемъ отъ дороговизны, застоя торговли и поборовъ со стороны бековъ на тотъ же ненасытный газатъ. Къ довершенію всего, эмиръ наложилъ руку на доходы муллъ—преподавателей въ медрессе. Это вооружило противъ него духовенство, которое обвиняло его въ употребленіи собранныхъ на войну суммъ не по назначенію и прямо требовало войны, которая, вслѣдствіе разныхъ поборовъ, сдѣлалась уже для эмира какъ-бы обязательною.

Поставленный въ весьма затруднительное, если не безвыходное, положеніе, эмиръ все откладывалъ объявленіе войны отъ одного праздника до другого; но когда прошелъ спокойно и *курбанъ-байрамъ*—праздникъ въ память жертвоприношенія Авраама, напоминающій правовѣрнымъ о необходимости жертвовать всѣмъ, когда того требуетъ вѣра,—тогда духовенство, пользуясь отсутствіемъ эмира (на богомольи у Богуедина въ окрестностяхъ Бухары) составилъ *ривоядъ* **) о газатѣ противъ русскихъ. Эмиръ былъ объявленъ неспособнымъ править народомъ и, въ особенности, вести войну, такъ какъ въ битвѣ подъ Ирджаромъ, въ маѣ 1866 года, онъ самъ подалъ примѣръ бѣгства послѣ первыхъ же русскихъ выстрѣловъ. Въ Самаркандѣ муллы до того безчинствовали, что командовавшій тогда войсками, Османъ (изъ бѣглыхъ каза-

*) Мелкая мѣдная монета.

**) *Ривоядъ* — есть постановленіе духовенства и казіевъ, основанное не на шаріатѣ, а на примѣрахъ прежняго времени.

ковъ) долженъ былъ принять крутыя мѣры: высланы были войска, которыя и прекратили безпорядокъ, положивъ на мѣстѣ 62 человѣка.—Эмиръ, возвращаясь въ Бухару, былъ встрѣченъ весьма недружелюбно шумною толпою, осыпавшею его упреками и угрозами. Это заставило его повернуть назадъ и укрыться въ городѣ Гижъ-Дуванѣ, опустѣвшемъ при его приближеніи. Здѣсь онъ узналъ о дѣлѣ подъ Ухумомъ и о переходѣ къ намъ 286 авганцевъ Искандеръ Хана, съ отбитыми имъ у нуратинскаго бека 2-мя орудіями. Изъ Гижъ-Дувана эмиръ направился въ Кермине и тамъ наконецъ провозгласилъ газатъ. Роковой шагъ былъ теперь сдѣланъ.

31-го апрѣля 1868 г. нашъ дѣйствующій отрядъ выступилъ изъ Яны-Кургана по дорогѣ къ Самарканду и съ этого же времени началась усиленная корреспонденція съ собравшимися въ Самаркандѣ беками и эмирами: гонецъ за гонцомъ являлись въ отрядъ съ различными обѣщаніями и просьбами, но безъ ожидаемаго трактата. 1-го мая, когда авангардъ нашъ уже встрѣтился съ бухарцами, явился новый посолъ, объявившій, что онъ привезъ утвержденныя эмиромъ условія мира; но условія оказались не тѣ, которыя были предложены нами, а другія, составленныя бухарцами. Посолъ и въ этотъ разъ оправдывался недоразумѣніемъ и обѣщалъ привезти подлинныя условія чрезъ два дня, прося до тѣхъ поръ пріостановить военныя дѣйствія. Генералъ-губернаторъ согласился на эту просьбу, но съ условіемъ, чтобы неумолкавшая со стороны бухарцевъ, во все время переговоровъ, перестрѣлка была прекращена, и чтобы высоты по ту сторону Зеравшана были оставлены непріятелемъ. Когда эти условія были переданы бухарскому главнокомандующему Ширъ-Али, то это повело только къ усиленію непріятельскаго огня, направленнаго преимущественно на указанное посломъ мѣсто расположенія штаба. Мы приняли бой и разбили бухарцевъ на голову.

Жители Самарканда заперли ворота и не пустили къ себѣ бѣжавшихъ съ поля битвы бухарцевъ, а на другой день прислали къ намъ депутацію съ просьбою принять городъ подъ покровительство Россіи и защитить его отъ мести бухарцевъ, грозившихъ имъ за вчерашній поступокъ. Такъ-какъ достоинство Россіи требовало поддержать сторонниковъ ея, а не предавать ихъ на жертву нашимъ врагамъ, и такъ какъ безъ занятія города побѣда была бы не полная, то и рѣшено было занять городъ. 2-го мая совершилось торжественное вступленіе нашихъ войскъ въ лѣтнюю резиденцію эмировъ, древнюю столицу Тамерлана, центръ міра и первопрестольный городъ бухарскій!

Устроивъ, нѣсколько, управленіе вновь занятаго края и выждавъ прибытія небольшихъ подкрѣпленій изъ Ташкента, генералъ-губернаторъ, 11-го мая, снова написалъ эмиру и предложилъ ему миръ, почти на прежнихъ условіяхъ, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ статей, которыя, безъ вреда нашимъ интересамъ, могли быть опущены и съ измѣненіемъ статьи первой, о границахъ, такъ какъ нельзя было рѣшиться возвратить Самаркандъ изъ опасенія за участь этого города.

Руководимый Высочайшею волею о нерасширеніи нашихъ предѣловъ новыми завоеваніями, а въ то-же время не желая оставить эмира ненаказаннымъ, тѣмъ болѣе, что ослабленіе его вліянія въ Азіи было совершенно въ видахъ нашей политики, — генералъ-губернаторъ, скоро по занятіи Самарканда, вошелъ въ сношенія съ Сеидъ-Абдуллою, племянникомъ эмира, давно уже не ладившимъ съ дядей и бѣжавшимъ отъ него въ Шахрисябзъ. Предположено было образовать изъ Самаркандскаго раіона, подъ властью Сеидъ-Абдуллы, самостоятельное владѣніе; но переговоры по этому предмету, показали намъ, что Сеидъ-Абдулла подпалъ подъ вліяніе Шахрисябзскихъ бековъ враждебныхъ намъ въ равной степени, какъ и самый эмиръ, и потому комбинація эта была оставлена.

Такъ-какъ отвѣта на предложенныя мирныя условія не было, а гонецъ, доставившій эмиру эти условія, былъ, по его приказанію, зарѣзанъ, и такъ какъ повсюду стали чув-

ствоваться результаты агитаціи, центромъ которой были Катты-курганъ и Кара-Тюбе, то рѣшено было снова дѣйствовать оружіемъ. Паденіе Кара-Тюбе, Ургута и Катты-Кургана подѣйствовало, согласно ожиданіямъ, успокоительно на населеніе, зеравшанской долины.

Преслѣдуя и по занятіи Катты-Кургана прежнюю цѣль—относительно составленія такой политической комбинаціи, что бы, не расширяя нашихъ предѣловъ, извлечь, всетаки, изъ своихъ успѣховъ наибольшую для себя выгоду, въ смыслѣ спокойствія края, генералъ-губернаторъ предложилъ на этотъ разъ бухарцамъ одно изъ двухъ: или уплатить намъ, въ теченіи осьми лѣтъ, 1.150.000 *тиллей* *) контрибуціи, (4.600.000 рублей) съ тѣмъ, что по выполненіи этихъ условій, эмиръ получитъ обратно всѣ, вновь завоеванныя нами, земли, отъ Катты-Кургана до Яны-Кургана включительно—или же уплатить военныя издержки (до 120.000 р.) и признать за Россіей всѣ ея завоеванія съ 1865 года. Предложеніе это, однако же бухарцами принято не было. Тогда генералъ-губернаторъ рѣшился присоединить завоеванный край къ Россіи, такъ какъ эта мѣра давала просторъ всевозможнымъ комбинаціямъ, не исключая даже и безусловнаго возвращенія занятаго края бухарцамъ, если бы на то послѣдовало Высочайшее повелѣніе.

Безвозмездное возвращеніе завоеванныхъ земель, совершаемое по волѣ Государя, могло бы еще тогда быть объяснено бухарцамъ какъ знакъ высокой царской милости и прощенія, тогда какъ подобное же рѣшеніе, принятое самимъ главнокомандующимъ, имѣло бы только видъ простого отступленія, а слѣдовательно было бы сочтено признакомъ нашей слабости и собственнаго сознанія въ невозможности удержать за собою занятую страну. Кромѣ того, Самаркандъ имѣетъ весьма важное историческое и религіозное значеніе для всей Средней Азіи, и потому съ потерею этой древней столицы — обаяніе,

*) Золотая бухарская монета цѣною около 4 р. сер.

какимъ пользовался дотолѣ въ Азіи эмиръ, совершенно померкло въ лучахъ славы Русскаго Царя.

Отказаться отъ такихъ нравственныхъ пріобрѣтеній и тѣмъ дать эмиру возможность оправиться—ген. губернаторъ былъ не въ силахъ.

Но и помимо нравственныхъ выгодъ, обладаніе Самаркандомъ весьма выгодно для насъ и въ матеріальномъ отношеніи, ибо даетъ намъ возможность держать Бухару въ постоянной отъ насъ зависимости, такъ-какъ Самаркандъ владѣетъ гидравлическими сооруженіями по снабженію всей остальной части бухарскихъ владѣній водою. Сохранивъ Самаркандъ за собою, мы всегда можемъ оставить Бухару безъ хлѣба и воды то-есть обречь ее на голодъ и жажду, и такимъ образомъ, регулировать страсти фанатическаго населенія путемъ спасительной діеты! Важность вопроса объ очереди въ пользованіи водою достаточно характеризуется уже тѣмъ обстоятельствомъ, что съ перваго же слова переговоровъ, бухарцы прямо повели рѣчь о наблюденіи за правильнымъ и справедливымъ распредѣленіемъ воды Зеравшана.

Держа въ рукахъ земли, лежащія по нижнему теченію Зеравшана, мы, и безъ естественныхъ границъ, можемъ считать себя отнынѣ достаточно обезпеченными отъ всякихъ случайностей азіятской политики. Такимъ образомъ цѣль многолѣтнихъ войнъ была достигнута только съ занятіемъ Самарканда, и если мы *дѣйствительно* желаемъ мира—мы должны сохранить за собою этотъ важный пунктъ.

Въ виду всего вышесказаннаго, сочтено было необходимымъ измѣнить предложенныя прежде условія. Бухарскіе послы, явившіеся въ Катты-Курганъ, просили дать имъ девятидневный срокъ для доставленія ратификацій, и не двигать войскъ съ занятыхъ ими позицій. Это было имъ обѣщано и мы свято соблюдали условіе до истеченія срока, оканчивавшагося 1-го іюня. Не смотря на безпрерывныя нападенія бухарцевъ на войска, стоявшія лагеремъ подъ Катты-Курганомъ, мы ограничивались только пассивною обороною.

Эмиръ и на этотъ разъ не оцѣнилъ умѣренности нашихъ требованій и, вдобавокъ, трактуя о мирѣ, втайнѣ приготовлялъ всѣ средства для нанесенія намъ неожиданнаго удара: 2-го іюня его войска и союзники должны были атаковать русскихъ единовременно и въ Катты-Курганѣ и въ Самаркандѣ. Результатами этой стратагемы были: бой 2-го іюня подъ Зерабулакомъ, осада Самаркандской цитадели шахрисябзцами и мятежниками со 2-го по 8-го іюня, и нападеніе на Яны-Курганъ. Замыслы эти, какъ извѣстно, не увѣнчались успѣхомъ.

Неудачи разбили всѣ соображенія и надежды эмира, смирили гордость его и заставили согласиться на предложенныя ему еще въ Катты-Курганѣ условія, оставшіяся безъ измѣненія, не смотря на новые успѣхи нашего оружія. 12-го іюня прибылъ новый гонецъ отъ эмира съ письмомъ, въ тонѣ котораго слышалось безнадежное отчаяніе. Надобны были какія нибудь чрезвычайныя обстоятельства, чтобы поколебать характеръ азіятскаго деспота до унизительной просьбы принять его капитуляцію, вмѣстѣ съ оставшимися войсками и артиллеріей, и допустить его до личнаго свиданія съ Государемъ Императоромъ, чтобы испросить себѣ позволеніе удалиться въ Мекку. Генералъ-губернаторъ отвѣчалъ въ тотъ же день и поспѣшилъ успокоить эмира при чемъ увѣрялъ его, что «никогда я не имѣлъ цѣли и желанія уничтожить бухарское ханство: какъ прежде, такъ и теперь повторяю, что миръ и спокойствіе сосѣднихъ съ Россіею владѣній, составляетъ цѣль моихъ трудовъ и даже моихъ войнъ». Далѣе эмиру совѣтовалось объявить народу о заключеніи мира, а касательно капитуляціи войскъ ему напомнили, что эти войска пригодятся ему еще для усмиренія непослушныхъ сыновей и для подчиненія вновь своей власти мятежныхъ бековъ, сдѣлавшихся независимыми въ послѣдніе годы его неудачной борьбы съ Россіею. Такимъ образомъ, генералъ-губернаторъ добровольно отказался вплести въ свой лавровый вѣнокъ новую солидную вѣтвь. Безусловная сдача эмира произвела бы невообразимый эфектъ и не въ одной только Азіи!

Отстранивъ эту капитуляцію, мы лишились неисчислимыхъ выгодъ. Начать съ того, что ничто не мѣшало намъ посадить на ханство того же Музаффара, но ужъ тогда онъ зналъ бы, что онъ держится только нами и если-бы чье положеніе оказалось неудобнымъ, то конечно не наше.

Мы отступили сами передъ громадностью и неожиданностью достигнутыхъ результатовъ, хотя капитуляція эмира вовсе не обязывала насъ непремѣнно занять Бухару, а тѣмъ менѣе водворяться въ ней.—Развѣ опасались, что не съ кѣмъ будетъ заключить миръ?—Но вѣдь документы все равно для азіятовъ не обязательны—обязательна только сила, а самая дѣйствительная статья договора — контрибуція — могла быть взыскана и безъ Музаффара. Тремя дополнительными статьями мирнаго договора 23-го іюня опредѣлялось: 1) присоединеніе къ Россіи Самаркандскаго и Катты-Курганскаго округовъ, 2) разграниченіе россійскихъ и бухарскихъ владѣній и 3) предоставленіе работъ по разграниченію смѣшанной международной коммисіи. Кромѣ того, секретными статьями, эмиръ обязывался уплатить въ теченіе года 125.000 тиллей или 500.000 рублей золотомъ или серебромъ, и слѣдить за тѣмъ, чтобы пограничные беки не дозволяли разбойникамъ переходить въ предѣлы Россійской Имперіи.

По заключеніи мирнаго договора, эмиръ выразилъ желаніе, чтобы четвертый и любимый сынъ его, Тюря-Джанъ, былъ принятъ въ какое-нибудь учебное заведеніе въ Петербургѣ. Ходатайство генер. губернатора по этому предмету удостоилось Высочайшаго соизволенія, о чемъ и сообщено было эмиру, но онъ въ это время былъ занятъ болѣе близкимъ и тревожнымъ дѣломъ: старшій сынъ его, Катты-Тюря, поднявшій знамя бунта, пріобрѣлъ, благодаря своей ненависти къ русскимъ, большую популярность и былъ уже провозглашенъ кое-гдѣ эмиромъ. Разосланныя имъ прокламаціи, въ которыхъ эмиръ-отецъ обзывался *«невѣрнымъ»* за миръ его съ Россіею и объявлялся низложеннымъ, произвели большое волненіе въ народѣ. Войска бухарскія двинуты были къ Черахчи, съ цѣлію вытребовать отъ шахрисябзскихъ бековъ,

скрывавшагося у нихъ, претендента-сына. — Желая помочь эмиру и тѣмъ доказать ему, осязательнымъ образомъ, выгоды мирныхъ съ нами отношеній, ген. губернаторъ приказалъ генералу Абрамову сдѣлать диверсію къ Кара-Тюбе, Ургуту или Джаму, а не то и далѣе, подъ видомъ рекогносцировки, лишь бы движеніе это было сдѣлано во́-время, при чемъ добавилъ: «тогда можно оказать услугу Эмиру, не вдаваясь самому въ военныя дѣйствія, которыхъ, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ избѣгать»

Генералъ Абрамовъ предупредилъ эмира, что онъ выставитъ отрядъ къ Джаму, чтобы не допустить шахрисябзскихъ бековъ до серьезной помощи Катты-Тюрѣ.

Обстоятельства тѣмъ временемъ все усложнялись: претендентъ вошелъ въ сношенія съ туркменами, Хивою и киргизскими партизанами. 16-го августа Сыддыкъ, пользуясь отсутствіемъ эмира, занялъ крѣпость Нураты, а оттуда двинулся къ Кермине, куда претендентъ назначилъ его бекомъ. Эмиръ, оставивъ въ Черахчи 1,500 человѣкъ, возвратился въ Бухару. Претендентъ тотчасъ занялъ Черахчи, а за тѣмъ и Карши. Однако же рекогносцировка наша къ Китабу заставила шахрисябзскихъ бековъ отозвать изъ Карши 4,000 войска съ артиллеріей, и дальнѣйшая дѣятельность Катты-Тюри была, такимъ образомъ, пріостановлена. Въ это время, пользуясь нѣкоторымъ затишьемъ, эмиръ выступилъ изъ Бухары, разбилъ Сыддыка подъ Кермине и возстановилъ здѣсь свою власть.

За то другой киргизскій партизанъ *Назаръ*, съ 10,000 войска, осадилъ и взялъ Хатырчи; часть его войска перешла нашу границу, но скоро была разсѣяна, высланнымъ для того, нашимъ отрядомъ. Туркмены же были на столько смѣлы, что дѣлали набѣги подъ самую Бухару — такъ что эмиръ, возвратившійся въ столицу, попалъ какъ бы въ осаду.

Всѣ эти безпорядки, отзываясь и у насъ, вслѣдствіе разныхъ слуховъ о замыслахъ Катты-Тюри противъ Самарканда и Катты-Кургана, были намъ невыгодны еще и въ томъ отношеніи, что, въ случаѣ паденія эмира, влекли за собою почти неизбѣжную войну, а это было для насъ тѣмъ неудобнѣе, что наступала пора сборовъ податей и войскамъ надобно было еще устроиться на зиму. Къ тому же, никѣмъ нелюбимый, непопулярный и неэнергичный Сеидъ-Музафаръ былъ во всякомъ случаѣ болѣе удобенъ для насъ, чѣмъ энергичный и популярный фанатикъ Катты-Тюря. Наконецъ, по азіятскимъ понятіямъ, договоры и условія настоящаго владѣтеля не обязательны для его преемниковъ, а потому въ нашихъ видахъ и интересахъ было поддержать стараго эмира. Всѣ эти причины казались на столько убѣдительными, что когда эмиръ обратился наконецъ къ Абрамову съ просьбою о помощи, которой до этого старался всячески избѣжать, то джамскій отрядъ былъ передвинутъ, къ Карши и 23 октября, послѣ небольшой стычки, занялъ городъ, покинутый бѣжавшимъ претендентомъ. Еще раньше эмиру дано было знать о движеніи отряда въ Карши и предлагалось прислать своего бека съ отрядомъ, для принятія отъ насъ города, но такъ какъ бухарцы шли весьма медленно, какъ видно не вполнѣ довѣряя нашей искренности, то отрядъ нашъ выступилъ 27-го октября изъ подъ Карши по Самаркандской дорогѣ и остановился въ разстояніи одного перехода. Передача города войскамъ эмира возложена была на самихъ аксакаловъ. Тогда бухарцы прибавили шагу и въ тотъ же день вступили въ городъ. На другой день, узнавъ, что бухарцы уже заняли городъ, отрядъ продолжалъ движеніе къ Самарканду.

До какой степени недовѣрчиво относились бухарцы къ нашимъ дѣйствіямъ, можно судить изъ письма эмира: «мы узнали, писалъ онъ, что русскіе вступили въ Карши и заняли его. Вслѣдствіе какой необходимости это было сдѣлано, мы совершенно не понимаемъ... Русскій Царь—государь могущественный и владѣнія его очень обширны. Я вступилъ съ нимъ въ дружбу, а теперь и друзья и враги знаютъ о занятіи города». Легкій успѣхъ надъ Каты-Тюрей и возвращеніе города эмиру произвели весьма благопріятное для насъ впечатлѣніе какъ въ средѣ

нашего собственнаго мусульманскаго населенія, такъ и въ сосѣднихъ владѣніяхъ. Яхья-Ходжа, принявшій отъ насъ Карши, писалъ Абрамову между прочимъ: «выступленіемъ вашимъ изъ Карши, вы совершили великій и благородный подвигъ — теперь всѣ удивляются искренности вашей дружбы, а мы гордимся теперь этимъ передъ тѣми, кто утверждалъ противное». Эмиру же это до того понравилось, что онъ просилъ потомъ, чтобы мы кстати взяли для него также и Якобахъ и Шахрисябзъ, при чемъ обѣщалъ принять военныя издержки на свой счетъ. Шахрисябзскіе беки были однакоже такъ напуганы рекогносцировкой нашей къ Китабу, что прислали депутацію съ изъявленіемъ покорности, и, по нашему требованію, обязались возвратить Якобахъ эмиру.

Катты-Тюря, непринятый шахрисябзсцами, обратился къ генералу Абрамову съ просьбой примирить его съ отцемъ «я бы поѣхалъ къ государю моему лично, писалъ смирившійся принцъ, я бы просилъ у него прощенія, упалъ бы къ его ногамъ, цѣловалъ бы ихъ и отеръ бы ими свои слезы».

Казалось, что раскаяніе было полное, но когда эмиръ согласился простить его и вызывалъ къ себѣ, то Катты-Тюря, не довѣряя искренности отца, просилъ покровительства Россіи. Получивъ позволеніе прибыть въ Самаркандъ, принцъ этотъ свернулъ, однако же, съ дороги и двинулся на Хатырчи, занялъ этотъ городъ и предалъ многихъ изъ своихъ противниковъ казни. Затѣмъ онъ направился къ Кермине, но тутъ уже подоспѣлъ изъ Карши самъ эмиръ и претендентъ бѣжалъ въ Нурату. Вытѣсненный и оттуда, онъ скитался въ Хивѣ, Авганистанѣ и, наконецъ, принятъ въ Кашгарѣ.

Всѣ эти волненія отразились, естественно, на правильности поступленія податей въ казну эмира, и онъ не могъ выполнить въ точности условіе относительно сроковъ взноса контрибуціи, такъ что послѣдній взносъ, сдѣланный въ апрѣлѣ 1870 г., опоздалъ на 7 мѣсяцевъ. Кромѣ домашнихъ затрудненій, неаккуратность высылки контрибуціи имѣла причинами еще: а) опасеніе, чтобы кабульскій эмиръ не занялъ лѣваго

берега Аму-Дарьи, б) слухъ о томъ, что генералъ фонъ Кауфманъ, уѣхавшій въ С.-Петербургъ, не возвратится назадъ, а съ новымъ генералъ-губернаторомъ могла измѣниться и политика, и, наконецъ, в) слухи о безпорядкахъ въ киргизской степи оренбургскаго вѣдомства. Проѣздъ генералъ-губернатора чрезъ степь устранилъ двѣ послѣднія причины и эмиръ поторопился выслать къ его пріѣзду 276.000 руб., въ счетъ слѣдовавшей съ него контрибуціи. Московскій купецъ М. Хлудовъ предложилъ внести за эмира всю остальную недоплаченную часть контрибуціи, но съ гарантіей нашего правительства въ полученіи съ эмира этого долга. Въ гарантіи было отказано, а предложено склонить къ поручительству бухарскихъ купцовъ. — Дѣло это разстроилось, но при помощи разныхъ принудительныхъ мѣръ эмиръ всетаки пощипалъ свое купечество и, въ апрѣлѣ 1870 года, внесены были послѣднія 30 т. тиллей. Эмиру выдана была квитанція въ полученіи отъ него въ 4 срока сполна всей контрибуціи.

Часть бухарской серебряной монеты была выслана въ количествѣ 320,000 штукъ (на 64,000 р.) на С.-Петербургскій монетный дворъ, а золотыя тилли выпущены въ обращеніе чиновникомъ казенной палаты, завѣдывавшимъ расходнымъ отдѣленіемъ...

Глава III.

Письма эмира къ генералъ-губернатору и къ Государю.—Своеобразный взглядъ на причины войны.—Посольство Тюря-Джана.—Просьбы о возвращеніи Самарканда и другихъ городовъ.—Депеша сэра Буканана.—Тревожные слухи изъ ханствъ.—Рекогносцировки въ Кизилъ Кумы.—Споръ Бухары и Кокана изъ-за Каратегина.—Вмѣшательство генералъ-губернатора.—Разбойничества въ Бухарѣ.—Истребленіе русскими шайки Бабана.—Посольство полк. Носовича.—Неудовольствія съ Шахрисябземъ.—Взятіе Китаба и Шахра и передача ихъ эмиру.—Голодъ въ Бухарѣ.—Неудовольствіе народа противъ русскихъ.—Посольство г-на Струве.—Посольство полк. Колзакова.—Выдача эмиру бѣжавшаго къ намъ опальнаго бека.—Вопросъ о водѣ Зеравшана.—Обязательство Эмира не сноситься впредь съ Турціей помимо генералъ-губернатора.—Командировка въ Бухару агента министерства финансовъ г. Петровскаго.—Можно-ли разсчитывать на постоянный миръ съ Бухарою?—Поведеніе эмира во время движенія нашего на Хиву въ 1873.—Новая командировка г. Струве.—Новый трактатъ 28 сентября 1873.

Съ теченіемъ времени эмиръ, какъ видно, отдумалъ воспитывать сына въ Россіи и просилъ только дозволенія отправить его къ Высочайшему двору, для засвидѣтельствованія своихъ мирныхъ и дружественныхъ намѣреній и для изъявленія раскаянія въ своихъ ошибкахъ. Однако же въ письмѣ, поданномъ генералъ-губернатору 23 іюля, было, между прочимъ, сказано и слѣдующее:

«Слѣдовало бы, ради Величія и Высокаго Имени (Бѣлаго Царя), дать возможность прожить въ спокойствіи пяти-шести мусульманамъ (т. е. мусульманскимъ городамъ), оставшимся теперь безъ родины (т. е. завоеванныхъ русскими). Очень хорошо извѣстно, что съ начала до конца, съ нашей стороны, не было повода къ войнѣ; очень хорошо извѣстна намъ и обширность вашего государства, но вѣдь это на два, на три дня жизни (другими словами: но вѣдь ничто не вѣчно)». Въ

граматѣ на Высочайшее имя интересно, въ особенности, наивное извращеніе фактовъ касательно нашихъ прежнихъ отношеній. Эмиръ говорилъ:

«Турецкій султанъ писалъ намъ, что русскій Государь есть Великій Императоръ, и лучше сохранять съ нимъ дружбу — вслѣдствіе этого мы послали къ Вамъ Наджмеддинъ-Ходжу-Судура съ грамотою, но его, не знаемъ почему, дальше Оренбурга не пустили. То же случилось и съ другимъ посломъ нашимъ, Мусабекомъ. Одинъ только разъ мы вышли съ отрядомъ на Сасыкъ-Куль, и то ради возстановленія мира, но войска Ваши начали наступленіе и мы, помня дружбу Вашего Величества, не сражаясь вернулись назадъ. Ваши губернаторы пришли къ намъ съ войскомъ и забрали нѣсколько крѣпостей. Мы знаемъ, что Ваше государство громадно, что земли у Васъ много, что Вы всѣмъ богаты, что Вы Великій Государь — ибо мы убѣдились въ Вашемъ величіи и признаемъ Васъ Великимъ — наше же царство, сравнительно съ Вашимъ, самое ничтожное, но мы довольны наслѣдственными землями, хотя и живемъ въ тѣснотѣ. Мы — узбеки, и если погрѣшили противъ законовъ и обычаевъ Вашихъ, то ради Величія Вашего простите намъ и возвратите взятыя у насъ крѣпости». Видя изъ этого, что посольство имѣетъ еще и другую цѣль, генералъ - губернаторъ предупредилъ старшаго посланника, Датху, *) что всѣ дѣла о границахъ, о торговлѣ и о прочемъ должны рѣшаться на мѣстѣ, въ силу Высочайше дарованнаго ему полномочія; эмира же вразумлялъ слѣдующими словами: «воля и виды Государя Императора, клонящіеся ко благу Его подданныхъ и къ спокойствію Его сосѣдей, мнѣ извѣстны и они служатъ мнѣ указаніемъ во всѣхъ случаяхъ».

Никакіе доводы, однакоже, не подѣйствовали и Датха,

*) Датха — чинъ, соотвѣтствующій генеральскому. Посолъ имѣлъ право наказывать членовъ посольства тѣлесно. „Если кто нибудь скажетъ неприличное слово или сдѣлаетъ невѣжество, писалъ эмиръ, того пусть Датха-бій накажетъ палками, а если кто окажетъ ослушаніе Датхѣ, того казнимъ — пусть только Датха назоветъ виновнаго“.

на торжественномъ пріемѣ 22 октября 1870 года, счелъ возможнымъ принести Государю Императору просьбу эмира о возвращеніи завоеванныхъ нами городовъ. Категорическій отвѣтъ государя все еще не образумилъ бухарскаго дипломата и онъ, при свиданіи съ нашими государственными людьми, *) нѣсколько разъ заявлялъ ту-же просьбу, но рѣшительные отвѣты ихъ обращали въ ничто его доводы и каждый разъ онъ убѣждался, что, въ силу Высочайше дарованнаго Туркестанскому генералъ-губернатору полномочія, рѣшеніе дѣлъ съ сосѣдними ханствами предоставлено единственно ему и что вслѣдствіе этого, центральное правительство въ С.-Петербургѣ отклоняетъ отъ себя всякое непосредственное участіе въ переговорахъ. Эти попытки бухарцевъ доказываютъ какъ чувствительна имъ потеря Самарканда — этой «жемчужины міра средоточія вселенной» и проч.

Чтобы вѣрнѣе склонить насъ къ уступкѣ, Датха заявилъ, что эмиръ, изъ желанія сдѣлать угодное Бѣлому Царю и тѣмъ заслужить его милость — запретилъ въ Бухарѣ торгъ невольниками. Эту мѣру можно бы было цѣнить какъ результатъ нашего политическаго вліянія, если бы она дѣйствительно осуществилась. Послѣднія свѣдѣнія указали однакоже, что торгъ невольниками существуетъ во всей силѣ. Не зная чѣмъ ублажить русскихъ государственныхъ людей, Датха приводилъ наконецъ (при объясненіяхъ съ Т. С. Стремоуховымъ) и то, что никогда еще эмиръ не присылалъ ни сыновей, ни родственниковъ своихъ, ни столь высоко поставленныхъ лицъ, а вотъ теперь это сдѣлалъ, ради исходатайствованія забвенія прошлаго и возвращенія взятыхъ городовъ. Получивъ въ отвѣтъ замѣчаніе, что напрасно эмиръ въ письмѣ къ Государю, а Кушбеги въ письмѣ къ канцлеру, удалились отъ истины и

*) Посольство обыкновенно разъѣзжало втроемъ: самъ принцъ Тюря Джанъ, старикъ Датха и Мирахуръ дядя принца. Это подало поводъ Князю Канцлеру сказать бухарцамъ слѣдующую любезность: „Я вижу въ представителяхъ Бухары надежду, опытность и силу“.

совершенно исказили ходъ недавнихъ событій — Датха согласился съ тѣмъ, что письма дѣйствительно грѣшатъ въ этомъ отношеніи, но что самъ эмиръ вовсе не хотѣлъ воевать съ русскими и былъ принужденъ къ этому своими мятежными подданными. Наконецъ для Россіи нѣсколько городовъ не составятъ важнаго пріобрѣтенія, тогда какъ для Бухары это почти вопросъ о существованіи.

На просьбу о сложеніи контрибуціи, датхѣ возражено, что эта мѣра была необходима: во первыхъ, для пополненія военныхъ издержекъ, сдѣланныхъ изъ за враждебности Бухары, а во вторыхъ и для того, чтобы мятежные подданные эмира, принудившіе его къ войнѣ, почувствовали на своемъ собственномъ имуществѣ и всю тягость ея. — Впрочемъ, настойчивость бухарцевъ можетъ быть объяснена упорно повторявшимися слухами, что Государь Императоръ имѣлъ въ виду возвратить имъ Самаркандъ. Слухи эти не разъ высказывались и въ печати. Англійскій посолъ при нашемъ дворѣ сэръ Александръ Букананъ увѣдомлялъ свое правительство (депешей отъ 1 ноября 1869 года), что возвратить Самаркандъ было желаніемъ Императора, «но при этомъ встрѣчалось только то затрудненіе, *какъ* это сдѣлать безъ ущерба достоинству и безъ утраты гарантіи за благосостояніе населенія, принявшаго русское подданство». Въ другой депешѣ отъ 13 іюля 1870 г. сэръ Букананъ сообщалъ лорду Гренвилю, что «намѣреніе Его Императорскаго Величества было вывести войска изъ Самарканда, какъ только бухарскій эмиръ исполнитъ свое обѣщаніе».

Далѣе пояснялось, что отъ эмира будутъ требовать: «не назначать никого правителемъ Самарканда, безъ одобренія генерала Кауфмана, смѣщать и наказывать назначеннаго такимъ способомъ правителя тотчасъ, какъ только его поведеніе, относительно подданныхъ Императора, дастъ поводъ къ справедливымъ жалобамъ». Замѣтивъ, что при такомъ порядкѣ вещей, дѣйствительное управленіе областью останется въ рукахъ Россіи, с. Букананъ прибавляетъ: «нашли проще и желательнѣе, по крайней мѣрѣ для Россіи — сохранить безуслов-

ное обладаніе городомъ, который по его положенію на верховьяхъ Зеравшана, держитъ Бухару точно въ горсти».

Ничего нѣтъ мудренаго, что всѣ такія соображенія, предположенія и слухи доходили, тѣмъ или другимъ путемъ, и до бухарцевъ.

По возвращеніи бухарскаго посольства въ Ташкентъ, 1 марта 1870 г., генералъ-губернаторъ въ тотъ же день послалъ къ эмиру письмо съ нарочнымъ, которому приказалъ присмотрѣться по дорогѣ, къ расположенію умовъ населенія и къ военнымъ приготовленіямъ, о которыхъ доходили отовсюду слухи. Лазутчики сообщали о безпрерывныхъ сношеніяхъ эмира съ сосѣдними ханствами, что давало поводъ опасаться общей коалиціи. Нарочный вернулся, впрочемъ, съ успокоительными свѣдѣніями, и Тюря-Джанъ, 8-го апрѣля, былъ отпущенъ. Не веселъ былъ кортежъ бухарской миссіи: датха предчувствовалъ невзгоду, такъ какъ ни одна изъ просьбъ эмира не была исполнена. Бѣдный Тюря-Джанъ попытался было тронуть сердце генералъ-губернатора письменной просьбой, поданной имъ на торжественной аудіенціи 2 марта. «Я пріѣхалъ въ Ташкентъ, писалъ принцъ, съ твердою вѣрою въ сердцѣ, что Ваше Превосходительство сдѣлаете это (дѣло идетъ о возвращеніи Самарканда) лично ради меня, чтобы я не вернулся на родину опозоренный, съ лицомъ, раскраснѣвшимся отъ стыда передъ эмиромъ, моимъ отцомъ, и передъ народомъ». Надежда эта оказалась напрасною.

Датха дѣйствительно впалъ въ немилость, а Тюря-Джанъ потерялъ всякое преимущество передъ остальными братьями.

Такъ какъ тревожные слухи о замыслахъ Хивы и участіи ея въ волненіяхъ и безпорядкахъ киргизовъ оренбургскаго вѣдомства распространялись еще съ осени 1869 года, то изъ форта Перовскій былъ выдвинутъ отрядъ на Куванъ-Дарью съ тѣмъ, что въ случаѣ неполученія свѣдѣній о Сыддыкѣ, отрядъ долженъ былъ идти дальше на Яны-Дарью, которой Сыддыкъ никакъ миновать не можетъ. Другой рекогносцировочный отрядъ изъ 2-хъ сотенъ казаковъ, выступивъ, 24-го октября, изъ Джизака, прошелъ въ 15 дней 380 верстъ къ самымъ Буканскимъ горамъ, вплоть до хивинской границы и, не встрѣтивъ никакихъ препятствій, поставилъ знаки на новой нашей границѣ, опредѣленной авторомъ этихъ строкъ по соглашенію съ прибывшимъ къ отряду бухарскимъ уполномоченнымъ.

Современно этимъ движеніямъ нашихъ отрядовъ въ Кизилъ Кумы, эмиръ подчинялъ своей власти отпавшіе отъ Бухары города: Гиссаръ, Кулябъ, Дейнау и прочіе. Наиболѣе опасный для эмира Кулябскій бекъ, Сары-Ханъ, былъ разбитъ и бѣжалъ, а усмиренные города испытали на себѣ всю строгость неумолимаго и мстительнаго своего повелителя. По взятіи Куляба, эмиръ направился въ Каратегинъ, подчиненный Кокану, обвиняя каратегинскаго бека, Ширъ-Али-бія, въ поддержкѣ Сары-Хана. Ширъ-Али принужденъ былъ бѣжать въ коканскіе предѣлы, а эмиръ посадилъ на его мѣсто своего бека и присоединилъ Каратегинъ къ своему ханству. Худояръ-Ханъ обратился къ генералъ губернатору съ жалобой на эмира, который, въ свое оправданіе, представилъ письмо Ширъ-Али-бека, сильно его компрометировавшее. Худояръ-Ханъ объявилъ письмо подложнымъ, а все дѣло — коварною интригой эмира, а въ доказательство подложности печати, приложилъ одно дѣловое письмо Ширъ-Али, для сличенія. Дѣйствительно оказалось, что печать, приложенная къ письму, доставленному эмиромъ, совершенно отличается отъ подлинной, какъ небрежностью рѣзьбы, такъ и не вполнѣ правильною формою, что давало поводъ считать ее плохимъ, и на скорую руку сдѣланнымъ, снимкомъ съ подлинной.

Не желая допустить своихъ сосѣдей до серьезной ссоры и склоняясь, по многимъ причинамъ, на сторону Худояръ-Хана, генералъ-губернаторъ написалъ эмиру, чтобы онъ принялъ къ руководству въ своихъ будущихъ отношеніяхъ одно правило: «мои друзья да будутъ вашими друзьями, мои враги — вашими врагами», за тѣмъ указывалось, что коканскій ханъ уже 3 года живетъ съ нами въ мирѣ и свято соблюдаетъ

заключенныя условія, а потому онъ долженъ, въ равной степени съ эмиромъ, пользоваться покровительствомъ русскаго Государя; вслѣдствіе этого эмиру было предложено возвратить Каратегинъ законному владѣтелю. Въ то же время Худояръ-Хану былъ данъ совѣтъ отложить, на время, предпринимаемую имъ экспедицію для возвращенія Каратегина силою.

Не дождавшись отвѣта, Ширъ-Али-бій перевалилъ черезъ горы въ Каратегинъ, но былъ разбитъ соединенными силами кулябскаго и гиссарскаго беков и взятъ въ плѣнъ. Генералъ-губернаторъ посовѣтовалъ коканскому хану отправить въ спорную территорію прежняго законнаго владѣтеля, Музафаръ-Шаха, чѣмъ долженъ былъ удовлетвориться и бухарскій эмиръ, котораго также просили отпустить зато коканскаго вождя изъ плѣна. Эмиръ исполнилъ и эту просьбу.

Такимъ образомъ, наше посредничество, уладило каратегинское дѣло, грозившее было серьезной распрей между Коканомъ и Бухарой. Это еще болѣе подняло авторитетъ русскаго имени.

Неурядица послѣдняго года, междоусобія и взаимные грабежи повліяли весьма неблагопріятно на благосостояніе подданныхъ эмира, а это, вмѣстѣ съ политическою распущенностью народа, выразилось появленіемъ множества разбойничьихъ шаекъ, вторгавшихся иногда и въ наши предѣлы. Въ особенности отличалась шайка Бабана, грабившая по дорогѣ между Джамомъ и Катты-Курганомъ. Такъ какъ зіаддинскій бекъ, (пограничный съ нами) откровенно сознался въ своемъ безсиліи, то генералъ-губернаторъ приказалъ принять всѣ мѣры къ уничтоженію шайки, хотя бы она была застигнута и внѣ нашихъ предѣловъ. Въ срединѣ декабря 1869 г., по полученіи извѣстія о появленіи шайки Бабана въ 300 человѣкъ, изъ Катты-Кургана были двинуты полторы сотни казаковъ, которые настигли шайку въ 18 верстахъ за нашими предѣлами и частью порубили, частью разогнали разбойниковъ. 25 плѣнныхъ были отправлены къ зіаддинскому беку, который и велѣлъ ихъ зарѣзать.

Еще до возвращенія Тюря-Джана изъ С.-Петербурга, въ Ташкентѣ распространился слухъ, будто эмиръ, недовольный результатомъ посольства, объявилъ народу о неизбѣжности новой войны съ русскими и вступилъ поэтому въ переговоры съ Хивою и Авганистаномъ. Задержка въ уплатѣ контрибуціи придавала этому слуху еще большее значеніе, но все это оказалось лишеннымъ всякаго основанія, и нашъ нарочный, посланный къ Эмиру съ увѣдомленіемъ о прибытіи Тюря-Джана, сообщилъ, что Бухарцы напротивъ сами боятся нашего движенія къ нимъ, о наступленіи же, конечно и не думаютъ. Желая окончательно успокоить бухарцевъ, въ этомъ отношеніи, генералъ-губернаторъ, подъ предлогомъ отвѣта на многократныя посольства эмира и, въ особенности, на любезность, оказанную имъ посылкою любимаго своего сына къ Высочайшему двору, рѣшился отправить въ Бухару посольство, возложивъ эту миссію на полковника Носовича и придавъ ему свиту изъ 8 лицъ и конвой изъ 50 казаковъ.

Посольство это было принято съ большимъ почетомъ и выполнило возложенную на него миссію весьма успѣшно. Народъ также относился къ русскимъ довольно ласково, чему способствовало то обстоятельство, что вмѣстѣ съ посольствомъ пришла въ Бухару и вода, пущенная по распоряженію Абрамова. Кушъ-беги *) въ разговорахъ съ нашимъ посломъ между прочимъ высказалъ желаніе эмира получить 4000 ружей и мастеровъ для литья пушекъ, такъ какъ въ случаѣ войны съ авганцами, ему нельзя будетъ обойтись съ настоящимъ запасомъ оружія. Эта просьба конечно подала поводъ разъяснить эмиру: какъ онъ долженъ вести себя относительно Авганистана. Единственный результатъ нашего посольства заключался въ успокоительныхъ свѣдѣніяхъ относительно политики эмира и общаго настроенія въ Бухарѣ. Эмиръ впол-

*) Такъ сказать министръ иностранныхъ дѣлъ. Онъ же экономъ и ключникъ. Выколачивая въ кладовой халаты, Кушъ-беги самодовольно поглядываетъ на цѣлыя кучи этого добра и восклицаетъ: „наше государство тоже не маленькое“.

нѣ сознавалъ, что прочность его власти внутри ханства, зависитъ отъ поддержки, которую мы ему оказали и далъ понять, что ради сохраненія за собою престола своихъ предковъ, онъ готовъ даже стать въ зависимое отъ насъ положеніе. Эмиръ отклонилъ отъ себя всякую солидарность съ замыслами кабульцевъ и шахрисябзсцевъ и рѣшился не допускать Ширъ-Али-Хана утвердиться на правомъ берегу Аму-Дарьи.

Почти одновременно съ прибытіемъ въ Бухару нашего посольства, явилось туда и посольство отъ кабульскаго эмира. Еще раньше прибыли сюда послы турецкій и хивинскій. Что за переговоры велись между эмиромъ и всѣми этими послами—неизвѣстно. Говорятъ однакоже, что дѣло шло о составленіи союза противъ Россіи и что Эмиръ соглашался на это лишь при условіи, что союзники самымъ дѣломъ, а не на словахъ только, признаютъ его главенство. Такъ по крайней мѣрѣ можно судить изъ слѣдующихъ словъ, сказанныхъ эмиромъ посламъ авганскимъ и хивинскимъ: «я сильно и не одинъ разъ поплатился за то, что начиналъ войну... вы говорите мнѣ, что я старшій, приглашаете меня стать во главѣ... пусть сначала ваши ханы пріѣдутъ ко мнѣ, поклонятся мнѣ и тѣмъ докажутъ мнѣ, что признаютъ мое главенство.»

Такое требованіе, понятно, болѣе походило на отказъ, чѣмъ на согласіе. Тутъ къ тому же, подоспѣло русское посольство, торжественный пріемъ котораго показалъ искателямъ союза несбыточность ихъ надеждъ, и съ того дня турецкое и авганское посольство перестали показываться на улицахъ.

Мелкія и полунезависимыя бекства: кштутское, магіянское, мачинское, фарабское и проч., занимающія все пространство между заравшанскимъ округомъ, коканскими владѣніями и ходжентскимъ уѣздомъ, по верховьямъ рѣки Зеравшана, составляли поэтому черезполосное владѣніе бухарскаго эмира и служили убѣжищемъ для всего, что имѣло причины насъ бояться или отъ насъ укрываться. Бекства эти никогда не подчинялись, на самомъ дѣлѣ, ни одному изъ сосѣднихъ хановъ. Генералъ-губернаторъ рѣшился держаться,

относительно ихъ, той же политики, какою руководился прежде эмиръ: предоставить ихъ самимъ себѣ, не вмѣшиваясь въ ихъ внутреннія дѣла и заботясь только о томъ, чтобы заставить ихъ уважать неприкосновенность нашихъ границъ. Мы не измѣнили этому взгляду даже и послѣ нападенія, сдѣланнаго беками названныхъ владѣній на отрядъ генерала Абрамова, возвращавшійся изъ экспедиціи, снаряженной для изслѣдованія верховьевъ Зеравшана и озера Искандеръ-Куля. Но съ появленіемъ въ заравшанскомъ округѣ магіанскихъ и кштутскихъ партизановъ-разбойниковъ, посланныхъ беками съ цѣлью заставить насъ отдать имъ какіе-то два спорныхъ кишлака, у насъ рѣшено было задать безпокойнымъ сосѣдямъ необходимый урокъ. Во всѣхъ этихъ нападеніяхъ можно было предполагать и другую, болѣе сильную руку, указанную и голосомъ народа. Съ нѣкотораго времени замѣчена была перемѣна къ худшему въ отношеніяхъ къ намъ шахрисябзскихъ бековъ: напуганые прошлогодними рекогносцировками, беки эти сначала присмирѣли и съ готовностью исполняли всѣ наши требованія, но со времени прибытія авганскаго посольства, беки совершенно измѣнили и тонъ свой и поступки.

Въ концѣ іюня 1870 г., на казаковъ, посланныхъ изъ Самарканда къ нашему сборщику зякета, было сдѣлано нападеніе. Чиновникъ нашъ почерпнулъ откуда-то свѣдѣніе будто нападеніе это произведено извѣстнымъ разбойникомъ, Айдаръ-Ходжею, пользовавшимся особымъ покровительствомъ Шахрисябзскихъ бековъ, у которыхъ служилъ въ качествѣ посыльнаго. На требованіе выдачи этого разбойника беки отвѣчали, что ни по шаріату, ни по совѣсти, выдать невиннаго не могутъ, такъ какъ Айдаръ-Ходжа въ нападеніи не только не участвовалъ, но и былъ въ это время совершенно въ другомъ мѣстѣ. На повтореніе нашего требованія, беки отвѣчали молчаніемъ. Тогда рѣшено было покончить наконецъ съ беками, которые зашли уже слишкомъ далеко, чтобы можно было повѣрить еще разъ ихъ обѣщаніямъ, вызваннымъ опасностью. 7 августа два отряда наши, подъ общимъ началь-

ствомъ генерала Абрамова, двинулись двумя дорогами: на Джамъ и Кара-Тюбе, а накануне эмиру было написано, чтобы онъ выслалъ своихъ чиновниковъ для немедленнаго принятія отъ насъ въ свое подданство, имѣющаго быть занятымъ, Шахрисябза. Городъ этотъ*) взятъ штурмомъ 14 августа и немедленно переданъ во власть эмира, такъ что отрядъ къ 25 августа возвратился уже въ Самаркандъ, разрушивъ Фарабское и Магіанское укрѣпленія и объявивъ эти бекства упраздненными.

Шабрисябзскіе беки бѣжали въ Коканъ, но были тамъ схвачены, по приказанію Худояръ-Хана, и выданы въ наши руки. Остальные мелкіе беки явились сами съ изъявленіемъ покорности и съ просьбою принять ихъ въ подданство Бѣлаго Царя. Айдаръ-Ходжа, послужившій яблокомъ раздора, также попалъ въ наши руки и былъ преданъ суду въ Самаркандѣ. Къ чести нашего суда надобно сказать, что Айдаръ-Ходжа былъ оправданъ. И такъ гроза разразилась надъ Шахрисябземъ только по поводу не полученія отвѣта на одинъ исходящій нумеръ... Это однакоже все равно: какъ нибудь надо же было покончить съ этимъ сосѣдомъ.

Занятіе Карши и Шахрисябза и немедленное возвращеніе ихъ законной власти эмира, произвело сильное и благопріятное для насъ впечатлѣніе у сосѣдей: они видятъ въ этомъ во первыхъ, подтвержденіе нашихъ всегдашнихъ увѣреній о нежеланіи нашемъ расширять предѣлы государства, а во вторыхъ — выгоды, истекающіе изъ нашей дружбы и невыгоды навлекать на себя наше неудовольствіе.

Программа дальнѣйшихъ нашихъ отношеній заключалась въ поддержкѣ эмира внутри его владѣній и ослабленіи враждебныхъ ему началъ. Неурожай 1870 г., пошатнувшій благосостояніе всего Туркестана, выразился въ Бухарѣ страшнымъ голодомъ. Забота о самихъ себѣ вынудила насъ запретить вывозъ хлѣба за предѣлы Туркестанскаго края. Мѣра эта не была отмѣнена даже и послѣ усиленныхъ просьбъ эмира, которому лично генералъ-губернаторъ послалъ, впрочемъ, въ видѣ подарка 100 аробъ хлѣба. Съ весной 1871 года толпы голодныхъ бѣдняковъ стали бродить по Ханству, производя иногда насилія. Среди населенія пошла молва, что голодомъ Бухара обязана русскимъ, которые давали ей воду Зеравшана лишь въ незначительномъ количествѣ, а когда почувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ, то запретили вывозъ его. Такіе слухи усиливали, конечно, враждебное къ намъ настроеніе народа и дѣлали положеніе эмира весьма затруднительнымъ. Подъ конецъ стали уже поговаривать о какихъ то приготовленіяхъ эмира, сношеніяхъ его съ Авганистаномъ и Коканомъ и проч. Возвышеніе цѣнъ на соль, привозимую изъ Карши, придавала слухамъ нѣкоторое вѣроятіе, такъ какъ говорили, будто эмиръ наложилъ на соль новую пошлину въ отплату намъ за хлѣбъ.

*) Вѣрнѣе *гнѣздо*, ибо въ общей городской стѣнѣ заключается два города: *Китабъ* и *Шаръ* и еще два укрѣпленныя селенія.

Казалось бы, что тяжелый урокъ, преподанный, эмиру, и слѣдовавшія за тѣмъ сношенія—подготовили намъ въ бухарскомъ властителѣ послушнаго и покорнаго вассала, но было также очевидно, что этотъ деспотъ безсиленъ передъ сложившимися обстоятельствами, передъ голоднымъ и волнующимся народомъ, передъ автополитическими стремленіями бековъ и передъ неугомоннымъ фанатизмомъ муллъ.

Все это подкрѣпляетъ только давно составившееся мнѣніе, что въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній нашихъ съ эмиромъ—народъ отъ него отшатнется и станетъ на нашу сторону. Эмира ненавидятъ. Противъ него безпрестанно составляютъ заговоры. Тайные гонцы то и дѣло являются въ Ташкентъ съ письмами не только отъ разныхъ бековъ и приближенныхъ эмира, но даже отъ его пріятелей. Просьбы о содѣйствіи перевороту, приглашенія занять Бухару и, если не навсегда присоединить ее къ Россіи, то хотя смѣнить при этомъ ненавистнаго эмира—вотъ въ чемъ заключается обыкновенно содержаніе этихъ писемъ.

По поводу слуховъ, о приготовленіяхъ эмира возникли у насъ дипломатическія сношенія, которыя и вызвали со стороны эмира категорическое заявленіе, что онъ намѣренъ твердо держаться установившихся отношеній довѣрія и дружбы и что онъ совершенно увѣренъ въ прямотѣ и чистосердечности увѣреній генералъ-губернатора, относительно пожеланій мира и спокойствія.

Поѣздка генералъ-губернатора въ Самаркандъ убѣдила его однакоже, что на дѣлѣ эмиръ далеко не такъ увѣренъ въ миролюбивомъ направленіи нашей политики, а бывшіе до тѣхъ поръ примѣры начатія нами компаній не иначе какъ весною, заставляли его каждую весну дѣлать разныя приготовленія «на всякій случай». Каждую весну въ бухарскомъ ханствѣ пробуждалось тревожное ожиданіе нашего нашествія со всѣми его послѣдствіями. Тревожное и воинственное настроеніе настойчиво поддерживалось враждебною намъ партіей.

Чтобы уяснить себѣ положеніе дѣлъ въ ханствѣ и ближе познакомиться съ личностью эмира, а также чтобы увѣрить какъ его, такъ и его подданныхъ въ неуклонности нашихъ стремленій поддержать въ ханствѣ власть эмира и стать относительно сосѣдей въ довѣрчивыя и мирныя отношенія—генералъ-губернаторъ командировалъ въ Бухару д. с. с. Струве, которому поручилъ также узнать: какъ понимаетъ эмиръ предстоявшую ему роль, въ случаѣ нашего движенія на Хиву?

Результатомъ поѣздки г. Струве была окончательная увѣренность, что эмиръ вполнѣ понимаетъ и цѣнитъ твердую и мирную политику, которой мы держались въ отношеніи его со времени кампаніи 1868 года.

Изъ партій, вліяющихъ на дѣла въ Бухарѣ, наибольшимъ значеніемъ пользуется партія мира. Однакоже эмиръ не въ силахъ оттолкнуть и враждебную ей, такъ долго господствовавшую въ совѣтѣ отцовъ его.

По поводу предполагавшагося движенія на Хиву, эмиръ высказался, что онъ готовъ служить всѣмъ, чѣмъ можетъ и предоставляетъ нашему отряду право пройти черезъ бухарскія владѣнія, обѣщая снабдить его всѣмъ необходимымъ.— «Ваши враги—мои враги, ваши друзья—мои друзья», пояснилъ эмиръ, въ доказательство того, что помнитъ затверженный урокъ! Г. Струве получилъ богатые подарки: множество парчевыхъ, бархатныхъ, шитыхъ золотомъ, шалевыхъ и шелковыхъ халатовъ, нѣсколько лошадей съ полнымъ уборомъ и прочее. Эмиръ предложилъ ему, говорятъ, 30.000 коκановъ серебрянною монетою—но посолъ нашъ вѣроятно не принялъ денегъ, такъ какъ, во первыхъ, это не въ его характерѣ, а во вторыхъ, ему извѣстны были, весьма недвусмысленные взгляды генералъ-губернатора на денежныя субсидіи отъ хановъ. Касательно торга невольниками г. Струве донесъ, что по тщательномъ изслѣдованіи, онъ убѣдился въ прекращеніи этого торга, изъ уваженія къ желанію генералъ-губернатора. — Впослѣдствіи мы увидимъ насколько вѣрно было это свѣдѣніе.

Справедливость требовала, въ свою очередь, доказать эмиру чѣмъ нибудь искренность нашихъ увѣреній въ дружбѣ. Случай къ этому скоро представился. Въ началѣ іюня 1871 года въ Самаркандъ явился шахрисябзскій бекъ Тохтамышъ-бій, попавшій въ опалу и бѣжавшій отъ гнѣва своего повелителя. Съ минуты своего назначенія, бекъ этотъ отличался неизмѣнною преданностью русскимъ, и во время поѣздки генералъ-губернатора въ Самаркандъ явился туда съ привѣтствіемъ и лично участвовалъ въ празднествахъ и народныхъ играхъ, устроенныхъ по этому случаю.

Говорятъ, что это-то поклоненіе Тохтамыша русской власти и возбудило противъ него неудовольствіе эмира, который, посѣтивъ Шахрисябзъ, смѣстилъ Тохтамыша и конфисковалъ все его имущество. Между нами и Бухарой не существовало картельной конвенціи о *взаимной* выдачѣ перебѣжчиковъ, мы однакоже постоянно настаивали на нашемъ правѣ требовать выдачи нашихъ бѣглыхъ. Справедливость требуетъ сказать, что эмиръ ни разу не исполнилъ ни одного такого требованія.

*

Чтобы подать эмиру примѣръ, а также чтобы доказать ему искренность намѣренія нашего всегда поддерживать его передъ подданными, генералъ-губернаторъ рѣшился выдать Тохтамыша, напомнивъ, впрочемъ, эмиру о высшемъ правѣ государя: миловать и прощать.

Тохтамышъ былъ отправленъ съ полковникомъ Колзаковымъ, посланнымъ въ Бухару для выраженія эмиру соболѣзнованія по случаю кончины сына его Тюря-Джана (Сеидъ-Абдулла-Фаттахъ-Хана *). Эмиръ внялъ ходатайству генералъ-губернатора и помиловалъ Тохтамыша.

По мѣрѣ водворенія мира и спокойствія въ бухарскомъ ханствѣ, вопросъ о размѣрѣ и порядкѣ пользованія водою Зеравшана все чаще выступалъ на арену дипломатическихъ сношеній. Для выясненія этого важнаго вопроса осенью 1871 года образована была въ Самаркандѣ коммиссія, въ трудахъ которой приняли участіе и назначенные эмиромъ спеціалисты. До сихъ поръ гидравлическія сооруженія въ окрестностяхъ Самарканда поддерживались на счетъ особаго ежегоднаго сбора съ землевладѣльцевъ, пользовавшихся водою. Вкладчиками были почти исключительно бухарскіе подданные, для которыхъ собственно и важенъ вопросъ о поддержаніи въ рѣкѣ надлежащей высоты воды. По этому ремонтныя работы производились обыкновенно подъ надзоромъ зіауддинскаго бека, ближайшаго нашего сосѣда. Каждый годъ половодье сносило до основанія всѣ работы предшествовавшаго года и каждый годъ сооруженія возобновлялись. Такой порядокъ влечетъ за собою, вопервыхъ, излишнюю трату матеріальныхъ средствъ и труда, а во вторыхъ, упускаетъ массу воды въ промежутокъ времени, пока сооруженія будутъ окончены. По этому выгоднѣе было бы устроить разъ на всегда солидныя сооруженія, хотя бы съ пособіемъ отъ казны и затѣмъ погашать этотъ долгъ тѣми

*) Того самаго, который имѣлъ счастіе представляться Государю Императору въ 1870 году.

же ежегодными взносами, которые поступали до сихъ поръ въ безотчетное распоряженіе зіауддинскаго бека.

Такой порядокъ выгоденъ еще и въ томъ отношеніи, что онъ установитъ правильный налогъ на иностранныхъ потребителей въ пользу нашихъ сооруженій и тѣмъ усилитъ наше значеніе, а во вторыхъ дастъ въ наши руки еще болѣе средствъ управлять водою Зеравшана, а слѣдовательно, и урожаями въ Бухарѣ. Вліяніе же на хозяйство и благосостояніе бухарскихъ провинцій усилитъ конечно и наше политическое вліяніе, о степени котораго можно судить уже и теперь по той готовности, съ какою, напримѣръ, эмиръ отказался отъ права сноситься съ турецкимъ султаномъ помимо нашего генералъ-губернатора.

Вопросъ о сношеніяхъ Бухары съ Портой возникъ по поводу нѣкоего Абулъ-Хая, выдававшаго себя въ Константинополѣ за бухарскаго посла и компрометировавшаго политику эмира. Результатомъ возникшей по этому поводу переписки было то, что эмиръ не только отказался отъ непосредственныхъ сношеній съ султаномъ, но и обѣщалъ выразить это письмомъ, которое конечно навсегда подорветъ передъ Портой кредитъ проходимцевъ, подобныхъ Абулъ-Хаю. Правда, что простое обѣщаніе, ни къ чему не обязываетъ, но опытъ указалъ, что также мало обязываютъ азіатскихъ властителей и формальные договоры.

Несмотря однако же на такія дружественныя отношенія съ эмиромъ, весна 1872 года принесла съ собою тѣ же обычныя опасенія, тѣ же слухи о предстоящей войнѣ, тѣ же надежды на помощь авганцевъ и содѣйствіе англичанъ. Генералъ-губернаторъ и на этотъ разъ нашелся вынужденнымъ успокоить эмира на счетъ нашихъ намѣреній и предложилъ ему въ видахъ успокоенія умовъ, прислать въ Ташкентъ посла, который бы во очію убѣдился въ отсутствіи какихъ бы то ни было приготовленій съ нашей стороны.

Предложеніе это было принято и принесло ожидаемые результаты. Пріѣздъ посла далъ поводъ отправить вмѣстѣ съ

нимъ въ Бухару агента министерства финансовъ г. Петровскаго, хорошо ознакомившагося съ положеніемъ среднеазіатской торговли и способнаго выполнить возложенную на него задачу: опредѣлить, въ какой мѣрѣ бухарскій рынокъ принадлежитъ намъ и въ какой степени своевременно закрыть его окончательно для англійскихъ товаровъ?

Наблюденія этого агента неопровержимо доказали, что торговое вліяніе наше на бухарскій рынокъ ничтожно и что рынокъ этотъ принадлежитъ не намъ. Что касается политическаго вліянія, то вѣнецъ его — уничтоженіе торга невольниками — оказался мыльнымъ пузыремъ. Въ Ташкентѣ и ранѣе было извѣстно черезъ купцовъ, что торгъ этотъ существуетъ по прежнему, но что русскихъ чиновниковъ не пускаютъ на этотъ базаръ, а сами они *не умѣютъ* или не хотятъ узнать истину. Однако же купцамъ не вѣрили. Наконецъ г. Петровскому удалось видѣть этотъ возмутительный торгъ непосредственно. Донесеніе его, впрочемъ, осталось безъ послѣдствій, можетъ быть и потому, что согласить такое явное противорѣчіе съ увѣреніями г. Струве казалось весьма труднымъ.

Какъ рынокъ — Бухара занимаетъ первое мѣсто въ ряду другихъ среднеазіатскихъ ханствъ, но, какъ мы сказали, она переполнена англійскими товарами. Поправить дѣло можно, по нашему мнѣнію, только тремя средствами: организовать солидную русскую компанію для непосредственной торговли съ Бухарою, соединить азіатскіе рынки съ нашими мануфактурами желѣзнымъ путемъ, для облегченія доступа нашимъ товарамъ или, наконецъ, занять рынокъ непосредственно. Дальнѣйшія событія укажутъ, какой изъ этихъ трехъ мѣръ придется отдать предпочтеніе.

Какъ бы ни было твердо намѣреніе наше сохранить нынѣшнія наши границы, но въ каждую данную минуту обстоятельства могутъ свернуться въ такой узелъ, развязать который придется способомъ Александра Македонскаго.

Самое простое и постоянно грозящее обстоятельство — это смерть нынѣшняго эмира. Преемники азіатскихъ деспотовъ

никогда не считаютъ себя обязанными исполнять въ точности условія, заключенныя ихъ предшественниками, которые и сами-то держатся уговоровъ только условно — пока это имъ выгодно — или пока надъ ними есть гроза. Весьма возможно поэтому, что со смертію эмира, намъ придется начинать съизнова и вразумлять его преемника тѣми же средствами какія были употреблены и для нынѣшняго.

Лучшее средство для вразумленія азіатскихъ деспотовъ, конечно, не дипломатія, а стрѣлковая цѣпь. Не какому-нибудь полуграмотному Бердыкулу *) обязаны мы обаяніемъ русскаго имени и добропорядочнымъ поведеніемъ сосѣднихъ хановъ, а нашимъ скромнымъ линейнымъ батальонамъ, нашимъ стрѣлкамъ, нашимъ казакамъ!

Безпрекословная покорность, съ которою эмиръ соглашался пропустить наши войска чрезъ свои владѣнія во время хивинской экспедиціи 1873 года, готовность, съ какою онъ поспѣшилъ снабдить нашъ голодный отрядъ хлѣбомъ — все это не признаки бухарскаго къ намъ расположенія, а признаки спасительнаго страха.

Просьба о хлѣбѣ была написана, конечно, въ такомъ смыслѣ, что вотъ-де въ Хала-ата отрядъ простоитъ нѣсколько дней и желательно бы было покормить людей *свѣжимъ* хлѣбомъ, а потому его высокостепенство сдѣлаетъ большое одолженіе, если предложитъ своимъ купцамъ привезти на этотъ пунктъ тысячъ пять пудовъ муки. Ужь одно количество требуемой муки указывало, что дѣло шло вовсе не о томъ, чтобы *покормить людей свѣжимъ хлѣбомъ*, а чтобы и было съ чѣмъ идти дальше. Эмиръ, конечно, прекрасно зналъ, въ какомъ затрудненіи находился русскій отрядъ и поспѣшилъ задобрить голоднаго льва: 400 батмановъ (3,200 пудовъ) муки, 50 батм. ячменя и 30 батм. рису были немедленно посланы имъ въ подарокъ

*) Извѣстный въ Ташкентѣ татаринъ джигитъ, часто посылаемый курьеромъ въ ханства.

генералъ-губернатору съ предупрежденіемъ въ письмѣ, что плату за этотъ хлѣбъ онъ приметъ какъ оскорбленіе.

«Дорого яичко въ Великъ день» говоритъ русская пословица, а великъ день туркестанскаго отряда и случился какъ разъ въ это время: не приди хлѣбъ изъ Бухары — пришлось бы можетъ быть вернуться... Понятно, что любезность эмира была оцѣнена по достоинству. Вотъ что писалъ эмиру генералъ-губернаторъ отъ 23 апрѣля: «Любезное и широкое гостепріимство, оказанное вами войскамъ великаго бѣлаго царя, во время пути слѣдованія ихъ по вашимъ владѣніямъ, вызываетъ меня еще разъ выразить вамъ мою искреннюю признательность за ваши сосѣдскія чувства къ намъ». Далѣе сообщалось, что въ виду предстоящаго труднаго перехода до Учь-Учака, чрезъ безводную степь и пески, и для освобожденія нѣкотораго числа верблюдовъ для перевозки воды, въ Хала-атѣ оставляется часть тяжестей, подъ прикрытіемъ небольшого отряда, который въ то же время оградитъ и бухарскія владѣнія отъ хищныхъ хивинцевъ. Затѣмъ, въ знакъ особаго вниманія, эмиру докладывалось, что войска здоровы, что «всѣ отъ меньшаго до старшаго жаждутъ встрѣчи съ непріятелемъ...» и что «обо всемъ этомъ сообщается его высокостепенству, какъ вѣрному нашему другу и союзнику».

Вѣрный другъ и союзникъ получилъ, сверхъ письменной признательности, и матеріальное вознагражденіе: всю песчаную безводную пустыню по правому берегу Аму-Дарьи, до самыхъ границъ занятаго нами населеннаго района. Такимъ образомъ по сю сторону Аму-Дарьи нѣтъ уже ни пяди хивинской земли.

Бывшій секретарь американскаго посольства въ Петербургѣ г. Скайлеръ ѣздилъ въ Бухару какъ разъ во время экспедиціи и потому имѣлъ возможность довольно близко познакомиться съ расположеніемъ умовъ жителей. Вотъ что говоритъ онъ въ депешѣ своей къ маршалу Джуэль отъ 7 марта 1874 года:

«Въ началѣ экспедиціи Бухара устрашилась мысли, что силы русскихъ двинулись также и на нее; страхъ былъ такъ великъ, что купцы выслали даже свои товары, а затѣмъ и сами отправились вслѣдъ за ними въ Самаркандъ — подальше отъ бѣды. Наконецъ, на Бухару напала такая паника, что населеніе предложило схватить своего эмира и выдать его русскимъ. Но эмиръ притворился другомъ: онъ встрѣтилъ русскихъ на своей границѣ, вышелъ къ нимъ съ дарами и отправилъ съ экспедиціею своего посла. Онъ отпустилъ русскимъ запасы и верблюдовъ, а самъ между тѣмъ наблюдалъ, какія личныя выгоды можно извлечь изъ даннаго положенія, и пока одною рукою онъ отправлялъ къ русскимъ медоточивыя посланія и заѣзженныхъ верблюдовъ,—другою онъ благословлялъ и снабжалъ деньгами троихъ туркменскихъ старшинъ, которые и отправились изъ Бухары въ Хиву. Русскіе предпочитаютъ смотрѣть сквозь пальцы на его образъ дѣйствій, а за равнодушіе, съ какимъ эмиръ взглянулъ на возведеніе на бухарской почвѣ форта св. Георгія, они даже подарили ему полоску земли на правомъ берегу Аму-Дарьи, — давно бывшей предметомъ раздора между Бухарой и Хивою».

И такъ безпрепятственностію движенія нашихъ войскъ, мы обязаны не дипломатіи, а страху, внушенному самими войсками. Хотя эмиръ, какъ оказывается, дѣйствовалъ не по доброй волѣ, а подъ гнетомъ собственныхъ подданныхъ, тѣмъ не менѣе, по окончаніи похода, въ Бухару отправлено было посольство съ камергеромъ Струве во главѣ, чтобы почтить эмира выраженіемъ благодарности за его содѣйствіе. Это было послѣднее прощаніе нашего дипломата, назначеннаго уже уполномоченнымъ при Японскомъ дворѣ. Пріемъ, сдѣланный г-ну Струве, превосходилъ всѣ прежніе по внимательности и предупредительности, коими его окружали. Бывшій при отрядѣ бухарскій посолъ освѣдомился какія вина предпочитаетъ г. Струве и закупилъ у маркитанта нѣсколько ящиковъ шампанскаго, которые и были отправлены съ караваномъ вслѣдъ за посольствомъ. При слѣдованіи отъ Бухары къ Карши, гдѣ въ это время былъ эмиръ, такихъ каравановъ съ запасами было

выслано два: одинъ заранѣе по караванной дорогѣ, другой съ посольствомъ, шедшимъ на прямикъ. Вообще раздолье было полное и стало таки въ копѣйку бухарцамъ. Г. Струве счелъ не лишнимъ заключить съ эмиромъ новый договоръ, повторявшій отъ слова до слова большую часть статей трактата 1868 года. Не знаемъ, для чего это понадобилось — развѣ для того, чтобы еще разъ напомнить эмиру о необходимости когда-нибудь исполнить тѣ статьи, которыя до сихъ поръ остаются только на бумагѣ?

Прилагаемъ здѣсь текстъ самаго договора:

Статья 1-я. Пограничная черта между владѣніями Его Императорскаго Величества Императора Всероссійскаго и его высокостепенства эмира бухарскаго остается безъ измѣненія.

Съ присоединеніемъ нынѣ къ русскимъ владѣніямъ всѣхъ хивинскихъ земель, лежащихъ на правомъ берегу рѣки Аму-Дарьи, прежняя граница владѣній бухарскаго эмира съ Хивинскимъ ханствомъ, идущая на западѣ отъ урочища Халъата, по направленію къ тогаю Гугертли, на правомъ берегу Аму, уничтожается. Къ владѣніямъ бухарскаго эмира присоединяется земля, заключающаяся между прежнею бухаро-хивинскою границею, правымъ берегомъ Аму-Дарьи, отъ Гугертли до тогая Мешекли включительно и чертою, идущею отъ Мешекли къ точкѣ соединенія прежней бухаро-хивинской границы съ граничною чертою Россійской имперіи.

Статья 2-я. Съ отдѣленіемъ праваго берега Аму-Дарьи отъ Хивинскаго ханства, всѣ караванныя дороги, ведущія изъ Бухары на сѣверъ, въ русскія владѣнія, проходятъ черезъ земли, исключительно бухарскія и русскія. За безопасностью караваннаго и торговаго движенія по этимъ дорогамъ будутъ блюсти оба правительства русское и бухарское, каждое внутри своихъ предѣловъ.

Статья 3-я. Въ той части рѣки Аму-Дарьи, которая принадлежитъ бухарскому эмиру, предоставляется свободное плаваніе по рѣкѣ, наравнѣ съ бухарскими судами, русскимъ пароходамъ и другимъ русскимъ судамъ, какъ правительственнымъ, такъ и частнымъ.

Статья 4-я. Въ тѣхъ мѣстахъ на бухарскихъ берегахъ Аму-Дарьи, гдѣ окажется необходимымъ и удобнымъ, русскіе имѣютъ право устраивать свои пристани и склады для товаровъ. Наблюденіе за безопасностью и сохранностью этихъ пристаней и складовъ беретъ на себя бухарское правительство. Утвержденіе выбранныхъ мѣстъ для пристаней зависитъ отъ высшей русской власти въ Средней Азіи.

Статья 5-я. Всѣ города и селенія бухарскаго ханства открыты для русской торговли. Русскіе купцы и русскіе караваны могутъ свободно разъѣзжать по всему ханству и пользуются особеннымъ покровительствомъ мѣстныхъ властей. За безопасность русскихъ каравановъ внутри бухарскихъ предѣловъ отвѣчаетъ бухарское правительство.

Статья 6-я. Со всѣхъ безъ исключенія товаровъ, принадлежащихъ русскимъ купцамъ, идущихъ изъ русскихъ предѣловъ въ Бухару или изъ Бухары въ Россію, будетъ взиматься въ Бухарѣ по два съ половиной процента со стоимости товаровъ, подобно тому какъ и въ Туркестанскомъ краѣ взимается одна сороковая часть. Сверхъ этого зякета, не будутъ взиматься никакія постороннія, добавочныя пошлины.

Статья 7-я. Русскимъ купцамъ предоставляется право безпошлиннаго провоза своихъ товаровъ черезъ бухарскія владѣнія во всѣ сосѣднія земли.

Статья 8-я. Русскимъ купцамъ будетъ дозволено имѣть въ бухарскихъ городахъ, гдѣ окажется необходимымъ, свои караванъ-сараи, въ которыхъ бы они могли складывать свои товары. Тѣмъ же правомъ будутъ пользоваться бухарскіе купцы въ городахъ Туркестанскаго края.

Статья 9-я. Для наблюденія за правильнымъ ходомъ торговли и за законнымъ взиманіемъ пошлины, а также и для сношеній по купеческимъ дѣламъ съ мѣстными властями предоставляется русскимъ купцамъ право имѣть во всѣхъ бухарскихъ городахъ торговыхъ агентовъ. Право это предостав-

ляется и бухарскимъ купцамъ въ городахъ Туркестанскаго края.

Статья 10-я. Торговыя обязательства между русскими и бухарцами должны быть исполняемы свято и ненарушимо, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Бухарское правительство обѣщается слѣдить за честнымъ исполненіемъ всякихъ торговыхъ сдѣлокъ и добросовѣстнымъ веденіемъ торговыхъ дѣлъ вообще.

Статья 11-я. Русскимъ подданнымъ, наравнѣ съ подданными бухарскими, предоставляется право заниматься въ бухарскихъ владѣніяхъ разными промыслами и ремеслами, допускаемыми шаріятомъ, такъ точно какъ это дозволено и бухарскимъ подданнымъ въ русскихъ владѣніяхъ, по отношенію къ промысламъ и ремесламъ, допускаемымъ русскими законами.

Статья 12-я. Русскимъ подданнымъ предоставляется право имѣть въ ханствѣ недвижимое имущество, т. е. покупать дома, сады и пашни. Имущество это облагается поземельною податью наравнѣ съ имуществомъ бухарскихъ подданныхъ. Тѣмъ же правомъ будутъ пользоваться и бухарскіе подданные въ предѣлахъ Россійской имперіи.

Статья 13-я. Русскіе подданные пріѣзжаютъ въ бухарскія владѣнія съ выданными имъ отъ русскаго начальства билетами на свободный проѣздъ за границу; они имѣютъ право свободно разъѣзжать по всему ханству и пользуются особеннымъ покровительствомъ бухарскихъ властей.

Статья 14-я. Правительство бухарское ни въ какомъ случаѣ не принимаетъ къ себѣ разныхъ выходцевъ изъ Россіи, являющихся безъ дозволительнаго на то вида отъ русской власти, къ какой бы національности они ни принадлежали. Если кто изъ преступниковъ, русскихъ подданныхъ, будетъ скрываться отъ преслѣдованія законовъ въ предѣлахъ бухарскихъ, то таковой изловится бухарскими властями и доставится ближайшему русскому начальству.

Статья 15-я. Дабы имѣть непрерывное, непосредственное сношеніе съ высшею русскою властью въ Средней Азіи, эмиръ бухарскій назначаетъ, изъ числа своихъ приближенныхъ довѣренное лицо постояннымъ посланцемъ и уполномоченнымъ отъ себя въ Ташкентъ. Этотъ уполномоченный будетъ жить въ Ташкентѣ, въ эмировскомъ домѣ и на счетъ эмира.

Статья 16-я. Русское правительство точно также можетъ имѣть постояннаго своего представителя въ Бухарѣ при высокостепенномъ эмирѣ. Уполномоченный русской власти въ Бухарѣ, точно также какъ и уполномоченный въ Ташкентѣ, будетъ жить въ домѣ и на счетъ русскаго правительства.

Статья 17-я. Въ угоду Государю Императору Всероссійскому, и для вящшей славы Его Императорскаго Величества, высокостепенный эмиръ Сеидъ-Музафаръ, постановилъ: отнынѣ, въ предѣлахъ бухарскихъ, прекращается на вѣчныя времена постыдный торгъ людьми, противный законамъ человѣколюбія. Согласно съ этимъ постановленіемъ, Сеидъ-Музафаръ нынѣ же разсылаетъ ко всѣмъ своимъ бекамъ строжайшее въ этомъ смыслѣ предписаніе; въ пограничные же города бухарскіе, куда привозятся изъ сосѣднихъ странъ невольники для продажи бухарскимъ подданнымъ, пошлется, кромѣ помянутаго предписанія о прекращеніи торговли невольниками, еще и повелѣніе о томъ, что если, вопреки приказанію эмира, будутъ туда привозиться невольники, то таковыхъ отобрать отъ хозяевъ и немедленно освободить.

Статья 18-я. Его высокостепенство Сеидъ-Музафаръ, отъ искренней души желая развить и упрочить дружескія сосѣдскія отношенія, существующія для блага Бухары уже пять лѣтъ, принимаетъ къ руководству вышеизложенныя 17 статей, составляющія договоръ о дружбѣ Россіи съ Бухарою. Договоръ этотъ написанъ въ двухъ экземплярахъ, каждый на двухъ языкахъ, на русскомъ и на тюркскомъ. Въ знакъ утвержденія этого договора и принятія его къ руководству для себя и для преемниковъ своихъ, эмиръ Сеидъ-Музафаръ приложилъ свою печать. Въ Шаарѣ, въ 28-й день сентября 1873 года, мѣсяца шагбана въ 19-й день 1290 года.

Изъ 18-ти статей новаго договора какъ видно дѣйствительно новыми были только тѣ, въ которыхъ говорилось о присоединенiи къ Бухарѣ пустыни отъ Халъ-ата до Мешекли, о свободномъ плаванiи русскихъ судовъ по Аму-Дарьѣ, о правѣ русскихъ устраивать пристани на бухарскомъ берегу, объ учрежденiи постоянныхъ дипломатическихъ агентовъ бухарскаго — въ Ташкентѣ и русскаго — въ Бухарѣ, о выдачѣ русскихъ преступниковъ, въ случаѣ бѣгства ихъ въ бухарскiя владѣнiя и наконецъ объ уничтоженiи торга невольниками. Статьи, касающiяся до плаванiя по рѣкѣ, учрежденiя консульства, выдачи бѣглыхъ, и торга невольниками — точно также какъ взятыя изъ прежняго договора—о безпрепятственномъ допускѣ русскихъ людей во всѣ города ханства, объ учрежденiи караванъ-башей и караванъ-сараевъ, гдѣ бы ни вздумалось—все это по меньшей мѣрѣ излишне. Мы требуемъ, во первыхъ, такихъ вещей, какими не въ силахъ пользоваться и потому бухарцы привыкаютъ считать договоръ пустымъ разговоромъ, во вторыхъ, мы настаиваемъ на такихъ вещахъ, какiя не во власти эмира напр.—выдача бѣглыхъ и уничтоженiе торга невольниками—договоръ опять теряетъ практическое значенiе.

Когда мы заведемъ судоходство по Аму-Дарьѣ, то, конечно, и безъ договора бухарцы препятствовать плаванiю не будутъ. Когда вмѣсто единственнаго русскаго купца явится «множественное число», то и караванъ-сараи, конечно, понадобятся и найдутся безъ всякаго участiя бухарскаго правительства. Если наконецъ, мы сколотимъ средства содержать дипломатическаго агента въ Бухарѣ, то и просить объ этомъ эмира заранѣе не для чего. Что касается до свободныхъ разъѣздовъ по ханству, то бухарцы всегда найдутъ средство удержать предпрiимчивость любознательнаго человѣка: «мы не поручимся, что васъ тамъ не зарѣжутъ»—вотъ фраза, которая прекрасно служила до сихъ поръ бухарцамъ. Бѣглыхъ нашихъ въ Бухарѣ ни разу еще розыскать не могли; даже плѣнныхъ, о которыхъ доходили въ Ташкентъ слухи, мы не могли иногда выручить: «отправленъ въ Чарджуй и тамъ волею Божiею умеръ»—было отвѣтомъ. Наконецъ, по поводу невольничьяго рынка, мы должны сознаться, что всѣ наши заявленiя служатъ только для самообольщенiя: рынокъ этотъ всегда существовалъ въ Бухарѣ, а послѣ договора 1873 года именно-то и усилился, такъ какъ въ Хивѣ невольничество стало невозможнымъ вблизи русскихъ штыковъ! Вотъ что пишетъ по этому поводу г. Скайлеръ:

«Я самъ, бывши въ Бухарѣ въ августѣ мѣсяцѣ, видѣлъ также открытый торгъ персiанами на базарѣ, и купилъ одного изъ нихъ себѣ; но власти испугались, догадавшись, что я могу этимъ доказать ихъ предательство относительно русскихъ, и отобрали у меня невольника. Я тогда купилъ другого, чрезъ посредство своего слуги, и привезъ съ собою сначала въ Ташкентъ, а затѣмъ въ Петербургъ. Это произвело скандалъ въ Самаркандѣ и Ташкентѣ, такъ какъ случилось именно въ то время, когда пришло извѣстiе о томъ, что генералъ Кауфманъ настоялъ на освобожденiи всѣхъ невольниковъ-персiанъ въ Хивѣ. Но фактъ покупки мною невольника на базарѣ понравился многимъ, какъ оффицiальнымъ, такъ и другимъ лицамъ, потому что я тѣмъ самымъ доставилъ правительству осязательное доказательство существованiя запрещеннаго торга».

Не знаемъ, что будетъ дальше — весьма вѣроятно, впрочемъ, что съ отъѣздомъ г. Струве, котораго бухарцы очень любили, дѣла пойдутъ иначе. Бухарскiй консулъ въ Ташкентѣ сдѣлался *теперь* неизбѣжною необходимостiю. Новый нашъ дипломатическiй чиновникъ г. Вейнбергъ предпочитаетъ лучше внушать къ себѣ уваженiе чѣмъ любовь. Мы полагаемъ, что наши договоры не останутся уже мертвою буквою, что бухарцевъ заставятъ исполнять *всѣ* статьи договоровъ и что, наконецъ въ Бухарѣ будетъ учреждено русское консульство.

Глава IV.

Опасенія Кокана по поводу назначенія новаго начальника края.—Переговоры.—Заключеніе торговаго трактата.—Поведеніе Худояръ-Хана во время войны нашей съ Бухарою въ 1868 году. — Письмо хана къ Государю. — Бриллiантовая звѣзда.—Просьба Худояръ-Хана о заступничествѣ противъ притязаній эмира на Каратегинъ.— Постоянный агентъ кокансій въ Ташкентѣ.—Предупредительность хана.—Выдача бѣжавшихъ въ Коканъ шахрисябзскихъ бековъ.—Командировка Г. Струве въ Коканъ.—Народный пиръ по случаю объявленія хану Высочайшаго одобренія по поводу выдачи беговъ. — Ханъ-поставщикъ хлѣба для русскихъ войскъ.—Наша будущая программа.—Чего можно ожидать отъ Ханъ-Задэ, наслѣдника престола? — Взглядъ американца на наши отношенія къ Кокану. — Нужно ли учреждать резиденство въ Коканѣ?

По пріѣздѣ въ Ташкентъ, генералъ фонъ-Кауфманъ увѣдомилъ Сеидъ-Худояръ-Хана о своемъ пріѣздѣ, предложивъ ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, прислать въ Ташкентъ довѣренное лицо, для переговоровъ о заключеніи торговаго трактата. По отправленіи нарочнаго съ этимъ письмомъ, генералъ-губернаторъ выѣхалъ на передовую линію и, по пріѣздѣ въ Ходжентъ 19-го Ноября, узналъ, что въ Коканѣ серьезно опасаются перемѣны нашей политики съ пріѣздомъ новаго генералъ-губернатора. Слухи эти казались тѣмъ вѣроятнѣе, что кокансія войска начали сосредоточиваться въ нѣкоторыхъ пунктахъ, а частные оружейники получили большіе заказы отъ казны. Это побудило генералъ-губернатора, изъ Ходжента же, послать успокоительное письмо, удостовѣрявшее, что единственною цѣлью поѣздки на линію, есть осмотръ войскъ и ознакомленіе со страною, ввѣренною его управленію.

Ко времени возвращенія генералъ-губернатора въ Ташкентъ, ханъ прислалъ Судура-Сарымсака-ходжу съ любезнымъ

и витіеватымъ письмомъ, которое было представлено въ торжественной аудіенціи 3 декабря. «Мы рабы Бога и молимся чистымъ сердцемъ, писалъ ханъ. Всѣ люди происходятъ отъ Адама и потому да царствуетъ кротость между царями! Богъ указалъ намъ, прежде всего, жить въ мирѣ другъ съ другомъ. Исполнивъ заповѣдь Бога, создавшаго 18,000 народовъ я начинаю: дружба и пріязнь есть вино—кто попробуетъ одну каплю, тотъ забудетъ все горе, всѣ неудовольствія и развеселится...» Далѣе ханъ просилъ не вѣрить несправедливымъ слухамъ и объяснялъ сборы войска тѣмъ, что «и у насъ есть обычай ежегодно смотрѣть войска и выдавать имъ: лѣтомъ—лѣтнія, а осенью—зимнія одежды». Посланникъ былъ торжественно принятъ въ присутствіи всѣхъ чиновъ управленій и нѣкоторыхъ наиболѣе почетныхъ жителей Ташкента. Въ отвѣтной рѣчи своей генералъ-губернаторъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «я не трону тѣхъ, кто дорожитъ дружбой великой русской земли, но горе тѣмъ, которые не поймутъ благодѣтельныхъ видовъ миролюбиваго Бѣлаго Царя: войска Его Величества всегда готовы, по знаку моему, наказать безпокойнаго сосѣда, и никакія крѣпости, никакія вооруженія не спасутъ тогда виновнаго.»

Въ переговорахъ съ коканскимъ посланцемъ и съ азіятцами вообще, генералъ-губернаторъ рѣшился держаться одного правила: всякое слово должно дышать правдивостью и даже откровенностью.

Твердость, соединенная съ умѣренностью и правдивостью вотъ средства, которыми генералъ фонъ-Кауфманъ всегда разсчитывалъ достигнуть успѣха *). На этомъ основаніи, ко-

*) Князь Канцлеръ въ отвѣтъ на письмо генерала фонъ-Кауфмана о заключеніи съ Коканомъ договора, писалъ между прочимъ: „вы выражаете убѣжденіе, вынесенное вами изъ опыта, что въ сношеніяхъ съ азіятцами, главное условіе успѣха составляетъ: неизмѣнная правдивость и твердость, соединенная съ умѣренностью. Тѣмъ болѣе сочувствую этому убѣжденію, что оно всегда служило руководствомъ моей политической дѣятельности въ сношеніяхъ какъ съ Востокомъ такъ и съ Западомъ.“

канскому посланнику, съ перваго же дня, были высказаны всѣ наши требованія и въ тѣхъ именно выраженіяхъ, въ которыхъ онѣ были, впослѣдствіи, заявлены письменно. На возраженіе посланника, что онъ присланъ только для освѣдомленія о здоровьи Бѣлаго Царя и для заявленія дружескихъ чувствъ своего государя, а не для заключенія торговаго трактата, генералъ-губернаторъ категорически объявилъ, что первымъ и непремѣннымъ условіемъ нашей дружбы должно быть принятіе Худояръ-ханомъ всѣхъ статей, предложеннаго ему взаимнаго обязательства относительно равноправности въ торговлѣ. Затѣмъ генералъ-губернаторъ заявилъ послу, что, съ своей стороны, онъ считаетъ дѣло рѣшеннымъ, такъ-какъ не допускаетъ и мысли, чтобы ханъ могъ не согласиться на такія справедливыя требованія. Отпуская посланника 19-го декабря, генералъ-губернаторъ вручилъ ему для передачи хану письмо, въ которомъ писалъ: «слова, сказанныя мною вашему посланнику, при торжественномъ пріемѣ, будутъ вамъ переданы. Я говорилъ съ нимъ откровенно, какъ съ посланникомъ дружественнаго съ нами народа. Кто почитаетъ, какъ слѣдуетъ, Великаго Бѣлаго Царя—тотъ отличитъ въ словахъ моихъ лишь тѣ выраженія, которыя относятся къ миру и дружбѣ.» Къ письму приложены были и взаимныя обязательства, относительно обезпеченія свободной торговли и порядка взиманія пошлинъ. Всѣхъ статей предложено было пять:

1-я, о правѣ нашихъ купцовъ посѣщать всѣ города ханства;

2-я, о правѣ учреждать караванъ-сараи, гдѣ пожелаютъ;

3-я, о правѣ имѣть караванъ-башей во всѣхъ городахъ ханства;

4-я, объ уравненіи русскихъ купцовъ въ пошлинахъ съ мусульманскими;

5-я, о свободномъ пропускѣ чрезъ Коканъ русскихъ каравановъ въ сосѣднія съ Коканомъ владѣнія.

Вмѣстѣ съ коканскимъ посланникомъ, было отправлено въ Коканъ посольство, которому и поручено было собрать обстоятельныя свѣдѣнія о странѣ, тогда еще мало намъ извѣстной. Въ теченіе переговоровъ, ханъ согласился на всѣ

условія, кромѣ перваго и пятаго, такъ какъ онъ не могъ поручиться за своихъ фанатиковъ-подданныхъ при появленіи русскихъ купцовъ. Кромѣ того, ханъ просилъ дозволенія отправить посольство къ Высочайшему Двору, а если это не будетъ признано удобнымъ, то по крайней мѣрѣ исходатайствовать у Бѣлаго Царя грамату за Его печатью, что, по мнѣнію хана во первыхъ: подняло-бы авторитетъ его въ глазахъ его подданныхъ, а во вторыхъ — служило-бы ему прочнымъ залогомъ неизмѣнности добрыхъ отношеній, независимо отъ перемѣны русскихъ губернаторовъ, ибо при всемъ къ нимъ уваженіи, ханъ не могъ не замѣтить, что въ теченіе 3-хъ лѣтъ *ихъ смѣнилось четверо* *) и каждый предлагалъ *свои* условія. Въ подтвержденіе своихъ доводовъ относительно граматы, ханъ указывалъ и на примѣръ своихъ предшественниковъ, изъ которыхъ Омаръ-Ханъ и Мадали-Ханъ имѣли такія граматы.

Вмѣстѣ съ возвратившеюся нашей миссіей прибылъ тотъ же коканскій посланникъ и предъявилъ письмо хана касательно посольства въ С.-Петербургъ и невозможности ручаться за безопасность нашихъ купцовъ, пріѣзжающихъ въ Коканъ **). Въ отвѣтѣ своемъ, отъ 29-го января 1868 г., генералъ-губернаторъ написалъ, между прочимъ: «Великій Русскій Царь никогда не дозволитъ, чтобы въ сопредѣльныхъ съ нами государствахъ было разногласіе между ханами и народомъ... Ваше Высокостепенство пишете, что не можете отвѣчать за проступки нѣкоторыхъ вашихъ подданныхъ въ отношеніи къ русскимъ торговцамъ. Отвѣчу вамъ на это: или

---

*) Коканцы считали генераловъ: Черняева, Романовскаго, Крыжановскаго и фонъ-Кауфмана. Дѣйствительно въ 1864 г. занятъ былъ Чиментъ Черняевымъ и съ тѣхъ поръ по 1867 г. Коканцамъ приходилось имѣть дѣло уже съ четвертымъ лицомъ, не считая еще Мантейфеля, временно управлявшаго въ періодѣ между Романовскимъ и фонъ-Кауфманомъ.

**) Въ то же время Мирахуръ (шталмейстеръ) заискиваетъ у г. Струве, завѣдывавшаго дипломатическою перепиской: „Струны дружбы протянуты отъ моей души къ пояснинѣ, писалъ краснорѣчивый Мирахуръ, и на этихъ струнахъ *я* воспою свои чувства.“

они *должны* исполнять ваши повелѣнія, или они не признаютъ вашего главенства надъ ними. Народъ долженъ имѣть главу надъ собою. Тѣ изъ жителей, которые, вопреки *вашихъ* повелѣній, нанесутъ вредъ русскимъ купцамъ — должны будутъ подчиниться *моимъ* распоряженіямъ. Я не могу допустить въ сосѣдствѣ своевольныхъ жителей. Общее спокойствіе требуетъ подчиненія ихъ либо *вашей*, либо *моей* власти.» Къ письму приложены были: два экземпляра, подписанныхъ генералъ-губернаторомъ взаимныхъ обязательствъ, для утвержденія ихъ ханскою печатью, а также выписка изъ Высочайше дарованнаго ему политическаго полномочія, въ доказательство права рѣшать всѣ дѣла на мѣстѣ, не прибѣгая къ такой чрезвычайной мѣрѣ, какъ посольство къ Высочайшему двору.

Другому повѣренному хана, Мирзѣ-Хакиму, присланному вскорѣ за первымъ, генералъ-губернаторъ указалъ на нерѣшительность хана, какъ на признакъ сомнѣнія его въ прямодушіи и правдивости представителя русской власти въ краѣ. «Если-бы я хотѣлъ завладѣть ханствомъ, прибавилъ генералъ-губернаторъ, я не сталъ-бы тратить времени и словъ, а приказалъ-бы только двинуться войскамъ и давно все было бы кончено.»

Категорическій тонъ послѣднихъ сношеній подѣйствовалъ, наконецъ на хана и разсѣялъ его сомнѣнія: 13-го февраля прислано было новое письмо отъ хана, отказывавшагося на этотъ разъ отъ всякихъ притязаній на сношенія помимо генералъ-губернатора и изъявлявшаго готовность исполнить всякое его требованіе, ради сохраненія только дружественныхъ отношеній. Ханъ писалъ, между прочимъ: «теперь я вижу, что Величественный Бѣлый Царь предоставилъ вамъ вести всѣ дѣла и вполнѣ вамъ довѣряетъ, а также что Онъ, считая васъ самымъ достойнымъ — передалъ вамъ свои права, а потому, — все, что будетъ вами установлено, подписано и утверждено вашею печатью — все это я буду считать какъ-бы утвержденнымъ самимъ Бѣлымъ Царемъ».

Съ этихъ поръ отношенія къ намъ Кокансцаго народа видимо улучшились и наши купцы не встрѣчали уже такого недружелюбія и брани, къ которымъ наши уже стали было привыкать. Слово: «*кяфиръ*» — невѣрный — замѣнилось словомъ: «*тамыръ*» — пріятель.

24 февраля были присланы ратификаціи договора. Въ знакъ искренней дружбы ханъ прислалъ генералъ-губернатору свой перстень (большой изумрудъ) и одну лучшую свою лошадь. «Глядя на нихъ, писалъ ханъ, сочтите какъ будто меня самаго видѣли». Ханъ велѣлъ очистить въ Коканѣ одинъ изъ занятыхъ караванъ-сараевъ и передалъ его русскимъ. Съ товаровъ и даже хлопка, пошлину съ котораго Ханъ отстаивалъ особенно упорно — стали взимать уже не 15% со стоимости, а только 2½%. Тѣмъ не менѣе однакоже, кокандское правительство не считало себя на столько сильнымъ въ собственной странѣ, чтобы приступить къ исполненію договора безъ всякой предварительной подготовки общественнаго мнѣнія, и потому Сарымсакъ-Ходжа просилъ написать къ хану такое письмо, которое-бы можно было прочесть во всѣхъ городахъ ханства, для успокоенія народа, какъ ручательство за миръ даже и во время отсутствія генералъ-губернатора изъ края. Посланникъ заговаривалъ также о разграниченіи нашихъ территорій, но, вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было географическихъ и этнографическихъ данныхъ, вопросъ этотъ былъ отклоненъ, чтобы не связать себя преждевременными рѣшеніями, которыя могли-бы оказаться, впослѣдствіи, невыгодными для Россіи. Генералъ-губернаторъ сказалъ, что теперь самое главное: — заключить миръ и жить дружно; безпокойнаго же сосѣда не спасутъ никакія границы.

Такъ какъ отъѣздъ генералъ-губернатора въ С.-Петербургъ былъ уже назначенъ 9-го апрѣля 1868 года, то объ этомъ увѣдомили Худояръ-хана, причемъ было добавлено, что остающійся за старшаго, генералъ Дандевиль, получилъ соотвѣтственныя приказанія, т. е. «жить въ дружбѣ съ друзьями, держать въ страхѣ враговъ Россіи и защищать ея подданныхъ». Вмѣстѣ

съ тѣмъ, хану было поставлено на видъ, что до насъ доходили слухи о вооруженіяхъ Кокана и какихъ-то союзахъ противъ Россіи; сказано было, впрочемъ, что ничему этому мы не вѣримъ и потому вниманія на слухи не обращаемъ, такъ какъ война противъ Россіи служитъ только къ возвышенію нашему, а ружья никого не спасутъ отъ насъ.

Быстро измѣнившіяся отношенія къ Бухарѣ заставили отложить поѣздку въ Петербургъ, о чемъ и дано знать хану.

8-го мая, черезъ недѣлю послѣ занятія нами Самарканда, прибылъ въ отрядъ коканскій посланникъ, Мирза-Хакимъ, поздравить генералъ-губернатора съ побѣдой и вручить письмо, въ которомъ ханъ опровергалъ слухи о его воинственныхъ замыслахъ, а свои—будто-бы вооруженія—объяснялъ простымъ исправленіемъ, запущеннаго въ прежнее время и пришедшаго въ негодность оружія. Мирза-Хакимъ увѣрялъ даже, что въ Коканѣ были принесены всенародныя молитвы по случаю того, что ханъ удержался въ сторонѣ отъ разразившейся надъ Бухарою бури! Послѣ зерабулакскаго боя посолъ былъ отпущенъ; но по возвращеніи генералъ-губернатора въ Ташкентъ, явился снова для поздравленія съ успѣхами нашего оружія. Надобно замѣтить, что весь коканскій народъ относился къ намъ при началѣ войны весьма враждебно и требовалъ вмѣшательства въ нашу распрю съ бухарцами, основываясь на томъ, что Самаркандъ—*«лицо земли»*, священный городъ мусульманства, не можетъ быть взятъ невѣрными, а если взятъ, то это признакъ конца міра.

Коканскій ханъ и его посланникъ держали себя, все это время, съ такимъ тактомъ, что генералъ-губернаторъ рѣшился ходатайствовать о допущеніи коканскаго посольства къ Высочайшему двору. Мирза-Хакимъ удостоился счастія быть принятымъ Его Величествомъ 2-го ноября 1862 г.

Почтительное письмо Худояръ-хана къ Государю Императору служитъ лучшимъ доказательствомъ вѣрности теперешней политической программы нашей, приведшей его къ сознанію, что безъ нашей поддержки онъ существовать не можетъ. Такъ ханъ писалъ: «теперь обнаруживается ясно, что подъ высокой защитой Вашего Величества мы можемъ спокойно, безъ всякаго опасенія, заботиться какъ о пользахъ населенія нашего края, такъ точно и объ исполненіи Вашихъ желаній, установленіемъ торговыхъ сношеній государства Вашего съ коканскимъ ханствомъ». Торговый трактатъ съ Коканомъ удостоился Высочайшаго утвержденія въ 6 день ноября 1868 года.

По возвращеніи посла въ Коканъ и врученіи хану бриллiантовыхъ знаковъ ордена Св. Станислава 1-й степени, генералъ-губернаторъ получилъ отъ хана, 31-го іюля 1868 г., благодарственное письмо, въ которомъ ханъ высказывалъ свое удовольствіе по поводу полученія «ордена звѣзды», какъ онъ называлъ пожалованный ему орденъ, и прибавилъ, что объ этой милости Бѣлаго Царя онъ велѣлъ объявить во всѣхъ концахъ ханства, «чтобы друзья радовались, а враги скучали».

Въ началѣ декабря 1869 г., ханъ принесъ генералъ-губернатору жалобу на эмира, будто тотъ, подчинивъ своей власти отложившихся бековъ (гиссарскаго, кулябскаго и другихъ), напалъ и на подчиненнаго Кокану каратегинскаго бека, Ширъ-Али, который вынужденъ былъ бѣжать въ Коканъ. На запросъ, сдѣланный по этому поводу эмиру, было получено отъ него, въ оправданіе, письмо Ширъ-Али, доказывавшее участіе послѣдняго въ возникшемъ междуусобіи и выдававшемъ сношенія его съ мятежными беками. Худояръ-ханъ объявилъ письмо подложнымъ и въ доказательство прислалъ, для сличенія, подлинное письмо Ширъ-Али. Печать, дѣйствительно, оказалась какъ-бы поддѣльною, *) и потому генералъ-губернаторъ предложилъ эмиру возвратить Каратегинъ законному владѣтелю. Въ это время Ширъ-Али снова вступилъ съ

---

*) Рѣзьба этой печати не отличалась такой чистотою и изяществомъ рисунка, какія какъ-бы *обязательны* для печати всякаго порядочнаго туземца, не говоря уже о *большомъ* человѣкѣ. Поддѣлки здѣсь не рѣдкость, въ 1867 въ Кураминскомъ уѣздѣ захвачена была возмутительная прокламація съ поддѣльною печатью самого хана.

войсками въ Каратегинъ, но былъ разбитъ соединенными силами кулябскаго и гиссарскаго бековъ и взятъ въ плѣнъ. Желая предупредить всякое столкновеніе между Бухарою и Коканомъ, такъ-какъ успѣхъ одного, могъ компрометировать наше покровительство другому — генералъ-губернаторъ предложилъ Худояръ-хану возвратить Каратегинъ прежнему его владѣтелю, *Музаффаръ-шаху*, содержавшемуся плѣнникомъ въ Коканѣ, а эмира просилъ дать за то свободу Ширъ-Али бію. Эта комбинація была принята обѣими сторонами и немедленно приведена въ исполненіе, доставивъ намъ нѣсколько нравственныхъ выгодъ: она раздѣлила границу между двумя ханствами почти самостоятельнымъ владѣніемъ и, слѣдовательно, до нѣкоторой степени затруднила путь для непосредственныхъ сношеній или столкновеній между Коканомъ и Бухарой, этими всегдашними соперниками за преобладаніе въ Средней Азіи; во вторыхъ — освобожденіе нами Ширъ-Али бія, заклятаго врага нашего, хваставшаго сорока, полученными имъ въ дѣлахъ съ нами, ранами и щеголявшаго ненавистью къ русскимъ, а потому стоявшаго во главѣ враждебной намъ партіи въ Коканѣ, примирило его съ нами и, такимъ образомъ, поколебало въ большинствѣ кокандевъ упорное противъ насъ предубѣжденіе. Наконецъ, роль примирителя и вершителя дѣлъ своихъ сосѣдей, выполненная генераломъ фонъ-Кауфманомъ, способствовала еще большему усиленію нашего авторитета.

Результатомъ трехлѣтнихъ нашихъ дипломатическихъ сношеній было то, что Сеидъ-Худояръ-ханъ отказался отъ всякой мысли враждовать съ нами или прекословить намъ. Имѣя въ Ташкентѣ постояннаго повѣреннаго Мирзу-Хакима-Датху (теперь уже Парваначи), ханъ извѣщаетъ генералъ-губернатора о всякомъ, самомъ незначительномъ обстоятельствѣ и въ то-же время немедленно исполняетъ каждое его желаніе. Даже о семейныхъ своихъ дѣлахъ ханъ считалъ необходимымъ увѣдомлять генералъ-губернатора. О смерти своей матери онъ сообщалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «по желанію и предопредѣленію Бога, моя мать—мой священный Каабъ, въ субботу въ 18 день рамазана, вспомнивъ, что всѣмъ равно придется умирать—вкусила шербетъ изъ чаши смерти и въ опредѣленный свыше день переселилась изъ этого ложнаго міра въ будущій надежный міръ».

Когда при возвращеніи уратюбинскаго отряда, (осматривавшаго лѣтомъ 1870 года, пути въ долину Зеравшана черезъ хребетъ Кашгаръ-Даванъ), было сдѣлано нападеніе аувагинскими горцами, подвѣдомыми Кокану — ханъ принялъ энергичныя мѣры для наказанія виновныхъ и прислалъ въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ (ранено было 19 чел. убито 4)— 5000 р. сер. На долю тяжело раненыхъ (ихъ 4) пришлось по 300 р., легко раненымъ выдано по 50 р., семейства убитыхъ получили по 600 р.—остатокъ переданъ въ распоряженіе походныхъ церквей.

Самымъ крупнымъ эпизодомъ нашихъ сношеній была выдача бѣжавшихъ въ Коканъ шахрисябзскихъ бековъ: Джурабія и Баба-бія.

Въ этомъ случаѣ Худояръ-ханъ, ради сохраненія съ нами дружбы, въ которой онъ видитъ свою силу и свое будущее, не остановился ни предъ законами гостепріимства, ни предъ ропотомъ и неудовольствіемъ своихъ приближенныхъ и народа.

Дабы выразить коканскому хану признательность за неизмѣнное дружеское поведеніе его и готовность дѣйствовать согласно съ видами нашего правительства, генералъ-губернаторъ послалъ къ Худояръ-хану камеръ-юнкера Двора Его Величества, статскаго совѣтника Струве, которому поручилъ, сверхъ того, переговорить съ ханомъ еще и касательно:

1) учрежденія должности постояннаго агента нашего въ Коканѣ,

2) разъясненія причинъ, препятствующихъ возвращенію въ Каратегинъ прежняго владѣтеля, его Музаффаръ-шаха,

3) опредѣленія границы ханства,

4) удовлетворенія за нападеніе аувагинскихъ горныхъ киргизовъ на нашихъ казаковъ,

и 5) разъясненія спорныхъ дѣлъ нашихъ купцовъ съ кокандскими.

По всѣмъ этимъ вопросамъ получены были вполнѣ удовлетворительные отвѣты.

Худояръ-ханъ видитъ въ назначеніи къ нему агента нашего нравственную для себя поддержку и, въ видахъ собственныхъ интересовъ, просилъ прислать «доброжелательнаго, надежнаго и справедливаго человѣка; не только для пользы однихъ русскихъ торговцевъ, но для пользы и выгоды всѣхъ торговцевъ и жителей». Вопросъ объ агентѣ уже не первый разъ подымала сама русская администрація, но какъ только ханъ заявитъ свое согласіе—такъ дѣло и откладывается въ сторону.—То-же самое случилось и на этотъ разъ, а между тѣмъ мы могли бы извлечь изъ этого обстоятельства не малую пользу.

Относительно границы онъ согласился на всѣ, предъявленныя ему желанія, прося только скорѣйшаго проведенія пограничной черты въ натурѣ. Спорныя дѣла нашихъ купцовъ съ коканскими и всѣ претензіи ихъ были разобраны и удовлетворены въ присутствіи г. Струве. По поводу удовлетворенія за нападеніе на казаковъ отряда подполк. Деннета возникло было сначала нѣкоторое противодѣйствіе со стороны враждебной намъ партіи, но потомъ дѣло уладилось при посредствѣ Мирзы-Хакима и ханъ выслалъ требуемую сумму (5000 р.). Радушный пріемъ, сдѣланный нашему посланнику, приглашеніе посѣтить всѣ важнѣйшія города ханства (Струве имѣлъ въ виду опредѣлить ихъ астрономическое положеніе), откровенный и дружественный характеръ переговоровъ — все это внушило намъ еще большее довѣріе къ политическому такту Худояръ-хана, прекрасно понявшаго ту роль, которая ему нами предназначена. Дальнѣйшія отношенія наши къ Кокану какъ бы теряютъ съ этихъ поръ характеръ *внѣшнихъ* и походятъ скорѣе на домашнія. Довѣріе, какое питаетъ ко-

канское правительство къ нашей политической программѣ, проникаетъ мало по малу и въ сознаніе массъ. Народъ уже начинаетъ понимать, что только при мирныхъ отношеніяхъ къ Россіи и русскимъ онъ можетъ сохранить настоящее свое положеніе, созданное для него политическимъ тактомъ Худояръ-хана. Лучшимъ доказательствомъ прочности этого сознанія въ ханѣ и его народѣ служатъ празднества, устроенныя въ ханствѣ по случаю объявленнаго хану Высочайшаго одобренія за вѣрность его дружественнымъ отношеніямъ къ Россіи и за выдачу шахрисябзскихъ бековъ. На торжественномъ обѣдѣ, данномъ въ Коканѣ, собрано было множество народа — ханъ спѣшилъ подѣлиться царскимъ благоволѣніемъ со своими подданными «на радость друзьямъ и на страхъ врагамъ».

Такое полное подчиненіе коканскаго хана видамъ нашего правительства внушило генералъ-губернатору мысль помочь Кокану овладѣть территоріей Кашгара. Мысль эта казалась тѣмъ заманчивѣе, что вмѣсто двухъ сосѣдей мы бы имѣли одного и въ добавокъ намъ преданнаго; однако-же нерѣшительность Худояръ-хана помѣшала осуществленію этого плана. Вмѣсто этого ханъ изъявилъ готовность просто быть только посредникомъ между нами и Якубъ-бекомъ. Сношенія его по этому случаю съ кашгарскимъ деспотомъ не повели сначала ни къ чему, но нельзя отрицать, что онѣ имѣли нѣкоторое вліяніе на рѣшимость Якубъ-бека сдѣлать первый шагъ для сближенія съ нами.

Кромѣ услугъ политическаго характера ханъ коканскій имѣлъ возможность неоднократно показать свою готовность служить нашимъ пользамъ и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ въ зиму съ 1870 на 1871 годъ, когда послѣ неурожая цѣны на хлѣбъ поднялись до небывалыхъ размѣровъ и когда мы запретили вывозъ его въ Бухару, ханъ коканскій, не смотря на дороговизну въ самомъ Коканѣ, все-таки дозволилъ хлѣбъ къ вывозу въ наши предѣлы. Лѣтомъ же 1871 года и въ теченіе 1872 ханъ принялъ на себя поставку провіанта на войска,

расположенныя въ Ходжентѣ, Ура-тюбе и Нау по значительно пониженнымъ цѣнамъ.

Желая показать, на сколько мы цѣнимъ такую услужливость, генералъ-губернаторъ пригласилъ наслѣдника коканскаго престола Сеидъ-Нуреддина, бека Андиджанскаго, посѣтить Ташкентъ, гдѣ принцъ и былъ почтенъ торжественнымъ и почетнымъ пріемомъ. Теперь для окончательнаго подчиненія нашему вліянію коканскаго ханства и низведенія его на степень вассальнаго владѣнія мы должны неуклонно стремиться: 1) къ водворенію въ Коканѣ нашего торговаго агента; 2) къ установленію контроля надъ назначеніемъ лицъ на важнѣйшія должности въ ханствѣ; 3) къ устраненію существующей нынѣ бековской полунезависимой, почти удѣльной системы управленія и 4) къ сокращенію войскъ въ ханствѣ до возможнаго предѣла и къ низведенію военной силы на степень простой полицейской стражи.

Мѣры эти тѣмъ удобнѣе провести въ дѣйствительность, что самъ Худояръ-ханъ вполнѣ сознаетъ невозможность существованія его власти помимо воли и поддержки Россіи. Во время послѣдняго возстанія киргизовъ лѣтомъ 1873 года ханъ обращался въ Ташкентъ съ просьбою о помощи, но мы уклонились на этотъ разъ отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла ханства. Нѣтъ сомнѣнія, что противоположный образъ дѣйствій въ связи съ хивинскою экспедиціею, значительно усложнилъ бы наше положеніе. Весьма возможно, впрочемъ, что выполненіе нашей программы завлечетъ насъ за предѣлы нашихъ теперешнихъ желаній. То-же самое можетъ случиться и въ томъ случаѣ, когда Худояръ-хана замѣнитъ другое лицо, а это, при непрерывныхъ возмущеніяхъ въ Коканѣ, легко можетъ случиться—не сегодня—завтра.

Ханъ-Заде, наслѣдникъ престола, хотя и кажется прогрессистомъ, ибо строитъ дома на русскій ладъ и пьетъ шампанское, но во-первыхъ, никто не знаетъ, что изъ него выйдетъ впослѣдствіи, а во-вторыхъ, изъ-за популярности онъ не остановится и передъ рискомъ возбудить неудовольствіе ташкентскаго начальства.

Извѣстно, напримѣръ, что во время своего пріѣзда въ Ташкентъ ханъ-Заде сдѣлалъ визитъ бывшимъ шахрисябзскимъ бекамъ, и выразилъ имъ соболѣзнованіе о томъ, что отецъ его выдалъ ихъ русскимъ и тѣмъ совершилъ поступокъ позорный для истаго мусульманина.—Все это разглагольствіе ничѣмъ не вынуждалось и можетъ быть объяснено только невиннымъ намѣреніемъ пріобрѣсти популярность даже и въ ущербъ своему папашѣ.

Что касается до народныхъ волненій, то чаще всего возстаютъ кипчаки, давніе враги Худояръ-хана, и дикокаменные киргизы. Въ послѣднее время чрезмѣрность налоговъ вызвала довольно серьезные безпорядки, начавшіеся еще весною 1871 года подъ руководствомъ Батыръ-хана, родственника Худояра. Заговоръ былъ выданъ однимъ изъ сообщниковъ и 17 главныхъ руководителей, съ Батыръ-ханомъ въ томъ числѣ, погибли въ прудахъ ханскаго дворца. Возстаніе же было подавлено.

Еслибы ханъ оказался не въ силахъ справиться съ бунтовщиками, то конечно намъ пришлось бы вмѣшаться въ дѣло. Рано или поздно это и случится. Впрочемъ, включеніе Кокана въ нашу территорію уничтожитъ *черезполосность*, спрямитъ границу и примкнетъ ее къ снѣжному хребту, а это все весьма важныя удобства.

Въ послѣднее время отношенія наши къ Худояръ-хану нѣсколько испортились и, кажется, главнымъ образомъ изъ-за того, что мы не вмѣшались въ междуусобія его съ киргизами и кипчаками, не помогли ему подавить возстаніе, а предоставили это его собственнымъ силамъ.

Бывшій секретарь американскаго посольства въ Петербургѣ—г. Скайлеръ, посѣтивъ въ 1873 году Туркестанскій край и побывавъ въ Коканѣ — вынесъ затѣмъ слѣдующее впечатлѣніе:

«Торговый договоръ съ Коканомъ былъ заключенъ въ 1868 году; въ силу этого трактата, русскіе негоціанты пользуются

ствомъ хана, имѣютъ право свободнаго проѣзда чрезъ Коканъ и платятъ не свыше $^1/_2$% съ суммы вывоза и ввоза. По ратификаціи трактата и донесенію о томъ изъ Ташкента, петербургскому кабинету показалось, что Коканъ приведенъ въ вассальное отношеніе къ Россіи. Но на дѣлѣ этого далеко нѣтъ: статьи договора соблюдаются совсѣмъ не строго; пошлины торговцы платятъ до 6% *и на представленія со стороны русскаго правительства не обращается никакого вниманія ханомъ.* Онъ относится къ Россіи положительно враждебно *и съ трудомъ разрѣшаетъ въѣздъ въ свои владѣнія.* Русскіе купцы, проживающіе въ Коканѣ терпятъ сильнѣйшія стѣсненія. Одного изъ нихъ едва не убили. Фактъ этотъ всѣмъ извѣстенъ, однакожъ хана никто не привлекъ за то къ отвѣтственности. Такое бездѣйствіе, конечно, имѣетъ мотивы: войны, помимо абсолютной необходимости, начинать не желательно, въ виду неодобренія ея изъ С.-Петербурга, а тѣмъ менѣе желательно показать, что политика, какой держатся относительно Кокана, не достигаетъ цѣли».

Стоитъ только перебрать въ памяти всю переписку съ ханомъ, всѣ наши сношенія, чтобы убѣдиться въ неточности выраженій г. Скайлера: ханъ не только *обращаетъ особенное вниманіе* на требованія генералъ-губернатора, но старается даже *предупредить* ихъ. Что касается того будто ханъ *съ трудомъ разрѣшаетъ въѣздъ въ свои владѣнія* — то я знаю нѣсколько случаевъ такого въѣзда не только безъ разрѣшенія, но даже и безъ *предувѣдомленія* хана.

Опасность, которой подвергается тотъ или другой купецъ, въ той или другой мѣстности — конечно несправедливо относить къ злонамѣренности мѣстной администраціи если преступленіе совершено не ею. — Конечно, еслибы мы захотѣли *придираться*, то изъ всякаго ничтожнаго повода легко могли бы создать «casus belli», поэтому наша сдержанность въ этомъ случаѣ доказываетъ только, что мы не на однѣхъ словахъ но и на дѣлѣ, тщательно избѣгаемъ затѣвать ссору. Интересно одно: до сихъ поръ насъ упрекали въ излишней

придирчивости, въ стремленіи къ завоеваніямъ, а теперь нашелся человѣкъ, который упрекаетъ насъ въ послабленіи дерзкому сосѣду! Мало того: г. Скайлеръ даже учитъ: какъ устроить дѣло, чтобы присоединеніе Кокана произошло на глазахъ всего міра самымъ незамѣтнымъ образомъ.

«Открытая сила въ примѣненіи къ ханству вызвала-бы критику или вопросы, преимущественно со стороны Англіи, чего министерство иностранныхъ дѣлъ весьма тщательно избѣгаетъ. Между тѣмъ, если-бы генералъ-губернатору было доподлинно извѣстно, какъ произошелъ этотъ случай (съ купцомъ) или если-бы соблюдаема была иная политика, то весьма было бы легко привести Коканъ въ вассальное положеніе, безъ всякой огласки и безъ малѣйшаго замѣчанія со стороны Англіи: стоило бы только взять для образца хоть одинъ листъ изъ исторіи Англіи въ ея индійскихъ владѣніяхъ—отправить русскаго резидента въ Коканъ подъ охраною казаковъ и содержать его тамъ на счетъ русскаго или коканскаго правительства. Вокругъ естественно сгруппировались бы русскіе торговцы, коканцы присмотрѣлись бы къ русскимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда бы не осмѣлились ни оскорблять, ни притѣснять ихъ, само коканское правительство мало по малу привыкло бы повиноваться волѣ генералъ-губернатора, чрезъ посредство присланнаго отъ него агента. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ такая политика вполнѣ облегчила бы возможность присоединенія, въ случаѣ нужды, Кокана къ имперіи, по смерти хана, или даже ранѣе».

Способъ дѣйствительно вѣрный. Въ печати однако высказано было мнѣніе, что для поддержанія значенія такого резидента потребуются не казаки, а цѣлый самостоятельный отрядъ, потому что при малочисленномъ отрядѣ легко можетъ повториться кровавая катастрофа кн. Бековича-Черкасскаго.

Мнѣ кажется, что именно то Бековичъ и не можетъ служить примѣромъ. Во первыхъ, у него былъ далеко не *малочисленный* отрядъ—3000 человѣкъ съ 6-ю орудіями могутъ счи-

таться силою весьма почтенною—достаточно припомнить, что генералъ Черняевъ взялъ Ташкентъ, имѣя въ строю только 1951 человѣка! Во-вторыхъ, катастрофа произошла не изъ-за малочисленности русскихъ, доказательствомъ служитъ то, что незадолго передъ тѣмъ этотъ же отрядъ выдержалъ блистательно трехъ-дневный бой съ хивинской арміей близь г. Порсу.

Единственное нравоученіе, какое можно извлечь изъ катастрофы Бековича—развѣ то, что отдаленные экспедиціи не слѣдуетъ поручать сумасшедшимъ, а если начальникъ рехнулся во время самаго похода, то подчиненные не должны ему повиноваться *).

Что касается до вѣроломства азіятцевъ, то оно вошло въ пословицу задолго еще до Бековича.

Множество примѣровъ доказываютъ, напротивъ, что человѣкъ благоразумный, рѣшительный и, главное, осторожный (въ смыслѣ: не попадающій въ просакъ)—можетъ и съ горстью людей дѣлать чудеса надъ азіятцами. Не распространяясь теперь объ этомъ вопросѣ, мы скажемъ только, что постъ резидента требуетъ, конечно, отъ назначеннаго лица всѣхъ сказанныхъ условій, а въ такомъ случаѣ особенно большой гвардіи не понадобится. Поэтому нельзя не согласиться съ выгодами англійскаго способа пріобрѣтенія сосѣднихъ территорій, но по отношенію къ Кокану — резиденство ни теперь, ни впослѣдслѣдствіи, вѣроятно, не понадобится. Въ случаѣ нужды мы просто передвинемъ ходжентскій батальонъ въ Коканъ, а пока нужды этой нѣтъ, пока ханъ показываетъ видъ, что вѣритъ нашей неизмѣнной правдивости и доброжелательству,—до тѣхъ поръ и наши выгоды и наша честь обязываютъ насъ вести дѣла такъ, чтобы ханъ не имѣлъ повода жаловаться.

---

*) Это обстоятельство я надѣюсь разъяснить подробно въ составляемой мною „Исторіи завоеваній Россіи въ Средней Азіи."

ГЛАВА V.

Положеніе дѣлъ въ Хивѣ.—Подчиненіе Туркменовъ.—Письмо генералъ-губернатора къ хану.—Отвѣтъ Кошъ-беги—Причины нашей снисходительности.—Совѣты г. Алисона Туркменамъ. — Мысль о мусульманской коалиціи противъ Россіи. — Безпорядки въ киргизской степи оренбургскаго вѣдомства—Адаевцы.—Слабость нашего вліянія. — Причина безпорядковъ. — Прокламаціи Хивинскаго хана.—Условія, предложенныя киргизами оренбургскому генералъ-губернатору.—Безпорядки между киргизами Туркестанскаго края.—Два письма генералъ-губернатора къ хану.—Русскій посланецъ султанъ Бушаевъ.—Движеніе русскихъ отрядовъ къ Иркибаю и къ Буканскимъ горамъ. — Висадка въ Красноводскомъ заливѣ. — Мѣры, принятыя Хивою для противодѣйствія Россіи.

Во время послѣднихъ нашихъ войнъ съ Коканомъ и Бухарой, Хива благоразумно держалась въ сторонѣ и, пользуясь невольнымъ невмѣшательствомъ Бухары, подчинила себѣ, въ 1866 году, туркменъ-ямудовъ, а весною 1867, отведя протокъ Лауданъ, лишила воды и другіе роды туркменъ, изъ числа поселившихся у ея окраинъ,—но непризнававшихъ надъ собой ея власти. Десять старшинъ явились къ хану съ покорностью и перевезли, по его требованію, семейства свои въ Хиву, въ качествѣ заложниковъ. Новые подданные, считая себя уже вправѣ пользоваться водой, новопріобрѣтеннаго отечества,—поторопились разрушить плотину, не дожидаясь разрѣшенія, но въ происшедшей при этомъ схваткѣ съ хивинскими войсками, были разбиты и окончательно подчинились Хивѣ. Послѣ этого сильные роды были поселены у Чинбая и близь Кубетау (въ 16-ти верстахъ отъ Кунграда), остальные размѣстились между хивинцами. Одинъ только ханъ *Атамуратъ* откочевалъ къ берегамъ Каспійскаго моря и, чрезъ родичей своихъ,

живущихъ на островѣ Челекенѣ, вошелъ въ сношенія съ начальникомъ Астрабадской станціи, котораго и просилъ ходатайствовать о принятіи туркменъ въ подданство Россіи, а также о разрѣшеніи имъ поселиться въ Балханскихъ горахъ. Вслѣдствіе отдаленности края, ходатайство это было, однакоже, отклонено.

Покончивъ съ туркменами и будучи обезпечена со стороны полуживой Бухары, Хива, по справедливости, стала считать себя сильнѣе, чѣмъ когда-либо. По мѣрѣ паденія Бухары — росла Хива и надежды азіятскаго мусульманства, естественнымъ образомъ, были перенесены на государство, увѣренное въ особомъ покровительствѣ Божіемъ, гордое своею недоступностью для русскихъ и нашими неудачами въ 1717 и 1839 годахъ. Гроза, разразившаяся надъ Коканомъ и Бухарой, прошла мимо Хивы и это обстоятельство еще болѣе утвердило ея самонадѣянность:—начались нападенія на наши караваны, захватъ нашихъ купцовъ и т. п. безчинства.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Ташкентъ, ген. адъют. фонъ-Кауфманъ написалъ хивинскому хану Мухамедъ-Рахиму письмо отъ 19-го ноября 1867 года, въ которомъ извѣщалъ его о своемъ назначеніи и прибытіи, о Высочайшемъ полномочіи, ему дарованномъ, о движеніи нашего отряда за р. Сыръ для наказанія разбойниковъ, грабившихъ наши караваны и т. д., но письмо это, повидимому, было понято какъ заискиваніе со стороны туркестанскаго ген. губернатора и хивинцы сразу приняли высокомѣрный тонъ.

Ханъ не удостоилъ даже отвѣчать самъ, а поручилъ вести переписку своимъ приближеннымъ, которые въ свою очередь такъ мало спѣшили, что отвѣтъ полученъ былъ только въ февралѣ 1868 года. Зная, что двадцати-лѣтній Мухамедъ-Рахимъ болѣе занятъ соколиною охотой, чѣмъ дѣлами, заправлять которыми предоставилъ своимъ приближеннымъ, у насъ и не ждали отъ Хивы никакой особенной деликатности; но тонъ отвѣтнаго письма превзошелъ всякую мѣру. Хивинскій Кошъ-беги, напримѣръ, писалъ: «каждый государь владѣетъ

своей землей и народомъ, издавна ему подвластнымъ, и войско его не должно переходить границы, нарушая этимъ миръ. Однакоже, выраженіе ваше, что обѣ стороны Сыръ-Дарьи принадлежатъ вашему управленію, похоже на нарушеніе прежнихъ договоровъ, такъ-какъ южная сторона Сыръ-Дарьи принадлежитъ намъ... если на южной сторонѣ Сыръ-Дарьи разбойники будутъ безпокоить караваны, то усмиреніе ихъ мы беремъ на себя, а если нападать будутъ по ту сторону Сыръ-Дарьи, то это уже ваша забота». Въ виду предполагавшейся тогда поѣздки въ С.-Петербургъ, генералъ-губернаторъ рѣшилъ не отвѣчать на это письмо до своего возвращенія, а тѣмъ временемъ выяснить вопросъ о договорахъ, на которые ссылаются хивинцы. Рѣшено было также не отмѣнять фактическаго занятія лѣваго берега Сыръ-Дарьи, всего теченія Куванъ-Дарьи и Яны-Дарьи до озеръ Акча-Куль, такъ-какъ киргизы Казалинскаго уѣзда кочуютъ по этимъ рѣкамъ, проводя тамъ зиму и оставляя тамъ на лѣто *игинчей* (пахарей) для хлѣбопашества. Съ зимы 1867 г. для обезпеченія этихъ киргизъ отъ грабежей и набѣговъ хивинцевъ были постоянно высылаемы отряды наши изъ Казалинска и Перовска къ Иркибаю, а если состояніе погоды позволяло, то и далѣе. Мѣра эта, поддерживалась до 1873 г. и дала благопріятные результаты.— Что касается до юридической стороны вопроса, то справки, сдѣланныя впослѣдствіи въ С.-Петербургѣ указали, что никакихъ договоровъ о границахъ не существуетъ, и что хотя хивинцы возбуждали вопросъ о границахъ во время пребыванія у нихъ посланника нашего, *Н. П. Игнатьева*, но онъ отклонилъ отъ себя рѣшеніе этого вопроса, сославшись на невозможность точнаго опредѣленія пограничной черты между государствами, окраины которыхъ населены только кочевниками.

Внезапная перемѣна политики бухарскаго эмира, открывшіяся военныя дѣйствія и воздержаніе Хивы отъ предложеннаго ей эмиромъ участія въ союзѣ противъ Россіи—все это обусловливало нашу снисходительность по отношенію къ Хивѣ.

*

Разгромъ бухарскихъ полчищъ и занятіе нами Самарканда не произвели на Хиву должнаго впечатлѣнія — она даже какъ будто еще выше подняла голову.

Никакіе примѣры для азіятскихъ владѣтелей не служатъ въ пользу. Такъ пораженіе Кокана, не только не смирило Бухары, но привело ее къ такому поведенію, которое вызвало войну 1868 г. Разгромъ Бухары, не только не побудилъ шахризябскихъ бековъ исполнять самыя скромныя и законныя требованія наши, но даже такіе ничтожные беки, каковы киштутскій и магіанскій не задумались, безъ всякой нужды, поднять противъ насъ оружіе. Хива то же не признавала нашей силы: радушіе, съ какимъ были приняты ею всѣ недовольные самаркандскимъ миромъ и начавшіеся происки въ средѣ нашихъ киргизъ и за границей доказываютъ это. Всѣ партизаны, прикрывавшіе до тѣхъ поръ свои разбои знаменемъ эмира, каковы Сыдыкъ, Назаръ и т. п., и всѣ измѣнники русскому дѣлу, каковы корнетъ Атамкулъ*) съ братьями и, наконецъ, мятежный сынъ эмира, Катты-Тюря, нашли себѣ убѣжище въ Хивѣ. Ханъ назначилъ всѣмъ имъ содержаніе, а Катты-Тюрѣ предложилъ званіе хана всѣхъ, подвластныхъ Хивѣ, туркменъ, которые съ радостію подчинились новому начальнику, не исключая и откочевавшаго Ата-Мурада. Скоро, однакоже, эмиръ потребовалъ выдачи сына и Хива, поставленная между законами гостепріимства и требованіемъ близкаго и все еще опаснаго сосѣда, приняла среднее рѣшеніе и предложила Катты-Тюрѣ самому удалиться изъ ханства. Вмѣстѣ съ нимъ ушелъ было и Атамкулъ, но былъ захваченъ посланною за нимъ погоней и, закованный въ цѣпи, брошенъ на четыре мѣсяца въ яму.

Въ концѣ декабря 1868 г., къ г. *Алисону*, англійскому

*) Произведенный изъ джигитовъ (волонтеровъ) неграмотный киргизъ — онъ былъ назначенъ правителемъ всѣхъ подвластныхъ Россіи кочевниковъ междурѣчья (въ пространствѣ между Сыромъ и Аму), но сталъ грабить ихъ во имя русской власти и, потребованный къ отвѣту—бѣжалъ въ Хиву.

послу въ Тегеранѣ, явились два депутата отъ туркменъ, рода Текке и Джемшиди, съ просьбой о принятіи ихъ подъ покровительство Англіи, въ виду угрожающаго положенія Россіи и постояннаго движенія русскихъ впередъ. Посолъ уклонился однако же отъ прямого отвѣта, подъ предлогомъ неимѣнія на этотъ предметъ инструкцій, но, какъ кажется, это не помѣшало ему увѣрять депутатовъ, что русскіе не посмѣютъ идти за Аму-Дарью, и посовѣтовать туркменамъ составить союзъ. Указавъ имъ на необходимость соединенія всѣхъ народовъ, живущихъ по лѣвому берегу этой рѣки, начиная съ Хивы, онъ посовѣтовалъ также склонить на свою сторону сильный родъ Ирзари, считающій до 50,000 кибитокъ и, какъ средство къ этому, рекомендовалъ привлечь къ дѣлу, посредствомъ подарковъ, *Сеидъ-Кули-бія*, одного изъ главныхъ родоначальниковъ этого рода.

Эти переговоры совпадали, какъ видно, и по времени и по цѣли, съ переговорами сосѣднихъ намъ ханствъ касательно составленія мусульманской коалиціи противъ нашествія христіанъ. Свѣдѣнія о дѣятельной перепискѣ эмира съ Алтышаромъ, Кокаиомъ, Шахрисябземъ, Хивой и Авганистаномъ стекались со всѣхъ сторонъ; однако же коалиція, на этотъ разъ, не состоялась, но за то ободрила Хиву къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Съ весны 1869 г. началась и активная роль этого ханства по отношенію къ Россіи: вводившееся у киргизовъ оренбургскаго вѣдомства новое положеніе, зловредно перетолкованное султанами и уфимскими муллами, возбудило противъ себя общее неудовольствіе киргизовъ, выразившееся извѣстными безпорядками въ Тургайской и Уральской областяхъ, которыми и воспользовалась Хива, ни мало не медля.

Въ сосѣдство съ такъ называемыми «оренбургскими киргизами», къ которымъ причисляются и адаевцы, мы стали еще 300 лѣтъ назадъ, съ покореніемъ Астрахани. Въ 1730 году киргизы признали себя нашими подданными, но подданство это было чисто номинальное и требовалась особенная настойчивость оренбургскихъ губернаторовъ, чтобы учредить здѣсь

власть Россіи и сдѣлать эту власть не только воображаемою, но и дѣйствительною. Адаевцы, благодаря своей отдаленности и малодоступности, дольше всѣхъ оставались внѣ нашего вліянія. Они упорно отстаивали свою независимость и скорѣе склонны были подчиняться единовѣрной имъ Хивѣ, имѣвшей къ тому же всѣ средства удерживать ихъ въ повиновеніи. Нерѣдко случалось, что роды, кочевавшіе по близости нашихъ фортовъ платили дань и намъ, и хивинцамъ. Не далѣе какъ въ 1870 году, хивинскіе зякетчи (сборщики податей) свободно разъѣзжали по ауламъ и собирали зякетъ, тогда какъ ни одинъ изъ русскихъ начальниковъ, ни даже самъ султанъ-правитель западной части области оренбургскихъ киргизовъ—непосредственный начальникъ адаевцевъ—не смѣли показываться среди ихъ кочевьевъ. Ежегодные объѣзды участка султаномъ-правителемъ, несмотря на конвой изъ 150 казаковъ, никогда не касались степей, гдѣ хозяйничали адаевцы. Крайнимъ предѣломъ объѣзда была р. Эмба—тутъ и слѣдуетъ считать границу нашего *дѣйствительнаго* вліянія. Казачій конвой, какъ видно, не придавалъ султану особенной увѣренности... Это и понятно, если вспомнить, что казаки иногда нисколько не мѣшали киргизамъ расправляться съ этими султанами и придерживались во время свалки принципа невмѣшательства!

Какъ бы то ни было, но фактъ несомнѣнный, что когда другіе киргизскіе роды успѣли уже, благодаря сосѣдству съ нами, усвоить нѣкоторую степень гражданственности и порядка—адаевцы остались прежними дикарями.

Первое наше поселеніе въ сосѣдствѣ съ адаевцами основано было только въ 1834 г. съ цѣлію обезпечить задуманную Перовскимъ экспедицію въ Хиву. Къ несчастію выборъ мѣста подъ укрѣпленіе былъ возложенъ на гражданскаго чиновника, титул. сов. Карелина, весьма смутно понимавшаго, что именно онъ долженъ былъ искать въ выбираемомъ мѣстѣ. Недостатки Ново-Александровскаго укрѣпленія, основаннаго на восточномъ берегу залива Кайдакъ заключались главнымъ образомъ въ томъ, что вода въ колодцахъ была горько-соле-

ная, ухудшавшаяся по мѣрѣ накопленія; самые берега залива здѣсь до того низменны, что покрывались нерѣдко водою, которая оставляла на нихъ множество травы и рыбы, разлагавшихся весьма быстро и заражавшихъ воздухъ зловоніемъ. Этихъ двухъ обстоятельствъ было достаточно для того, чтобы развить въ укрѣпленіи болѣзни и смертность. Каждые 6 мѣсяцевъ приходилось мѣнять гарнизонъ, изъ котораго едва ли половина возвращалась на родину...

Такой остроумный выборъ мѣста для первой русской осѣдлости, конечно, не могъ особенно поднять насъ во мнѣніи дикихъ сосѣдей, а упорство съ какимъ мы держались за свое кладбище едва ли не было только дѣломъ самолюбія.

Какъ бы то ни было, а не мало человѣческихъ жизней (правда, что это были простые уральскіе казаки!) принесено было въ жертву неумѣлости чиновника и нежеланію оренбургскаго начальства сознать ошибку!

Только уже Обручевъ, въ 1846 году, т. е. черезъ 12 лѣтъ, упразднилъ это гнилое укрѣпленіе, устроивъ взамѣнъ его на Мангишлакскомъ полуостровѣ Ново-Петровское, переименованное въ 1859 году, въ Александровскій фортъ, гдѣ и заведена Николаевская станица изъ рыболововъ.

Какъ уже сказано, власть султана-правителя, на дѣлѣ, почти не существовала и каждое отдѣленіе адаевцевъ управлялось своимъ *сардаремъ*. Всѣхъ сардарей было десять. Они распредѣлялись поровну между двумя *дистанціями*—верхней и нижней. Дистаночные выбирались оренбургскимъ начальствомъ изъ среды почетныхъ и вліятельныхъ біевъ и состояли въ непосредственномъ вѣдѣніи коменданта Александровскаго форта.

Кибиточною податью въ размѣрѣ 1 р. 50 к. съ кибитки адаевцы обложены были только въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, да вносили еще въ такомъ размѣрѣ, или вѣрнѣе, съ такого числа кибитокъ, какое сами заблагоразсудятъ показать. Съ тѣми же, кто вовсе уклонялся отъ взноса податей или отъ суда—комендантъ ничего не могъ подѣлать: вся его сила заключалась въ двухъ пѣшихъ сотняхъ уральскаго войска, имѣв-

шихъ только 65 коней для хозяйственныхъ надобностей и полицейской службы.

Въ такомъ состоянiи застало этотъ край новое положенiе, вводившее одновременно: и новую подать въ 3 р. 50 коп. и правильное счисленiе кибитокъ, и выборное начало, подрывавшее влiянiе и власть родовичей, и раздѣленiе на волости и аулы, и наконецъ новую паспортную систему!

Въ 1869 году вызваны были въ Уральскъ оба дистаночные для разъясненiя имъ основанiй новаго положенiя. По возвращенiи ихъ въ концѣ года, вмѣстѣ съ новымъ приставомъ, полковникомъ Рукинымъ (бывшiй комендантъ форта Перовскiй), начались толки, появились ложные слухи о небывалыхъ намѣренiяхъ правительства и, какъ слѣдствiе всего этого, волненiе умовъ. Одинъ изъ дистаночныхъ—именно бiй *Маяевъ* объявилъ своимъ сардарямъ, что новое положенiе и новая подать должны быть введены теперь же и между адаевцами, другой дистаночный—бiй *Калбинъ* (личный врагъ Маяева) объявилъ, напротивъ, что на адаевцевъ новое положенiе пока еще не распространяется. Это разнорѣчiе двухъ дистаночныхъ, а также внушенiя разныхъ *указныхъ*, т. е. утвержденныхъ правительствомъ муллъ и, наконецъ, подстрекательства хивинскихъ зякетчи—привели наконецъ къ кровавой развязкѣ: степь заволновалась, а въ среднихъ числахъ марта 1870 года поднялись и адаевцы.

Прокламацiи хана и его министровъ наводнили наши степи; хивинскiе эмиссары не скупились на обѣщанiя, а высланные ханомъ небольшiе отряды выростали въ воображенiи киргизъ въ огромныя армiи и поощряли ихъ на всевозможныя сумасбродства.

До какой степени уклончиво дѣйствовали сами народныя власти, можно судить изъ донесенiй волостныхъ управителей. Исетъ Кутебаровъ весьма наивно сообщилъ напримѣръ (22 мая), что «получивъ свѣдѣнiе о прибытiи хивинцевъ на нашу границу и приглашенiе отъ нихъ прiѣхать—я съ Нiязомъ поѣхали. Насъ спросили: «на чьей вы сторонѣ?»—мы отвѣчали:

на обѣихъ. Хивинцы взяли у насъ 3 купцовъ (Ивана Бурнашова съ товарищами) и 1000 барановъ».

Въ одной изъ перехваченныхъ прокламацiй, скрѣпленныхъ печатью Магомедъ-Рахимъ-Хана, говорилось о томъ, что, по договорамъ съ Россiею, границею ханства былъ сначала Уралъ, а потомъ Эмба, и что движенiе русскихъ за Эмбу есть нарушенiе договоровъ. «Вы и всѣ киргизскiя племена—писалъ ханъ—единодушно согласились отдѣлиться отъ невѣрныхъ и рѣшились поразить ихъ мечемъ Ислама... объ этомъ извѣстно начальствующему у порога прибѣжища Ислама—поэтому посылаемъ вамъ войска съ Эсаулъ-баши-Махмудомъ и Махремъ-Худай-Назаромъ.» Другими прокламацiями, отъ имени только что названныхъ эмиссаровъ, вызывались бiи и старшины прибыть, «ради котловъ и дѣтей ихъ,» въ Хиву, для совѣщанiй о предстоящихъ дѣйствiяхъ. *Диванъ-беги* *), съ своей стороны, также ободрялъ мятежниковъ и извѣщалъ, что скоро прибудутъ на помощь войска хана.

Правда, здѣшнiе документы надобно принимать съ большою осторожностью, потому-что поддѣлка печатей не рѣдкость даже и въ дипломатическихъ сношенiяхъ—примѣръ: поддѣльное письмо Ширъ-Али-бiя—по дѣлу о Каратегинѣ **) и воззванiе Худояръ-хана къ Кураминцамъ ***); но такъ какъ участiе хивинцевъ въ волненiяхъ нашихъ киргизовъ подтвердилось впослѣдствiи собственными сознанiями Кушъ-беги, то подлинность прокламацiй не подлежитъ сомнѣнiю. Слѣдуетъ прибавить къ этому, что къ прокламацiямъ приложены были 6 печатей и трудно допустить, что всѣ онѣ поддѣльныя. Если же сортировать документы по степени изящества рѣзьбы на приложенныхъ печатяхъ, то мы сами натолкнемъ азiатскихъ дипломатовъ на способъ обращать въ ничто свои обязатель-

---

*) *Диванъ-беги*—главнокомандующiй, онъ же завѣдываетъ ирригацiей, сборами зякета и монетнымъ дворомъ. Тогдашнiй Диванъ-беги былъ родомъ авганецъ, именемъ—Мадъ-Мурадъ.

**) См. сношенiя съ Бухарою.

***) См. сношенiя съ Коканомъ.

ства: имѣй двѣ печати и, которая похуже — ту прикладывай только къ неудобнымъ для себя или компрометирующимъ документамъ!

Обнадеженные обѣщаніями, подстрекаемые своими муллами, султанами и Хивою, киргизы разграбили почтовыя станціи, а подъ конецъ сдѣлались на столько смѣлы, что угоняли табуны лошадей изъ подъ самыхъ укрѣпленій, какъ это случилось, напримѣръ, подъ Уральскимъ укрѣпленіемъ, гдѣ угнано 300 лошадей, а также подъ Эмбенскимъ постомъ, гдѣ угнано 200 казачьихъ коней, и наконецъ близь Уильскаго укрѣпленія, гдѣ угнано 20 артиллерійскихъ лошадей. Какъ свидѣтельство, до чего могла дойдти самоувѣренность киргизовъ, можно привести условія, предложенныя ими оренбургскому генералъ-губернатору: 1) дать имъ особаго муфтія, 2) назначить имъ уѣздныхъ начальниковъ изъ мусульманъ, 3) избавить ихъ отъ новыхъ податей, 4) оставить имъ, ничѣмъ впрочемъ и не стѣсняемое до тѣхъ поръ, право перекочевокъ, 5) отмѣнить раздѣленіе на области, оставивъ народъ, по прежнему, въ вѣдѣніи Оренбурга, 6) не требовать отъ нихъ выборныхъ отъ каждыхъ 10 и 50 кибитокъ *). Кромѣ этого, подъ вліяніемъ нелѣпыхъ слуховъ, распускаемыхъ *указными* т. е. казенными муллами, киргизы опасались, что ихъ заставятъ строить города и села, что ихъ обратятъ въ христіанство и будутъ брать съ нихъ рекрутъ! Результатомъ безпорядковъ было то, что оренбургскія организаціонныя коммиссіи дѣйствовали нерѣшительно и боязливо: выборныхъ отъ каждыхъ 10 кибитокъ не собирали и, значитъ, получили цифру весьма далекую отъ дѣйствительности. Вмѣсто 148,089 кибитокъ, что считалось прежде, ихъ оказалось только 127,669 т. е. на 20,420 кибитокъ меньше. Правда что много народу откочевало и что въ прежней цифрѣ заключаются и землян-

*) Тутъ выразилась боязнь даже приблизительной переписи, ибо по числу выборныхъ можно было судить о числѣ избирателей. До тѣхъ поръ киргизы платили за столько кибитокъ, сколько сами хотѣли считать.

ки, но принимая въ соображеніе что организація Туркестанскаго края дала двойныя противу прежняго цифры, можно быть увѣреннымъ, что при болѣе тщательной работѣ, оренбургскія цифры были-бы значительно иныя. Чего можно было ожидать отъ такихъ уѣздныхъ начальниковъ какъ напримѣръ иргизскій капитанъ В...ъ, который въ самую горячую пору уѣхалъ себѣ въ Оренбургъ, и оттуда вздумалъ давать предписанія своему помощнику, точно губернаторъ. А выборъ имъ въ младшіе помощники извѣстнаго барантача Исета—не униженіе ли русскаго имени? Другой уѣздный начальникъ далъ даже подписку, что вводить положеніе не будетъ.

Волненія оренбургскихъ киргизовъ стали отзываться и въ туркестанскомъ краѣ: нападенія на станціи, на купцовъ и караваны сдѣлались явленіемъ довольно обыкновеннымъ.

Всѣ эти нападенія производились шайками, формируемыми въ Большихъ и Малыхъ Барсукахъ, т. е. внѣ предѣловъ Туркестанскаго края; но нельзя было ручаться, что подобные безпорядки не разовьются и между придарьинскими киргизами. Соблазнъ великъ, а безнаказанность поощрительна. Такъ и случилось.

Въ апрѣлѣ 1869 года, чиклинцы, получивъ извѣстіе, будто хивинскій отрядъ пришелъ на границу и требуетъ біевъ и волостныхъ къ себѣ, захватили прикащика Ивана Бурнашова съ двумя товарищами и вымѣненныхъ ими на товаръ 1000 барановъ.—Имущество было раздѣлено грабителями, а люди отвезены въ Хиву. Въ маѣ шайка разбойниковъ напала въ 75 верстахъ отъ Уральскаго укрѣпленія на проѣзжавшихъ въ Ташкентъ мастеровыхъ инженернаго вѣдомства, изъ которыхъ убито 6 и взято въ плѣнъ 8; впослѣдствіи плѣнные были однакоже возвращены Исетомъ въ Уральское укрѣпленіе. Захваченные на почтовыхъ станціяхъ казаки были сданы въ Хивѣ. На Буканскихъ горахъ, входящихъ въ составъ нашей территоріи, шайка изъ 80 человѣкъ хивинцевъ и киргизовъ, подъ предлогомъ зякета, сбирала на урочищѣ Ильяръ, дань съ проходящихъ каравановъ, отбирала понравив-

шіеся товары и, наконецъ, захватила съ собою еврея Якуба Муши, съ тремя верблюдами изъ его каравана, ограбивъ при томъ 2,000 рублей деньгами. У Евграфа Кекина отняли весь товаръ на 9,000 руб. сер. Кромѣ этихъ купцовъ, пострадали еще: братья Быковскіе, Мустафа-Адамъ-Оглы, Бинджанъ-Жангазъ и бухарскій купецъ Абдулъ-Хакимъ.

Не желая съ перваго же разу прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, генералъ-губернаторъ попытался вразумить Хиву путемъ дипломатическихъ сношеній. Письмомъ отъ 12 августа 1869 года было указано хану, что: 1) къ нашимъ киргизамъ и туркменамъ посылались отъ его имени возмутительныя прокламаціи, 2) въ предѣлы наши являлись посланные имъ чиновники съ отрядами для поддержанія безпокойствъ между нашими подданными, 3) нѣсколько русскихъ увезено въ Хиву, гдѣ и содержатся съ его вѣдома, и 4) мятежники и разбойники, бѣжавшіе изъ русскихъ предѣловъ, находятъ у него гостепріимство и покровительство.

Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ хана требовали, чтобы подобные случаи болѣе не повторялись и чтобы съ виновныхъ въ нарушеніи границы было взыскано. «Я не хочу думать,— прибавилъ генералъ-губернаторъ, чтобы все это дѣлалось съ вашего вѣдома, а желалъ-бы вѣрить, что вы къ этимъ дѣяніямъ нисколько не причастны Подобныя-же дѣйствія бывали прежде и со стороны Кокана и Бухары—вамъ извѣстны послѣдствія.»

По полученіи новыхъ свѣдѣній касательно безпорядковъ на Буканъ-Тау, написано было 20-го сентября новое письмо, требовавшее наказанія грабителей, возвращенія награбленнаго и освобожденія всѣхъ, захваченныхъ разбойниками, русскихъ и бухарскихъ подданныхъ. Въ видѣ угрозы генералъ-губернаторъ прибавилъ: «если Ваше Высокостепенство не пожелаете исполнить моихъ справедливыхъ требованій, то, въ случаѣ разрыва дружбы между нами, тяжело будетъ честнымъ людямъ расплачиваться за разбойниковъ».

Ни на то, ни на другое письмо отвѣта, однакоже, не приходило, а нарочный, отправленный съ этими письмами,

былъ въ Хивѣ задержанъ и арестованъ. Нарочный этотъ былъ весьма толковый киргизъ Перовскаго уѣзда — кандидатъ въ волостные управители, султанъ Давлетъ-Бушаевъ. Выѣхавъ 7 сент. 1869 г. изъ Перовска, онъ на 14-й день былъ уже въ Хивѣ *), гдѣ народъ встрѣчалъ его радостными криками «Ильчи, ильчи» (посолъ, посолъ)... Не такъ приняли его министры, не довольные его отвѣтами. На вопросъ Кушъ-беги: какого мнѣнія русскіе о Сыдыкѣ?—Бушаевъ отвѣчалъ напримѣръ, что русскіе считаютъ его своимъ проводникомъ: гдѣ бы онъ ни явился, вездѣ привлекалъ русскихъ и отдавалъ имъ города, которые защищалъ. Коканцы обязаны ему потерею своихъ городовъ, бухарцы поплатились Самаркандомъ, а теперь онъ у васъ» – окончилъ Бушаевъ. На другой же день у нашего гонца отобрано было оружіе и къ саклѣ его приставленъ караулъ. Такъ сидѣлъ онъ 3 мѣсяца.

Такъ-какъ волненія въ оренбургскихъ степяхъ не прекращались и, напротивъ, пріобрѣли болѣе рѣшительный характеръ (къ этому времени относится угонъ лошадей изъ-подъ Уральскаго и Эмбенскаго укрѣпленій), и такъ-какъ слухи о движеніи хивинскихъ войскъ становились все настойчивѣе, то со стороны Туркестанскаго округа были приняты слѣдующія мѣры: войска Казалинскаго и Перовскаго уѣздовъ, въ видахъ единства дѣйствій, подчинены были командированному для этой цѣли штабъ-офицеру и, сверхъ того, изъ Казалинска и Джизака высланы были рекогносцировочные отряды: первый къ Яны-Дарьѣ, а второй къ Буканскимъ горамъ. Казалинскій отрядъ имѣлъ назначеніемъ перерѣзать Сыдыку путь къ Сыръ-Дарьинскимъ фортамъ, на которые онъ намѣревался напасть и собиралъ для того партіи въ Дау-Карѣ. Ханъ послалъ Сыдыку 9 *наровъ* **), щегольски изукрашенныхъ, увѣшанныхъ

*) Маршрутъ слѣдующій: Тазнуръ, Тогускенъ, Каракуль, Аккыръ, Чиркрабатъ, *Иркибай*, Зангаръ, озеро *Акча-Тенгизъ*, оттуда на право къ Даукарѣ. На 8 день прибылъ въ кр. *Иржанъ-бія* на оз. Джуюрюкъ, затѣмъ Кара-Кудукъ, Календархана, переправа черезъ Аму близъ *Яны-ургенча* и наконецъ Хива.

**) *Наръ*—одногорбый верблюдъ. Число 9 обычное и какъ бы священное число при поднесеніи подарковъ: 9 головокъ сахару, 9 арбузовъ и проч.

бубенчиками и колокольчиками, но, узнавъ о движеніи нашего отряда къ Яны-Дарьѣ, остановилъ всѣ приготовленія Сыдыка.

Экспедиція къ Буканскимъ горамъ имѣла, сверхъ того, цѣлью провести на самомъ дѣлѣ новую границу нашу, опредѣленную мирнымъ договоромъ 1860 г. Двѣ сотни казаковъ и съемочная партія, выступившія 25 октября изъ Джизака, воротились 22 ноября, сдѣлавъ въ холодное время (морозы доходили до — 14° R), безъ кибитокъ на ночлегахъ, съ однѣми кошмами—до 800 верстъ.

Экспедиціей начальствовалъ 1-го стрѣлк. бат. маіоръ Бергбомъ, а въ помощь ему приданъ былъ пишущій эти строки. Бухарскій уполномоченный *), присланный эмиромъ отстаивать его интересы при проведеніи границы, наскучивъ бивачною жизнью, а можетъ быть не пожелавъ рисковать собою въ виду слуховъ о Сыдыкѣ—притворился больнымъ и остался на половинѣ пути. Не смотря, однакоже, на слухи и донесенія лазутчиковъ, отрядъ въ точности выполнилъ все возложенное на него порученіе. Разосланныя съ джигитами прокламаціи успокоили кочевниковъ, начавшихъ было сниматься со стойбищъ, а біи и старшины выѣзжали на поклонъ, иные въ первый разъ въ жизни сталкиваясь лицомъ къ лицу съ русскими.—До этого еще ни одинъ отрядъ нашъ не проникалъ въ такую глубь.

Между тѣмъ, ханскій совѣтъ рѣшилъ было отпустить нашего нарочнаго, но тутъ подоспѣла киргизская депутація, во главѣ которой стояли наши бѣглые Азбергенъ и Канали, которые, поднеся хану богатые подарки *), просили его не сдаваться на наши требованія, чтобы такою уступчивостью не унизить своего достоинства и не скомпрометировать киргизовъ. «Мы воевали съ русскими, говорили они, по твоему ханскому приказу и за то лишились своихъ земель и народа,

*) Могамедъ Насыръ-мирахуръ. — Собственно мирахуръ—значитъ шталмейстеръ, конюшій.

**) 50 соколовъ, 100 иноходцевъ, 100 верблюдовъ и 50 бѣлыхъ войлоковъ.

которымъ управляли; у насъ остались однѣ головы». — Ханъ послушался и отмѣнилъ было рѣшеніе совѣта, но вскорѣ получилъ извѣстія о высадкѣ въ Красноводскомъ заливѣ, а также о движеніи нашего отряда къ Буканскимъ горамъ — это заставило его отпустить нашего гонца, которому уже грозила серьезная опасность, вслѣдствіе побѣга двухъ его джигитовъ и подозрѣнія, что гонецъ тайно сносится съ нами. Любопытно, чѣмъ выражается у хивинцевъ угроза заключенному: на часы къ нему ставятъ *палача!* — Бушаевъ тотчасъ подарилъ обоимъ министрамъ по лошади и страшнаго часового сняли. Отпуская гонца, Кушъ-беги подарилъ ему на прощанье красный халатъ (цѣною въ 36 р.). 2 ф чаю и 2 головы сахару.

Высадка въ Красноводскѣ произвела въ Хивѣ весьма сильное впечатлѣніе. Ханъ немедленно послалъ отрядъ конницы завалить всѣ колодцы по дорогѣ къ Кызылъ-Су: трупы собакъ послужили хивинцамъ готовымъ матеріаломъ для этой работы и множество колодцевъ со стороны Красноводска приведены въ негодность; только одинъ колодезь *Сагжа* пощаженъ былъ на время, но и тамъ оставленъ конный пикетъ, который долженъ былъ завалить колодезь только въ случаѣ появленія русскихъ. Въ самомъ городѣ устроена новая цитадель, въ видѣ башни, и вооружена 20-ю орудіями. Главный протокъ Аму-Дарьи, Талдыкъ, отведенъ въ Айбугиръ и развѣтвленъ на каналы съ цѣлью обмелить его и сдѣлать не проходимымъ для нашихъ судовъ. Близь мыса Урге выстроено укрѣпленіе, куда уже перевезены запасы изъ Хивы и Кунграда. Другое укрѣпленіе предположено было устроить на урочищѣ Кара-Тамакъ. Прикочевавшіе къ Хивѣ наши киргизы освобождены были отъ налоговъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы въ случаѣ войны, они выставили по одному джигиту съ каждыхъ двухъ кибитокъ. Кромѣ того, для поддержанія въ киргизахъ увѣренности въ успѣхѣ, ханъ воспользовался прибытіемъ какого-то турецкаго эфенди и выдалъ его за посла, предлагающаго Хивѣ союзъ и помощь Турціи. Говорили, будто этотъ эфенди

и дѣйствительно былъ агентомъ турецкаго правительства, отъ имени котораго просилъ освободить персидскихъ рабовъ. Какъ аргументъ въ пользу этого, эфенди приводилъ необходимость расположить въ свою пользу Персію, которая только потому не помогаетъ ни авганцамъ, ни бухарцамъ, что они, безпрерывно вторгаются въ ея предѣлы, забираютъ плѣнныхъ и продаютъ ихъ въ рабство.

Одновременно съ этимъ, въ Хиву прибылъ и бухарскій посолъ, съ извѣстіемъ о покореніи эмиромъ Гиссара и жестокой расправѣ его съ жителями. Бухарцы хвастали, что они 7 дней рѣзали мужчинъ и 3 дня дѣтей въ люлькахъ. Эмиръ писалъ, что ему удалось, при помощи нѣкоторой хитрости, поддержать миръ съ русскими, но что онъ никогда не забудетъ главную заповѣдь корана: «уничтожай кяфировъ» — а потому тотчасъ примется за дѣло, какъ только придетъ время!

Всѣ эти посольства поддерживали въ ханѣ самонадѣянность, которая поколебалась только при извѣстіи о высадкѣ въ Красноводскѣ и движеніи буканскаго отряда.

ГЛАВА VI.

Цѣль высадки на берега Красныхъ водъ.—Сношенія съ персидскимъ правительствомъ по этому поводу. — Переписка генералъ-губернатора съ хивинскими министрами. — Ультиматумъ хивинскаго Кошъ-беги 14 апрѣля. — Соображенія относительно похода въ Хиву. — Катастрофа 15 марта, постигшая мангишлакскаго пристава подполковника Рукина.—Сожженіе Николаевской станицы, подъ самымъ Александровскимъ укрѣпленіемъ.—Присылка кавказскихъ войскъ.—Посредничество бухарскаго эмира. — Хива обращается къ намѣстнику Кавказа, къ оренбургскому генералъ-губернатору и къ вице-королю остъ-индскому. — Война 1873 года.—Занятіе Хивы.—Освобожденіе плѣнныхъ персіянъ.—Занятіе устьевъ р. Аму-дарьи.

Тревога, поднявшаяся въ Хивѣ, вслѣдствіе занятія Красноводскаго залива, доказываетъ уже, сама-по-себѣ, всю важность для насъ этого пункта. Занятіе это было рѣшено еще въ 1865 г., но отложено до болѣе благопріятнаго времени. Весною 1869 г. этотъ вопросъ былъ снова возбужденъ въ видахъ достиженія слѣдующихъ цѣлей: 1) развитія торговли нашей предоставленіемъ ей новаго рынка и открытіемъ новаго и кратчайшаго пути ко всѣмъ среднеазіятскимъ ханствамъ, 2) успокоенія оренбургскихъ киргизовъ, которые въ Хивѣ находили пріютъ, на нее возлагали свои надежды, въ ней искали поддержку своимъ мятежнымъ дѣйствіямъ и наконецъ — 3) отвлеченія Хивы отъ составлявшейся противъ насъ мусульманской коалиціи.

Если путь отъ Красноводскаго залива до Хивы будетъ открытъ и достаточно изслѣдованъ, тогда, въ случаѣ серьезныхъ обстоятельствъ въ Средней Азіи, съ Кавказа во всякое время можетъ быть двинутъ, черезъ Каспій, отрядъ, соотвѣтствующій этимъ обстоятельствамъ.

Предположенія эти удостоились, въ общихъ чертахъ Высочайшаго одобренія, но чтобы успѣть приготовиться къ десанту и къ устройству торговой факторіи, а также для необходимыхъ предварительныхъ сношеній съ персидскимъ правительствомъ, Государь Императоръ повелѣлъ: отложить экспедицію до весны 1870 года, возложивъ исполненіе ея на кавказское намѣстничество. Такъ какъ слухи о предположенной экспедиціи стали уже распространяться въ публикѣ и могли дойти до персидскаго правительства не оффиціальнымъ путемъ, въ ущербъ ихъ опредѣлительности и вѣрности, то, по представленію Его Высочества намѣстника Кавказа, Высочайше повелѣно было: привести экспедицію въ исполненіе осенью того же 1869 года, тѣмъ болѣе, что приготовленія къ высадкѣ могли занять только $1^1/_2$ мѣсяца.

Получивъ оффиціальное увѣдомленіе о высадкѣ, шахъ собственноручною запискою къ послу нашему д. с. с. Бегеру, 4 декабря, просилъ исходатайствовать у Государя удостовѣренія: что укрѣпленіе Красноводска имѣетъ цѣлію только развитіе торговли съ Туркестаномъ, что мы не будемъ входить въ дѣла ямудовъ, кочующихъ по берегамъ р.р. Гургана и Атрека и что не будемъ строить никакихъ укрѣпленій ни по берегамъ этихъ рѣкъ, ни въ устьяхъ ихъ. Бегеръ телеграфировалъ объ этой просьбѣ къ нашему министру иностранныхъ дѣлъ и получилъ въ отвѣтъ, что «императорское правительство признаетъ владычество Персіи до Атрека и, слѣдовательно, не имѣетъ въ виду никакихъ укрѣпленій въ этой мѣстности».

Отвѣтъ этотъ былъ сообщенъ шаху 13 числа и произвелъ такое благопріятное впечатлѣніе, что шахъ, уже на третій день т. е. 16 числа, разрѣшилъ входить нашимъ купеческимъ пароходамъ въ Мурдабъ и Энзели, наравнѣ съ парусными судами — право, котораго наши дипломаты тщетно добивались нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Такъ какъ было бы весьма невыгодно, если бы хивинскій ханъ считалъ красноводскую экспедицію—предпріятіемъ самостоятельнымъ, несообразующимся съ общимъ направленіемъ нашей политики въ Средней Азіи, то, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, дабы увѣрить хана въ связи экспедиціи съ его распоряженіями, тотчасъ по полученіи о ней извѣстія, письмомъ отъ 18 января 1870 года, увѣдомилъ хана о цѣляхъ высадки отряда: для устройства складочнаго торговаго пункта и обезпеченія карават нововъ отъ нападенія туркменъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернаторъ воспользовался случаемъ напомнить хану, уже въ болѣе строгихъ выраженіяхъ, прежнія требованія свои относительно свободнаго допуска нашихъ купцовъ въ города ханства, и наконецъ прибавилъ: «желая установить и поддерживать мирныя и дружественныя отношенія съ вами, я трижды вамъ писалъ, но ни на одно письмо не получилъ отъ васъ отвѣта; вы даже позволили себѣ, вопреки всякому праву, задерживать послѣднихъ посланныхъ моихъ... Подобный образъ дѣйствій не можетъ быть болѣе терпимъ. Одно изъ двухъ: или мы будемъ друзьями, или мы будемъ врагами—другой средины нѣтъ между сосѣдями». Далѣе хану совѣтовалось отвѣчать согласіемъ на предъявленныя требованія, ибо «всякому терпѣнію есть конецъ, и если я не получу удовлетворительнаго отвѣта, то возьму его».

Чрезъ мѣсяцъ по отправленіи этого письма, возвратился, наконецъ, 25 февраля, Бушаевъ, доставившій отвѣтъ на второе письмо—отъ диванъ-беги и на третье—отъ кушъ-беги *). Первый писалъ, что хивинскіе закетчи (сборщики пошлинъ) всегда ѣздили къ Букантау, для сбора податей съ рода Чару и съ каравановъ. «Это не нововведеніе, — пояснилъ писавшій,— свидѣтели тому бухарскіе купцы...» Что касается до захваченнаго еврея, то диванъ-беги объявилъ, что свѣдѣній о немъ не имѣется, а грабежи въ Буканъ-тау приписалъ нашимъ

*) *Кушъ-беги* завѣдываетъ сѣверною частію ханства, значитъ, нашъ сосѣдъ. Имя тогдашняго—*Назаръ-Яръ*. Онъ пристрастился къ опію и потому не всегда владѣлъ всѣми своими способностями. Можетъ быть по этой причинѣ кушъ-беги не имѣлъ у хана личнаго доклада, которымъ пользовался диванъ-беги.

киргизамъ, такъ какъ ихъ зякетчи ѣздятъ партіей только въ 10 человѣкъ, а не въ 80. Кушъ-беги писалъ гораздо опредѣлительнѣе: «нашъ государь вовсе не желаетъ войны, а напротивъ, желаетъ спокойствія и блага своимъ подданнымъ, и мы бы желали, чтобы также было и у васъ. Однако, нѣсколько времени тому назадъ, русскія войска перешли границу и идутъ на насъ». Далѣе, въ оправданіе своихъ прокламацій и эмиссаровъ, кушъ-беги говоритъ: «ваши киргизы жаловались намъ, что русскіе не позволяютъ имъ перекочевывать въ хивинскіе предѣлы, какъ это бывало прежде, кромѣ того, притѣсняютъ и убиваютъ. Для успокоенія этихъ киргизъ и для наказанія грабителей, я послалъ къ нимъ 5—10 чиновниковъ». По поводу плѣнныхъ было сказано: «киргизы привезли къ намъ 3-хъ русскихъ и съ нихъ взыскиваютъ кровь своихъ убитыхъ родственниковъ и ограбленное имущество», но что «*сидящій подъ сѣнію Божіей* (или подъ Его покровомъ—то есть ханъ) *охладилъ водою благоразумія воспаленныя сердца киргизовъ*», не разрѣшилъ казни и отобралъ плѣнныхъ, которые могутъ быть возвращены только въ такомъ случаѣ, если нашимъ войскамъ запрещено будетъ переходить границы, а киргизы будутъ вознаграждены за ограбленное у нихъ имущество.

Видя изъ этихъ сношеній, что хивинцы, по прежнему, настаиваютъ на правѣ владѣнія лѣвымъ берегомъ Сыра и что, сознаваясь въ посылкѣ къ нашимъ киргизамъ своихъ эмиссаровъ, обходятъ вопросъ о прокламаціяхъ, а по дѣлу о плѣнныхъ ограничиваются увѣдомленіемъ, что они живы, — генералъ-губернаторъ поставилъ все это, письмомъ отъ 25 марта, на видъ диванъ-беги, которому высказалъ, кромѣ того, удивленіе по поводу задержанія Бушаева и по поводу уклоненія хана отъ непосредственныхъ сношеній. Касательно движенія нашихъ отрядовъ, было сказано, что они шли въ мѣста, занимаемыя нашими подданными, нуждавшимися въ защитѣ противъ хищниковъ, и что гдѣ бы ни жили подданные Бѣлаго Царя, они останутся Его подданными, и потому земли

по Яны-Дарьѣ до озера Акча-Куль всегда считались и будутъ считаться *русскими*. Буканскія же горы, какъ и весь путь отъ Кызылъ-Кума до моста Иркибая, на Яны-Дарьѣ, принадлежатъ, по мирному договору съ Бухарой,—намъ и потому, кромѣ насъ, никто никакихъ сборовъ дѣлать здѣсь не долженъ. Кромѣ всего этого, снова было повторено требованіе объ освобожденіи всѣхъ увезенныхъ въ Хиву, русскихъ подданныхъ, о прекращеніи покровительства нашимъ мятежникамъ и предоставленіи нашимъ купцамъ тѣхъ же правъ, какими пользуются хивинскіе въ Россіи.

14 апрѣля полученъ изъ Хивы отвѣтъ на письмо генералъ-губернатора отъ 18 января по поводу высадки въ Красноводскомъ заливѣ. Кушъ-беги писалъ: «Содержаніе послѣдняго вашего письма отзывается полнымъ нерасположеніемъ. Съ основанія міра и до сихъ поръ, не было такого примѣра, чтобы одинъ государь, для спокойствія другого и для благоденствія чужихъ подданныхъ, устраивалъ на границѣ крѣпость и посылалъ свои войска... Нашъ государь желаетъ, чтобы Бѣлый Царь, по примѣру предковъ, не увлекался обширностію своей имперіи, Богомъ ему врученной, и не искалъ пріобрѣтенія чужихъ земель: это не въ обычаѣ великихъ государей. Если же, надѣясь на силу своихъ войскъ, онъ пожелаетъ идти на насъ войною, то предъ Создателемъ неба и земли, предъ великимъ Судіею всѣхъ земныхъ судій — всѣ равны: и сильный и слабый. Кому захочетъ, тому и дастъ Онъ побѣду... ничто не можетъ совершиться противъ воли и предопредѣленія Всевышняго».

Видя изъ всего этого какъ мало придаютъ хивинцы значенія нашимъ требованіямъ и угрозамъ, неподкрѣпленнымъ вооруженною рукою, генералъ-губернаторъ представилъ г. военному министру свои соображенія на случай необходимости измѣнить характеръ отношеній къ Хивѣ. Дѣйствовать противъ этого ханства со стороны одного туркестанскаго округа казалось невозможнымъ, потому что для достиженія сразу всѣхъ предположенныхъ цѣлей, нашему отряду пришлось бы пройти

вплоть до Каспійскаго моря, а это кромѣ затруднительности движенія, повлекло бы за собою продолжительное отсутствіе изъ края значительныхъ силъ, и безъ того едва достаточныхъ для охраненія спокойствія. Движеніе же со стороны одного Красноводска—есть дѣло рискованное, что и доказали впослѣдствіи рекогносцировки съ этой стороны, предпринятыя полковникомъ Маркозовымъ. Намъ именно необходимо было достичь на этотъ разъ полнаго и блистательнаго успѣха, который бы затмилъ неудачи 1717 и 1839 годовъ и низвелъ бы Хиву съ той высоты, на которую подняли ее топографическія условія окружающей страны, послѣднія событія въ Средней Азіи и волненія въ оренбургскихъ степяхъ.

Генералъ-адъютантъ Милютинъ, письмомъ отъ 13 марта, сообщилъ генералъ-губернатору, что соображенія его удостоились Высочайшаго одобренія и что въ случаѣ еслибы не смотря на всѣ наши старанія «поведеніе хана хивинскаго вынудило бы насъ снова поднять оружіе, то, разумѣется, мы воспользуемся, вновь пріобрѣтеннымъ нами выгоднымъ положеніемъ на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря. Малочисленный отрядъ, занимающій нынѣ Красноводскъ, можетъ быть въ случаѣ надобности усиленъ подкрѣпленіями изъ Дагестана, гдѣ съ этою цѣлью положено имѣть всегда въ готовности нѣсколько баталіоновъ и орудій».

Между тѣмъ, ханъ послалъ въ Красноводскъ посла, который по дорогѣ сносился съ туркменами и уговаривалъ ихъ соединиться для нападенія общими силами на слабый русскій отрядъ. Джафарбаи (одинъ изъ туркменскихъ родовъ) возражали послу, что лѣтовки ихъ находятся въ рукахъ русскихъ отрядовъ, и если ханъ займетъ своими войсками эти лѣтовки, то туркмены, конечно, съ бо̀льшимъ удовольствіемъ будутъ повиноваться ему какъ единовѣрцу, но что до тѣхъ поръ имъ, по неволѣ, надобно жить въ мирѣ съ русскими.

Начальнику красноводскаго отряда полковнику Столѣтову было внушено министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, чтобы онъ не велъ съ посломъ никакихъ переговоровъ, а указалъ бы ему

на туркестанскаго генералъ-губернатора, какъ на лицо, имѣющее на то необходимыя полномочія. Столѣтову разрѣшено было войдти только въ частное соглашеніе, касательно движенія купеческихъ каравановъ.

Между тѣмъ безпорядки въ степяхъ оренбургскихъ все продолжались. Отсутствіе энергіи, знанія дѣла и сообразительности во второстепенныхъ дѣятеляхъ, призванныхъ ввести новое положеніе, оказали роковое вліяніе на ходъ дѣла. Дерзость киргизовъ росла по мѣрѣ ослабленія энергіи въ представителяхъ русской власти. 2 февраля 1870 г. мангишлакское приставство присоединено было къ кавказскому намѣстничеству, а въ началѣ марта мангишлакскій приставъ, подполковникъ Рукинъ отправился съ двумя офицерами и конвоемъ въ 40 казаковъ вводить положеніе у адаевцевъ, извѣстныхъ своею необузданностью.

Отрядъ этотъ былъ окруженъ киргизами 15 марта. Рукинъ вступилъ въ переговоры, принялъ приглашеніе перейти съ офицерами въ толпу почетныхъ киргизъ для чаепитія, затѣмъ по просьбѣ вѣроломныхъ дикарей приказалъ своимъ казакамъ сложить оружіе въ кучу, для доказательства, что намѣренія его мирны и пригрозилъ чуть не разстрѣляніемъ казакамъ, не желавшимъ сначала исполнять такого дикаго приказанія, да еще вдобавокъ отъ начальника, сдавшагося, по ихъ мнѣнію, въ плѣнъ. Словомъ, Рукинъ повторилъ въ миніатюрѣ всѣ ошибки Бековича-Черкасскаго. Результаты получились тѣ-же: какъ только казаки послушались и сложили оружіе—киргизы покрыли оружіе это кошмами и, по знаку, навалились сверху сами, въ то-же время налетѣла засада и частью перебила, частью взяла въ плѣнъ казаковъ, не могшихъ вытащить изъ подъ киргизъ своего оружія. Рукинъ, поздно сознавъ свою *преступную несообразительность*—застрѣлился. Катастрофа, постигшая Рукина, нападеніе на Александровское укрѣпленіе, сожженіе Николаевской станицы и прибрежныхъ маяковъ—все это шло одно за другимъ и еслибы не помощь со стороны Кавказа, то фортъ, не смотря на его 14 орудій, былъ бы взятъ мятежни-

ками. Всѣ эти нападенія и грабежи каравановъ хотя и не могли быть отнесены къ *непосредственному* участію Хивы, но такъ какъ показанія плѣнныхъ мятежниковъ прямо указывали на ея интриги, а нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ казаковъ *) пересланы киргизами къ хану и имъ приняты въ услуженіе, а разбойники находили себѣ въ Хивѣ не только убѣжище, но и покровительство, и такъ какъ ханъ уклонялся отъ исполненія нашихъ требованій, то генералъ-губернаторъ счелъ неудобнымъ поддерживать съ Хивою дальнѣйшія дипломатическія сношенія и сталъ готовиться къ войнѣ, чтобы положить конецъ самонадѣянности безпокойной Хивы. Приготовленія были тѣмъ затруднительнѣе, что неурожай 1870 г. выразился значительнымъ возвышеніемъ цѣнъ на жизненныя потребности, однакоже, къ маю мѣсяцу мы были уже готовы, а эмиръ бухарскій согласился пропустить наши войска черезъ свои владѣнія. Между тѣмъ и Хива дѣлала приготовленія. Сборы партизанскихъ отрядовъ Сыддыка, Азбергена и султана Хангали Арсланова произвели должное впечатлѣніе на умы нашихъ кочевниковъ, которымъ, конечно, первымъ грозила опасность.

Кавказскій отрядъ, присланный подъ начальствомъ полковника графа Кутайсова на помощь Александровскому форту, состоялъ: изъ 2½ стр. батальона, 2 стрѣлковыхъ ротъ Апшеронскаго полка, 2 ротъ № 14 лин. бат. 4 сотень Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и 2 сотень терскихъ казаковъ при 2 пѣшихъ и 2 конныхъ орудіяхъ. Понятное дѣло, что обстоятельства круто измѣнились: энергическіе набѣги кавказцевъ скоро довели адаевцевъ до изнеможенія и къ концу іюня часть ихъ уже изъявила покорность; къ концу сентября мятежъ можно было считать подавленнымъ: 5000 кибитокъ приняли новое положеніе, а это тѣмъ болѣе важно, что въ дѣлѣ реформъ вообще, а среди дикарей въ особенности,

*) Хорунжій Дивкинъ и 5 казаковъ изъ отряда Рукина.

важенъ только первый примѣръ, первый шагъ. Этотъ шагъ былъ уже сдѣланъ.

Цифра въ 5000 кибитокъ, конечно, ничтожна, но слѣдуетъ принять въ соображеніе, что при отдаленности Александровскаго форта отъ театра дѣйствій, т. е. отъ кочевокъ мятежниковъ эти послѣдніе всегда заблаговременно могли уходить отъ наступавшаго отряда. Это вынудило графа Кутайсова учредить другой складочный пунктъ на *Кунанъ-су*, что отчасти и содѣйствовало успѣху экспедиціи, хотя по мелководію залива, по затруднительности выгрузки и вредному климату, пунктъ этотъ всетаки былъ неудовлетворителенъ.

На слѣдующій 1871 годъ рѣшено было сначала предпринять экспедицію противъ Хивы со стороны туркестанскаго округа, другіе же два округа: — оренбургскій и кавказскій должны были придерживаться строго оборонительнаго образа дѣйствій, выславъ отряды на пути перекочевокъ киргизовъ. Высланные въ Барсуки и на Усть-Уртъ отряды предохраняли степь отъ волненій, а наши партизаны изъ киргизовъ не допустили хивинцевъ проникнуть въ наши предѣлы. Ханъ вздумалъ было искать союза съ Бухарой, но посолъ его Баба-бій былъ задержанъ эмиромъ до полученія указаній изъ Ташкента. Въ это время вопросъ о Хивѣ былъ уже отодвинутъ на второй планъ, вслѣдствіе окончательнаго разрыва съ Кульджею. Такъ какъ непосредственныхъ сношеній съ Хивою генералъ-губернаторъ рѣшился избѣгать и такъ какъ бухарскій эмиръ предложилъ свое посредничество для устраненія недоразумѣній съ Хивою, то ему были сообщены слѣдующія условія: 1) выдать всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, 2) отказаться отъ дальнѣйшаго покровительства барантачамъ и 3) прислать въ Ташкентъ посольство. Эмиръ отпустилъ хивинскаго посла въ сопровожденіи своего довѣреннаго султана Хаджи Урака, извѣстнаго своимъ благочестіемъ и добровольно вызвавшагося попытаться уговорить хивинскаго хана во имя пользъ мусульманства не подвергать риску свою страну, подобно тому какъ это сдѣлали эмиръ бухарскій и ханъ коканскій. Ходжа Уракъ былъ принятъ хивин-

скимъ ханомъ на другой же день по его прибытіи, но ханъ выразилъ удивленіе по поводу вмѣшательства Бухары въ сношенія его съ Россіей и не принялъ представленной ему записки объ условіяхъ сохраненія мирныхъ съ нами отношеній. Записка эта была передана на обсужденіе особаго комитета изъ ближайшихъ къ хану сановниковъ (Диванъ-беги, Кошъ-беги, Шейхъ-уль-Islamъ и Наибъ). Бухарскій посолъ пробылъ въ Хивѣ два мѣсяца и за все это время только однажды былъ приглашенъ въ комитетъ, да и то какъ будто за тѣмъ только, чтобы выслушать не весьма пріятныя для себя вещи. Передъ отъѣздомъ ханъ далъ ему прощальную аудіенцію и сказалъ при этомъ: «въ отвѣтъ на слова эмира и на сообщенныя имъ мнѣ слова туркестанскаго генералъ-губернатора я могу сказать одно: пусть генералъ-губернаторъ пришлетъ мнѣ любезное письмо съ предложеніемъ дружбы и обѣщаніемъ не переходить войсками границы моихъ владѣній—тогда я освобожу находящихся у мена 11 плѣнныхъ солдатъ и тогда прекратятся грабежи и разбои. Если же онъ этого не сдѣлаетъ, то я не выдамъ плѣнныхъ и все останется по прежнему, а затѣмъ одному Богу извѣстно, что будетъ дальше!»

Отвѣтное письмо хана къ эмиру оказалось не скрѣпленнымъ печатью ханскою и заключало въ себѣ отрицаніе справедливости нашего неудовольствія на Хиву. На посланца, доставившаго это письмо (Муртаза-бій) возлагалось ханомъ веденіе переговоровъ съ генералъ-губернаторомъ.

Зная уже изъ опыта, какъ мало можно надѣяться на успѣшность переговоровъ съ хивинцами, и въ особенности въ виду категорическаго тона, принятаго въ послѣднее время кичливымъ ханомъ—генералъ-губернаторъ не согласился допустить хивинскаго посланца въ Ташкентъ и предпочелъ сноситься съ нимъ черезъ бухарскаго эмира. В случаѣ неудачи и этихъ переговоровъ предположено было на этотъ разъ покончить съ Хивою, не прежде однакоже, какъ выяснятся отношенія наши къ Якубъ-беку и Кульджѣ.

Между тѣмъ Хива, напуганная одновременнымъ движе-

ніемъ отрядовъ: генерала Головачева—со стороны Джизака чрезъ Буканскія горы, и полковника Маркозова со стороны Красноводска—рѣшилась на сближеніе съ нами и отправила два посольства (Муртаза-бій и Баба-Назаръ Аталыкъ), одно вслѣдъ за другимъ: одно въ Тифлисъ, а другое въ Оренбургъ, вопреки извѣстной уже хивинскому правительству волѣ Государя о порядкѣ сношеній *исключительно* съ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. Хивинцы, какъ видно, сомнѣвались въ солидарности начальниковъ сосѣднихъ русскихъ округовъ и надѣялись въ Оренбургѣ и Тифлисѣ встрѣтить поддержку противъ притязаній Ташкента!!

Видя себя оцѣпленнымъ русскими отрядами: въ Красноводскѣ, Чекишлярѣ, Каратамакѣ, Иркибаѣ и Тамды—ханъ рѣшился попытаться войти въ сношенія съ русскими, а чтобы это не было похоже на вынужденную уступку—такъ онъ вздумалъ миновать при этомъ туркестанскаго генералъ-губернатора, къ которому послѣ дерзкихъ отвѣтовъ своихъ министровъ ему конечно уже трудно было написать что нибудь удовлетворительное, не роняя въ то-же время своего достоинства.

Посланныя имъ посольства (въ началѣ 1872 года) направились было: одно къ Е. И. В. Намѣстнику Кавказа, а другое чрезъ Оренбургъ къ Высочайшему Двору. Въ граматѣ на имя великаго князя ханъ писалъ между прочимъ: «да будетъ извѣстно вашему дружескому сердцу, что съ давнихъ поръ между нашими высокими правительствами существовало согласіе, отношенія наши были откровенны, а дружба день ото дня укрѣплялась какъ будто два правительства составляли одно, а два народа—одинъ народъ. Но вотъ въ прошломъ году ваши войска высадились у Челекеня на берегу Харезмскаго залива, подъ предлогомъ торговыхъ цѣлей, а недавно небольшой отрядъ этихъ войскъ подходилъ къ Сары-камышу, издавна намъ принадлежащему, но воротился назадъ. Кромѣ того, со стороны Ташкента и Акъ-мечети (Перовска) русскія войска доходили до колодца Минъ-булакъ, лежащаго въ на-

шихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ. Намъ неизвѣстно: знаетъ ли объ этомъ великій князь или нѣтъ? Между тѣмъ съ нашей стороны не предпринималось никогда такихъ дѣйствій, которыя бы могли нарушить дружественныя съ вами отношенія... Нѣкоторыми казаками (т. е. киргизами) были захвачены 4—5 вашихъ людей, но мы ихъ отобрали и бережемъ у себя... Если вы желаете поддержать съ нами дружескія отношенія, то заключите условіе, чтобы каждый изъ насъ довольствовался своей прежней границей; тогда мы возвратимъ вамъ всѣхъ вашихъ плѣнныхъ, но если эти плѣнные служатъ вамъ только предлогомъ для войны съ нами, съ цѣлію расширенія вашихъ владѣній; то да будетъ на это воля Всемогущаго и Пресвѣтлаго, воля—отъ которой никто уклониться не можетъ!»

Послы были остановлены: одинъ въ Темиръ-ханъ-Шурѣ, а другой въ Оренбургѣ. По распоряженію министерства иностранныхъ дѣлъ посламъ было объявлено, что ихъ не допустятъ ни къ Высочайшему Двору, ни къ Намѣстнику и что никакихъ доводовъ, никакихъ писемъ отъ нихъ принято не будетъ до тѣхъ поръ, пока плѣнные не будутъ освобождены и пока такое же посольство не будетъ прислано и въ Ташкентъ. Хивинцы увидали свою ошибку, но уже не хотѣли смириться: вмѣсто Ташкента посольство ихъ было отправлено въ Остъ-Индію, съ просьбою о помощи противъ Россіи...

Отвѣтъ новаго вице-короля, какъ и слѣдовало ожидать, заключался въ совѣтѣ смириться передъ Россіей, исполнить всѣ ея требованія и затѣмъ не давать никакихъ поводовъ къ дальнѣйшему неудовольствію. Совѣтъ этотъ Хива слышала еще въ 1840 году, изъ устъ Аббота и Шекспира. Англичане хорошо понимаютъ, что русскіе рѣшатся на войну съ Хивою только въ крайности; интересы же Англіи требуютъ, чтобы хивинцы не доводили дѣла до этой крайности, такъ какъ весьма вѣроятно, что на этотъ разъ дѣло окончится присоединеніемъ къ Россіи устьевъ Аму-дарьи т. е. обстоятельствомъ мало обѣщающимъ для Англіи.

Между тѣмъ усиленная рекогносцировка, предпринятая въ началѣ Сентября 1872 года со стороны Красноводска и казавшаяся не только Хивинцамъ, но и самимъ англичанамъ рѣшительнымъ нападеніемъ на Хиву—не привела, какъ извѣстно, къ ожидавшимся результатамъ: Хива осталась нетронутою. Равнодушіе, съ какимъ принятъ былъ въ Англіи сообщенный газетами ложный слухъ о занятіи нами Хивы, доказываетъ, что къ мысли о такомъ исходѣ англичане уже привыкли и считаютъ это дѣло только вопросомъ времени.

Отступленіе Красноводскаго рекогносцировочнаго отряда (Маркозова) принято было хивинцами, какъ и всегда въ Азіи, за неудачу.

Хива еще разъ вздохнула свободно, еще разъ убѣдилась въ своей недоступности, въ своей безнаказанности и конечно еще больше укрѣпилась въ принятой ею системѣ дѣйствій.

Такъ, благодаря стихіямъ, держалось разбойничье гнѣздо, ничтожнаго во всѣхъ отношеніяхъ народа. Воздѣлывая *плодоносный* бассейнъ низовьевъ Аму-Дарьи руками плѣнныхъ персіянъ, ежегодно доставляемыхъ на рынки туркменами, хивинцы, со своимъ трехъ сотъ тысячныхъ населеніемъ, представляютъ совершенную аномалію о бокъ съ такою могучею державою какъ Россія. Когда нашъ лѣвый флангъ былъ обезпеченъ занятіемъ Кульджи и завязавшимися сношеніями съ Кашгаромъ, мы могли наконецъ поднять перчатку, давно брошенную намъ Хивою. Весною 1873 года предположено было покончить съ этимъ ханствомъ одновременнымъ наступленіемъ со стороны Кавказа, Оренбурга и Туркестана, подъ руководствомъ туркестанскаго генералъ-губернатора генерала-адъютанта фонъ-Кауфмана.

Извѣстно, какъ разыгралась эта тройная экспедиція и какъ блистательно выдержали оренбуржцы и туркестанцы свою пробу. Хива почти не защищалась, дрались съ нами только мелкія партіи жителей и если бы не контрибуція, наложенная на туркменъ, то туркестанцамъ пришлось бы воротиться съ обманутыми надеждами, не пришлось бы испытать ни залповъ берданками ни картечницъ Набеля.

Мы ограничили теперь Хиву Аму-дарьею, оставивъ на востокѣ границу по прежнему неопредѣленною и открытою, точно для того, чтобы облегчить Хивѣ сношенія съ нашими киргизами и тѣмъ доставить кавказцамъ возможность сходить еще разъ въ походъ уже безъ Маркозова...

Навлекши на себя грозу и не желая всетаки сноситься съ фонъ-Кауфманомъ хивинскій ханъ тщетно обращался и къ Бухарѣ, и къ Турціи, и къ Англіи—отовсюду онъ слышалъ одинъ совѣтъ: уступить справедливымъ требованіямъ Россіи. Когда слухи о сборахъ русскихъ отрядовъ достигли Хивы—ханъ наконецъ рѣшился и послалъ плѣнныхъ съ біемъ Муртаза Ходжею въ Казалинскъ. Въ числѣ плѣнныхъ были 5 уральцевъ, захваченныхъ въ 1870 году при нападеніи на Рукина (Долбленовъ, Гузиковъ, Солодовниковъ, Поповъ и Дурмановъ), 2 казака, бывшіе смотрителями станцій Джулюсъ и Каракудукъ, и захваченные въ 1869 г., еще 2 казака, захваченные въ томъ же году вмѣстѣ съ лошадьми подъ уральскимъ укрѣпленіемъ и проч. всего 21 человѣкъ. Всѣ они были куплены по 250 тиллей. 22 марта плѣнные прибыли въ Казалинскъ, когда отрядъ уже былъ на пути. Плѣннымъ разрѣшено было идти въ походъ—кто пожелаетъ—такихъ снарядили по казачьи, выдали по 15 р. и отправили въ качествѣ конвоя при томъ же хивинскомъ послѣ, которому приказано ѣхать въ отрядъ. Роли перемѣнились! Ханъ, какъ видно, сильно надѣялся на свою уступчивость и не принималъ никакихъ мѣръ не только къ оборонѣ, но даже и къ серьезной задержкѣ русскихъ. По занятіи генераломъ Веревкинымъ Мангыта, ханъ еще разъ попытался кончить дѣло безъ боя: онъ написалъ и къ ген. Веревкину, и къ генералу фонъ-Кауфману, письма почти одинаковаго содержанія и просилъ генераловъ остановиться. Вотъ извлеченіе изъ письма къ генералу фонъ-Кауфману: «вы просили въ письмѣ своемъ объ освобожденіи плѣнныхъ: у насъ дѣйствительно есть 5—10 человѣкъ русскихъ, но они вовсе не плѣнные, такъ какъ достались не войскамъ моимъ, а *куплены за деньги* у киргизовъ и адаевцевъ, мы же изъ дружбы къ вамъ ихъ только сберегли. Вы просили также прислать, вмѣстѣ съ плѣнными, довѣреннаго человѣка для переговоровъ и заключенія условій, которыя бы закрѣпили наши пріятельскія отношенія болѣе прежняго. Мы и послали къ вамъ съ этою цѣлью Муртаза-Ходжа Бія... который однакоже не могъ проѣхать въ Ташкентъ чрезъ Бухару. Въ это время отъ оренбургскаго губернатора прислано было съ киргизомъ Загиръ-біемъ письмо. съ просьбою объ освобожденіи русскихъ, Такое-же письмо привезено и съ Чипиликана (т. е. съ Челекеня) чудыромъ Сари-Ишаномъ отъ тамошняго начальника отряда. Узнавъ что Муртаза бій не могъ проѣхать чрезъ Бухару мы послали съ прибывшими гонцами двухъ своихъ людей въ Оренбургъ и Чипиликанъ и обѣщали выслать остальныхъ людей. Ни въ Оренбургѣ, ни въ Чипиликанѣ писемъ отъ нашихъ посланниковъ не приняли и въ переговоры съ ними не вступили, объявивъ, что все это поручено вамъ. По возвращеніи этихъ посланныхъ, мы вручили оставшихся русскихъ Муртаза бію и отправили ихъ чрезъ Казалу, а сами остались пребывать въ мирѣ и спокойствіи. Мы слышали, что нашъ посолъ имѣлъ съ вами свиданіе и передалъ вашихъ людей, но никакихъ извѣстій отъ него самого до сихъ поръ не получали. Между тѣмъ войска ваши начали со всѣхъ сторонъ появляться въ нашихъ владѣніяхъ. Тогда жители стали защищать свои семейства, выходили къ вамъ на встрѣчу и по мѣрѣ возможности старались задержать васъ...

Если ваше желаніе заключается въ возвращеніи плѣнныхъ, то вѣдь они уже у васъ, если же вамъ угодно что нибудь другое—скажите: мы по мѣрѣ силъ исполнимъ и это. Если вы желаете заключить договоръ, то остановитесь на мѣстѣ, куда теперь прибыли и не проходите чрезъ населенныя мѣста».

Надо отдать справедливость автору письма: оно составлено весьма ловко и всѣ счеты наши оказывались легкимъ недоразумѣніемъ!

Отвѣтъ не заставилъ себя ждать: «война вызвана вашимъ поведеніемъ съ нами, писалъ генералъ фонъ-Кауфманъ; всѣ предложенія мои о мирѣ и дружбѣ оставлены были вами въ

течении шести лѣтъ, безъ вниманія. Въ настоящее время я готовъ заключить съ вами условія мира и дружбы, но буду двигаться впередъ, какъ Богъ мнѣ укажетъ. Если желаете спасти народъ свой и ханство отъ раззоренія вашими войсками—распустите ихъ и объявите жителялъ всѣхъ мѣстъ: заниматься своимъ хозяйствомъ. Русскіе войска бьютъ враговъ, но не раззоряютъ мирныхъ жителей.»

Что касается до Веревкина, то онъ, согласно инструкціи, не отвѣчалъ хану, а направилъ его посла въ отрядъ генерала Кауфмана.

Вечеромъ 28 мая, когда Веревкинъ бомбардировалъ Хиву, ханъ послалъ къ генералу фонъ-Кауфману (въ лагерь у Янги Арыка) своего двоюроднаго брата Иртазали хана съ письмомъ, въ которомъ просилъ принять его со всѣмъ ханствомъ подъ руку Бѣлаго Царя. Веревкину послано было приказаніе прекратить огонь, если со стороны города не будетъ выстрѣловъ, а хану приказано выѣхать на встрѣчу со свитою. Ханъ однако-же побоялся выѣхать на встрѣчу и тайкомъ ушелъ изъ города, гдѣ на его мѣсто избранъ былъ братъ его Ата-Джанъ.

Утромъ 29 мая, со стѣнъ по войскамъ оренбургскаго отряда открытъ былъ огонь, не смотря на переговоры, какіе въ это время шли между хивинскими властями и начальниками нашихъ отрядовъ. Инструкція обязывала ген. Веревкина *не прекращать военныхъ дѣйствій, не смотря ни на какія уловки непріятеля* и бить, слѣдовательно, до тѣхъ поръ, пока врагъ не сломленъ. Такъ онъ и сдѣлалъ: оренбуржцы штурмовали брешь какъ разъ въ то время, когда туркестанцы спѣшили парадно вступать въ городъ! Въ 2 часа дня 29 числа войска вступили въ Хиву.—30, въ день годовщины рожденія Петра I, отслуженъ былъ молебенъ за здравіе Государя и панихида за упокой Петра I и сподвижниковъ его, (экспедиція Бековича) погибшихъ въ войнѣ съ Хивою. 1 іюня хану послано было приглашеніе явиться въ лагерь, что тотъ наконецъ и исполнилъ вечеромъ 2 числа. Ханъ былъ принятъ съ почетомъ и возстановленъ въ своемъ званіи, но на время пребыванія русскихъ войскъ въ предѣлахъ ханства учрежденъ былъ при ханѣ особый совѣтъ или диванъ изъ русскихъ офицеровъ и хивинскихъ сановниковъ.

Первымъ дѣломъ дивана было обсудить вопросъ объ освобожденіи рабовъ персіянъ. Достоинство Россіи не допускало возможности терпѣть невольничество въ странѣ, покоренной войсками русскаго Государя. Сами невольники давно уже обращали свои взоры къ Россіи, давно ждали русскихъ, которые на концахъ штыковъ должны были принести имъ свободу!

Въ Средней Азіи составилось убѣжденіе, что призваніе Россіи и состоитъ именно въ томъ, чтобы уничтожить рабство всюду, куда только достигнетъ ея вліяніе, всюду,—гдѣ только будетъ слышенъ громъ русскихъ пушекъ.

Рабы, ждавшіе такъ долго, не могли уже сдержать своего нетерпѣнія: большая часть покинула своихъ хозяевъ, организовала шайки и начала расправляться со своими бывшими помѣщиками-хивинцами. За то тѣ, которые не догадались бѣжать во-время, т. е. въ минуту общей паники при наступленіи русскихъ, теперь были закованы въ цѣпи для предупрежденія побѣговъ. Въ цѣпяхъ ихъ выводили на полевыя работы и на ночь приковывали къ стѣнамъ грязныхъ лачугъ. Обоюдное ожесточеніе росло — надобно было торопиться принятіемъ мѣръ.

11 іюня ген. фонъ-Кауфманъ пригласилъ къ себѣ хана и различными доводами убѣдилъ его освободить невольниковъ, пока русскіе еще въ предѣлахъ ханства и могутъ оказать свое содѣйствіе.

На слѣдующій день въ диванѣ состоялось постановленіе объ уничтоженіи невольничества и ханъ разослалъ для повсемѣстнаго обнародованія слѣдующій манифестъ:

«Я, Сеидъ-Мохамедъ-Рахимъ-Богадуръ-ханъ, въ знакъ глубокаго уваженія къ русскому Императору, повелѣваю всѣмъ моимъ подданнымъ предоставить немедленно всѣмъ рабамъ моего ханства полную свободу. Отнынѣ рабство въ моемъ ханствѣ уничтожается на вѣчныя времена. Пусть это человѣко-

любивое дѣло послужитъ залогомъ вѣчной дружбы и уваженія всего славнаго моего народа къ великому народу русскому».

«Эту волю мою повелѣваю исполнить во всей точности, подъ опасеніемъ самаго строгаго наказанія. Всѣ бывшіе рабы, отнынѣ свободные, должны считаться на одинаковыхъ правахъ съ прочими моими подданными и подлежать одинаковымъ съ ними взысканіямъ и суду за нарушеніе спокойствія въ странѣ и безпорядки, почему я и призываю всѣхъ ихъ къ порядку».

«Бывшимъ рабамъ (*дугма*) предоставляется право жить, гдѣ угодно, въ моемъ ханствѣ или выѣхать изъ него куда пожелаютъ; для тѣхъ, которые пожелаютъ выѣхать изъ ханства, будетъ объявлена особо принятая мѣра. Женщины-рабыни (*чури*) освобождаются на одинаковыхъ началахъ съ мужчинами; въ случаѣ споровъ замужнихъ женщинъ съ мужьями—дѣла разбираются казіями по шаріату».

Самый слогъ манифеста обличаетъ его русское происхожденіе—тѣмъ это и лучше.

18 мая манифестъ былъ въ первый разъ прочтенъ на базарѣ въ г. Хивѣ, но повидимому не произвелъ особеннаго впечатлѣнія на толпу, которая была уже приготовлена къ этому. Рабы, освобожденные частными лицами, называются *азатъ*, освобожденные же ханомъ—*ханазатъ* (такъ называются и лошади, перешедшія съ ханской конюшни въ частныя руки). По разсказамъ самихъ невольниковъ число всѣхъ *дугма* и *чури* въ 140 городахъ и деревняхъ ханства доходило до 30,000 чел., свободныхъ же *азатъ и ханазатъ* до 6,500 чел. эти послѣдніе владѣли землею въ количествѣ 2,634 танаповъ или 44 десятинъ—надѣлъ совершенно нищенскій!

Персіяне, желавшіе возвратиться на родину, должны были собираться въ базарныя мѣста (ихъ 37 въ ханствѣ) гдѣ и записаться у начальника, затѣмъ они должны были выбрать себѣ старшихъ и идти къ кишлаку *Найманъ*, назначенному сборнымъ пунктомъ. Отсюда партіями въ 500—600 чел. они должны были направляться на Красноводскъ, гдѣ ихъ ждали русскіе суда для перевозки въ Персію.

Такъ какъ сборы шли медленно, то множество персіянъ неуспѣли отправиться до выступленія русскихъ изъ ханства. Это повело за собою разныя столкновенія съ туркменами и не мало персіянъ погибло въ стычкахъ.

И такъ наши побѣды не только выручили нашихъ же плѣнныхъ, но еще до 40,000 персіянъ, а это одно уже выкупаетъ всѣ невзгоды и лишенія, перенесенныя войсками. Намъ кажется, однакоже, что отъѣздъ изъ ханства такой массы трудолюбиваго народа — непремѣнно отразится на земледѣліи. Весьма легко могло бы случиться, что многіе иранцы согласились бы остаться въ Хивѣ, еслибы имъ предложили достаточный надѣлъ землею изъ участковъ ихъ прежнихъ помѣщиковъ. Да и вообще лучше было бы освободить ихъ *съ надѣломъ*: еслибы они и продали свои участки, то по крайней мѣрѣ пошли бы домой не совсѣмъ нищими. Правда, что это возможно было бы только при условіи вѣчнаго занятія нами Хивы—иначе новые землевладѣльцы скоро были бы истреблены.

Въ началѣ августа войска наши стали выступать изъ ханства. Земли по правую сторону Аму-дарьи (шураханскій и чимбайскій районы) отошли на всегда къ Россіи, образовавъ *Аму-дарьинскій округъ*, для охраненія котораго оставлены въ укрѣпл. Петро-Александровскомъ: 9 ротъ пѣхоты, 4 сотни казаковъ и 8 орудій (въ самомъ укрѣпленіи сверхъ того 4 орудія, 4 мортиры и 4 хивинскихъ пушки). Такъ какъ назначеніе командовать передовымъ отрядомъ считается рѣдкимъ счастіемъ, выпадающимъ на долю весьма немногихъ, да и въ жизни этихъ немногихъ такіе случаи два раза не повторяются, то обыкновенно офицеръ хватается за свой «случай» всѣми своими средствами и затѣмъ придирается къ каждому слуху, къ каждому пустяку, чтобы только продѣлать «активную оборону» (т. е. съ переходомъ въ наступленіе), «произвести диверсію» для поддержанія обаянія русскаго имени и проч. Предпріимчивость офицера обыкновенно не остается безъ результатовъ, какъ для него самаго, такъ и для государства, ко-

торое втягивается иногда въ ненужную войну и пріобрѣтаетъ ненужныя территоріи...

Начальникъ аму-дарьинскаго округа уже успѣлъ сходить два раза «на ту сторону Аму-дарьи» и конечно это будетъ повторяться хронически.

Лѣтомъ 1874 года предположено было произвесть подробное изслѣдованіе стараго русла Оксуса, такъ какъ фактъ насильственнаго отвода рѣки—плотинами—подтвердился. Весьма возможно, что въ недалекомъ будущемъ завѣтная мечта Петра I осуществится и воды Аму-дарьи вольются въ нашъ Каспій! Для этого, по всей вѣроятности, придется заградить всѣ боковые оросительные каналы, уносящіе на поля хивинскаго оазиса огромное количество воды *). Земледѣліе, конечно, погибнетъ—ханство опустѣетъ, но въ виду громадности выгодъ для Россіи — интересы Хивы должны быть принесены въ жертву.

---

*) Есть каналы сажень въ 30 шириною, до 5 глубиною и верстъ во сто длиною.

ГЛАВА VII.

Отношенія къ провинціямъ Западнаго Китая. — Откуда произошло названіе дунганъ? Причина возстанія 1864 года. — Наше невмѣшательство. — Результаты возстанія. — Ссора таранчей съ дунганами. — Вмѣшательство Кокана въ дѣла Кашгара. — Якубъ-бекъ пользуется случаемъ. — Нашествіе Хутухты-Чоганъ-Кегеня. — Нарушеніе нашей границы. — Сношенія съ Китаемъ по этому поводу. — Эмиграція китайцевъ и киргизовъ въ наши предѣлы.—Баранта и нашъ отвѣтъ.— Илійскій султанъ недоволенъ нашей расправой на его территоріи. — Занятіе нами Музартскаго прохода.—Намѣреніе помочь китайцамъ возвратить отпавшія провинціи.—Нападеніе киргизовъ на маіора Здоренко.—Переговоры съ султаномъ Абиль-Огля о выдачѣ разбойниковъ. — Бѣгство Тазабека. — Рекогносцировки нашихъ отрядовъ. — Нападеніе таранчей. — Война и занятіе Кульджи. Китайцы просятъ возвратить имъ Илійскую провинцію. — При какихъ условіяхъ это возможно?

Въ VIII вѣкѣ по Р. Х., когда мусульманство начало распространяться въ Туркестанѣ, принадлежавшемъ въ то время Китаю, и выразилось рядомъ безпорядковъ и мятежей, китайское правительство выселило новыхъ мусульманъ въ Китай, гдѣ преселенцы скоро утратили и языкъ, и обычаи, и самую религію, сохранивъ только по преданію запрещенія на вино и мясо нѣкоторыхъ животныхъ. Основываясь на показаніяхъ самихъ китайцевъ, нашъ кульджинскій консулъ Павлиновъ, а за нимъ и другіе, писавшіе объ Азіи, увѣряютъ, что мусульмане сосланы были въ провинцію Гань-су, откуда стали проникать и въ сосѣднія провинціи, гдѣ ихъ и прозвали будто бы: «*Тунъ-Гань-су*» то есть «тѣ же, что и въ Гань-су».

Хуттонъ, въ своемъ сочиненіи «Central Asia», преподноситъ, для объясненія слова дунганъ—слѣдующій винигретъ: «Въ началѣ христіанской эры Туркестанъ былъ заселенъ

отраслью великаго Уйгура, тюркскаго племени, названнаго китайцами Хойеке, Ойоръ и Хоай-хоай. Въ концѣ VIII столѣтія китайцы переселили множество семействъ изъ Восточнаго Туркестана въ Канзу и Шензи. Уйгурскій родъ Тагасгасъ, состоявшій частью изъ манихейцевъ, частью изъ несторіанскихъ христіанъ, двинулся изъ окрестностей Кашгара къ границамъ Китая. Къ концу X вѣка кашгарскіе Уйгуры, со своимъ правителемъ Сатукъ-Букра ханомъ, приняли мусульманство, овладѣли Маверанагромъ и привели съ собою плѣнныхъ Тургаевъ тюркскаго племени. Большая часть ихъ вернулась въ Самаркандъ, но нѣкоторые *весьма немногіе* остались и были названы своими одноплеменниками *тургани* или *тунгани*, что означаетъ «оставшійся» Чингисъ и Оккодай привели въ Китай множество уйгурскихъ и тунганскихъ магометанъ, которые имѣли сношенія съ центральной Азіею черезъ посредство каравановъ, ходившихъ изъ Кашгара въ Пекинъ. Въ Восточномъ Туркестанѣ племена уйгуровъ и тунгановъ постепенно слились и стали называться дунганами или *Дундженами*, но у китайцевъ они были извѣстны болѣе подъ именемъ уйгуровъ или хоай-хоай. Въ позднѣйшій періодъ китайцы называли впрочемъ именемъ *Тенъ-Дженъ* или «военными людьми» тѣхъ магометанскихъ поселенцевъ, которые поселились на *Тенъ-чіанъ* или военной землѣ по западной границѣ Имперіи».

Ужь одно то, что китайцы придавали имя *Тенъ-дженъ* не тѣмъ, кого разумѣетъ Хуттонъ — должно было бы натолкнуть почтеннаго ученаго на сомнѣніе, а справка въ турецко-англійскомъ словарѣ показала бы ему, что кромѣ глагола «*турмакъ*» — стоять, ждать, есть еще: *тунмакъ* — думатѣ, *тонмакъ* — потемнѣть, *дунмакъ* — возвратиться, отвернуться *донмакъ* — замерзать. Причастія отъ этихъ глаголовъ будутъ: *тунганъ*—думающій, *тонганъ*—потемнѣвшій, *дунганъ*—отвернувшійся, воротившійся и *донганъ* — замерзающій. Изъ этихъ словъ конечно легче выбрать подходящее къ данному случаю и притянуть его за уши къ своему выводу. Слово же *турганъ*—

ни какимъ родомъ не можетъ перейти въ *тунганъ*—такъ какъ законы языка этого не потерпятъ.

Мнѣ кажется однакоже, что вѣрнѣе будетъ произвести слово *дунганъ* отъ названія *Дунь-хуанъ*, которое дали китайцы еще въ 111 году до Р. X., новоучрежденной области въ губерніи *Гань-су*. Область эта въ 570 г. по Р. X. переименована въ округъ и получила названіе *Манъ-ша-чжеу*. Это я нашелъ въ «Собраніи свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи»—отца Іакинѳа... Если мусульмане переселены были въ Ганьсуйскую губернію, то вѣроятно въ округъ Манъ-ша-чжеу или прежній Дунь-хуанъ, а мы знаемъ и по собственному опыту, какъ упрямо держатся старыя названія. Какъ ни называйте привислянскія губерніи, а туземцы всетаки величаютъ ихъ Царствомъ Польскимъ; прибалтійскія—все та-же Остъ-Зея и т. д. Китайская неподвижность вошла въ пословицу и потому не мудрено, что и китайцы сберегли до VIII вѣка названіе Дунь-хуанъ. Затѣмъ легко уже перенести названіе округа на его жителей, и наконецъ китайское слово измѣнить сообразно съ требованіями тюркскаго языка. *Дунганъ* производить отъ дунь-хуана, конечно законнѣе, чѣмъ отъ *турганъ* или *гань-су*.

Можно дойти до явныхъ нелѣпостей если допустить подобный произволъ въ отысканіи корня. Для примѣра мы укажемъ хотя бы на то, какъ объясняли разные нѣмецкіе ученые происхожденіе слова *изгой*, которое нерѣдко встрѣчается въ нашихъ древнихъ актахъ, какъ названіе извѣстнаго класса людей.—Изгой, по толкованію нѣмцевъ есть,—выходецъ изъ Ливоніи—и названъ такъ русскими по слѣдующему обстоятельству: Ливонія раздѣлялась на *гау*, а по сосѣдству со Псковомъ ливонцы часто посѣщали русскихъ и даже вовсе къ нимъ переселялись изъ своихъ *гау*—ясно теперь, что выходецъ *изъ гау*—такъ и оставался *изгаемъ*, а затѣмъ перекрещенъ въ изгоя по законамъ русскаго языка.

Мнѣніе это держалось до 1849 года, когда впервые напечатанъ былъ уставъ о церковныхъ судахъ новгородскаго

князя Всеволода Мстиславича. Перечисляя всѣхъ лицъ, кормившихся отъ церкви (слѣпецъ, хромецъ, лечецъ, т. е. лекарь, прощеникъ, т. е. изцѣлившійся чудомъ, баба вдова, и т. д.), грамата упоминаетъ между ними и *изгоя* при чемъ объясняетъ, что изгоемъ считаются: поповъ сынъ грамотѣ незнающій, купецъ одолжавшій, и холопъ отпущенный на волю,—да еще пожалуй князь осиротѣлый—т. е. лишившійся удѣла.—Это ужъ конечно далеко не ливонцы!

До чего можетъ довести необузданная фантазія буквоѣдовъ укажемъ еще на французскаго ученаго *г. Менажа*: онъ докопался, напримѣръ, что французское *rat* происходитъ отъ латинскаго *mus*, а *haricot* отъ латинскаго *faba*! Вотъ ступени, по которымъ прошли эти слова: *mus*, muratus, ratus, *rat*; *faba*, fabaricus, fabaricotus, aricotus—*haricot*.

При Чингизъ-ханѣ власть китайцевъ въ восточномъ Туркестанѣ пала, но по распаденіи Чагатайскаго царства, она снова утвердилась здѣсь. Впрочемъ вторичное завоеваніе слѣдуетъ считать только съ 1758 года, когда императоръ *Цянъ-Лунъ* отнялъ Туркестанъ отъ Ойротовъ (или калмыковъ).—Раздѣливъ страну на 7 амбаньствъ и подчинивъ ихъ кульджинскому дзянь-дзюню (генералъ-губернатору), китайцы оставили народу большую автономію. Не смотря на полную вѣротерпимость китайцевъ, народъ нѣсколько разъ возставалъ подъ вліяніемъ святошей-ходжей и духовенства. Въ 1825 г. возстаніе *Джангиръ-хана* въ Кашгаріи сначала грозило китайскому владычеству серьезною опасностью, но скоро инсургенты были разбиты, а Джангиръ-ханъ казненъ. Въ 1847 явился сюда *Вали-ханъ-тюря*, сынъ казненнаго Джангиръ хана. Поддерживаемый втайнѣ коканцами, онъ сначала имѣлъ успѣхъ, но жестокости, которыми ознаменовалъ онъ свое торжество, оттолкнули отъ него народъ и тиранъ едва успѣлъ бѣжать отъ китайцевъ. По усмиреніи возстанія 1825 года, китайцы сослали въ Илійскую провинцію цѣлую массу бунтовщиковъ-мусульманъ. Такимъ образомъ, въ западномъ Китаѣ возникло два сословія: *тунганъ*, пользовавшихся уже

правами китайскаго гражданства и занимавшихся торговлею, и *таранчей* *), недавно сосланныхъ и занимавшихся земледѣліемъ въ состояніи полнаго рабства.

Примѣръ тайпинговъ, неопредѣленность поборовъ, размѣръ которыхъ совершенно зависѣлъ отъ губернаторовъ, державшихъ провинціи какъ-бы на откупу у правительства; надменность обращенія китайскихъ властей; систематическая несправедливость въ рѣшеніи дѣлъ—всегда въ пользу китайскаго элемента,—и наконецъ недопущеніе переселенцевъ къ должностямъ—все это повело къ возстанію 1864 г.

Свято соблюдая заключенные съ Китаемъ трактаты и разсчитывая, что китайское правительство въ состояніи само подавить возстаніе, Россія рѣшилась держаться принципа невмѣшательства. Самыя настоятельныя, самыя униженныя просьбы китайскихъ генераловъ не могли побудить генералъ-губернатора западной Сибири измѣнить однажды принятое рѣшеніе, а наши пограничныя власти держались принципа невмѣшательства до того строго, что запретили вывозъ хлѣба въ Кульджу, умиравшую съ голоду, и тѣмъ поставили ее въ крайне безвыходное положеніе, окончившееся только славною смертью китайскаго гарнизона, взорвавшаго себя на воздухъ въ концѣ февраля 1866 года.

Такое строгое невмѣшательство съ нашей стороны дало полную возможность развиться возстанію. Правда, китайцы не были по отношенію къ намъ искренно дружественными сосѣдями, а постоянныя препирательства изъ-за границы вели даже иногда къ столкновеніямъ **), тѣмъ не менѣе положеніе наше сдѣлалось весьма неловкимъ въ отношеніи къ манджурскому

---

*) *Таранчи*—значитъ земледѣлецъ. Не знаю откуда взяли наши писатели, что таранчи значитъ: „человѣкъ кроваваго пота". Это слово монгольскаго происхожденія, а частичка *чи*, на концѣ, означаетъ имя дѣятеля, работника, мастера. *Малъ-чи*—пастухъ, *томорчи*—кузнецъ, *модунчи*—плотникъ, *таранчи* земледѣлецъ.

**) Такъ 31 мая 1863 г. одинъ нашъ офицеръ поручикъ Антоновъ, былъ заманенъ, подъ предлогомъ переговоровъ, на китайскій пикетъ и тамъ предательски убитъ.

правительству, когда наши киргизы, перекочевавъ въ предѣлы Китая, приняли участіе въ дѣлѣ инсурекціи и совершенно разграбили нѣсколько китайскихъ городовъ. Говорили даже, будто въ Вѣрномъ была допущена продажа плѣнныхъ китайцевъ и калмыковъ. Подробное изслѣдованіе этого дѣла не подтвердило слуха. Поводомъ къ такому обвиненію послужило то, что нѣсколько плѣнныхъ китаянокъ были выкуплены у дунганъ и взяты въ жены вѣрнинскими сартами. Впослѣдствіи, когда, по требованію китайскихъ чиновниковъ *), женщины эти были отобраны отъ мужей, то большая часть ихъ успѣла бѣжать назадъ къ своимъ мужьямъ, обманувъ бдительность китайскихъ караульныхъ. — Случай этотъ ясно доказывалъ, что торговля невольниками существовала только въ досужемъ воображеніи упраздненнаго консула и китайскихъ чиновниковъ, сидѣвшихъ безъ дѣла.

Результатами возстанія, по отношенію къ намъ, были: 1) уничтоженіе нашихъ консульствъ и факторій въ Кульджѣ и Чугучакѣ, 2) совершенное прекращеніе торговли, обороты которой достигли было значительнаго развитія, 3) наплывъ разореныхъ и ограбленыхъ эмигрантовъ въ наши предѣлы и 4) постоянные безпорядки на границѣ, вторженія въ наши предѣлы и нападенія на нашихъ подданныхъ. Такимъ образомъ, наше невмѣшательство, погубивъ дѣло Китая въ Джунгаріи и Кашгаріи, погубило и нашу собственную торговлю въ этихъ странахъ и, сверхъ того, содѣйствовало къ образованію, въ сосѣдствѣ, безпокойнаго и фанатическаго мусульманскаго государства, во всякомъ случаѣ менѣе для насъ удобнаго, чѣмъ спокойный и, въ концѣ концовъ, всетаки уступчивый Китай.

Возстаніе нянь-феевъ, подступавшихъ почти къ самому Пекину, помѣшало китайскому правительству привести въ исполненіе задуманный было планъ: двинуть войска въ об-

*) Надобно прибавить: и по настояніямъ бывшаго консула Павлинова, весьма горячо отстаивавшаго интересы Китайцевъ. Въ глазахъ ближайшей русской администраціи г. Павлиновъ казался скорѣе представителемъ Китая чѣмъ Россіи.

ходъ на Кобдо, чтобы имѣть возможность дѣйствовать противъ инсургентовъ съ тыла, одновременно съ наступленіемъ съ фрона на Баркуль. Пришлось ограничиться мелкими отрядами, подкрѣпивъ ихъ монголами и калмыками и вести атаку только съ фронта.

Возстаніе, между тѣмъ, вступило въ новый фазисъ: таранчи, какъ земледѣльцы, оказались обладателями значительныхъ запасовъ хлѣба, наслѣдованнаго по большей части отъ истребленныхъ ими китайскихъ собственниковъ; на требованіе дунганей подѣлиться хлѣбомъ—таранчи отвѣчали отказомъ, повлекшимъ за собою разрывъ и междуусобіе. Дунгане были разбиты у Баяндая и оттѣснены въ Урумцинскій округъ, а таранчи заняли Кульджу. Въ февралѣ 1867 г. изъ Урумци прибыла партія дунганъ человѣкъ въ 500, подъ видомъ депутаціи для поздравленія таранчей съ освобожденіемъ отъ власти Китая. Таранчи, подозрѣвая тутъ какой нибудь умыселъ, предупредили всякую случайность—и весьма простымъ и коренным способомъ: они истребили этихъ депутатовъ до послѣдняго человѣка!

Въ маѣ того же года дунгане явились уже мстителями: отрядъ въ 2000 человѣкъ вторгнулся въ илійскую провинцію. Но и эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ: до 1000 чел. пало въ неравной борьбѣ, а остальные съ трудомъ убрались во свояси. Недостатокъ хлѣба, дороговизна и голодъ *) вынудили гордыхъ дунганъ переселяться къ таранчамъ цѣлыми толпами. Съ тѣхъ поръ нападенія уже не повторялись, можетъ быть также и подъ вліяніемъ опасенія дунганъ за собственную безопасность со стороны Китая.

Манчжурское правительство рѣшилось воспользоваться племенной враждой обитателей своихъ окраинъ и напустило орды

*) Чаю и серебра, награбленнаго у китайцевъ, дунгане имѣли въ изобиліи. Въ 1868 г. былъ запрещенъ вывозъ изъ Урумци чаю. Произошли безпорядки. Началось истребленіе китайцевъ, хозяевъ чайныхъ складовъ, которые немедленно сами зажгли свои запасы.

своихъ калмыковъ для подавленія возстанія, а въ особенности для удержанія киргизовъ отъ грабежа. Калмыки, занявъ долину Чернаго Иртыша, одолѣли тамошнихъ киргизовъ, а съ прибытіемъ полчищъ своего *хутухты* *), Чоганъ Кегеня, власть манчжуръ была возстановлена уже во всемъ Тарбагатайскомъ округѣ: дунгане были вытѣснены и затѣмъ наши границы ни въ какой своей части, не прикасались уже къ владѣніямъ дунганей, оттѣсненныхъ въ Урумцинскій округъ.

Численность таранчей простиралась до 38 тысячъ человѣкъ *). Султанъ ихъ *Абиль-Огля* избранъ былъ народомъ и вслѣдствіе этого не пользовался особеннымъ значеніемъ. Гораздо большее вліяніе на умы и на дѣла имѣлъ *Алимъ-Ахунъ*, высшее духовное лицо у таранчей. Городскою стражею завѣдывалъ *эмиръ*. Войско имѣло достаточно китайскихъ ружей и пушекъ, но за крайнимъ недостаткомъ пороха, огнестрѣльное оружіе употреблялось только изрѣдка и въ особыхъ случаяхъ.

Дунгане, кромѣ Урумци, занимаютъ еще Манасы или Куръ-Кара-Усу и Турфанъ. Ихъ считаютъ до 60 тысячъ. Султанъ дунганей есть вмѣстѣ съ тѣмъ и высшее духовное лицо и потому пользуется большимъ значеніемъ, чѣмъ таранчинскій.

Если китайцы не возстановятъ своей власти въ отпавшихъ провинціяхъ, то дунгане составятъ живую китайскую стѣну и совершенно прекратятъ всякія наши сношенія съ имперіей, уже 200 лѣтъ поддерживающей съ нами дружбу и миръ.

Желая въ свою очередь воспользоваться смутами въ сосѣднихъ китайскихъ провинціяхъ, коканскій ханъ послалъ въ Алтышаръ (Кашгарію), бывшаго коменданта Акъ-мечети (что нынѣ г. Перовскъ), Якубъ-бека, съ набранной имъ въ Коканѣ дружиной, подъ предлогомъ возстановленія въ Кашгарѣ правленія ходжей въ лицѣ Бзрукъ-хана представителя фамиліи,

*) Одинъ изъ воплощенныхъ боговъ. Теперь ихъ пятеро.

**) Кромѣ нихъ въ Кульджинской провинціи считалось до 5,000 дунганъ, до 3,000 китайцевъ, до 18,000 монголовъ, до 15,000 сибо и до 22,000 киргизовъ и пр. Всего же до 103,000 душъ.

стоявшей во главѣ революціи 1826 года. Дѣйствуя именемъ претендента, Якубъ-бекъ достигъ быстрыхъ и рѣшительныхъ успѣховъ, и затѣмъ съумѣлъ отстранить хана, который, благодаря своей бездарности и неумѣнью держать себя на соотвѣтствующей высотѣ, скоро утратилъ всякое значеніе. Заключивъ хана въ тюрьму, Якубъ-бекъ сдѣлался полновластнымъ господиномъ китайскаго Туркестана или Кашгаріи.

Введя кое какой порядокъ въ своихъ владѣніяхъ, организовавъ, относительно сносную, армію и подавляя всякое противъ себя неудовольствіе, съ неумолимою и одинаковою для всѣхъ сословій, племенъ и лицъ, жестокостью, Якубъ-бекъ заслужилъ имя *аталыка* и *гази*, т. е. справедливаго и покорителя. Изъ всѣхъ правительствъ, возникавшихъ послѣ революціи въ западномъ Китаѣ, одно только кашгарское обѣщаетъ быть прочнымъ и сколько нибудь долговѣчнымъ; всѣ же остальныя, обезсиленныя междуусобіями, едва ли выдержатъ, безъ помощи Якубъ-бека, натискъ китайскихъ войскъ, если только онѣ когда нибудь сюда явятся.

Возстановленіе, при помощи калмыковъ, китайской власти въ тарбагатайской провинціи, повело за собою нарушеніе нашихъ границъ. Еще въ 1865 г. хутухта Чоганъ Кегень перешелъ съ калмыками и монголами нашу границу и разграбилъ киргизовъ передъ станицей Урджарской; въ 1867 году вторженіе калмыковъ повторилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ: проживавшій въ нашихъ предѣлахъ илійскій цзянъ-цзюнъ *) извѣстилъ семирѣченскаго военнаго губернатора, что къ нашимъ предѣламъ приближается отрядъ хутухты для конвоированія эмигрантовъ, переселяемыхъ по соглашенію китайскаго правительства съ нашимъ, въ долину Чернаго Иртыша. Цзянъ-цзюнъ просилъ разрѣшить хутухтѣ перейти границу для принятія эмигрантовъ на мѣстѣ ихъ поселенія у Бактовъ. Не смотря на отказъ, хутухта всетаки перешелъ границу и

*) Цзянъ-цзюнъ по китайски: генералъ-губернаторъ.

разграбилъ киргизовъ байджигитовскаго рода, кочевавшихъ по р. Джиты-Аралъ, въ Кокпектинскомъ округѣ. Такъ какъ байджигиты, вмѣстѣ съ дунганами, участвовали въ разграбленіи Чугучака, то нападеніе хутухты можно считать наказаніемъ киргизовъ за грабежъ, но это наказаніе произведено на нашей территоріи, границы которой опредѣлены чугучакскимъ договоромъ 1864 г.

Хотя хутухта и оправдывался тѣмъ, что киргизы сами напали на него во время слѣдованія къ Бактамъ, но если даже и допустить справедливость этого заявленія то, *во-первыхъ*: онъ перешелъ границу ранѣе этого нападенія; *во-вторыхъ*: не продолжалъ движенія къ Бактамъ, а возвратился съ добычей въ предѣлы Китая и, слѣдовательно, имѣлъ цѣлью не эмигрантовъ, а бай-джигитовъ; *въ третьихъ*: онъ отвѣчалъ посланному отъ нашего разъѣзда, что считаетъ набѣгъ не вполнѣ удавшимся и надѣется еще повторить его; наконецъ, *въ четвертыхъ*: онъ потребовалъ отъ насъ выдачи ему всѣхъ байджигитовъ.

Наше министерство иностранныхъ дѣлъ потребовало отъ китайскаго правительства: 1) письменнаго извиненія, 2) вознагражденія убытковъ, причиненныхъ хутухтой, 3) запрещенія китайскимъ войскамъ переходить границу и 4) наказанія Чоганъ-Кегеня и Амбаня-Увана.

Министръ нашъ въ Пекинѣ, генералъ-маіоръ Влангали, въ отвѣтъ на письмо генералъ-губернатора касательно положенія дѣлъ въ западномъ Китаѣ, сообщилъ (отъ 14 января 1868 г.), что Чоганъ-Кегенъ, «по своему духовному значенію, какъ хутухта, имѣетъ большое вліяніе на калмыковъ, единственныхъ инородцевъ, оставшихся вѣрными китайскому правительству среди возстанія въ западномъ Китаѣ» и что, поэтому, мы едва ли можемъ разсчитывать на полное удовлетвореніе за вторженіе хутухты въ наши предѣлы, тѣмъ болѣе, что потерпѣвшіе отъ его набѣга киргизы сами вызвали его участіемъ, какое они принимали въ инсуррекціи.

По вопросу о степени дѣйствительности существующихъ

трактатовъ, поколебленныхъ инсуррекціею въ западныхъ провинціяхъ, китайское правительство отвѣчало, что «если киргизы возставшихъ провинцій мирные китайскіе подданные, то, въ этомъ случаѣ, не можетъ быть препятствія въ примѣненіи трактата; если же это мятежники и разбойники, которые, прикрываясь именемъ купцовъ, пріѣзжаютъ воровски въ предѣлы Россійскаго государства, то неудобно было бы, конечно, дозволять имъ вести торговлю». Сказано было также, что «возмущеніе въ означенныхъ провинціяхъ временное и что китайское правительство возвратитъ ихъ подъ свою власть, а потому кульджинскій трактатъ имѣетъ быть соблюдаемъ по прежнему, въ полной силѣ».

По поводу эмигрантовъ, принявшихъ русское подданство, посланникъ нашъ выразилъ мнѣніе, что китайское правительство можетъ потребовать, на основаніи трактатовъ, ихъ выдачи, если они окажутся принадлежащими къ военному сословію или къ военнымъ поселеніямъ. Отказать китайцамъ будетъ тѣмъ щекотливѣе, что они сами всегда, съ большой готовностію и аккуратностію, выдаютъ нашихъ бѣглыхъ, не дожидаясь даже требованія съ нашей стороны.

Эмигрантовъ, принявшихъ наше подданство и православіе, уже въ 1871 году числилось 1,095 душъ, остальные 15,000 большею частію уже выселились въ долину Чернаго Иртыша.

Съ 1868 года и въ особенности въ 1869 усилилось общее движеніе киргизовъ въ наши предѣлы. Это движеніе можно приписать, во-первыхъ, распрямъ между дунганами и таранчами, а во-вторыхъ нашествію Чоганъ Кегеня съ 40,000 калмыковъ. Одни изъ перекочевавшихъ къ намъ просили о принятіи ихъ въ подданство, другіе же, смотрѣли на нашу территорію какъ на временное убѣжище и не стѣснялись барантовать казачьихъ, киргизскихъ и казенныхъ лошадей. Для противодѣйствія набѣгамъ, розданы были жителямъ, ближайшихъ къ границѣ деревень сергіопольскаго уѣзда и льготнымъ казакамъ, старыя ружья и по 10-ти патроновъ на человѣка, а для наказанія кызаевцевъ высланы были два отряда:

изъ станицы Лепсинской, (4 сотни казаковъ и 30 артиллеристовъ) и изъ Борохудзира (67 штыковъ, 104 коня и 2 орудія). Первый отрядъ отбилъ 15,000 барановъ, а второй 5,000.

Смѣлое и быстрое движеніе нашихъ отрядовъ произвело должное впечатлѣніе, и въ концѣ декабря 6,000 кибитокъ кызаевцевъ изъявили покорность и просили принять ихъ въ наше подданство; но, во время переговоровъ, отрядъ таранчей и суваловскихъ киргизовъ, силою въ 2,000 ч., напалъ на кызаевъ и угналъ 40,000 барановъ и 2,000 лошадей и рогатаго скота. Кызаевцы, для преслѣдованія барантачей, откочевали отъ нашихъ предѣловъ. Нашъ южно-тарбагатайскій отрядъ не могъ подать имъ помощи, вслѣдствіе глубокаго снѣга, завалившаго ущелья.

Между тѣмъ, кульджинскій султанъ прислалъ къ семирѣченскому губернатору двухъ посланцевъ и предъявилъ протестъ противъ нападеній на кызаевъ. Въ отвѣтъ на это, ему предложено: 1) принять самому мѣры противъ вторженія въ наши предѣлы подчиненныхъ ему киргизовъ, 2) выдать бѣжавшаго въ іюлѣ 1869 г. волостного Алимбека съ 30-ю кибитками и 3) предоставить полную свободу нашей торговлѣ въ Кульджѣ.

Въ теченіи 1870 г. случаи крупной баранты уже не повторялись; разбойники ограничивались нападеніемъ на отдѣльныхъ лицъ и небольшія стада. Но кромѣ разбойниковъ, и конный отрядъ таранчей, оберегавшій музартскій проходъ, также производилъ грабежи и убійства. Послѣднее нападеніе таранчей въ маѣ 1870 года на пятерыхъ нашихъ киргизовъ, охотившихся за маралами, вынудило семирѣченскаго губернатора снова войти въ сношеніе съ кульджинскимъ султаномъ, для чего и посланъ былъ въ Кульджу переводчикъ семирѣченскаго областного правленія.

Отъ кульджинскаго султана требовалось: 1) взысканія съ виновныхъ въ нападеніи на охотниковъ, 2) возвращенія плѣнныхъ, 3) денежной пени (кунъ) за одного охотника, отморозившаго себѣ руки, 4) выдачи бѣжавшихъ изъ нашихъ предѣловъ киргизовъ. Султанъ отвѣтилъ, что еще не слыхалъ ничего о нападеніяхъ и потому распорядился о назначеніи слѣдствія. На послѣднее же требованіе онъ прямо отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на шаріатъ, запрещающій выдачу гостей. Военный губернаторъ просилъ также султана разрѣшить нашимъ судамъ плаваніе вверхъ по р. Или, для доставки дерева и каменнаго угля изъ бывшей китайской копи,—султанъ и на это отвѣчалъ отказомъ, подъ предлогомъ, что рудники попорчены, что угля едва хватаетъ для самихъ, что вывоза и прежде не было и что, наконецъ, этого не желаетъ самъ народъ.

Тогда для пресѣченія дальнѣйшихъ безпорядковъ на границѣ и обезпеченія нашихъ киргизовъ отъ грабежей со стороны таранчей и подчиненныхъ имъ кочевниковъ, генералъ губернаторъ предписалъ занять спускъ съ музартскаго перевала, единственный проходъ въ Тянь-Шанѣ, соединяющій Илійскую провинцію съ Алтышаромъ. Мѣра эта приведена въ исполненіе въ концѣ августа 1870 г. и была тѣмъ необходимѣе, что Якубъ-бекъ, видя невозможность подчинить себѣ дунганъ и таранчей путемъ переговоровъ, прибѣгъ къ оружію и, при помощи китайцевъ изъ Хами, занялъ уже нѣсколько дунганскихъ городовъ, въ томъ числѣ Карашаръ и Турфанъ. Владѣя музартскимъ переваломъ, мы могли не допустить Якубъ-бека занять Кульджу и создать въ нашемъ сосѣдствѣ сильное мусульманское царство.

Кульджинскій султанъ тотчасъ перемѣнилъ тонъ и поспѣшилъ выслать 2-хъ захваченныхъ охотниковъ, прося отозвать музартскій отрядъ, во избѣжаніе могущихъ послѣдовать столкновеній, если и онъ выставитъ свои войска. Въ отвѣтъ на это, генералъ Колпаковскій напомнилъ султану объ отказѣ его выдать бѣглыхъ, и затѣмъ потребовалъ возвращенія еще третьяго охотника, посовѣтовавъ при этомъ не выставлять таранчинскаго отряда, если онъ желаетъ избѣжать столкновенія. Охранять же караваны мы съумѣемъ и одни.

Кульджинскій султанъ велъ себя такъ, что у насъ при-

знано было за лучшее, до принятія какихъ-либо рѣшительныхъ противъ него мѣръ, дѣйствовать на границѣ такъ, какъ бы султанской власти вовсе не существовало.

Въ интересахъ Россіи болѣе всего было-бы желательно возстановленіе, въ раздираемыхъ анархіею провинціяхъ, законной власти Китая. Манчжурское правительство хотя и слабо, но все же правительство. Оно всегда стремилось сохранить дружескія къ намъ отношенія, всегда заботилось объ охраненіи границы, которая по растянутости своей не могла быть одинаково дѣйствительно охраняема нами самими, оно же, кончало всегда тѣмъ, что уступало намъ въ спорныхъ вопросахъ.

Если наше невмѣшательство требовалось вначалѣ возстанія въ Китаѣ, то впослѣдствіи, когда безсиліе китайскаго правительства передъ инсуррекціей сдѣлалось очевидно, мы, въ видахъ собственнаго интереса, должны бы были помочь Китаю, иначе анархія и безпорядки еще долго будутъ раздирать сосѣднія намъ провинціи, въ явный ущербъ нашей торговлѣ, нашему спокойствію и, наконецъ, нашему политическому вліянію.

Переговоры, веденные въ началѣ 1870 г. директоромъ азіатскаго департамента тайнымъ совѣтникомъ Стреуховымъ съ китайскими посланниками: гг. Бюрлинганомъ, Чжи и Суномъ, не дали ничего опредѣлительнаго относительно усмиренія западныхъ областей, но этихъ пословъ не только не пугала мысль о возможности нашего вмѣшательства въ дѣла этихъ областей, но они какъ бы желали этого.

Плодородная долина р. Или, съ своимъ прекраснымъ климатомъ, могла бы безъ нашего вмѣшательства достаться или дунганамъ, или Якубъ-беку, который легко проникнетъ сюда по завоеваніи Урумци.

Ни дунгане, ни кашгарцы, какъ болѣе сильные и болѣе предпріимчивые чѣмъ таранчи, не могутъ быть терпимы нами вблизи нашихъ границъ, которыя, въ противномъ случаѣ, сдѣлаются театромъ постоянныхъ волненій и грабежей. Если

и при таранчахъ, на разстояніи 250 верстъ между Алатау и Тянь-Шанемъ, мы вынуждены были держать на границѣ три отряда (борохудзирскій, чунджинскій и тяньшанскій), которые всетаки не въ состояніи были уберечь страну отъ нашествія грабителей, то, съ занятіемъ Кульджи болѣе предпріимчивымъ народомъ, наше положеніе конечно еще болѣе бы ухудшилось. Въ августѣ 1870 г. шайка нашихъ и кульджинскихъ киргизовъ напала, на проѣзжавшаго по почтовому тракту въ Копальскомъ уѣздѣ, маіора Здоренко. Разбойники ограбили его, нанеся при этомъ 15 ранъ. Въ тотъ же день эта шайка разграбила станцію и угнала лошадей.

18 сентября сдѣлано нападеніе на отрядъ казаковъ, высланный на розыски партіи, захватившей незадолго передъ тѣмъ двухъ нашихъ солдатъ. Когда у насъ сдѣлались извѣстны имена разбойниковъ, напавшихъ на Здоренко, то къ султану Абиль-Огля было написано (23 ноября) письмо съ требованіемъ выдачи этихъ людей и ограбленнаго имущества. Султанъ велѣлъ арестовать разбойниковъ, запросилъ Колпаковскаго о примѣтахъ почтовыхъ лошадей, обѣщалъ продолжать розыски, но относительно выдачи намъ задержанныхъ разбойниковъ — умолчалъ. Это обстоятельство дало намъ поводъ командировать въ Кульджу, для производства слѣдствія на мѣстѣ, начальника судебнаго отдѣленія семирѣч. областного правленія, г. Чистопольскаго, а для дипломатическихъ переговоровъ—капитана генеральнаго штаба барона Каульбарса. Посольство это не имѣло успѣха: султанъ не исполнилъ ни одного изъ предъявленныхъ требованій и даже самъ настаивалъ, чтобы мы убрали тянь-шаньскій отрядъ, стоявшій на р. Уртень Музартъ, грозя въ противномъ случаѣ употребить силу. Развязка близилась... Въ концѣ декабря откочевали въ Кульджу киргизы рода *кызай*, ограбившіе по дорогѣ нѣсколько ауловъ. Вслѣдствіе этого, весной 1871 года, рѣшено было сдѣлать поискъ въ предѣлы кульджинскаго ханства, къ озеру *Сайрамъ-Норъ*. Въ апрѣлѣ 1871 года бывшій меркинскій волостной управитель—прапорщикъ *Тазабекъ* также бѣжалъ въ Кульджу

съ 1,000 кибитокъ, послѣ безуспѣшныхъ нападеній на высланный противъ него отрядъ. Султану предъявлено было требованіе о выдачѣ Тазабека въ семидневный срокъ къ 3 мая. Въ этотъ день всѣ наши пограничные отряды (чунджинскій, борохудзирскій и кетменскій) произвели рекогносцировки приграничнаго пространства и были встрѣчены таранчинскими войсками. Окончивъ рекогносцировку, отряды возвратились на свои мѣста. Это обратное движеніе принято было таранчами за отступленіе, въ виду неудачи. Таранчи сами перевалили черезъ хребетъ на нашу сторону и напали 14 мая на кетменскій отрядъ... Перчатка была брошена... Рядъ стычекъ въ періодъ сосредоточенія нашихъ войскъ и затѣмъ нѣсколько большихъ сраженій (подъ Алимъ-ту — 16 іюня, подъ Чинъ-ча-го-дзи 18 іюня и подъ Суйдуномъ 19 іюня) быстро привели войну къ блистательному окончанію: 21 числа султанъ сдался военноплѣннымъ, а 22 — войска наши вступили въ столицу!

Вслѣдъ затѣмъ къ генералу Колпаковскому стали отовсюду стекаться депутаціи отъ киргизовъ, отъ жителей дунганскихъ селъ и наконецъ отъ *торгоутовъ*, потомковъ тѣхъ калмыковъ, что бѣжали съ Волги въ 1770 году. Тѣснимые дунганами и подпавшіе подъ власть Якубъ-бека, поставившаго надъ ними правителемъ Аджи-ходжу, — торгоуты взбунтовались противъ послѣдняго, освободили захваченныхъ имъ заложниковъ своихъ (ханшу-правительницу, двухъ ея сыновей и главныхъ родоправителей), бросили свои пашни по р. Юлдузу и откочевали къ горамъ Аму, далеко къ востоку отъ Турфана, а затѣмъ явились къ намъ. Имъ отведены мѣста по р. Текесу.

Въ концѣ октября 1871 г. въ Ташкентѣ получена была телеграмма отъ нашего чрезвычайнаго посланника при пекинскомъ дворѣ о выѣздѣ изъ Улясутая китайскаго дзянь-дзюня *Жуна* для переговоровъ относительно передачи кульджинской провинціи китайцамъ. Съ нашей стороны вопросъ этотъ предполагалось поставить такъ:

1) объяснить дзянь-дзюню нынѣшнее состояніе илійской

провинціи и то, что сдѣлано нами къ сохраненію ея для китайцевъ;

2) заявить ему, что провинція эта можетъ быть передана не иначе, какъ по прибытіи китайскихъ войскъ;

3) узнать отъ него: какія мѣры думаетъ принять манчжурское правительство для управленія провинціею?

4) не заводить и рѣчи о вознагражденіи за военныя издержки;

5) не касаться вопроса о проведеніи болѣе удобной для насъ границы съ Китаемъ.

Для переговоровъ съ нашей стороны присланъ былъ, состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, полковникъ Богуславскій, но какъ китайскій уполномоченный не могъ поручиться за сохраненіе спокойствія въ провинціи, а вмѣсто регулярныхъ войскъ разсчитывалъ на поддержку нѣсколькихъ тысячъ, оставшихся въ живыхъ солоновъ и сибо, то переговоры скоро были прекращены.

Изъ 102,910 душъ населенія, большинство (65,685 душъ) исповѣдуютъ мусульманство, остальные—язычники.

Ненависть между всѣми племенами страшная. Сдерживать ихъ можетъ только сила. Оставить Кульджу по прежнему во власти мусульманъ было конечно неудобно. Китайская власть для насъ также пока не весьма желательна по ея безсилію; поддерживать же китайскаго губернатора нашими войсками, значило бы нести на себѣ всю тягость военнаго занятія страны, не пользуясь за то никакими выгодами.

По всему этому и рѣшено сохранить Кульджу подъ нашею властью до тѣхъ поръ, пока китайское правительство будетъ дѣйствительно въ состояніи управиться съ положеніемъ дѣлъ и прислать сюда достаточно сильное войско.

Задача нашей администраціи сводится поэтому къ охраненію внутренняго спокойствія и къ сохраненію между племенами такого равновѣсія и правоотношеній, какія только могутъ быть желательны китайскому правительству, дабы, въ противномъ случаѣ, не создать такихъ условій, которыя бы

впослѣдствіи могли не нравиться китайцамъ и подвергнуться уничтоженію. Словомъ, наша администрація задала себѣ цѣлію дѣйствовать консервативно и, такъ сказать, въ китайскомъ духѣ.

Дзянь-дзюнь Жунъ поселился въ Чугучакѣ и понемногу пріобрѣтаетъ значеніе въ глазахъ подвластныхъ намъ жителей кульджинскаго района, которымъ внушается разными путями, что русскіе не оставятъ за собой Кульджи, а возвратятъ ее Китаю. Туземцы не знаютъ теперь въ какую сторону тянуть, не знаютъ кто будетъ ихъ господиномъ завтра и потому, на всякій случай, исполняютъ разныя требованія китайскихъ чиновниковъ. Такъ недавно они поставили нѣсколько сотъ четвертей хлѣба китайскимъ войскамъ и, кажется, намѣрены выслать требуемыхъ отъ нихъ рабочихъ для распашки земель въ чугучакскомъ районѣ.

Слухи о возвращеніи китайцевъ пріобрѣтаютъ значеніе неотразимаго факта, въ особенности въ виду того, что Урумци и Манасъ, доведенные голодомъ до послѣдней крайности, готовы сдаться на капитуляцію и только крайне тягостныя условія, предписанныя имъ Жуномъ, удерживаютъ ихъ пока отъ окончательнаго шага. Жунъ объявилъ уже, что вслѣдъ за тѣмъ онъ пойдетъ къ Турфану и Кашгару.

Въ виду такого пробужденія китайцевъ отъ долгаго сна, наше положеніе въ Кульджѣ дѣлается весьма двусмысленнымъ, а всякая двусмысленность вредитъ достоинству великой державы. Поэтому въ близкомъ будущемъ нашему правительству предстоитъ рѣшить окончательно вопросъ о томъ: кому владѣть Кульджею?

Намъ кажется, однакоже, что пока китайцы не утвердятся *окончательно* и *безповоротно* въ Кашгарѣ—до тѣхъ поръ мы не должны покидать своей позиціи на Или, откуда мы только и можемъ сдержать предпріимчивость Якубъ-бека и его друзей англичанъ.

Глава VIII.

Отношенія къ Кашгаріи или Джитышару *).—Коканскій генералъ Якубъ-бекъ нынѣ эмиръ.—Притѣсненія нашихъ купцовъ.—Виды англичанъ на Кашгарію—Мы отвѣчаемъ Нарынскимъ укрѣпленіемъ.—Первое посольство изъ Кашгара.—Освобожденіе Якубъ-бекомъ двухъ нашихъ плѣнныхъ. — Предложенія генералъ-губернатора. — Вопросъ о границахъ. — Торгоуты—яблоко раздора между дунганами и Якубъ-бекомъ.—Мы отвѣчаемъ занятіемъ музартскаго перевала.—Возможно ли ожидать возстановленія здѣсь китайской власти? Натянутыя отношенія наши съ Якубъ-бекомъ. — Мы не должны допускать утвержденія англичанъ въ Кашгаріи. — Предложеніе коканскому хану завоевать для него эту страну. — Худояръ-ханъ предпочитаетъ простую роль посредника.—Якубъ-бекъ настаиваетъ на непосредственныхъ сношеніяхъ. — Посольства барона Каульбарса.—Договоръ. — Второе посольство Шади-Мирзы.—Англичане не дремлятъ.—Нашъ договоръ обращается въ мертвую букву.

Начальникъ коканскаго отряда, Якубъ-бекъ, отбившій въ 1852 г. приступъ полковника Бларамберга къ Акъ-мечети и, посланный въ Кашгаръ для возстановленія тамъ власти ходжей въ лицѣ *Бзрукъ-хана* **), дѣйствовалъ сначала именемъ претендента, но потомъ, видя бездарность этого человѣка и преданность къ себѣ войска, засадилъ хана въ тюрьму, а себя объявилъ полновластнымъ господиномъ Китайскаго Туркестана или Кашгаріи.

Такимъ образомъ Бзрукъ-ханъ послужилъ только знаменемъ, къ которому собирались инсургенты ради того только, что съ его именемъ соединялось воспоминаніе о его дѣдѣ Джангиръ-

*) *Джиты-шаръ* — въ переводѣ: Семиградье.—*Джиты*—семь, *шаръ*—городъ Алтышаръ — шесть городовъ—это прежнее названіе страны.—На самомъ дѣлѣ городовъ считается до 15, селеній 55.

**) Представитель фамиліи, стоявшей во главѣ революціи 1826 года.

ханѣ. — Изнѣженный и ни къ чему неспособный, онъ былъ отодвинутъ Якубъ-бекомъ на второй планъ тотчасъ, какъ только *знамя* оказалось уже ненужнымъ. — Ханъ скоро попалъ подъ строгій надзоръ, не смѣлъ выходить изъ своего дома и сидѣлъ подъ карауломъ до тѣхъ поръ, пока всѣ его приверженцы не были *устранены*... Ножъ палача въ этомъ случаѣ весьма рѣшительное средство...

Утвердившись окончательно и занявъ весь Алтышаръ, Якубъ-бекъ принялъ въ 1867 г. титулъ *Аталыка-гази*, а со времени завоеванія Урумци — прозваніе *Бадаулета* или счастливѣйшаго — (*даулетъ*, значитъ: счастіе, богатство). — Теперь турецкій султанъ *пожаловалъ* ему титулъ *эмира*. Въ офиціальной перепискѣ мы безпрекословно признавали до сихъ поръ всѣ титулы, какіе угодно было принимать Якубъ-беку и, вѣроятно, не задумаемся признать въ немъ и новаго эмира.

Овладѣвъ Алтышаромъ, Якубъ-бекъ началъ заботиться о признаніи его со стороны сосѣднихъ державъ. — Коканскій ханъ однакоже не можетъ забыть, что Якубъ-бекъ былъ его подданнымъ и потому ни въ какія соглашенія съ нимъ до сихъ поръ не входитъ. Мы также долго не могли согласиться признать фактъ, въ виду непрочности положенія Якубъ-бека въ странѣ, подверженной періодическимъ переворотамъ и въ виду возможности возстановленія въ Кашгаріи китайской власти. Кромѣ того изъ уваженія къ существующимъ трактатамъ съ Китаемъ мы бы не желали признавать Якубъ-бека, пока само китайское правительство не согласится признать существующій фактъ, или пока не сдѣлается очевиднымъ безсиліе Китая покорить себѣ отпавшую провинцію. Наконецъ Якубъ-бекъ до сихъ поръ постоянно стремился къ завоеваніямъ и потому намъ тѣмъ неудобнѣе связывать себя какими бы то ни было политическими узами съ этимъ искателемъ приключеній. — Фактъ *непризнаванія* выражался въ томъ, что никакихъ договоровъ съ Якубъ-бекомъ не заключали и пословъ отъ него къ Высочайшему двору не допускали.

Необъяснимо съ какою цѣлію Якубъ-бекъ обставилъ съ самаго начала нашу торговлю такими стѣсненіями, что сдѣлалъ ее почти невозможною. Купцы наши не выходили изъ подъ караула все время, пока находились въ его владѣніяхъ; товары ихъ оцѣнивались по произвольной таксѣ, значительно ниже существующихъ на рынкѣ цѣнъ и отбирались въ пользу самаго Якубъ-бека, который, взамѣнъ ихъ, отдавалъ купцамъ по высокой цѣнѣ шелкъ — сырецъ и грубыя бумажныя матеріи туземнаго происхожденія, такъ что въ концѣ концовъ оказывалось, что торговля съ заѣзжими иностранными гостьми составляла монополію Якубъ-бека и какъ-бы правительственную регалію.

Въ сущности это та-же самая система, которой придерживались во время оно, и московскіе государи, точно также отбиравшіе въ казну, черезъ цѣловальниковъ, извѣстные товары. Нѣкоторые наши купцы считаютъ такую странную торговлю, съ самимъ владѣтелемъ страны, вовсе не обременительною и не безвыгодною: дѣло въ томъ, что при сдѣлкахъ съ частными лицами товары, большею частью, приходится сдавать въ кредитъ и затѣмъ ждать уплаты весьма долго, а съ Якубъ-бекомъ дѣло идетъ на чистоту и безъ задержекъ. По отношенію къ коканскимъ купцамъ, этотъ своеобразный способъ торговли примѣнялся съ такою непреклонностью, что торговыя сношенія между Коканомъ и Кашгаромъ, одно время, совершенно прекратились, нынѣ же вновь возобновляются по немногу.

Англичане повидимому не теряютъ надежды воспользоваться этими обстоятельствами и еще съ 1868 года завели съ Якубъ-бекомъ полуторговыя полуполитическія сношенія, черезъ посредство особаго правительственнаго комиссара Дугласа Форсейта. Въ отчетѣ своемъ г. Форсейтъ между прочимъ говоритъ: «англійская торговля видимо развивается въ Средней Азіи; Якубъ-бекъ заявилъ себя покровителемъ торговли, а потому желательно, чтобы онъ оставался владѣтелемъ Восточнаго Туркестана и чтобы, въ случаѣ его просьбы,

ему было оказано содѣйствіе». Далѣе, въ видахъ противодѣйствія вліянію Россіи и въ видахъ обезпеченія Остъ-Индіи отъ вторженія русскихъ черезъ Яркендъ, Форсейтъ совѣтуетъ войти въ дружеское соглашеніе съ Россіею и образовать въ восточномъ Туркестанѣ нейтральную территорію. Эта комбинація казалась ему тѣмъ важнѣе для Остъ-Индіи, что, въ случаѣ занятія русскими Алтышара, Индія подвергается большой опасности со стороны каракорумскаго хребта, гдѣ для вторженія въ Ладакъ, имѣется весьма удобный караванный путь по долинѣ Чанъ-Ченму. Перечисляя всѣ преимущества новаго пути, сравнительно съ путемъ черезъ Гималай, гдѣ зима суровѣе и болѣе препятствуетъ движенію войскъ, г. Форсейтъ находитъ, что русскіе, въ случаѣ войны, могутъ завладѣть всѣмъ краемъ и подойти къ Ладаку прежде, чѣмъ англичане успѣютъ собрать тамъ значительныя силы, а если кашмирцы воспрепятствуютъ проходу англійскихъ войскъ черезъ перевалъ *Пиръ-Пунжонъ*, то Сринагуръ будетъ безпрепятственно занятъ русскими *).

Всѣ эти доводы однакоже не такого свойства, чтобы расположить насъ въ пользу, предлагаемой англичанами, нейтрализаціи Алтышара. При томъ же, веденные г. Форейтомъ въ 1868 году, переговоры не привели его, по этому вопросу, ни къ какому результату.

Чтобъ быть готовымъ ко всякой случайности со стороны Алтышара, генералъ-губернаторъ счелъ необходимымъ возвести на р. Нарынѣ укрѣпленіе, которое-бы охраняло устроенный на этой рѣкѣ постоянный мостъ и обезпечивало-бы караваны, направляющіеся въ Токмакъ. Укрѣпленіе это начато было въ 1868 году.

*) Послѣ Форсейта, по тому же пути отправился частный путешественникъ (не служащій въ Остъ Индіи), нѣкто Гайвардъ, но онъ не доѣхалъ далѣе Пешавера. Въ одну же изъ послѣдующихъ экскурсій онъ былъ убитъ. У кашмирскаго магараджи состоитъ на службѣ англійскій полковникъ Гардинеръ. Такимъ образомъ англійскіе агенты сторожатъ выходы изъ горныхъ проходовъ.

Долина на р. Нарынѣ признана русскою территоріей по пекинскому трактату 1860 года, но фактическое занятіе этой территоріи относится лишь къ 1863 г., когда нашъ отрядъ занялъ, покинутое при его приближеніи кокандцами, укрѣпленіе *Куртка*. Выстроенное на нашей землѣ оно служило пристанищемъ кокандскому зякетчи, незаконно собиравшему зякетъ съ каравановъ, двигавшихся далеко внѣ предѣловъ кокандскаго ханства. Якубъ-бекъ однакоже не признаетъ нашихъ трактатовъ съ китайцами и потому устройство нами Нарынскаго укрѣпленія считаетъ нарушеніемъ границъ и угрозой Алтышару.

Во время войны нашей съ Бухарою въ 1868 году, Якубъ-бекъ вошелъ съ нею въ соглашеніе, по которому обязывался начать противъ насъ непріязненныя дѣйствія одновременно съ бухарцами. Планъ этотъ, со стороны Алтышара, выразился начавшимися волненіями на границѣ, но усиленіе выставленныхъ тамъ отрядовъ, а главное, наши быстрые успѣхи надъ бухарцами, совершенно разстроили дѣла союза, и Якубъ-бекъ притихъ.

Въ началѣ августа 1868 года прибылъ въ г. Вѣрный, вмѣстѣ съ купцомъ М. Хлудовымъ, племянникъ Якубъ-бека Шади-Мирза, съ письмомъ на имя генералъ-губернатора, который въ это время уже выѣхалъ въ С.-Петербургъ; по этому генералъ Колпаковскій не счелъ нужнымъ отправлять кашгарскаго посланца въ Ташкентъ, тѣмъ болѣе что Якубъ-бекъ написалъ ему не вполнѣ учтивое письмо *). Относительно стѣсненій, дѣлаемыхъ торговлѣ, Якубъ-бекъ приводилъ слѣдующее: «земля русскаго Великаго Царя велика и обширна, она полна всевозможными учеными и мастерами, какіе только есть въ *семи* великихъ земляхъ. Наша-же земля въ сравненіи съ вашей есть бѣдная развалина... теперь, послѣ уничтоженія власти Китая, въ теченіи 6-ти лѣтъ уничтожилось и все, что было дорогаго китайскаго, которое ежедневно вывозилось,

*) Безъ обычныхъ титуловъ и „на *ты*“.

такъ что и признаковъ былаго не осталось—вотъ причина почему не пропускались ваши богатые купцы, которые ничего бы здѣсь не нашли, кромѣ развалинъ».

Генералъ Колпаковскій увѣдомилъ Якубъ-бека объ отъѣздѣ генералъ-губернатора и, замѣтивъ ему несоблюденіе въ письмѣ извѣстныхъ правилъ вѣжливости, потребовалъ выдачи разбойниковъ Омара и Койчи, ограбившихъ Токмакскаго уѣзднаго начальника *) и возвращенія захваченныхъ ими плѣнныхъ.

Якубъ-бекъ тотчасъ же послалъ отрядъ въ кочевье этихъ разбойниковъ, захватилъ ихъ, но оставилъ у себя въ Кашгарѣ, какъ бы въ залогѣ до возвращенія Шади-Мирзы, за котораго онъ какъ будто боялся. Такъ можно заключить, во-первыхъ по этой мѣрѣ и, во-вторыхъ, по выраженію: «одинъ человѣкъ куда ни шелъ». Плѣнныхъ же (писаря *Розлина* и волостного управителя *Кельдыбека*) прислалъ въ Вѣрное.

Между тѣмъ генералъ-губернаторъ разрѣшилъ посланцу ѣхать въ С.-Петербургъ, гдѣ и принялъ отъ него письмо Якубъ-бека, увѣдомлявшаго, что купецъ Хлудовъ принятъ имъ хорошо, и что если торговля была запрещена, то лишь потому, что государство его весьма бѣдно и не можетъ доставить русскимъ никакой выгоды. Въ отвѣтѣ своемъ генералъ-губернаторъ изложилъ взглядъ на значеніе торговли вообще, безъ отношенія къ богатству или бѣдности странъ, входящихъ въ сношенія; за тѣмъ высказалъ необходимость равноправности этихъ сношеній для обѣихъ сторонъ, и предложилъ подписать взаимныя обязательства, относительно: 1) свободнаго допуска купцовъ во всѣ города Кашгаріи и Россіи, 2) учрежденія караванъ-сараевъ вездѣ, гдѣ это будетъ признано полезнымъ, 3) учрежденія караванъ-башей, гдѣ пожелаетъ купечество, 4) равномѣрности пошлинъ въ 1/40 стоимости или въ 2½%, одинаково съ туземныхъ и русскихъ купцовъ и 5) свободнаго

*) Маіора Загряжскаго.

пропуска чрезъ Джитышарскія земли въ сосѣднія съ ними страны.

Условія эти, какъ видитъ читатель, тождественны съ обязательствами, принятыми въ началѣ 1868 года коканскимъ правительствомъ. Посланецъ, вдоволь насмотрѣвшись петербургскихъ диковинокъ (преимущество осталось за циркомъ Гинне), заручился предохранительнымъ свидѣтельствомъ отъ *ахуна* (мусульманскій начетчикъ въ конвоѣ), что во все время пребыванія въ Петербургѣ онъ «молился Богу непрерывно и ходилъ въ мечеть постоянно» и затѣмъ выѣхалъ обратно, въ концѣ января 1869 года. Въ началѣ апрѣля получено было въ Ташкентѣ письмо, въ которомъ Якубъ-бекъ благодарилъ за подарки, присланные съ Шади-мирзой и обѣщалъ позаботиться о купцахъ, съ условіемъ однако, чтобы наши отряды не переходили границу. «Для прохода каравановъ и купечества, говорилось въ письмѣ, необходимо спокойствіе и безопасность, а для этого нужно опредѣлить границу... затѣмъ уже пусть пріѣзжаютъ купцы хоть изъ Россіи, хоть отъ другихъ народовъ».

Зная, что Якубъ-бекъ не признаетъ нашихъ трактатовъ съ китайцами *) генералъ-губернаторъ постарался внушить ему уваженіе къ договорамъ вообще и въ письмѣ, отъ 12-го сентября 1869 года, написалъ слѣдующее: «вы пишете, что прежде всего, для спокойствія и безопасности купцовъ и каравановъ, необходимо опредѣлить границу между русскими владѣніями и землями, вами управляемыми.—Вспомните, что граница эта еще 5 лѣтъ тому назадъ была установлена между Бѣлымъ Царемъ и тогдашнимъ законнымъ владѣтелемъ Кашгаріи—Богдыханомъ.—Хотя съ тѣхъ поръ, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, Кашгарія и перешла изъ подъ владычества Китая въ ваши руки, но это ни какимъ образомъ не можетъ вліять

*) Тотъ же Шади-мирза при свиданіи съ ген. м. Краевскимъ, строившимъ укрѣпленіе на Нарынѣ, доказывалъ, что мы строимся на Кашгарской землѣ, а когда Краевскій сослался на договоръ съ китайцами, то мирза объявилъ, что въ Кашгарѣ никакихъ договоровъ съ Китаемъ не знаютъ и не признаютъ.

на утвержденную границу. — Поэтому теперь не будетъ и рѣчи между нами объ измѣненіи оной». При этомъ было прибавлено, что если эта граница ему неизвѣстна, то для обозначенія ея на самомъ мѣстѣ, будутъ посланы довѣренныя лица, которыя и поставятъ знаки. Затѣмъ генер. губернаторъ просилъ подписать и выслать ему одинъ изъ двухъ экземпляровъ условій, посланныхъ съ мирзой.

Это письмо осталось безъ отвѣта и безъ послѣдствій. Условія не были приняты и купцы наши встрѣчали тѣ-же притѣсненія, что и прежде.

Между тѣмъ, судя по извѣстіямъ изъ разныхъ источниковъ, Якубъ-бекъ старался войти въ дружескія сношенія съ дунганами и таранчами, но тѣ, какъ видно, не вполнѣ ему довѣряли и всѣ посольства его къ нимъ возвратились безъ результатовъ. Тогда Якубъ-бекъ перемѣнилъ образъ дѣйствій и, придравшись къ первому случаю, пошелъ, въ началѣ 1870 года, на дунганъ войною. Поводомъ къ войнѣ послужили торгоуты-калмыки, кочующіе въ числѣ 40 т. кибитокъ въ плодороднѣйшей долинѣ р. Юлдузъ и происходящіе отъ тѣхъ калмыковъ, которые, вмѣстѣ съ ханомъ Убаши, бѣжали въ 1770 году съ лѣваго берега Волги. Проживя около ста лѣтъ совершенно спокойно подъ властью Китая — калмыки эти утратили всякую воинственность и потому поочередно признавали власть каждаго изъ своихъ сосѣдей: дунганъ, таранчей и кашгарцевъ, между землями которыхъ тянутся Юлдузскія горы.

Вопросъ: кому наконецъ владѣть торгоутами, и былъ поводомъ къ войнѣ. — Сначала дунгане имѣли успѣхъ и захватили города: Карашаръ, Куча, Коль и Сайранъ, но, узнавъ о приближеніи Якубъ-бека, они бросили захваченные города, ограбивъ предварительно тамошнихъ купцовъ, истребивъ множество народа и забравъ съ собою мальчиковъ (вступать въ браки съ сартянками имъ было запрещено китайцами и это сохранило у нихъ до сихъ поръ силу закона). — Войска Якубъ-

бека осадили Турфанъ и, послѣ четырехъ-мѣсячной осады, взяли его въ іюлѣ 1870 года.

Жители г. Хами — китайцы, въ отомщеніе дунганамъ за все прежнее, охотно помогали Якубъ-беку. Хами совершенно отрѣзанъ отъ Пекина и дѣйствовалъ независимо отъ центральнаго правительства.

Таранчи въ войну не вмѣшивались, чувствуя свое безсиліе предъ Якубъ-бекомъ и не желая помогать ни своимъ врагамъ дунганамъ, ни кашгарцамъ, издавна глядѣвшимъ на Кульджу какъ на добычу.

Таранчи не могли бы сопротивляться долго и однимъ дунганамъ, еслибы послѣдніе не были въ то-же время заняты движеніемъ китайцевъ на Хами и Барколь.

Въ случаѣ успѣха кашгарцевъ въ Урумци — они могли бы обратить свое оружіе на таранчей и Кульджа сдѣлалась-бы легкою для нихъ добычею, — такъ какъ со стороны Урумци Илійская провинція еще болѣе доступна, чѣмъ со стороны Кашгара, черезъ Музартскій перевалъ.

Намъ не слѣдовало быть застигнутыми врасплохъ и потому мы должны были заранѣе принимать мѣры и предупреждать неблагопріятныя для насъ случайности. — Музартскій перевалъ, со своими ледниками, узкими тропинками по карнизамъ скалъ, и животрепещущими мостиками изъ жердей — представляетъ множество неудобствъ для каравановъ: во льду приходится вырубать ступеньки, а на узкихъ карнизахъ, гдѣ вьюки задѣваютъ за скалы — приходится развьючивать лошадей и переносить вьюки на рукахъ. Очевидно, что для движенія войскъ Музартскій перевалъ не весьма удобенъ; но здѣсь, гдѣ война состоитъ чаще изъ набѣговъ легкими отрядами — перевалъ этотъ пріобрѣтаетъ важное значеніе, тѣмъ болѣе, что другого по близости не имѣется и, что противъ таранчей, вооруженныхъ по преимуществу холоднымъ оружіемъ (захваченныя у китайцевъ ружья и пушки, за неимѣніемъ пороху, остаются большею частью безъ употребленія), кашгарцамъ можно обойтись безъ артиллеріи и тяжестей.

Для предупрежденія такой, весьма для насъ невыгодной, случайности, мы рѣшились занять выходъ изъ Музартскаго прохода, что казалось тѣмъ необходимѣе, что близость этого перевала къ нашимъ границамъ, проходящимъ здѣсь всего въ 50-ти верстахъ, мало обезпечиваетъ насъ отъ чьихъ либо вторженій.

Въ случаѣ подтвержденія слуховъ о намѣреніи Якубъ-бека занять Илійскій округъ, генералъ-губернаторъ рѣшился предупредить его на этомъ пунктѣ.

Разсчитывать на возстановленіе въ Кашгарѣ власти Китая почти невозможно, потому что Кашгаръ заслоненъ отъ Китая дунганскими владѣніями, а дунгане вотъ уже 12 лѣтъ, пользуются полною независимостью. Весьма легко можно предположить, что китайская имперія, раздираемая постоянными смутами, откажется наконецъ отъ мысли подчинить себѣ отпавшія западныя провинціи; можетъ быть уже и отказалась, но по весьма понятнымъ причинамъ не сознается въ этомъ, не смотря на категорическіе запросы нашего министерства иностранныхъ дѣлъ.

Отношенія-же наши къ Кашгару были все время крайне натянуты: Якубъ-бекъ не выдавалъ по нашему требованію захваченныхъ имъ разбойниковъ, не утверждалъ посланныхъ ему условій относительно свободы торговли, притѣснялъ нашихъ купцовъ и въ то-же время предоставлялъ англичанамъ, по увѣренію ихъ самихъ, всевозможныя льготы, получая отъ нихъ за то ружья для своей арміи и проч.

Если англичане боятся нашего вторженія черезъ Кашгаръ, то въ такой же, если не въ большей степени и мы можемъ опасаться вторженія англичанъ, которые, къ тому же, стоятъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Владѣя краемъ болѣе ста лѣтъ, располагая неисчислимыми богатствами этой колоніи, англичане устроили уже сѣть телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ, развили рѣчное пароходство, фабричную промышленность и проч.—словомъ, стали твердою ногою въ Индіи.

Если при всѣхъ этихъ условіяхъ англичане считаютъ необходимымъ подчинить Кашгаръ своему вліянію, чтобы составить себѣ живой оплотъ противъ вооруженнаго нашествія, то мы, не имѣя на своей сторонѣ ни одного изъ перечисленныхъ условій, имѣемъ за то большее, чѣмъ англичане, основаніе за себя опасаться, а потому должны и сами принимать соотвѣтствующія мѣры противъ происковъ, соперничествующей съ нами націи.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ возгласы англичанъ о нашихъ замыслахъ, объ опасности, какой подвергается Остъ-Индія отъ сосѣдства съ нами, вся эта тревога есть только уловка, съ цѣлью возбудить общественное мнѣніе и задержать наше движеніе въ Азіи.

Англичане насъ не боятся и давно на все готовы.—Идти ощупью, безпрестанно останавливаясь и оглядываясь на Европу, не отстаивать настойчиво своихъ торговыхъ интересовъ, не поддерживать энергично, нарушенныхъ правъ русскихъ подданныхъ и проч., значило бы-дѣйствовать по программѣ, намѣченной англичанами въ ущербъ нашимъ прямымъ выгодамъ, чести русскаго имени и великой исторической задачѣ нашей въ Азіи.

Такъ или иначе мы не должны допустить подчиненія Кашгара вліянію Англіи.

Съ паденіемъ Кульджи, Якубъ-бекъ, устрашеный наступательнымъ движеніемъ русскихъ и встревоженный положеніемъ дѣлъ въ Гань-су и Шанъ-си, сталъ заботиться объ обезпеченіи себя на всякій случай.—Укрѣпленіе города Акъ-су и посольство Ахраръ-хана въ Остъ-Индію были ближайшими мѣропріятіями.

Потерявъ надежду на вразумленіе Якубъ-бека, генералъ-губернаторъ предложилъ коканскому хану свое содѣйствіе для овладѣнія Кашгаромъ. Худояръ-ханъ однакоже не рискнулъ поставить на карту свое спокойствіе и можетъ-быть свой престолъ, опасаясь какъ-бы войска его не предпочли энергичнаго, счастливаго и побѣдоноснаго владѣльца Джитышара, выстав-

ляющаго себя борцемъ за мусульманство. Рядъ пораженій, испытанныхъ Худояромъ, потеря большей части владѣній и постоянный страхъ передъ внутренними безпорядками и внѣшнимъ вторженіемъ, повліяли на характеръ хана роковымъ образомъ.

Нерѣшительный и боязливый Худояръ ханъ очевидно не могъ быть употребленъ какъ орудіе для наказанія враждебнаго намъ Якубъ-бека, но имъ можно было воспользоваться какъ посредникомъ, который-бы, ссылаясь на свой поучительный примѣръ, посовѣтовалъ-бы Якубъ-беку смириться передъ могуществомъ и великодушіемъ Россіи.

Худояръ-ханъ охотно принялъ эту роль и послалъ въ Кашгаръ Сарымсака-Удайчи съ письмомъ, написаннымъ въ указанномъ ему смыслѣ.

Якубъ-бекъ принялъ письмо со всѣми знаками почтенія и благоговѣнія, какъ будто по старой памяти отъ своего властителя, но съ самимъ посломъ обошелся пренебрежительно, а въ отвѣтномъ письмѣ и въ подаркахъ хану сталъ, по отношенію къ нему, на равную ногу.

Парируя упрекъ въ гордости, Якубъ-бекъ писалъ: «я принимаю это за особую съ вашей стороны любезность, ибо вы дали мнѣ понять, что я могуществен̂ъ. Я радуюсь этому и благодарю Бога. Передъ нимъ я каюсь въ своей гордости... Богъ удостоилъ меня стать мстителемъ здѣшнихъ народовъ. Для охраны мусульманства я выполнилъ предписанное шаріатомъ и Богъ наградилъ меня за это...»

На совѣтъ войдти въ мирныя и торговыя сношенія съ русскими, Якубъ-бекъ возражалъ: «русскіе, пріѣзжающіе сюда, осматриваютъ здѣшнія мѣста и знакомятся съ положеніемъ края, а потому имъ лучше воспретить пріѣздъ, они люди безпокойные и криводушные».

Прежде однако-же чѣмъ это оскорбительное для Худояръ-хана и для насъ письмо было получено, изъ Кокана послали другого гонца, съ письмомъ отъ нашего генералъ-губернатора. Перечисляя всѣ недружелюбныя, относительно насъ, дѣйствія

Якубъ-бека, а также и всѣ мѣры, какія были принимаемы нами для сближенія, генералъ-губернаторъ указывалъ ему необходимость слѣдовать, по отношенію къ намъ, примѣру Бухары и Кокана, если онъ не хочетъ подвергнуться неизбѣжной и строгой карѣ.

Якубъ-бекъ поспѣшилъ отвѣтомъ, въ которомъ однакоже высказался противъ посредничества Худояръ-хана: «и послѣдній посланный, доставившій ваше письмо, былъ не изъ русскихъ подданныхъ, не потому чтобы русскимъ не кого было послать, а потому что этой чести удостоиваются только Коканъ и Бухара. Еслибы русскіе вѣрили моему доброжелательству, то прислали-бы своего человѣка, чѣмъ оказали бы мнѣ милостивое вниманіе и я счелъ-бы это за доказательство расположенія ко мнѣ. Если ваши слова служатъ дѣйствительно выраженіемъ доброжелательства ко мнѣ, то пусть пріѣдетъ къ намъ побольше вашихъ купцовъ. Пришлите также ко мнѣ кого-нибудь изъ русскихъ или изъ ташкентскихъ сартовъ, даже хотя бы только своего пастуха, я бы съ нимъ отправилъ къ вамъ своего человѣка... великій генералъ-губернаторъ, исполнитель воли Бѣлаго Царя, выслушалъ-бы какъ своего, такъ и моего посланныхъ и тогда убѣдился-бы въ справедливости моихъ словъ».

Такимъ образомъ Якубъ-бекъ предоставлялъ намъ сдѣлать теперь первый шагъ къ сближенію, что конечно не было въ видахъ нашего генералъ-губернатора, но принимая въ соображеніе, сдѣланную уже Якубъ-бекомъ попытку къ сближенію— посольствомъ Шади-мирзы въ 1868 году, а также неудобства всякаго другого образа дѣйствій, генералъ-губернаторъ рѣшился послать въ Кашгаръ посольство. Якубъ-бекъ еще яснѣе высказался въ письмѣ нѣкоего Ахраръ-хана *) къ Мирзѣ-Хакиму **). Что письмо составлено по указаніямъ самаго Якубъ-

*) Одинъ изъ приближенныхъ Худояръ-хана, бѣжавшій въ Кашгаръ; у насъ думали сдѣлать его тайнымъ агентомъ при Якубъ-бекѣ, но Ахраръ-ханъ всею душею предался этому властителю.

**) Коканскій уполномоченный въ Ташкентѣ.

бека, слѣдуетъ во-первыхъ, изъ содержанія письма и даже изъ выраженій, а во-вторыхъ, изъ того, что оно было вручено гонцу лично Якубъ-бекомъ.

«Генералъ-губернаторъ, писалъ Ахраръ-ханъ, очень хорошо сдѣлаетъ, если поведетъ переговоры о дружбѣ помимо хана. Если-же въ этомъ дѣлѣ приметъ участіе Худояръ-ханъ, то оно, навѣрно, никогда не состоится... да и дальнѣйшія сношенія никогда не приведутъ къ желанной цѣли. Хотя *высоко счастливому* (титулъ, принятый въ послѣднее время Якубъ-бекомъ въ замѣнъ прежняго «Аталыкъ-Гази») и хорошо извѣстно могущество и величіе Россіи, но какъ храбрый человѣкъ, онъ надѣется на Бога, и никогда не откажется отъ боя, ибо смерти онъ не боится, и за счастіе считаетъ умереть за вѣру»

Очевидно было, что Якубъ-бекъ дорожилъ дружбою Россіи, но боялся уронить себя заискиваніемъ, а посредничество коканскаго хана считалъ притязаніемъ на свою самостоятельность.—Въ посольствѣ нашемъ онъ видѣлъ фактъ признанія нами Джитышара, на равнѣ съ Бухарой и Коканомъ.

Мы стоимъ въ иныхъ условіяхъ и потому снисхожденіе къ болѣзненной щекотливости честолюбія джитышарскаго деспота не могло бы затмить славу недавнихъ дней и заглушить громъ нашихъ побѣдъ. Дѣлая сами шагъ къ сближенію съ Якубъ-бекомъ, мы высказывали только снисходительность, посвойственную силѣ.

Якубъ-бекъ былъ предупрежденъ, впрочемъ, что это послѣдняя попытка съ нашей стороны, и что если онъ не воспользуется случаемъ уступить добровольно, то будетъ принужденъ къ тому силою.

Во главѣ миссіи поставленъ былъ капитанъ генеральнаго штаба баронъ Каульбарсъ, зарекомендовавшій себя уже какъ сдержанностью, такъ и твердостью въ переговорахъ съ Кульджею. Для астрономическихъ опредѣленій, въ составъ миссіи былъ назначенъ геодезистъ — капитанъ Шарнгорстъ, а для

собиранія свѣдѣній о степени благосостоянія и потребностяхъ населенія — купецъ Колесниковъ.

Инструкціи, данныя барону Каульбарсу, указывали ему, во-первыхъ, привести Якубъ-бека къ подписанію условій тождественныхъ съ дѣйствующими нынѣ въ Бухарѣ и Коканѣ, во-вторыхъ, собрать свѣдѣнія о положеніи сношеній Кашгара съ Остъ-Индіей, внушить Якубъ-беку, что изъ двухъ сосѣдей ему выгоднѣе держаться того, кто ближе и, слѣдовательно, опаснѣе. Наконецъ, предстояло еще выяснить Якубъ-беку, *что именно* мы считаемъ законнымъ, по отношенію къ торговлѣ и что нѣтъ, что *можетъ* вынести торговля и чего нѣтъ.

Выступивъ изъ Токмака въ концѣ апрѣля 1872 г. посольство было встрѣчено 6 мая, въ 30 верстахъ за Чатыркулемъ, посланными отъ Якубъ-бека.

Пріемъ нашей миссіи былъ сдѣланъ блистательный. Любезность Якубъ-бека превзошла всѣ ожиданія. Черезъ нѣсколько дней, однакоже, поведеніе Якубъ-бека измѣнилось: оказалось, что гонцы киргизы, возившіе письма генералъ-губернатора, распространяли невѣрные слухи о движеніи нашихъ войскъ къ Токмакскому ущелью. Баронъ Каульбарсъ, видя несконачаемость переговоровъ, рѣшился просить, чтобы Якубъ-бекъ или немедленно подписалъ предложенныя ему условія или отпустилъ миссію.

Подозрѣнія Якубъ-бека скоро разсѣялись, 10-го іюня посолъ нашъ получилъ два экземпляра договора, подписаннаго Якубъ-бекомъ заднимъ числомъ (21 мая). Чтобы связать съ этимъ актомъ воспоминаніе о днѣ именинъ генералъ-губернатора (Константинъ Петровичъ). Это уже европейская любезность! Она конечно не пришла бы и въ голову человѣку, незнакомому съ русскими святцами, но тутъ помогъ баронъ Каульбарсъ, посовѣтовавъ Якубъ-беку выставить это число: ясно, что мы должны считать это любезностью не Якубъ-бека, а нашего капитана.

Текстъ договора ни чѣмъ не разнится отъ бухарскаго и коканскаго: право въѣзда для торговли, право имѣть склады

(караванъ-сараи), право имѣть консуловъ (караванъ-башей), уменьшеніе пошлины до $2^1/_2{}^0/_0$ со стоимости товара и наконецъ прово транзита. Вмѣстѣ съ нашей миссіей Якубъ-бекъ отправилъ своего посла съ письмомъ, въ которомъ чуть не съ первыхъ же словъ слышится нота удовлетвореннаго самолюбія.

«Наконецъ пришла и моя очередь!» восклицаетъ Якубъ-бекъ. «Вы прислали ко мнѣ вѣрныхъ людей, которые собственными глазами видѣли, собственными ушами слышали отъ меня, что я никогда не помышлялъ противиться Его Величеству и причинять какой-нибудь вредъ...» далѣе Якубъ-бекъ просилъ допустить его посла къ Высочайшему Двору, для поднесенія собственно-ручнаго письма его. «Это будетъ для меня великою милостью, прибавилъ Якубъ-бекъ, вы бы довели меня, ничтожнаго, до солнца и на мою долю выпала-бы капля изъ моря!»

Такъ какъ азіятскіе владѣтели пріучены уже видѣть въ допущеніи ихъ посольствъ къ Высочайшему двору особенную милость и высокую награду за точное исполненіе принятыхъ ими на себя обязательствъ, то генералъ-губернаторъ счелъ преждевременнымъ согласиться на просьбу Якубъ-бека, но обѣщалъ ему исполнить ее впослѣдствіи, если только онъ заслужитъ эту честь дальнѣйшимъ своимъ поведеніемъ. Кашгарскій посланецъ былъ достаточно обласканъ, осмотрѣлъ всѣ наши военныя учрежденія, присутствовалъ на маневрахъ, нарочно для него устроенныхъ, и, наконецъ, былъ отпущенъ во свояси въ сопровожденіи нашего чиновника.

Такимъ образомъ наши пятилѣтнія безплодныя попытки ввести Кашгаръ въ сферу нашего политическаго вліянія увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ. Успѣхъ этотъ казался для насъ тѣмъ важнѣе, что добытъ былъ единственно твердостью и умѣренностью нашей политики, а не силою оружія, какъ это было по отношенію къ Кокану и Бухарѣ. Якубъ-бекъ подписалъ условія не изъ крайности, а изъ сознанія собственной выгоды; будущее покажетъ, какіе договоры лучше исполняются.

Англичане однако-же зорко слѣдили за нашими сношеніями и вслѣдъ за миссіей Каульбарса двинули цѣлую экспедицію Форсейта, которая, конечно, затмила своимъ богатствомъ, подарками и обѣщаніями, скромную русскую миссію. На торжественномъ пріемѣ 11 декабря 1873 года Якубъ-бекъ произнесъ рѣчь въ честь англійской королевы и заключилъ ее слѣдующими словами: «королева англійская для меня какъ солнце — оно дѣлаетъ подобныхъ мнѣ бѣдняковъ счастливыми когда обращаетъ къ нимъ лицо свое». Сравненіе съ солнцемъ, какъ видно, любимое у Якубъ-бека.

Нѣсколько тысячъ ружей, правда старыхъ и вышедшихъ уже изъ употребленія, но тѣмъ не менѣе весьма пригодныхъ для такихъ нищихъ каковы кашгарцы—были преподнесены Якубъ-беку, отъ имени вице-короля, възнакъ дружбы, а можетъ быть и союза.

Намъ, конечно, неизвѣстно, что было обѣщано англичанами и какого рода договоръ заключили они съ Якубъ-бекомъ, но мы легко можемъ о многомъ догадаться по образу дѣйствій послѣдняго и по его поведенію относительно насъ. Якубъ-бекъ замѣтно поднялъ голову и наложилъ на нашу торговлю прежнія стѣсненія, какъ будто договора 1872 года вовсе и не существовало.—Захватъ товаровъ, насильственная покупка ихъ, арестъ купцовъ—все это практикуется по прежнему. Исправляющій должность туркестанскаго генералъ-губернатора, генералъ-лейтенантъ Колпаковскій написалъ, по этому поводу, къ Якубъ-беку категорическое письмо и что будетъ дальше пока неизвѣстно. Можетъ, конечно, случиться, что договоръ 1872 г. прійдется подписать еще разъ, но уже кровью, а можетъ случиться, что все уладится, при косвенномъ вліяніи англичанъ, которымъ, конечно, не разсчетъ допускать столкновенія между Россіей и Кашгаріей. Англичане поторопились прислать новую экспедицію, съ военнымъ конвоемъ, и по прежнему блистательно приняты Якубъ-бекомъ, который, кажется, видитъ въ нихъ залогъ спокойствія и талисманъ, способный охранить его отъ всякихъ невзгодъ и посягательствъ. 12 февраля 1874 года серъ Форсейтъ заключилъ съ Якубъ-бекомъ формальный договоръ.

Весьма возможно также, что въ виду «сердечнаго согласія», существующаго нынѣ между Англіей и Россіей, наша дипломатія уступитъ завоеванное ею поле и мы признаемъ Кашгаръ нейтральнымъ, какъ уже признали Авганистанъ.

Съ другой стороны англичане точно и въ самомъ дѣлѣ боятся, что знаменитый «восточный вопросъ» рѣшится когда нибудь дѣйствительно *на востокѣ*, и стараются связать судьбу Кашгара съ судьбой Турціи. Мы уже говорили въ началѣ этой главы, что турецкій султанъ *возвелъ* Якубъ-бека въ званіе эмира и, такъ сказать, снялъ съ него позоръ ничтожества простого авантюриста.

Теперь мы узнаемъ, что вмѣстѣ съ Форсейтомъ, въ Кашгаръ прибыло и турецкое посольство, во главѣ котораго стоитъ Ибрагимъ-эфенди. Этотъ посолъ пользуется теперь огромнымъ вліяніемъ и, между прочимъ, далъ себя почувствовать въ дѣлѣ купца Сомова. Притѣсненія, которымъ подвергался этотъ купецъ, диктовались, такъ сказать, турецкимъ агентомъ. Бывшіе недавно въ Ташкентѣ кашгарскіе посланцы Мохамедъ-Зія и Миръ-Касымъ, хотя и привезли деньги, вытребованныя генераломъ Колпаковскимъ на вознагражденіе нашего купца, но имѣли отъ Якубъ-бека полномочіе, въ случаѣ если при уплатѣ денегъ встрѣтятся какія нибудь недоразумѣнія,—телеграфировать въ Петербургъ къ турецкому посланнику и просить у него защиты. Это все служитъ признакомъ, что Кашгарія признаетъ какъ бы протекторатъ Турціи.

Мало того: на кашгарскихъ монетахъ новой чеканки выставлено уже имя султана Абдуль-Азиса. Въ Азіи это есть признакъ полной подчиненности. Говорятъ даже, что назначеніе преемника Якубъ-беку послѣ его смерти, предоставлено турецкому султану. Кашгарцы теперь открыто признаютъ султана своимъ владыкой, Якубъ-бекъ же остается какъ бы намѣстникомъ.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Турція ухватится за этотъ случай и что въ будущихъ недоразумѣніяхъ нашихъ съ Кашгаромъ она будетъ принимать непосредственное участіе.—

Правда, мы могли бы сказать, что покровительство такой слабой державы, какъ Турція, не можетъ служить особой гарантіей для Кашгара и что такому цѣлителю можно бы напомнить извѣстное: «исцѣлися самъ», но здѣсь важна не сила, а только принципъ, важно имя. Если кто можетъ стать во главѣ мусульманской коалиціи, то единственно турецкій султанъ. Союзъ и сердечное согласіе, неразрывно связывающіе Турцію съ Англіей дѣлаютъ протекторатъ этихъ двухъ державъ—серьезною угрозою.

Теперь болѣе чѣмъ когда либо чувствуется необходимость ближайшаго наблюденія за Кашгаріей, необходимость имѣть тамъ постояннаго агента. Выборъ уже сдѣланъ и, по нашему мнѣнію, весьма удачный: консуломъ въ Кашгаръ назначенъ подполковникъ *Рейнталь*, не разъ уже выполнявшій дипломатическія порученія съ полнымъ успѣхомъ.—Смѣлость, рѣшительность, знаніе народа, — все на его сторонѣ. Можно надѣяться поэтому, что Россія будетъ достойно представляться своимъ агентомъ.

Глава IX.

Отношенія къ Авганистану.—Этнографическія и историческія свѣдѣнія объ этой странѣ.—Что за народъ Кафиры? Междоусобія.—Потомки Пайенде хана.—Магомедъ-Азимъ и Достъ-Магомедъ. — Вмѣшательство англичанъ. — Шахъ-Шуджа.— Вторженіе англичанъ въ 1839 году.—Катастрофа 1841 года.—Достъ-Магомедъ объединяетъ Авганистанъ при содѣйствіи Англіи.—Междоусобія по смерти Доста. Ширъ-Али-ханъ. — Абдуррахманъ-ханъ спасается въ Россію.—Его заставляютъ сидѣть смирно.—Письмо генералъ-губернатора къ эмиру Ширъ-Али.—Умбальское свиданіе.—Условія предложенныя англичанами.—Бунтъ въ Авганистанѣ.—Отвѣтъ Ширъ-Али-хана генералъ-губернатору.—Англичане довольны.—Сношенія по поводу Искандеръ-хана. — Судьба этого принца.—Нейтрализація Авганистана. — Что можно ожидать отъ этой затѣи?—Авганцы дотянулись до Аму-Дарьи.—Хроническія безпорядки въ ханствѣ.

Весьма вѣроятно, что въ недалекомъ будущемъ мы очутимся близкими сосѣдями съ Авганистаномъ и сношенія наши, ограничивающіяся пока незначительною и рѣдкою перепиской, пріобрѣтутъ первостепенную важность.

Я считаю нелишнимъ поэтому предпослать теперь краткій этнографическій и историческій очеркъ Авганистана.

Авганцы ведутъ свое происхожденіе отъ евреевъ, считая родоначальникомъ своимъ Веніамина, брата Іосифова. Баснословныя сказанія о какомъ-то визирѣ Авганѣ, который одинъ только могъ справляться съ *дивами*, строившими Соломоновъ, храмъ и за то былъ превознесенъ мудрымъ царемъ—я приводить здѣсь не буду. Довольно сказать, что обликъ авганцевъ дѣйствительно имѣетъ въ себѣ что-то еврейское *).

*) Историческія и цифровыя данныя, здѣсь приводимыя, основаны на свѣдѣніяхъ, заимствованныхъ изъ Военно-статистическаго Сборника (выпускъ III) а также и на сообщенныхъ мнѣ Сикендеръ Амедъ-ханомъ, внукомъ Достъ Магомета.

Авганцевъ считается до 50 ляковъ или до 5.000.000 Раздѣляются они на два племени: собственно авганцевъ и пактана; авганцы подраздѣляются на 4 рода, состоящихъ изъ 277 *хейль* или поколѣній.

Вотъ эти подраздѣленія:

I. *Авганцы.*

Батанай	—	25	Хейль
Матти или Гильзай		52	—
Гургуштай	—	95	—
Царабанай	—	105	—
		277	—

II. *Пактана.*

Караланай или Аргочай—128 хейль.

Эти роды подраздѣляются въ свою очередь на колѣна, на отдѣленія и т. д.

Изъ колѣнъ наиболѣе замѣчательны по численности: *Дурани* — обитающіе въ окрестностяхъ Газни и Кандагара; *Юсуфзеи*, обитающіе при сліяніи рѣкъ Кабула и Инда, *Гильджеи* — къ сѣверу отъ Кандагара; *Африди* на границѣ съ Остъ-Индіей. Дурани подраздѣляются на 2 колѣна: *Зирекзеи* и *Пендпайзеи*, въ первомъ три отдѣленія: *Папульзеи*, *Барекзеи*, къ которому принадлежитъ царствующая фамилія, и *Алекузеи*; въ каждомъ считается по 40 т. семействъ; Барекзеи раздѣляются на 5 отдѣленій: *Нурзеи* изъ 60 т. семействъ, *Ализеи* изъ 40 т.; *Сахзеи* изъ 25 т., *Маку* изъ 5 т., *Хаугани* изъ 7 т. Всего же въ поколѣніи Дурани считается 257.000 семействъ или 1.285.000. *Юсуфзеи* подраздѣляются на 6 главныхъ колѣнъ: *Ходозеи* изъ 37 т. семействъ, разбросанныхъ въ 116 деревняхъ, *Банзеи* изъ 30 т. сем. въ 122 деревняхъ, *Османъ-хейлей* изъ 10 т. сем., *Момендъ* (верхніе и нижніе) изъ 37 т. сем.; *Сафи* изъ 100 т. сем., *Малезеи* и *Мандизеи* изъ 65 т. сем. въ 111 деревняхъ. Всего же въ

поколѣніи Юсуфзеи считается 279 т. сем. или 1.395.000 душъ. Кромѣ того, въ британскихъ владѣніяхъ считается до 150 т. душъ Юсуфзеи.

Надобно замѣтить, что окончаніе *зеи*, приставляется обыкновенно къ имени какого нибудь знаменитаго представителя того или другого рода — отсюда дробленіе родовъ: каждая семья, которая можетъ гордиться заслугами одного изъ своихъ членовъ — непремѣнно приметъ названіе по его имени, какъ только она разростется. Такимъ образомъ хотя потомство Пайенде-хана принадлежитъ къ колѣну Барекзеи, но черезъ сто, двѣсти лѣтъ оно навѣрно приметъ фамилію *Пайенде-зеи*.

Собственно *зеи*—отвѣчаетъ нашему *овъ*. Поэтому *Юсуфзеи* можно бы перевести: Осиповы, а *Барекзеи*—Барековы.

Военно-статистическій сборникъ обрусилъ эти фамиліи нѣсколько иначе и, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удачно: Барекзайцы и Хвадазайцы очевидно окрещены такъ по образцу китайцевъ, индійцевъ и т. п., но въ послѣднемъ случаѣ названіе произведено отъ имени страны, а колѣна авганскія называются не по странѣ, ими занимаемой, а по имени знаменитаго предка.—Скорѣе ужь было назвать ихъ Барекзеидами, Хвадазеидами — словомъ всячески, только не *зайцами*! Съ своей стороны, я предпочитаю сохранить туземныя названія безъ перемѣны.

И такъ, Дурани считаютъ себя въ 1.235.000 душъ, а Юсуфзеи—въ 1.545.000.

Такимъ образомъ, два главныхъ колѣна составили болѣе половины всего авганскаго населенія.

Гильджеи можно считать до 500 т. душъ; колѣно *Африди*, къ которому принадлежатъ воинственные *Шинваріійцы* и *Хайберицы*—имѣетъ до 200.000 душъ.

Племя Дурани называлось прежде *Абдалъ*, теперешнее же названіе существуетъ со времени Ахмедъ-хана, основателя Авганскаго ханства. Колѣно *Бердурани* (въ переводѣ «наравнѣ съ дурани»)—также обязано и названіемъ своимъ, и происхожденіемъ Ахметъ-хану: вначалѣ такъ назывался отрядъ тѣлохранителей, составленный изъ представителей всѣхъ авганскихъ племенъ (по 50 семействъ отъ каждаго). Теперь это довольно сильный родъ, занимающій по Инду г. Бердурани и его окрестности.

Остальныя народности суть: 1) *Таджики*—коренные жители, ихъ до 500.000 душъ, 2) *Кизылбаши* до 200.000—приведены изъ Персіи Надиръ-шахомъ въ 1737 году. Въ Кабулѣ ихъ считается до 16.000 домовъ. Кизилъ-баши составляли конвой эмировъ. 3) *Хезара* — потомки туркменъ, кочевавшихъ во времена Тимура близь *Себзевара* въ Персіи *). Тимуръ выселилъ 1.000 семействъ ихъ къ верховьямъ Мургаба, гдѣ ихъ и прозвали *Хезара* т. е. тысячные. 4) *Узбеки* изъ рода Кутаганъ—преобладаютъ въ мѣстностяхъ къ сѣверу отъ Гинду-Куша.

Что касается до *арабовъ*, *индусовъ*, *евреевъ*, *армянъ* и *цыганъ* (джатъ), то они разбросаны по всему Авганистану. Только одни арабы, кромѣ того, группируются въ округѣ Конаръ на сѣверѣ Кабулистана.

Намъ остается упомянуть о двухъ независимыхъ владѣніяхъ, лежащихъ въ чертѣ Авганистана: о *Кяфиристанѣ* и *Суатѣ*.—Надобно сознаться, что свѣдѣнія объ этихъ владѣніяхъ весьма скудны, европейскіе путешественники давно сюда не проникали и то немногое, что намъ извѣстно, напримѣръ, о Кяфирахъ, дѣлаетъ этотъ народъ еще болѣе загадочнымъ.

Кяфирами ихъ назвали мусульмане, въ переводѣ это значитъ—«невѣрные». Они сами до такой степени ненавидятъ

---

*) Въ „Военно-статистическомъ сборникѣ“ стр. 43 эти Хезара причислены къ узбекамъ, кочевавшимъ близь *Шехри-Себза* въ Персіи, но Шехри-Себзъ—находится близь Самарканда, а здѣсь дѣло идетъ о Себзеварѣ близь Мешеда. Кромѣ того годомъ переселенія сборникъ считаетъ 799 г. гиджры, но этотъ годъ соотвѣтствуетъ 1396-му нашей эры. Выходитъ, что сборникъ подъ Тимуромъ разумѣетъ не второго Авганскаго эмира, умершаго въ 1793 г., а Тамерлана, воевавшаго въ 1395 г. съ Россіей.

мусульманъ, что никого изъ нихъ къ себѣ не пускаютъ. Всякій путникъ, желающій пробраться къ нимъ, подвергается на границѣ *подробному* осмотру. Если старшины найдутъ, что у путника *паспортъ* въ порядкѣ, то его заставляютъ выпить вина, пьютъ вмѣстѣ съ нимъ и принимаютъ какъ друга. Щедрость и гостепріимство считаются высшими добродѣтелями. Но если окажется, что данный природою паспортъ испорченъ обрѣзаніемъ — путника гонятъ вонъ. Этою замкнутостью для обрѣзанныхъ Кяфиры не ограничиваются: ежегодно молодежь отправляется съ луками и стрѣлами на охоту за головами сосѣднихъ мусульманъ; воротившійся безъ трофея долго преслѣдуется насмѣшками.

Другое названіе, данное кяфирамъ сосѣдями — есть *сіяхъ-пушъ* — въ переводѣ съ персидскаго — «черная одежда». Поводъ къ такому прозванію подалъ полушубокъ изъ черныхъ козьихъ шкуръ, который составляетъ обычную одежду всѣхъ кяфировъ.

Сами себя они называютъ «*болоръ*». Слово это имѣетъ одинъ корень со словомъ *боли*, а что значитъ: «слава». — оказывается, что въ глуши Азіи, въ одномъ изъ забытыхъ уголковъ ея, живетъ народъ, самъ себя величающій славяниномъ!

О болорахъ извѣстно весьма немногое. Я представлю здѣсь въ сжатомъ перечнѣ, все что можетъ служить къ характеристикѣ народа.

Хуттонъ въ своей «Central Asia» описываетъ наружность болоровъ слѣдующимъ образомъ *): «они имѣютъ бѣлый цвѣтъ лица, голубые глаза, открытый, чистый лобъ, густыя, дугообразныя брови, черные усы и волосы и подвижный и гибкій станъ — все это дѣлаетъ ихъ замѣчательно красивыми». Такая наружность рѣзко выдѣляетъ болоровъ изъ среды темнокожихъ азіятцевъ, и, кажется, служитъ важнымъ поводомъ къ ненависти.

*) Самъ Хуттонъ заимствовалъ свои свѣдѣнія у Монстуарта Эльфинстона изъ его описанія Кабульскаго государства.

Одежда болоровъ, какъ уже сказано, состоитъ изъ полушубка; его носятъ и мужчины и женщины. Шьютъ его изъ четырехъ шкуръ (двѣ идутъ на куртку и двѣ на полы). Надѣваютъ мѣхомъ наружу и подпоясываются широкимъ ремнемъ. Рукавовъ не дѣлаютъ — такъ что выходитъ нечто вродѣ нашей поддевки. — Мужчины брѣютъ головы, оставляя только длинную прядь волосъ на маковкѣ (какъ русскіе временъ Святослава), и по локону надъ каждымъ ухомъ. Женщины не брѣютъ волосъ, а заплетаютъ ихъ въ косы и свертываютъ на маковкѣ, затѣмъ надѣваютъ маленькую шапочку, вокругъ которой навертываютъ легкій тюрбанъ. — И мужчины и женщины носятъ серьги, ожерелья и браслеты.

Дома строятъ деревянные съ погребами для сохраненія молока, масла, сыра, вина и уксуса. Плетеные изъ ивовыхъ прутьевъ табуреты и деревянные столы — составляютъ меблировку комнатъ. — Это также особенности, весьма рѣзко отличающія болоровъ отъ сосѣдей: всѣ азіятцы строятъ свои дома преимущественно изъ глины, и только мечети, да пожалуй дворцы строятся изъ жженаго кирпича. Мебели азіятцы не употребляютъ, а садятся на разостланные ковры или просто на полъ, кушанья ставятся тутъ же на подносахъ.

Болоры не любятъ рыбы и питаются преимущественно хлѣбомъ, молокомъ, масломъ и сыромъ; козье недожаренное мясо и дичь встрѣчаются не каждый день. И мужчины и женщины охотно пьютъ вино, которое сами и приготовляютъ. Чарки и стаканы для вина большею частью серебрянныя.

Веселый и гостепріимный народъ страстно любитъ танцы и общественныя забавы. Подъ живую и разнообразную музыку танцоры отбиваютъ ногами въ тактъ разные выкрутасы и подпѣваютъ. Не напоминаетъ ли это нашего трепака съ какими-нибудь прибаутками въ родѣ: «ходи хата, ходи печь — хозяину негдѣ лечь»?

Болорская деревня имѣетъ совершенно русскій видъ, а вечеромъ когда на улицахъ молодежь собирается для игоръ

и начинаетъ водить хороводы (это самая любимая забава у болоровъ)—иллюзія должна быть полная.

О религіи болоровъ извѣстно только то, что она принадлежитъ къ числу признающихъ единобожіе. Болоры вѣрятъ и и во святыхъ обоего пола—это прославившіеся чѣмъ нибудь люди, служащіе по смерти ходатаями за живущихъ и посредниками между ними и Богомъ. – Святыхъ своихъ болоры изображаютъ изъ камня и дерева, конными и пѣшими.—Самого Бога не изображаютъ никакъ, по той разумной причинѣ, что образа его не знаютъ. Вотъ, что говорится объ этомъ у Хуттона: «они ставятъ камень и говорятъ: *это для бога, но мы не знаемъ его образа.* — Такимъ образомъ, камень служитъ алтаремъ, на которомъ приносятся жертвы божеству.

Жертвоприношенія состоятъ въ слѣдующемъ: передъ камнемъ зажигается огонь и въ пламя вливается масло и немного воды, а затѣмъ кидается мука. Между тѣмъ убиваютъ корову и кровью поливаютъ самый камень. Часть мяса сжигается въ огнѣ, остальное съѣдается священнослужителями, званіе которыхъ наслѣдственно, но лишено всякаго вліянія. Идоловъ, изображающихъ святыхъ, также кропятъ кровью коровы.

Изъ этого наброска можно вывести, что болоры идолопоклонники—такими ихъ и считаютъ мусульмане, но эти послѣдніе считаютъ такъ и христіанъ за образа и другіе видимые знаки, невидимыхъ существъ. Католичество со своими статуями святыхъ, кажется, ближе всего подходитъ къ религіи болоровъ и весьма возможно, что болоры когда нибудь были католиками, но изолированные ото всюду, мало по малу примѣшали къ обрядамъ католичества нѣсколько языческаго—какъ напр. жертвоприношенія.

Бракъ у болоровъ не столько религіозная церемонія, сколько предлогъ поѣсть, попить, попѣть и потанцовать. Мужчина можетъ вступить въ бракъ съ 20-ти лѣтъ, а женщина съ 15-ти. Полигамія въ большомъ ходу и вся грязная работа достается на долю женщинъ. — Рожденіе ребенка дѣлаетъ женщину нечистою и потому ее отвозятъ, вмѣстѣ съ

новорожденнымъ, въ какой нибудь отдѣльный домъ за деревню. Черезъ 24 дня искусъ оканчивается и ихъ привозятъ назадъ съ пѣснями. Языкъ болоровъ, если вѣрить англійскимъ источникамъ, — принадлежитъ къ санскритскому корню. Наша Академія Наукъ собрала 324 перевода Молитвы Господней, въ томъ числѣ есть и на кафирскомъ языкѣ. Не ручаясь за достовѣрность этого перевода я приведу его здѣсь на всякій случай:

«Баво вету осезульвини! Малипатве нгобункввеле игамалако. Убукумкани бако мабуфиве. Интандо яко маѣнзиве. Эмхля бени, ньенгокуба исензива эзульвини. Сипе намгля нье укутія квету квемихла нгемихла. Усиксолеле изонозету, ньенгокуба нати сиксолела або басонайо тина. Унга сингекиси экулингвени, зусисиндисе энкохлакалвени, игокуба бубобако убукумкани, намандхла нобунгквалиса, куде кубе нгунапакаде. Амене.»

Затѣмъ мы укажемъ еще выраженіе «*имбра боли*» или *имъ-боли* — слава Богу — и прибавимъ характерное названіе одной изъ горъ: *Имбра Эмбра* — сѣдалище Бога. Кладбище называется *иммеръ-умма*.

Замѣчательнѣе всего то, что болоры однимъ словомъ *боли* называютъ и славу и слово, которыя и на славянскихъ языкахъ весьма близки въ звуковомъ отношеніи. Названіе болоръ поэтому можно перевести двояко: *славянинъ* и *словенинъ*.

Сами болоры, однакоже, не знаютъ ничего о славянахъ и гордятся своимъ греческимъ происхожденіемъ. Англичане считаютъ ихъ идолопоклонниками, выселенными сюда изъ Кандагара.—Мнѣ кажется, что самое преданіе о связи съ греками доказываетъ, что болоры *должны были* пройдти чрезъ Византію. Арабскіе писатели сохранили намъ кое-какіе слѣды о славянахъ, передававшихся отъ грековъ къ арабамъ и затѣмъ поселенныхъ въ Малой Азіи, въ Сиріи и т. д. Весьма возможно, что эти славяне, переселяясь съ мѣста на мѣсто, потеряли наконецъ путеводную нить и забыли родство. При отсутствіи письменности, преданія мало-по-малу искажаются, факты перемѣшиваются и всякое послѣдующее переселеніе заслоняетъ

въ памяти народа все предъидущее — такимъ образомъ, испаряется преданіе о томъ: откуда сдѣланъ первый шагъ? Въ памяти осталась только Греція, а эта страна была не первою, гдѣ жили переселенцы.

Докторъ А. Гаркави, въ книгѣ своей: «Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ»—говоритъ между прочимъ, что византійскій лѣтописецъ *Өеофанъ* подъ 664-мъ годомъ повѣствуетъ о переселеніи 20.000 славянъ въ Сирію, причемъ называетъ ихъ Σκλαβινοι *склавині*. Другіе лѣтописцы называли ихъ Σκλαβοι — склави. Эта излишняя вставка греками буквы к—удержалась надолго и въ остальныхъ европейскихъ языкахъ: славянъ долго величали sclave'ами и даже esclave'ами.

Такъ какъ греческая буква β до сихъ поръ многими (не греками только) произносится какъ *бета*, а не *вита*, *) то и названіе *склави* было передѣлано въ *склаби*. Арабы, ради благозвучія, требуемаго законами языка, не терпящаго трехъ согласныхъ въ началѣ слова — передѣлали слово склаби въ *саклабъ*. Множественное число отъ этого новаго слова— есть *сакалиба*.

Подъ 6156 годомъ Өеофанъ пишетъ: «въ этомъ же году произошла ошибка въ счетѣ постныхъ дней и Абдеррахманъ, Халедовъ сынъ, перешелъ съ войскомъ границу Римской Имперіи, провелъ тамъ зиму и опустошилъ многія области; *славяне-же, спасаясь* (отъ византійцевъ), *къ нему* (перешли) *и пришли съ нимъ въ Сирію* (въ числѣ) *5000 и поселились въ области Апамеѣ въ селѣ Скевоковолѣ*».

Черезъ 27 лѣтъ, т. е. въ 6183 г. изъ войска императора Юстиніана II передалось еще 20,000 славянъ на сторону арабскаго полководца Мухамеда, который съ ихъ помощью забралъ множество плѣнныхъ. Сынъ этого полководца, — *Марванъ-ибнъ-Мухаммедъ*, поселилъ славянъ по границамъ Сиріи для защиты ея противъ византійцевъ. Славяне исполняли эту обязанность такъ удачно, что заслужили громкую славу.

*) Двѣ первыя буквы: *альфа* и *вита* до сихъ поръ сохранились въ нашемъ языкѣ совершенно чистыми отъ нѣмецкаго произношенія—это въ словѣ *алфавитъ*.

Свидѣтельство о переселеніи славянъ мы встрѣчаемъ еще у знаменитаго *Альбаладури* (арабскій писатель IX вѣка). Въ книгѣ своей: «О завоеваніи царствъ» Баладури говоритъ: «*Сальманъ и Зіядъ—суть изъ тѣхъ славянъ, которыхъ Марванъ-ибнъ-Мухаммедъ поставилъ на границы*». Именемъ этихъ двухъ славянскихъ предводителей арабы назвали двѣ, взятыя ими, крѣпости въ Арменіи: *Хиснъ-сальманъ* и *Хиснъ-зіядъ*. Затѣмъ въ книгѣ завоеваній упоминается о набѣгѣ Марвана на славянъ, жившихъ въ землѣ Хозаръ, а также о переселеніи еще 20,000 ихъ въ *Хахиту* т. е. въ Кахетію. Мансуръ, готовясь въ 140 году къ войнѣ со славянами, жившими въ нынѣшней Россіи, позаботился, на всякій случай, удалить съ Кавказа славянскія поселенія и перевелъ ихъ въ *Масису*, что нынѣ *Мапсуестія* въ Сиріи.

Табари, писатель X вѣка, въ своей «Исторіи Царей» (писана въ 915 году) свидѣтельствуетъ, что Марванъ, преслѣдуя хозарскаго хакана (царя), дошелъ до *славянской* рѣки, (другой писатель *Шемседдинъ-Димешки* называетъ эту рѣку—*русскою*; здѣсь дѣло идетъ о р. Донѣ); «*напалъ на жилища невѣрныхъ* (ханехаи кафиранъ), *убилъ ихъ всѣхъ и разрушилъ 20,000 домовъ*». Кто же эти *Кяфиры*, у которыхъ были жилища? Что это не Хозары, доказывается тѣмъ, что послѣдніе были народъ кочевой и, слѣдовательно, домовъ не имѣли, во-вторыхъ, они исповѣдывали еврейскую религію и, стало быть, не могли считаться кафирами-идолопоклонниками.

Въ 22 году (644), когда арабскій полководецъ Абдуррахманъ воевалъ съ Хозарами, къ нему явился царь Шахріаръ изъ *Бабъ-аль-Абваба* (Дербента) съ предложеніемъ слѣдующихъ условій: «я нахожусь между двумя врагами, одинъ — *Хозаре*, а другой — *Русы*, которые суть враги цѣлому міру, въ особенности же арабамъ, а воевать съ ними, кромѣ здѣшнихъ людей, никто не умѣетъ. Вмѣсто того, чтобъ мы платили дань, будемъ воевать съ Русами сами и собственнымъ

оружіемъ будемъ ихъ удерживать, чтобъ они не вышли изъ своей страны. Считайте это намъ данью и податью, чтобъ мы ежегодно это давали»*). Извѣщенный объ этомъ Калифъ-Омаръ согласился на условія и съ тѣхъ поръ «обычай этотъ былъ введенъ во всѣхъ дербендахъ (горныхъ проходахъ), что они не платятъ ни подати, ни дани, для того чтобъ они не допускали невѣрныхъ къ мусульманамъ, сами воевали бы съ ними и удерживали бы ихъ отъ земли мусульманъ».

И такъ если не Хозары, то Русы. Они же къ тому и осѣдлые да вдобавокъ идолопоклонники—ясно, что «дома невѣрныхъ» были жилища русскихъ. Наконецъ и самое названіе рѣки Дона *славянскою* и *русскою* рѣкою — на чемъ нибудь да основывалось.

И такъ слово *Кяфиръ*, по отношенію къ славянамъ—было произнесено.

Переселенные въ Сирію, славяне скоро освоились въ новомъ отечествѣ и во второй половинѣ VIII вѣка приняли дѣятельное участіе въ междоусобіяхъ, раздиравшихъ халифатъ по поводу престолонаслѣдія. Одно уже это участіе въ междоусобіяхъ, конечно, могло привести воинственныхъ славянъ въ мѣста, значительно отдаленныя отъ ихъ первоначальныхъ поселеній. Весьма возможно также, что халифы принимали всѣ мѣры къ удаленію своевольныхъ славянъ изъ страны, въ которой они думали распоряжаться престоломъ. Ничего нѣтъ мудренаго, что эти славяне, чуждые всему окружающему, тѣснимые отовсюду, ненавидимые и преслѣдуемые мусульманами за свое кяфирство, — бродили изъ угла въ уголъ, пока не нашли пріюта въ горахъ, гдѣ имъ уже легче было отстоять свою свободу.

Легко можетъ быть, что славяне были переселены и насильно. Во время-оно такія переселенія были въ большомъ ходу: мы уже видѣли сколько разъ переселяли славянъ арабскіе полководцы, мы видѣли также, что Надиръ-шахъ переселилъ

*) Гаркави стр. 74. Я бы перевелъ послѣднюю фразу такъ: зачтите это намъ за ежегодную дань и подать.

въ 1737 году множество персіянъ въ Кабулъ и что Тимуръ въ 1396 выселилъ 1000 семействъ Туркменъ изъ Персіи къ верховьямъ Мургаба. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что подобная же участь могла постигнуть и сирійскихъ славянъ. — Тогда станутъ весьма понятными тѣ предосторожности, какія болоры принимаютъ для охраненія себя отъ всякаго мусульманина—безпрестанныя переселенія вѣроятно имъ памятны.

Пусть читатель переберетъ въ памяти всѣ особенности, отличающія болоровъ отъ остальныхъ народностей Азіи — тогда онъ невольно придетъ къ убѣжденію, что болоры ничто иное какъ славяне, попавшіе сюда чрезъ Византію и Сирію или чрезъ Арменію и Сирію. Оторванные отъ остальнаго славянскаго міра, болоры въ теченіи 1700 лѣтъ, конечно, могли заимствовать много словъ отъ народовъ, съ которыми сталкивались, могли забыть множество своихъ собственныхъ словъ и, такимъ образомъ, мало по малу утратить первончаальное свое нарѣчіе.

Во всякомъ случаѣ, болоры представляютъ для насъ весьма интересный предметъ для изученія. Вотъ куда должны бы стремиться наши путешественники, вмѣсто того, чтобы тратить свое время и деньги на безплодные разъѣзды по остъ-индскимъ желѣзнымъ дорогамъ.

Въ сосѣдствѣ съ болорами живетъ другой интересный народъ—*Суаты*. Управляются они духовнымъ владыкой. Теперь это лицо есть Ахунгъ *Бики*, онъ не ѣстъ ни хлѣба, ни мяса и довольствуется лишь молокомъ отъ *семи* козъ, да и то при условіи, чтобы онѣ паслись на священной горѣ. Поэтому пока козы проходятъ полями и долинами, имъ надѣваютъ намордники, чтобы онѣ не осквернились чужимъ ячменемъ и простою травою.

Подати ахунгъ беретъ не деньгами, а натурою въ $^1/_{10}$ часть съ урожая и приплода. Образъ жизни суатовъ напоминаетъ спартанскій. Общіе столы и умѣренность—два главныя условія. У самаго ахунга ежедневно обѣдаютъ до 6000 человѣкъ. Три большихъ кухни устроены спеціально для этой цѣли.

Вліяніе ахунга такъ велико, что англичане до сихъ поръ ничего не могли съ нимъ сдѣлать. Бунирцы, которымъ англичане платили деньги за войну съ суатами, дрались неохотно и плохо: ихъ удерживалъ страхъ передъ святостью ахунга. Появившуюся между ними какую-то язву, сопровождавшуюся зудомъ,—бунирцы приписали заклинаніямъ ахунга и, хотя отъ этой болѣзни умерло только 25 человѣкъ,—бунирцы все-таки поспѣшили просить мира.

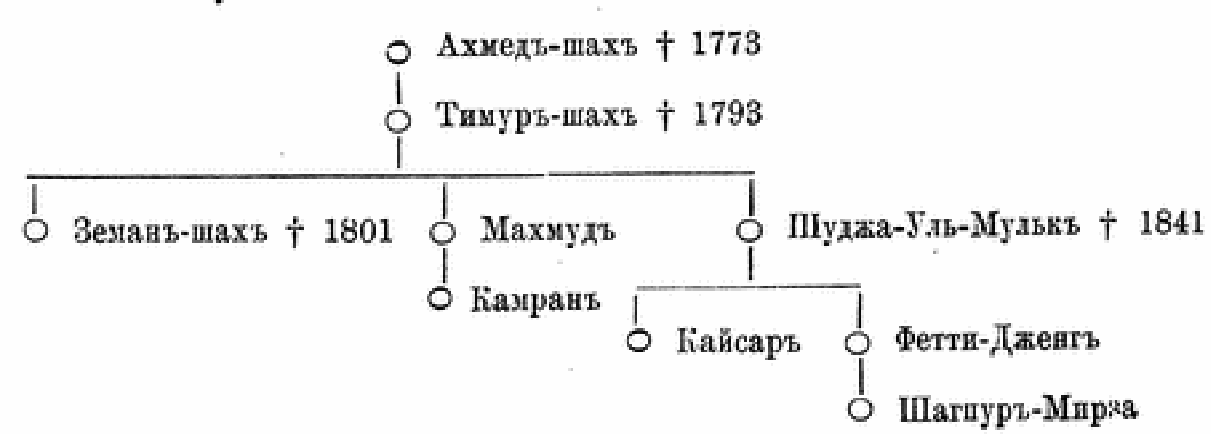
Теперь власть ахунга Бики признаютъ: суаты, бунирцы и хайберцы, всего до 640000 человѣкъ. Хайберцы живутъ въ горахъ, образующихъ знаменитое хайберское ущелье, гдѣ легли въ 1841 году всѣ англичане, бѣжавшіе изъ Кабула. Народъ ведетъ разбойничью жизнь: всѣ по очереди караулятъ ущелье и грабятъ замѣченный караванъ. Одежда горцевъ, между прочимъ, включаетъ: сапоги, сплетенные изъ веревокъ и шапку изъ камыша. Англичане платятъ имъ дань и тѣмъ спасаютъ свои почты и караваны.

Перейдемъ теперь къ краткому историческому очерку судебъ авганскаго народа.

Авганистанъ, до половины XVIII вѣка, входилъ въ составъ персидской монархіи, освобождаясь по временамъ, благодаря слабости персидскихъ властителей. Въ 1722 году авганцы не только свергли съ себя персидское иго, но и покорили Персію; вскорѣ персіяне оправились и, подъ предводительствомъ Надира, вытѣснили авганцевъ. Надиръ, впрочемъ, не особенно хлопоталъ о законныхъ наслѣдникахъ Сафидской династіи: онъ, напротивъ, съумѣлъ захватить власть въ свои руки и, послѣ удачной войны съ турками, былъ всенародно избранъ шахомъ въ 1737 г. Вся жизнь Надира прошла въ войнахъ: при немъ Персія шагнула за Аму-Дарью и за Индъ. Возвращаясь изъ Индіи шахъ Надиръ былъ убитъ въ Мешедѣ въ 1747 г.—и вся его работа распалась: Багдадъ отошелъ къ Турціи, Грузія къ Россіи, Туранъ сдѣлался независимымъ, Западный Иранъ или собственно Персія, послѣ ряда междоусобій, подпала наконецъ подъ власть Ага-Могамеда, основателя Каджарской династіи. Что касается до Восточнаго Ирана т. е. Авганистана, Систана и Белуджистана, то эти области подчинилъ себѣ одинъ изъ полководцевъ Надира, авганецъ *Ахметъ-ханъ*, глава поколѣнія *Абдалъ*.

Ахметъ-ханъ конвоировалъ, съ 10,000 своихъ авганцевъ, добычу, захваченную Надиромъ въ Индіи. Узнавъ въ Кандагарѣ о смерти Надира, авганцы разграбили эту добычу; Ахметъ-ханъ завладѣлъ казною и провозгласилъ себя шахомъ съ титуломъ *Дурръ-и-Дуррани* т. е. «жемчужина дуранійская» *). При этомъ досталось и жителямъ Кандагара: авганцы отобрали для себя 10,000 женщинъ.

Для болѣе яснаго пониманія дальнѣйшихъ перемѣнъ въ наслѣдованіи дуранійскаго престола представимъ здѣсь краткую табличку:

Въ 1773 году наслѣдіе перешло къ Тимуръ-шаху, сыну Ахметъ-шаха, затѣмъ въ 1793 г. къ Земанъ-шаху, сыну Тимура. Возложивъ управленіе на визиря *Серэфразъ-хана*, извѣстнаго также подъ именемъ *Пайенде-хана*, новый шахъ предался удовольствіямъ, но вскорѣ зависть и подозрительность овладѣли душою шаха и онъ казнилъ визиря въ 1799 г. Мохамедзеи, къ которымъ принадлежалъ Пайенде-ханъ,—возстали какъ одинъ человѣкъ; за ними поднялся и весь родъ Барекзеи, родственный Мохамедзеямъ. За шаха вступился его родъ Попульзеи и пошла междоусобица.

Мстителемъ за Пайенде-хана явился старшій сынъ его

*) Авганцы произносятъ имя этого шаха сокращенно: *Аметъ-ша*.

Фетти-ханъ, который прекрасно воспользовался походомъ Земана въ Индію и съ помощью Махмуда, брата Земанова, завладѣлъ Гератомъ и Кандагаромъ. Земанъ поспѣшилъ назадъ, но былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ. Шахомъ объявленъ былъ Махмудъ; младшій братъ его, Шуджа-Уль-Мулькъ завладѣлъ Кабуломъ и также провозгласилъ себя (въ 1801 г) шахомъ, но, разбитый Махмудомъ, бѣжалъ въ Индію.

Религіозная война между суннитами и шіитами, которымъ покровительствовалъ Махмудъ, дала Шуджѣ возможность снова завладѣть Кабуломъ въ 1803 г. Махмудъ и Фетти-ханъ попались въ плѣнъ. Послѣдній, однако-же, вскорѣ бѣжалъ въ Гератъ, возмутилъ здѣсь народъ и нѣсколько лѣтъ воевалъ съ шахомъ Шуджею, пока, наконецъ, въ 1809 г. разбилъ его.

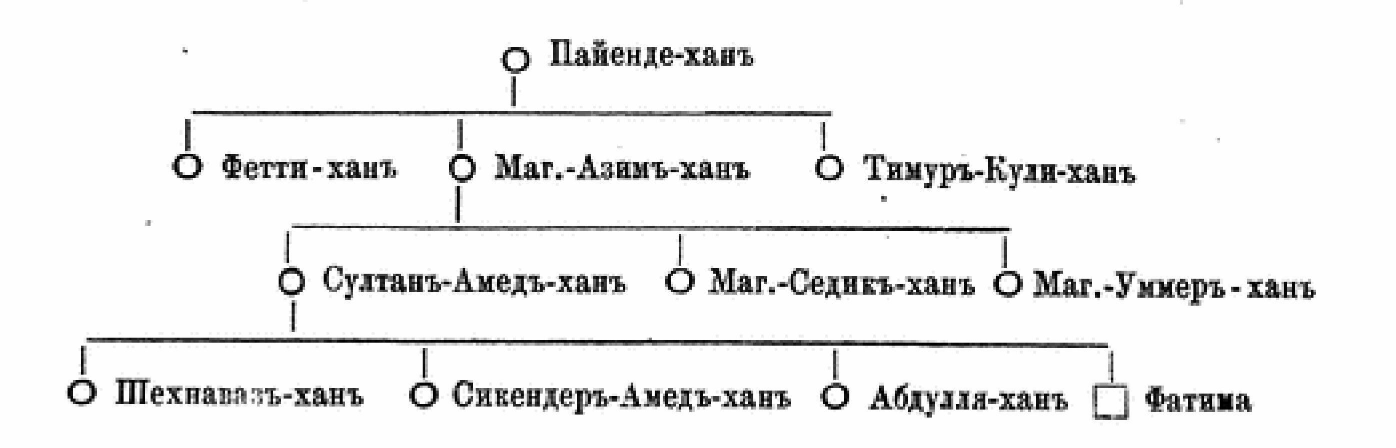
Престолъ снова достался Махмуду, но вся власть, въ сущности, сосредоточилась въ рукахъ героя *Фетти-хана*, назначеннаго визиремъ, съ титуломъ *Шахъ-дустъ* т. е. другъ шаха. Главную поддержку Фетти-хана составляли его многочисленные братья (Пайенде-ханъ отъ разныхъ женъ имѣлъ 21 сына), между которыми особенно выдѣлялись: Ширдиль-ханъ, Азимъ-ханъ и Достъ-Магомедъ-ханъ.

Сынъ Махмуда *Камранъ-ханъ* вздумалъ освободиться отъ опеки Фетти-хана, велѣлъ схватить его и предалъ мучительной казни: «другу шаха» отсѣкали сначала пальцы: суставъ за суставомъ, затѣмъ кисти рукъ и ступни ногъ и т. д. но визирь не измѣнилъ себѣ ни однимъ стономъ и умеръ героемъ.

Казнь эта повлекла за собою паденіе династіи.

Для уясненія дальнѣйшихъ событій необходимо опредѣлить родственную связь между потомками Пайенде-хана, такъ какъ въ его родъ перешелъ тронъ авганскій и члены оспариваютъ его другъ у друга.

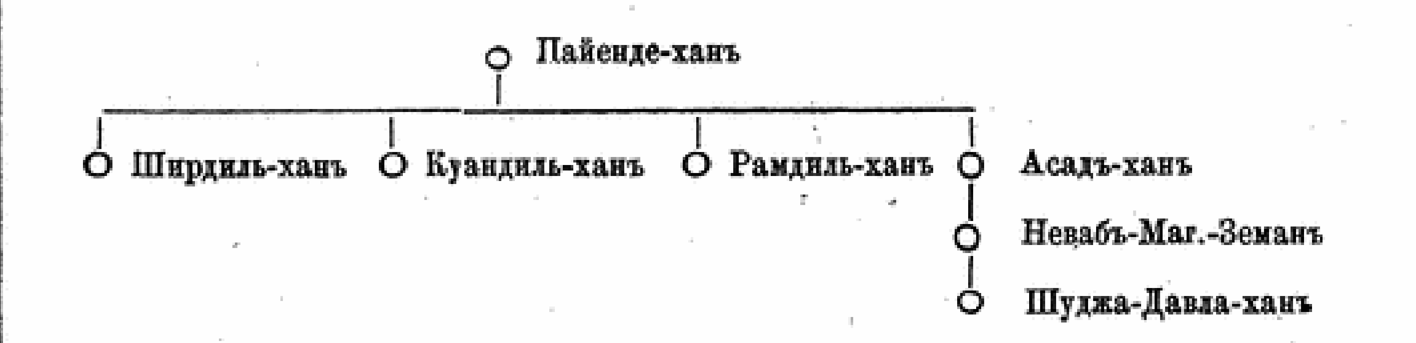
1) Отъ Пайенде-хана и старшей его жены, Руй-Вактъ.

2) Отъ Пайенде-хана и наложницы персіянки.

3) Отъ Пайенде-хана и второй его жены.

У Пайенде-хана было нѣсколько женъ, отъ которыхъ онъ имѣлъ 21 сына и нѣсколькихъ дочерей. Старшая законная жена Руй-Бактъ дала начало старшей линіи. Отъ персіянки наложницы происходитъ нынѣ царствующая династія. Изъ остальныхъ сыновей Пайенде-хана мы помѣщаемъ только тѣхъ, которые чѣмъ нибудь себя заявили и встрѣтятся въ дальнѣйшемъ разсказѣ.

Во время полновластія Фетти-хана, братъ его по отцу—Достъ-Магомедъ былъ сдѣланъ пансадомъ т. е. начальникомъ 500 конныхъ и получилъ въ управленіе округъ Кормъ. Стремясь составить себѣ партію приверженцевъ, Достъ роднился со всѣми вліятельными туземцами и набралъ въ Кормѣ нѣсколько женъ. Затѣмъ, по смерти брата Азимъ-хана, онъ женился на его вдовѣ и на танцовщицѣ *). Такимъ образомъ, у Доста составился гаремъ изъ 6 главныхъ женъ не считая еще наложницъ. Въ приведенной таблицѣ помѣщены только дѣти его отъ любимой жены. Остальныхъ можно видѣть въ слѣдующей таблицѣ.

Достъ-Магомедъ-ханъ.

Маг. Авзаль	Маг. Агзамъ	Маг. Акремъ	Маг. Асламъ	Маг. Хассанъ	Маг. Хуссейнъ	Маг. Кассимъ	Маг. Вали
Абдуррахманъ-ханъ							

Первые двое родились отъ дочери бангашскаго сердаря, третій отъ дочери перванскаго сердаря, слѣдующіе четверо отъ танцовщицы, служившей прежде у Ша-Мамуда, а потомъ у Мамедъ-Азимъ-хана. Послѣдній сынъ—Вали-Магомедъ-ханъ—родился отъ внучки торайскаго сердаря.

Что касается до вдовы Азимъ-хана, то отъ нея Достъ не имѣлъ дѣтей, но усыновилъ ея сына, а своего пасынка и племянника султанъ-Амеда, котораго очень полюбилъ и прозвалъ

*) Эта танцовщица и самому Азимъ-хану досталась по наслѣдству отъ Ша-Мамуда.

«Джаномъ» (равносильно нашему «душечка»). Этотъ султанъ Джанъ былъ впослѣдствіи сердаремъ гератскимъ и женился на дочери Доста—*Патьшъ*. Такимъ образомъ, сыновья его: Шахнавазъ и Сикендеръ ханы приходятся внуками Досту и племянниками нынѣшнему эмиру Ширъ-Али-хану.

Теперь читателю не трудно будетъ слѣдить за всѣми фазами борьбы удѣльныхъ князьковъ авганскихъ и потому воротимся къ разсказу.

Еще до казни Фетти-хана, единокровный братъ его Достъ-Магомедъ бѣжалъ въ Кашмиръ, гдѣ тогда властвовалъ Азимъ-ханъ, родной братъ казненнаго визиря. Азимъ былъ сильно разгнѣванъ тѣмъ, что Достъ покинулъ его брата на произволъ кровожаднаго шаха и Досту грозило ослѣпленіе *), но тутъ пришло извѣстіе о совершеніи казни надъ визиремъ... Надобно было позаботиться о мщеніи... Достъ имѣлъ за собою репутацію ловкаго человѣка, съумѣвшаго составить себѣ партію приверженцевъ, благодаря брачнымъ союзамъ—онъ, значитъ, могъ пригодиться. И вотъ Азимъ освобождаетъ Доста, даетъ ему войско и посылаетъ въ Кабулъ. Городъ этотъ былъ занятъ базпрепятственно. Достъ, однако-же, не рѣшился объявить себя государемъ и выбралъ нѣкоего *Султанъ-Али* изъ седдозеидовъ. Съ своей стороны, Азимъ также объявилъ сначала *Шуджу-Уль-Мулька*, котораго и вызвалъ изъ Индіи, а потомъ перемѣнилъ на *Эюбъ-хана*.

Султанъ-Али скоро былъ умерщвленъ, и Достъ вынужденъ былъ признать первенство Азима. Получивъ въ удѣлъ Газни, Достъ черезъ годъ уже возсталъ на брата, но когда тотъ явился съ войскомъ, Достъ бѣжалъ на священную могилу Фетти-хана и легъ тутъ. Казнь, значитъ, была невозможна. Азимъ простилъ Доста и для скрѣпленія дружбы взялъ съ него клятву поженить своихъ дѣтей. Все это ни къ чему не повело: вѣроломный Достъ возсталъ снова и на этотъ разъ совершенно

*) Обычная казнь въ Средней Азіи для высокопоставленныхъ лицъ.

удачно. Азимъ былъ убитъ и Достъ объявилъ себя въ 1823 г. эмиромъ.

Дуранійское царство было раздѣлено на удѣлы между братьями: Кабуломъ правилъ самъ *Достъ*, Кандагаромъ *Шердиль-ханъ*, Газни *Куандиль-ханъ*, Гератомъ *Камранъ*, Пешавуромъ *Ата-Мамедъ-ханъ*. Что касается до Пенджаба, то эта провинція отпала еще при Ша-Земанѣ, который, не довѣряя авганцамъ, поручилъ ее управленію, знаменитаго въ то время наѣздника и разбойника, Реджитъ-Синга. Черезъ годъ Реджитъ пересталъ высылать подати въ казну Ша-Земана и сталъ независимымъ.

Въ такомъ раздробленномъ состояніи Авганистанъ находился до 1839 года, когда въ его дѣла вмѣшались англичане. Мы не будемъ разбирать здѣсь въ подробностяхъ причины, побудившія англичанъ къ этому шагу—это мы сдѣлаемъ въ главѣ объ отношеніяхъ къ Англіи,—а ограничимся лишь указаніемъ на двѣ важныя причины: 1) движеніе Персіи на востокъ къ Герату и 2) движеніе Россіи на югъ къ Хивѣ. Оба эти движенія почти совпали по времени.

Подъ вліяніемъ опасеній русско-персидскаго вторженія въ Индію, англичане задумали образовать на своей границѣ дружественное государство, которое могло бы закрыть собою ихъ драгоцѣнную колонію. Рѣшено было поддержать изгнаннаго шаха Шуджу, уничтожить удѣлы въ Авганистанѣ и воскресить дуранійское царство.

Попасть изъ Индіи въ Авганистанъ, мимо Пенджаба, казалось тогда невозможнымъ. Содѣйствіе такого опытнаго воина, каковъ былъ Реджитъ-Сингъ, казалось обезпечивало успѣхъ заранѣе и вотъ союзъ съ этимъ магараджею былъ заключенъ.

Вторженіе въ Авганистанъ произведено было тремя колоннами: главная *бенгальская* колонна изъ 9,500 ч. англійскихъ и туземныхъ войскъ и 6,000 сейковъ, при 38,000 погонщиковъ и слугъ, съ 30,000 верблюдовъ шла къ Шикарнуру, гдѣ соединялась съ *бомбайскою* колонною изъ 5,600 чел. и затѣмъ, вмѣстѣ съ нею, должна была пройдти боланскій проходъ

и занять Кандагаръ и Газни. Здѣсь отъ экспедиціи отдѣлялся отрядъ для занятія Кабула, куда независимо отъ этого двигалась третья колонна изъ сейковъ и небольшаго англоиндійскаго отряда.

Легкій успѣхъ ошеломилъ англичанъ и, вопреки обѣщанію немедленно удалиться во свояси—они рѣшились утвердиться въ занятой странѣ. Шахъ Шуджа былъ объявленъ государемъ, а Достъ-Магомедъ бѣжалъ и затѣмъ сдался добровольно. Казалось бы, что цѣль достигнута и дуранійское царство возстановлено.

Неумѣренность англичанъ все погубила.

Въ 1841 г. въ Кабулѣ начались неудовольствія изъ-за женщинъ, затѣмъ стычки съ фуражирами и, наконецъ, вспыхнуло открытое возстаніе. Осажденные въ собственномъ укрѣпленіи, англичане вынуждены были заключить позорную капитуляцію и выступили подъ прикрытіемъ отряда авганцевъ.— Проводами распоряжался султанъ Амедъ, сынъ Азима, да и то на англійскія же деньги, такъ какъ Достъ-Магомедъ былъ въ плѣну, а сынъ его Акбаръ-ханъ сидѣлъ безъ гроша.

Нѣкоторыя подробности всей этой катастрофы читатель найдетъ въ главѣ объ отношеніяхъ къ Англіи. Скажу здѣсь только, что весь кабульскій корпусъ до послѣдняго человѣка былъ вырѣзанъ въ знаменитомъ Хайберскомъ ущельи.

Покинутый на произволъ судьбы, шахъ Шуджа опустилъ руки. Вся власть перешла къ визирю Невабъ-Мамедъ-Земанъ-хану (сыну Асадъ-хана и, слѣдовательно, внуку Пайенде-хана). Да и такъ не долго нацарствовалъ Шуджа: сынъ визиря *Шуджа-Давла-ханъ* убилъ его, а шахомъ объявленъ былъ *Фетти-Дженгъ* второй сынъ убитаго шаха, но и тотъ поторопился спастись бѣгствомъ и воротился только съ англійскими войсками, присланными для выручки плѣнныхъ. Съ уходомъ этихъ войскъ, шаху ничего болѣе не оставалось, какъ послѣдовать за ними. Впрочемъ, партія, враждебная Достъ-Магомеду, объявила государемъ малолѣтняго сына ушедшаго шаха, Шагпуръ-Мирзу, но и того едва спасли потомъ отъ смерти. Престолъ

достался опять Дость-Магомеду, только что размѣненному на англійскихъ плѣнныхъ. Кандагаръ снова занялъ братъ его Куандиль-ханъ, воротившійся изъ Персіи.

Власть Доста въ сущности была ничтожна: авганцы такъ чванятся стариннымъ родомъ, высокимъ происхожденіемъ, знаменитыми предками, что даже при равныхъ условіяхъ умудряются доказать превосходство одного передъ другимъ, хотя бы на основаніи только общественнаго положенія ихъ матерей. Извѣстно было, что мать Доста—простая наложница безъ роду и племени—этого было довольно, чтобъ уронить его значеніе. Внуки законной жены Пайенде-хана — считались болѣе кровными аристократами. Ко всему этому надобно прибавить слабую зависимость удѣловъ, управляемыхъ братьями и, наконецъ, вражду Мамедъ-Акберъ-хана, старшаго сына Доста.

Это безсиліе эмира повело къ тому, что онъ совершенно вопреки своимъ желаніямъ, долженъ былъ вступить въ союзъ съ сейками противъ англичанъ и потерялъ за то Пешавуръ, присоединенный въ 1840 г. къ Остъ-Индскимъ владѣніямъ вмѣстѣ съ Пенджабомъ.

За то съ этой поры Достъ-Магомедъ перемѣнилъ систему и рѣшился объединить Авганистанъ. Подчинивъ Балхъ, а затѣмъ и другія мелкія независимыя владѣнія (Андкуй, Майменэ), Достъ воспользовался первымъ-же случаемъ, чтобы захватить и Кандагаръ.

Въ 1854 году умеръ Куандиль-ханъ и на Кандагаръ предъявилъ свои права старшій за нимъ братъ Рамдиль-ханъ: Дѣти Куандиля взялись за оружіе. Усобица не привела ни къ чему и стороны обратились къ Досту. Эмиръ тотчасъ явился съ войскомъ, занялъ всѣ дороги и примирилъ противниковъ: объявилъ Кандагаръ своимъ. Недовольный этимъ Рамдиль ушелъ въ Гератъ, гдѣ царствовалъ тогда полный хаосъ, но и тутъ потерпѣлъ неудачу, а потому обратился за помощью къ Персіи.

Гератскіе безпорядки начались съ того, что Камранъ-ханъ былъ убитъ своимъ визиремъ Яръ-Магомедъ-Ханомъ (изъ рода Алекузаи). Сына его — Сеидъ-Магомеда — постигла та-же участь: его убилъ начальникъ тѣлохранителей Иса-Ханъ (изъ Беръ-дурани). Убійца не долго, однако, пользовался властью: Гератъ былъ вскорѣ осажденъ персіянами и, вызванный на переговоры, Иса-Ханъ попалъ въ засаду.

Движеніе персіянъ казалось опаснымъ и англичанамъ и Досту. 1 января 1857 г. они заключили договоръ, по которому англичане обязались платить Досту *ежемѣсячно* по 1 лаку рупій (100,000 рупій, каждая въ 60 к.) или по 60,000 рублей сер. во все время войны съ персіянами и, кромѣ того, обязались доставить оружіе.

Чтобы принудить персіянъ къ очищенію Герата, англичане отправили 15-ти тысячный корпусъ для занятія Бушира и Каррака.

Результатомъ всего этого былъ новый трактатъ съ Персіею (1857 г.), по которому она отказалась отъ всякихъ притязаній на Гератъ. Владѣніе это сдѣлано независимымъ и сдано персіянами Султанъ-Амедъ-хану (Султанъ-Джану), пасынку Доста. Размолвка, существовавшая тогда между Достомъ и его любимцемъ Султанъ-Джаномъ ручалась за *дѣйствительную* независимость Герата, но Достъ не дремалъ. Зорко слѣдили за Гератомъ и англичане. Агенты ихъ—Тейлоръ, Клеранъ и Харди тщетно убѣждали Султанъ-Амеда сбросить послѣднюю тѣнь зависимости отъ Персіи и перемѣнить монетный штампъ, на которомъ красовалось имя Насруддинъ-шаха: Султанъ-Амедъ отвѣчалъ на это, что получилъ Гератъ отъ Персіи, а не отъ Англіи. Англичане доказывали, что Персія сдѣлала это по неволѣ, что ее принудили къ тому англійскія войска и что поэтому на монетѣ приличнѣе чеканить имя Доста, если султанъ не хочетъ чеканить своего. Всѣ эти разговоры кончились тѣмъ, что англичане были высланы подъ конвоемъ. Это не прошло даромъ Султанъ-Амеду.

Такъ какъ нѣкоторые города не признавали власти султана, который не былъ въ силахъ подчинить ихъ, то этимъ вздумалъ воспользоваться одинъ изъ сыновей Доста—Мамедъ-Шерифъ, занявшій въ 1862 г. городъ Тейвара. На требованіе

Султанъ-Джана очистить городъ, Мамедъ-Шерифъ отвѣчалъ, что городъ былъ ничей, ибо султана не признавалъ. Въ ссору вмѣшался самъ Достъ и явился подъ стѣнами Герата. Осада длилась 11 мѣсяцевъ и 15 дней. Не смотря на лишенія и па болѣзни, гарнизонъ упорно защищался и, только благодаря искусству непріятельскихъ минеровъ (кажется, англичанъ), Гератъ наконецъ палъ. Гарнизонъ потерялъ до 1,000 чел. убитыми и до 1,500 умершими отъ эпидеміи *сія-паи* (въ переводѣ: черная нога) *). Въ особенности гибли беременныя и недавно родившія. Дочь Доста, бывшая замужемъ за Султанъ-Джаномъ умерла на 2-й мѣсяцъ осады. Самъ султанъ умеръ на 8-й мѣсяцъ.

Не долго торжествовалъ и Достъ: черезъ 2 недѣли послѣ побѣды 73-лѣтній эмиръ сошелъ въ могилу.

Со смертью его Авганистанъ сдѣлался ареною междоусобій, возбужденныхъ честолюбіемъ его сыновей и племянниковъ. Ширъ-Али-ханъ, въ руки котораго умирающій отецъ передалъ власть, началъ съ того, что захватилъ обманомъ большую часть своихъ братьевъ, управлявшихъ различными провинціями на вассальныхъ правахъ. Старшій братъ его Могамедъ-Авзаль-Ханъ, правившій 11 лѣтъ Балхомъ, оказалъ, однакоже, сильное сопротивленіе. Битва, происшедшая весною 1864 года, не смотря на ея нерѣшительность, повела за собой признаніе Балха независимымъ, но Авзаль-ханъ, довѣрившись брату, пріѣхалъ къ нему безъ свиты въ Ташъ-Курганъ и тамъ былъ немедленно схваченъ.

Сынъ Авзаль-хана—19-лѣтній *Абдуррахманъ*—бѣжалъ въ Бухару, но черезъ годъ, пользуясь войною Ширъ-Али съ братомъ его, правителемъ Кандагара, возвратился, занялъ Балхъ, собралъ 12,000 войска и, послѣ десятидневной осады, занялъ Кабулъ; Ширъ-Али, покончивъ въ это время съ Кандагаромъ, поспѣшилъ къ Кабулу, но въ 4-хъ отъ него переходахъ у

*) Болѣзнь состояла въ опухлости ногъ, которыя затѣмъ покрывались пятнами и чернѣли. Не цынга-ли это?

Сеидъ-Абади былъ встрѣченъ Абдуррахманомъ и разбитъ. Всѣ плѣнные, которыхъ Ширъ-Али возилъ постоянно за собою, въ томъ числѣ отецъ Абдуррахмана и сыновья гератскаго сердаря: Шахнавазъ, Сикендеръ-Амедъ и Абдулля ханы освободились отъ оковъ и бѣжали изъ Газнейна, гдѣ были оставлены въ день боя. Авзаль-ханъ, благодаря побѣдамъ сына, былъ объявленъ эмиромъ и правилъ Кабуломъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 1867 году. Въ теченіе этого времени Абдуррахманъ-ханъ овладѣлъ Кандагаромъ и еще два раза разбилъ Ширъ-Али. По смерти эмира Авзаль-хана, престолъ перешелъ къ старшему по немъ брату *Магомедъ-Агзяму*, который, однако-же, продержался всего одинъ годъ: въ 1868 г. Ширъ-Али-ханъ, пользуясь отсутствіемъ Абдуррахмана, спокойно владѣвшаго Балхомъ *), снова занялъ Кандагаръ, а потомъ и Кабулъ. Англичане вошли съ нимъ въ сношенія и, рѣшившись его поддерживать, прислали на первый разъ 250,000 рупій, для раздачи войскамъ жалованья, что сразу привлекло къ Ширъ-Али множество приверженцевъ и увеличило его шансы. Абдуррахманъ-ханъ, въ свою очередь, обратился съ просьбою о помощи къ намъ. Посланецъ его прибылъ въ августѣ 1868 г. въ Самаркандъ, но генералъ-губернаторъ воздержался отъ всякихъ сношеній и согласился только на одну просьбу авганца: дать ему какой либо знакъ въ доказательство, что письмо Абдуррахмана дошло по назначенію. Знакомъ этимъ послужила рублевая ассигнація и двугривенный.

Въ ожиданіи отвѣта Абдуррахманъ-ханъ все таки двинулся на Кабулъ, осадилъ Газнейнъ, разбилъ два отряда, высланные изъ Кабула на помощь къ осажденнымъ, но, увлекшись своими непостоянными успѣхами, раздѣлилъ свои силы и лишь съ небольшимъ отрядомъ подступилъ къ укр. Зана-хана, гдѣ былъ застигнутъ всѣми войсками Ширъ-Али, разбитъ на-голову и бѣ-

*) Въ Военно-статистическомъ сборникѣ (изд. 1868 г.) на стр. 37, правителемъ Балха названъ тотъ-же Абдеррахманъ-ханъ, но при этомъ прибавлено: „единственный изъ братьевъ Доста, оставшійся въ живыхъ и, слѣдовательно, глава всего рода". Читатель видитъ теперь, что это ошибка и что названный принцъ есть сынъ Мамедъ-Авзаль-хана и, значитъ, *внукъ* Доста.

жалъ въ горы вмѣстѣ съ дядей своимъ, эмиромъ Агзямъ-ханомъ. Будучи отрѣзанъ отъ Балха, Абдуррахманъ просилъ покровительства Англіи, но ему было объявлено, что пребываніе въ британскихъ владѣніяхъ обусловливается для него обѣщаніемъ отказаться отъ своихъ претензій и противодѣйствія Ширъ-Али-хану. Тогда развѣнчанный эмиръ вмѣстѣ съ племянникомъ бѣжали въ Мешедъ.

Нашъ бывшій повѣренный въ дѣлахъ въ Тегеранѣ—г. Зиновьевъ, сообщая это извѣстіе (депеша 17 апрѣля 1869 г.), прибавляетъ, что «новыя попытки Абдуррахманъ-хана врядъ-ли будутъ удачны, такъ какъ Ширъ Али, благодаря щедрости англичанъ, заплатилъ жалованье, которое былъ долженъ войскамъ, и долги мѣстнымъ купцамъ и потому пользуется большою популярностью».

Съ дороги на Мешедъ, Хиву и Бухару Абдуррахманъ прислалъ генералъ-губернатору еще нѣсколько писемъ съ просьбою о содѣйствіи для возвращенія авганскаго престола дядѣ его Агзямъ-хану. Въ концѣ іюля 1869 г. прибылъ въ Самаркандъ родственникъ Абдуррахмана съ просьбою о дозволеніи ему, со свитой въ 300 человѣкъ, прибыть въ предѣлы Россіи; генералъ-губернаторъ приказалъ передать посланному, что если Абдуррахманъ-хану не гдѣ преклонить голову, то въ гостепріимствѣ ему отказано не будетъ, но чтобы онъ уже не разсчитывалъ на вмѣшательство наше въ дѣла его съ Ширъ-Али-ханомъ.

Между тѣмъ бухарскій эмиръ вызвалъ Абдуррахманъ-хана къ себѣ въ Гиссаръ, гдѣ находился тогда по случаю экспедиціи противъ отложившихся бековъ. Сухой пріемъ и прекращеніе субсидій на содержаніе, а затѣмъ сношенія эмира съ Ширъ-Али-ханомъ, требовавшимъ выдачи Абдуррахмана, все это послѣдній приписывалъ неудовольствію эмира на его сношенія съ русскими.

Въ декабрѣ 1869 г. Абдуррахманъ писалъ изъ Гузара, что, вслѣдствіе всеобщаго неудовольствія въ Авганистанѣ противъ эмира Ширъ-Али, онъ надѣется на быстрый успѣхъ и для этого проситъ: 1) назначить ему какой-нибудь пунктъ на Аму-Дарьѣ, гдѣ бы онъ могъ жить и сноситься со своими приверженцами и 2) снабдить его деньгами, такъ какъ преданное ему купечество находится теперь во власти Ширъ-Али-хана и потому средства его изсякли. «Тогда Авганистанъ и его богатства будутъ принадлежать Бѣлому Царю», соблазнялъ Абдуррахманъ. Однако-же, генералъ-губернаторъ устоялъ и поручилъ Абрамову повторить прежній отвѣтъ о нежеланіи нашемъ вмѣшиваться въ авганскія распри.

Опасенія за свою участь казались Абдуррахманъ-хану тѣмъ основательнѣе, что Ширъ-Али, во-первыхъ, не принялъ бѣжавшаго къ нему Катты-Тюря, старшаго сына бухарскаго эмира и, слѣдовательно, могъ разсчитывать на подобную же услугу, а во-вторыхъ, обѣщалъ бухарцамъ помощь Англичанъ оружіемъ и деньгами.

Все это заставило Абдуррахмана просить генералъ-губернатора уже о томъ только, чтобы мы какъ нибудь выручили его изъ Бухары, гдѣ онъ и его авганцы жили подъ строгимъ надзоромъ и во всемъ нуждались. «Вамъ извѣстно, писалъ принцъ, что наша страна поддалась покровительству англичанъ. Я же возложилъ надежду на васъ, потому что мнѣ очень хорошо извѣстно, что владѣнія Бѣлаго Царя гораздо обширнѣе нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ, вмѣстѣ взятыхъ. Прибывъ чрезъ Визири въ Мешедъ и узнавъ тамъ, что Иранъ (Персія) подчинился покровительству Бѣлаго Царя, я отправился черезъ туркменскую степь рода Текке въ Ургенчъ (Хиву), съ цѣлью пробраться къ вамъ». Считая себя поэтому гостемъ России, Абдуррахманъ-ханъ просилъ, чтобы мы потребовали для него отъ эмира свободнаго пропуска.

Тогда генералъ-губернаторъ рѣшился, наконецъ, отвѣчать хану и, въ письмѣ отъ 7 февраля 1870 г., обѣщалъ ему радушный пріемъ, но предупредилъ, что надежды его на матеріальную помощь для осуществленія видовъ его, относительно Авганистана, останутся тщетными. «Настоящій правитель Авганистана, пояснилъ генералъ-губернаторъ, признанъ за-

коннымъ владѣтелемъ этого края дружественною съ нами державою — Англіею, и до тѣхъ поръ, пока онъ не нарушитъ миръ и спокойствіе на границѣ съ Бухарою, я не имѣю основанія видѣть въ немъ нашего врага».

Абдуррахманъ-ханъ, не дождавшись этого письма, вышелъ изъ Бухары. 13 февраля 1870 г. онъ уже прибылъ въ Самаркандъ со свитою въ 221 человѣкъ *). Генералъ-губернаторъ разрѣшилъ ему прибыть на свиданіе въ Ташкентъ. Здѣсь Абдуррахманъ заявилъ новыя желанія: 1) получить отъ насъ 3000 ружей и 7 пушекъ, хотя бы изъ числа отбитыхъ нами у бухарцевъ; 2) сформировать отрядъ изъ авганцевъ и персіянъ, вышедшихъ въ разное время изъ Бухары; 3) получить разрѣшеніе отъ эмира поселиться не надолго въ Керки или Ширабадѣ, чтобъ оттуда разослать прокламаціи къ своимъ приверженцамъ въ Авганистанѣ и 4) не распускать своей свиты, чтобы не обратить воиновъ въ лавочниковъ, какъ это было сдѣлано съ партизанами Искандеръ-хана. Абдуррахманъ доказывалъ, что о сношеніяхъ его съ друзьями все равно извѣстно эмиру Ширъ-Али, а если тотъ и перехватитъ какое нибудь письмо, то вѣдь ничего новаго не узнаетъ, такъ какъ брань ему давно не новость. Да наконецъ не другъ же онъ Россіи, чтобы его щадить. На всѣ эти доводы генералъ-губернаторъ снова повторилъ ему, что въ дѣла его съ Ширъ-Али-ханомъ онъ не вмѣшается и ни деньгами, ни оружіемъ содѣйствовать ему не будетъ и что сношенія его съ своими приверженцами въ Авганистанѣ будутъ намъ непріятны. Только по вопросу о свитѣ Абдуррахману предоставлено было право оставить ее при себѣ въ Самаркандѣ на томъ содержаніи, которое будетъ ему назначено **). Такая постановка

*) Въ томъ числѣ: племянникъ его Исакъ-ханъ, 3 *зярная* (генерала), 9 *кумайдановъ*, 2 *азидана*, 4 *рисальдара*, 5 *сартиповъ*, 3 *капитана*, 14 *сяркердовъ* и 180 *аломановъ*.

**) Впослѣдствіи Абдуррахману отпускалось на содержаніе его самаго и его свиты 18,000 р. въ годъ. Такъ какъ сумма эта была весьма умѣренна для 221 чел., то ханъ распустилъ большую часть своей свиты. Въ 1873 г. онъ получалъ 25,260 р., а въ 1874 г. 24,700 р., т. е. на 960 р. меньше, вслѣдствіе убыли 2 авганцевъ (на каждаго выдается по 40 р. въ мѣсяцъ).

дѣла совершенно отвѣчала видамъ центральнаго правительства. Директоръ Азіятскаго Департамента т. с. Стремоуховъ сообщалъ напримѣръ (отъ 16 мая), что Абдуррахмана лучше было бы даже выслать внутрь Россіи во избѣжаніе всякихъ затрудненій. «Послѣ дружественнаго обмѣна мыслей, происходившаго по поводу средне-азіатскихъ дѣлъ съ англійскимъ кабинетомъ, правительство наше старается устранять все то, что, не представляя существенной пользы для насъ, можетъ служить поводомъ къ возбужденію недовѣрія», писалъ г. Стремоуховъ.

Для устраненія какихъ-либо недоразумѣній, возникающихъ обыкновенно вслѣдствіе ложныхъ слуховъ, сопровождающихъ всякое событіе, генералъ-губернаторъ увѣдомилъ кабульскаго эмира (письмомъ отъ 10 марта 1870 г.) о прибытіи Абдуррахманъ-хана и оказанномъ ему гостепріимствѣ. Это былъ кстати прекрасный случай познакомить эмира съ принятою нашимъ правительствомъ системою дѣйствій.

«Владѣнія Бѣлаго Царя въ Туркестанѣ, писалъ генералъ-губернаторъ, и земли нынѣ вамъ подчиненныя, не имѣютъ общей границы,—насъ раздѣляетъ бухарское ханство, правитель котораго эмиръ Сеидъ-Музаффаръ, заключивъ миръ съ Россіею, состоитъ въ дружбѣ и подъ покровительствомъ Великаго Императора Всероссійскаго. Поэтому между нами не можетъ быть никакихъ столкновеній и недоразумѣній, и мы, хотя и дальніе сосѣди, можемъ и должны жить въ мирѣ и согласіи. Я не намѣренъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Авганистана, какъ потому, что вы состоите подъ покровительствомъ англійскаго правительства, которое, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, находится въ дружбѣ и согласіи съ правительствомъ Бѣлаго Царя, такъ и потому, что не вижу, съ вашей стороны, никакого вмѣшательства въ дѣла бухарскія. Авганистанъ и Бухара не должны имѣть ничего общаго между собою и каждое изъ этихъ ханствъ должно жить своею собственною жизнью, не заботясь о томъ, что дѣлается у сосѣда».

Письмо это также совпало, даже и по времени, съ мнѣніемъ князя-канцлера, выраженнымъ 18 марта въ письмѣ къ генералъ-губернатору. Канцлеръ писалъ, что въ виду замѣтнаго переворота въ общественномъ мнѣніи, совершившагося въ послѣднее время, благодаря *откровенному обмѣну мыслей* между министерствомъ и лондонскимъ кабинетомъ—намъ необходимо принять мѣры къ устраненію также и въ Средней Азіи *всякихъ ложныхъ слуховъ*. Баронъ Брунновъ, нашъ посланникъ при сенъ-джемскомъ кабинетѣ, находилъ, однакоже, (депеша 18-го марта 1870 г.), что непосредственныя сношенія туркестанскаго генералъ-губернатора съ авганскимъ эмиромъ не должны бы имѣть мѣста, что всѣ переговоры должны бы сосредоточиваться въ С.-Петербургѣ, такъ какъ только глава кабинета—канцлеръ, одинъ можетъ судить, о чемъ надо говорить, о чемъ молчать. Понятно, что въ виду Высочайше дарованнаго генералу фонъ-Кауфману политическаго полномочія — такой взглядъ, какъ идущій въ разрѣзъ съ этимъ полномочіемъ, не могъ быть принятъ къ свѣдѣнію.

Между тѣмъ сближеніе Ширъ-Али-хана съ англичанами произвело на его подданныхъ не вполнѣ ему благопріятное впечатлѣніе. Стремленіе ослабить вліяніе сердарей, правителей провинцій, изъятіе изъ ихъ вѣдѣнія войскъ и источниковъ финансовъ,—также увеличивало число недовольныхъ. На свиданіи въ Умбалѣ, какъ извѣстно по сообщеніямъ изъ Авганистана, условлено было: 1) что Ширъ-Али-ханъ вышлетъ въ Остъ-Индію нѣсколько наиболѣе вліятельныхъ и наименѣе расположенныхъ къ Англіи лицъ, 2) что онъ запретитъ своему народу носить оружіе, которое и отберетъ, 3) что онъ устроитъ регулярную армію въ 40,000 человѣкъ, которыхъ и размѣститъ въ Балхѣ и Гератѣ, для противодѣйствія Россіи и Персіи, 4) что жалованье будетъ выдаваться только однѣмъ регулярнымъ войскамъ и 5) что вмѣстѣ съ нимъ въѣдетъ въ Кабулъ и англійскій повѣренный.

Англичане, съ своей стороны, обѣщались: 1) выдавать ему

ежегодно 12 лакъ рупій, *) 2) содержать на свой счетъ 15,000 войска, расположеннаго въ Кабулѣ и Балхѣ, по разсчету: пѣхотному солдату 10 рупій, а конному 30 рупій въ мѣсяцъ, 3) прислать своихъ офицеровъ для обученія авганскаго войска, 4) прислать также своихъ оружейниковъ и литейщиковъ и 5) прислать для войска эмира 12,000 ружей и 10 орудій.

Почти всѣ эти условія были выполнены въ дѣйствительности, такъ что нѣтъ основанія не вѣрить существованію остальныхъ. Ширъ-Али-ханъ началъ съ обезоруженія своихъ подданныхъ: онъ объявилъ запрещеніе носить оружіе и приказалъ сдавать его въ казну за соотвѣтственное вознагражденіе, какое будетъ назначено. Мѣра эта возбудила такое неудовольствіе и сопротивленіе, что эмиръ отъ нея наконецъ отказался. Арестованіе же нѣкоторыхъ вліятельныхъ авганцевъ и высылка ихъ въ Остъ-Индію, прекращеніе выдачи жалованья конницѣ, а главное, наборъ солдатъ въ новую армію до того усилили волненіе умовъ, что во многихъ провинціяхъ Авганистана вспыхнуло открытое возстаніе.

«Отъ мала до велика всѣ видятъ, что Англичане хотятъ, при посредствѣ Ширъ-Али хана, взять съ насъ цѣну пролитой нами англійской крови», писали родственники Абдуррахмана. **).

«Большинство начальниковъ авганскихъ, писалъ русскій уполномоченный въ Тегеранѣ (депеша отъ 18 марта 1870 г.) отказали доставить требуемыхъ солдатъ, объявивъ, что они не хотятъ служить своимъ смертельнымъ врагамъ — англичанамъ».

Возстаніе 1870 года охватило роды: Гильзей, Сулейманъ-Хиль, Кюнстанлыкъ, Андари, Тухи и Тереги. Инсуррекція насчитывала уже съ самаго начала до 50,000 человѣкъ, и по-

---

*) Рупія равняется 60 копѣйкамъ. Лакъ содержитъ въ себѣ 100,000 рупій, слѣдовательно, 12 лакъ составляетъ 1,200,000 рупій, или 720,000 рублей серебр.

**) Намекъ на 1840 годъ.

тому неудивительно, что войска Ширъ-Али потерпѣли неудачу, потерявъ, въ первыхъ же стычкахъ, до 1,200 убитыми и 4 орудія. Тѣмъ неменѣе восстаніе было подъ конецъ подавлено.

Въ концѣ августа 1870 г. полученъ былъ отвѣтъ эмира Ширъ-Али-хана, который между прочимъ писалъ:

«Когда я получилъ отъ васъ такія обѣщанія, что русское правительство ни тайно, ни явно, посредствомъ войска, не будетъ вмѣшиваться въ авганскія дѣла и что враги Авганистана не получатъ отъ васъ помощи—я безмѣрно тому обрадовался». Затѣмъ эмиръ сообщилъ, что по полученіи письма генералъ-губернатора, онъ совѣтовался съ Остъ-Индскимъ вице-королемъ и приказалъ всѣмъ пограничнымъ начальникамъ не вмѣшиваться въ дѣла сосѣдей, не безпокоить ихъ и не пропускать за границу вооруженныхъ партій. «Все вышеизложенное, добавилъ эмиръ, опредѣлено не однимъ мною, а по совѣщанію съ представителемъ англійскаго правительства—намѣстникомъ Индіи, который очень хорошо понимаетъ дружескія отношенія, существующія между его правительствомъ и Русскимъ Царемъ. Изъ разговора съ нимъ я вполнѣ убѣдился въ дружбѣ двухъ правительствъ и теперь увѣренъ, что въ моемъ государствѣ водворится спокойствіе».

Такимъ образомъ, цѣль генералъ-губернатора была достигнута: наша политическая программа уяснена какъ Остъ-Индскому, такъ и кабульскому правительствамъ, заслуживъ полное ихъ одобреніе.

Такого же одобренія удостоилась она и со стороны великобританскаго кабинета. Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, отношеніемъ отъ 29 іюля 1870 года, увѣдомилъ генералъ-губернатора, что копія письма его къ Ширъ-Али-хану была сообщена нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Лондонѣ и что «Великобританское правительство, до свѣдѣнія котораго повѣренный въ дѣлахъ довелъ о содержаніи означеннаго письма, поручило своему послу при Высочайшемъ Дворѣ выразить Императорскому правительству признательность за высказанную вполнѣ дружескую расположенность Россіи, относительно Англіи».

Еще раньше англійское правительство внушило Ширъ-Али-хану, чтобы онъ умѣрилъ свою предпріимчивость, относительно сосѣдей его на сѣверѣ и западѣ. Лордъ Майо заявилъ Ширъ-Али-хану, что между Англіею и Россіею существуетъ полное согласіе, относительно образа дѣйствій въ Средней Азіи и что затѣмъ Авганистану не слѣдуетъ предпринимать ничего враждебнаго противъ Россіи. На это Ширъ-Али отвѣтилъ, что онъ не только не имѣетъ намѣреній дѣйствовать противъ русскихъ интересовъ, но даже не будетъ давать въ своихъ владѣніяхъ убѣжища лицамъ, непріязненнымъ Россіи.

Поводомъ къ дальнѣйшей перепискѣ послужило намѣреніе племянника эмира—подполковника нашей службы Искандеръ-хана—возвратиться въ Кабулъ. Генералъ-губернаторъ сообщилъ эмиру объ этомъ желаніи и просилъ его принять названнаго принца милостиво и воспользоваться пріобрѣтенными имъ въ Россіи свѣдѣніями.

Я позволю себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ принцѣ. Искандеръ-ханъ, безспорно, весьма способный человѣкъ, что блистательно доказано имъ отступленіемъ изъ Нураты къ Джизаку, на протяженіи слишкомъ 200 верстъ съ горстью людей въ виду массы бухарцевъ. Настойчивость и упрямство въ достиженіи цѣли доказаны имъ быстрыми успѣхами въ изученіи языковъ русскаго и французскаго. Прикомандированный къ лейбъ-гвардіи гусарскому Ея Величества полку съ содержаніемъ въ 4,000 р. онъ оказался вдругъ *не у дѣлъ*, и безъ движенія по службѣ, что сильно уязвило его самолюбіе.

Вотъ что писалъ онъ отъ 3 іюня 1871 г. къ автору этихъ строкъ, пользовавшемуся чисто братскою дружбою хана. «Я до сихъ поръ находился при полку нигдѣ не считавшійся, какъ лишній зубъ... и такъ меня не произвели во время... и не считаюсь ни въ фронтовой, и ни въ нестроевой, а также не въ инвалидахъ. Я занимаю почетное мѣсто, называемый *ничего*—

безъимянная должность»... *). На бѣднаго хана смотрѣли какъ на дикаго подполковника, которому ничего поручить нельзя, а учить не стоитъ! Понятно, какъ это оскорбляло его, а тутъ еще присоединилось новое обстоятельство: одинъ изъ приближенныхъ его — Рамдиль-ханъ, принятый юнкеромъ въ конвой, разъ на ученьи былъ задѣтъ адъютантомъ.

Надобно замѣтить, что въ милиціи, которою я командовалъ въ концѣ компаніи 1868 года, Рамдиль-ханъ, занималъ должность сотеннаго командира **), числясь въ спискахъ зауряд капитаномъ. За отличія, оказанныя имъ въ дѣлахъ съ бухарцами, я представилъ его, въ числѣ немногихъ, къ высшей наградѣ волонтера: знаку отличія военнаго ордена, и только за неимѣніемъ въ наличности знаковъ, для нехристіанъ установленныхъ, генералъ-губернаторъ пожаловалъ ему золотую медаль на георгіевской лентѣ.

Искандеръ-ханъ, конечно, вступился за своего друга и потребовалъ отъ адъютанта извиненія передъ фронтомъ. Произошла размолвка съ начальникомъ конвоя. Ханъ вызвалъ его на дуэль. Вызовъ, конечно, принятъ не былъ и такъ какъ неугомонный ханъ объявилъ, что сдѣлаетъ своему противнику сцену при первой встрѣчѣ во дворцѣ, то и былъ арестованъ на дворцовой гауптвахтѣ на 6 дней. Рамдиль-ханъ и юнкера, стоявшіе во фронтѣ рядомъ съ нимъ, а потому видѣвшіе все дѣло, были также арестованы и высланы по этапу на родину.

Искандеръ-ханъ тотчасъ же вышелъ въ отставку, затѣмъ вошелъ въ сношенія съ англійскою миссіей, получилъ разрѣшеніе на выѣздъ за-границу и уѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ былъ принятъ какъ принцъ ***). Богатая Англія въ этихъ случаяхъ щеголяетъ щедростью и русскій подполковникъ вмѣсто четы-

---

*) Я сохранилъ правописаніе подлинника именно съ цѣлью показать успѣхи хана въ русскомъ языкѣ.

**) У меня было сформировано три сотни.

***) Рамдиль-ханъ былъ отпущенъ вмѣстѣ съ нимъ, для чего былъ возвращенъ съ дороги.

рехъ тысячъ *рублей* сразу перешелъ на четыре тысячи *фунтовъ!*

Какъ другъ, Искандеръ-хана я радуюсь за него, ибо покровительство Англіи лучше устроитъ его дѣла, чѣмъ наше. Но какъ русскій я скорблю за наше неумѣніе пользоваться людьми. Искандеръ-ханъ ничѣмъ не хуже большинства нашихъ штабъ-офицеровъ, но если ужь его не считали годнымъ какъ офицера, то онъ могъ бы быть современемъ прекраснымъ вассальнымъ намъ бекомъ Шахрисябза, Каратегина, Кашгара или даже Бухары, Кокана, Хивы... Для этого въ немъ имѣлись всѣ данныя. Не надобно забывать, что Искандеръ-ханъ принадлежитъ къ фамиліи, которую погубила Англія, къ фамиліи, которая въ свою очередь мстила въ сороковомъ году... Такіе счеты были бы для насъ лучшимъ залогомъ.

На письмо генералъ-губернатора, по поводу Искандеръ-хана, эмиръ кабульскій отвѣчалъ полнымъ согласіемъ принять, опальнаго до этого времени, принца. Генералъ-губернаторъ, въ свою очередь, поздравилъ эмира съ окончаніемъ междуусобій въ Авганистанѣ.

Изъ всего сказаннаго о сношеніяхъ нашихъ съ эмиромъ видно только, что онъ совершенно подчинился вліянію англичанъ и служитъ въ ихъ рукахъ послушнымъ орудіемъ, а этого, конечно, нельзя считать гарантіей постоянства политики Авганистана и всегдашнихъ мирныхъ его къ намъ отношеній.

Стремясь создать себѣ изъ Авганистана живой оплотъ противъ Россіи, англичане забыли свою кровную вражду, свои старые счеты съ авганцами, отказались навсегда отъ завоеваній въ эту сторону и снабжаютъ своего бывшаго врага оружіемъ и деньгами. Авганцы очень хорошо понимаютъ, откуда повѣяла такая перемѣна и, получая жалованье, оружіе и боевые припасы отъ англичанъ, воспитываются понемногу въ мысли, что рано или поздно все это должно быть употреблено противъ русскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ ожиданіе перейдетъ въ *желаніе* сразиться, а надежда на непосредственную помощь англичанъ и возможность обширнаго союза

со всѣми нашими мусульманскими сосѣдями, придастъ авганцамъ смѣлость и самоувѣренность.

Постоянное стремленіе авганцевъ къ Аму-Дарьѣ, до которой доходили прежде только ихъ разъѣзды, намѣреніе перешагнуть эту рѣку и выстроить на правомъ ея берегу укрѣпленія, постоянныя сношенія и даже вмѣшательства въ дѣла вассальныхъ бухарскихъ владѣній—все это не обѣщаетъ намъ въ Авганистанѣ особенно спокойнаго сосѣда. Воинственное населеніе неспособное къ труду, презирающее земледѣліе и торговлю, будетъ, конечно, искать выхода изъ очарованнаго круга мира, тишины и спокойствія, въ который ихъ думаютъ заключить англичане своимъ проектомъ нейтрализаціи Авганистана. Если только прекратятся когда нибудь междуусобія, составляющія совершенно нормальное явленіе въ странѣ, населеніе которой до того склонно къ грабежу, что, за неимѣніемъ чужихъ, грабитъ и своихъ, то народъ найдетъ себѣ занятіе во внѣшнихъ предпріятіяхъ.

Власть эмира безсильная противъ членовъ собственнаго дома, пользующихся каждымъ продолжительнымъ отсутствіемъ главы фамиліи, чтобы удовлетворить своему тщеславію, или достичь какой нибудь мелкой цѣли—не можетъ еще рискнуть на сопротивленіе голосу народа, который, напримѣръ, не чувствуетъ еще своевременнымъ снять свое оружіе.

Всѣ эти соображенія указываютъ на непрочность и шаткость основаній, на которыхъ построена англичанами живая нейтральная стѣна, раздѣляющая наши владѣнія. Рано или поздно эта стѣна сама двинется въ ту или другую сторону, если не будетъ разрушена раньше чьимъ нибудь могучимъ натискомъ.

Извѣстно уже, что переговоры, возникшіе между Англіей и Россіей по поводу послѣдней хивинской экспедиціи, привели къ признанію нами нейтралитета Авганистана вмѣстѣ съ Бадахшаномъ и Ваханомъ, которые находились въ это время въ какой-то воображаемой зависимости отъ Ширъ-Али.

Такимъ образомъ, Англія протянула уже руку къ Аму-Дарьѣ...

Ширъ-Али выдалъ свою дочь за бадахшанскаго правителя и послалъ ему въ подарокъ нѣсколько тысячъ ружей и какія-то лодки—подарки, очевидно, англійскіе, такъ какъ ружьями не богатъ и самъ Ширъ-Али, чтобы еще дарить ими сосѣдей.

Въ 1873 году, одновременно съ движеніемъ русскихъ къ Хивѣ, авганцы потянулись къ Бадахшану и точно также стали на Аму-Дарьѣ. Бадахшанцы однакоже не выказываютъ особенной склонности подчиняться чужеземному владычеству и со времени занятія Бадахшана авганскими войсками, т. е. съ 1873 года — тамъ уже было два возстанія. Душою агитаціи служитъ *Жегандаръ-шахъ*, бывшій бадахшанскій эмиръ. Теперь, послѣ неудавшейся попытки въ августѣ 1874 года—Жегандаръ-шахъ ушелъ къ туркменамъ. Можно, однако же, надѣяться, что возстанія будутъ повторяться періодически, а безпорядки въ другихъ областяхъ вынудятъ кабульскаго эмира отозвать войска изъ Бадахшана.

Въ самомъ Авганистанѣ безпрерывно возникаютъ болѣе или менѣе серьезные безпорядки вслѣдствіе непомѣрныхъ налоговъ и рекрутскихъ наборовъ. Къ этому присоединилась еще и распря въ семьѣ эмира Ширъ-Али.

Старшій сынъ его Якубъ-ханъ управлялъ до послѣдняго времени Гератомъ и считался наслѣдникомъ престола. Истый авганецъ, онъ не скрывалъ своего неудовольствія по поводу политики отца, ставшаго покорнымъ слугою англичанъ. Такое настроеніе наслѣдника престола, конечно, могло внушить англичанамъ опасеніе за будущее и вотъ покорный Ширъ-Али объявляетъ своимъ наслѣдникомъ малолѣтняго *Абдуллу-Джана*.

Во всѣхъ азіятскихъ ханствахъ старшій сынъ царствующаго эмира всегда имѣетъ своихъ особыхъ почитателей, заискивающихъ въ будущемъ владыкѣ въ ожиданіи великихъ и богатыхъ милостей. Возможность имѣть свою партію часто

увлекала предпріимчивыхъ принцевъ въ погоню за властью. Сынъ зачастую подымалъ руку на отца.

Такъ случилось и на этотъ разъ: Якубъ-ханъ выступилъ съ войсками изъ Герата съ цѣлью устранить отца отъ престола. Ширъ-Али пошелъ на встрѣчу. Войска обѣихъ сторонъ сошлись уже для боя къ Кандагару, но тутъ Ширъ-Али вздумалъ испытать обычное азіятское средство: заманить противника въ засаду, подъ предлогомъ совѣщаній. Средство это удалось и довѣрчивый Якубъ-ханъ попался. Отвезенный въ Кабулъ, онъ былъ посаженъ въ тюрьму. Всѣ ожидали казни, но вмѣшательство осторожнаго остъ-индскаго правительства измѣнило все дѣло: англичане совершенно основательно опасались, что казнь Якубъ-хана повлечетъ за собою поголовное возстаніе въ Авганистанѣ, а затѣмъ и сверженіе ненавистнаго народу Ширъ-Али, который чуть-ли не одинъ на своихъ плечахъ выноситъ всю тяжесть англійской дружбы. Нѣтъ сомнѣнія, что съ паденіемъ Ширъ-Али въ Авганистанъ ринутся цѣлыя стаи крупныхъ и мелкихъ претендентовъ, сдерживаемыхъ пока могуществомъ кабульскаго самодержца.—Знаютъ англичане, что преданія о *Пайенде-ханѣ* еще живы, что Достъ-Магомета и его линію всетаки считаютъ узурпаторами, что въ Самаркандѣ изныватъ отъ бездѣйствія энергичный Абдуррахманъ-ханъ, который въ случаѣ нужды, конечно, съумѣетъ обмануть бдительность русскихъ властей... Знаютъ наконецъ, что на Гератъ давно зарятся сыновья султана Ахмета, среди которыхъ выдаются такія личности какъ Шехнавазъ-ханъ, высматривающій изъ Тегерана осторожно и терпѣливо свою минуту, или какъ Искандеръ-ханъ — человѣкъ образованный и настойчивый.

Все это заставило англичанъ вступиться за Якубъ-хана, но еще неизвѣстно. чѣмъ все это кончится. Весьма возможно, что Якубъ-хана ослѣпятъ или онъ умретъ скоропостижно. Достовѣрно пока то, что Гератъ занятъ уже войсками эмира.

С. Роулинсонъ въ послѣдней книгѣ своей (Англія и Россія на Востокѣ) разсказываетъ на стр. 352, что генералъ

Кауфманъ писалъ къ Ширъ-Али-хану письмо, въ которомъ выражалъ свой ужасъ относительно возмущенія Якубъ-хана, а когда тотъ покорился, то генералъ поздравилъ эмира. «Это, говоритъ Роулинсонъ, повидимому, необыкновенно понравилось эмиру, который сопоставлялъ письмо съ вмѣшательствомъ вице-короля въ пользу Якубъ-хана. «Англичанинъ поддерживаетъ сыновей противъ отцовъ, а русскіе поддерживаютъ власть отцовъ надъ сыновьями», сказалъ эмиръ. Возможно, что это ничтожное обстоятельство могло способствовать охлажденію эмира къ его англійскимъ союзникамъ».

Таково настоящее положеніе дѣлъ въ Авганистанѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ этой странѣ грозятъ серьезныя потрясенія, которыми не приминетъ воспользоваться Англія, слѣдуя своей обычной политикѣ: обѣщать поддержку одному изъ претендентовъ подъ условіемъ послушанія и покорности.

ГЛАВА X.

Отношенія къ Англіи. — Учрежденіе остъ-индской компаніи въ 1599 году. — Счастливый лекарь. — Система грабежа и разбоя. — Контрольное бюро съ 1784 г.— Прекращеніе торговли въ 1834 г. — Политика Англіи по отношенію къ державамъ, имѣвшимъ колоніи въ Остъ-Индіи. — Проектъ Павла I сокрушить остъ-индскую компанію. — Замѣчанія Наполеона I. — Стремленіе англичанъ подчинить себѣ Персію. — Войны Персіи съ Россіей. — Гюлистанскій и туркманчайскій договоры. — Усиленіе русскаго вліянія. — Графъ Симоничъ. — Мечта объ авганскомъ союзѣ подъ гегемоніей Россіи. — Ударъ русскому вліянію. — Значеніе для насъ Персіи. — Одновременное движеніе русскихъ и англичанъ: первыхъ въ Хиву а послѣднихъ въ Кабулъ. — Возстаніе авгановъ. — Военныя хитрости. — Позорное поведеніе англійскихъ генераловъ. — Англійскіе агенты въ ханствахъ. — Сравненіе Шекспира съ Никифоровымъ. — Паденіе виговъ и перемѣна англійской политики. — Новыя интриги англичанъ въ періодъ восточной войны. — Движеніе кокандцевъ къ форту Перовскій въ декабрѣ 1853 года. — Картографическій вопросъ. — Черняевское рѣшеніе задачи. — Дипломатическая компанія.

Въ виду возможности пробраться въ Индію чрезъ Россію, англичане составили въ концѣ XVI столѣтія русско-индійскую компанію, но въ послѣдній день послѣдняго года этого столѣтія т. е. 31 декабря 1599 г. королева Елизавета подписала уставъ знаменитой остъ-индской компаніи, которой дана была 15 лѣтняя привиллегія на монопольную торговлю по всѣмъ морямъ отъ мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива. Сухопутный трактъ былъ покинутъ.

Остъ-индская компанія начала дѣло съ капиталомъ въ 80,000 фунтовъ, т. е. около 560,000 рублей, раздѣленнымъ на 100 акцій. Первыя же предпріятія были на столько удачны, что акціонеры, въ теченіи десяти лѣтъ, получали 170% дивиденда.

Первая колонія англичанъ заложена была въ Суратѣ въ

1612 г. Затѣмъ устроены были факторіи въ Мадрасѣ и Бомбеѣ. Но первое время компанія не имѣла права заводить военныя поселенія, какъ это было у голландцевъ и португальцевъ. Только въ 1686 г. Яковъ II, въ виду нападеній монголовъ и соперничества французской компаніи (основанной въ 1604 г.), далъ остъ-индской компаніи право держать войска, вести войну и заключать миръ со всѣми народами *не христіанскими*.

Съ этихъ поръ начинается политическая роль компаніи, въ особенности когда въ 1707 году всѣ частныя, второстепенныя, акціонерныя общества слились съ нею въ одно цѣлое.

Вторженіе англичанъ въ сѣверную Индію произошло слѣдующимъ образомъ: лекарь *Буфтонъ*, отправленный, при посольствѣ, изъ Сурата въ Агру къ императору Джегану, спасъ жизнь любимой его дочери и получилъ за то право свободной торговли во всемъ царствѣ. Компанія купила это право у лекаря и тотчасъ основала контору въ Госли на рукавѣ Ганга, въ Бенгаліи. Затѣмъ явились конторы въ Чимбалорѣ и Патосѣ.

Въ 1686 г. вслѣдствіе распри гослійской конторы съ бенгальскимъ набобомъ, англичане перешли на лѣвый берегъ рукава и заложили здѣсь Калькутту. Въ 1700 г., пользуясь нуждою императора, компанія скупила земли вокругъ конторы въ Госли и устроила тамъ фортъ Вильямъ, который, однакоже, въ 1756 былъ взятъ набобомъ, задушившимъ весь гарнизонъ. Посланный для отомщенія полковникъ *Клейвъ* разбилъ набоба и, подъ предлогомъ войны Англіи съ Франціей, разорилъ всѣ заведенія французовъ на низовьяхъ Ганга.

По мирному договору англичане получили отъ императора всю Бенгалію до сел. Джумны, обязавшись за то выплачивать ежегодно, въ видѣ пенсіи, 2,033,375 р. сер. Впрочемъ, войска англійскія, назначенныя для охраненія Бенгаліи, содержались на счетъ бенгальскаго набоба. Этимъ договоромъ было положено начало той системѣ, которой съ тѣхъ поръ постоянно держалась компанія, поставившая вскорѣ почти всю Индію въ вассальную къ себѣ зависимость.

Такая политика, впрочемъ, не была новостью: еще въ 1717 году, отправляя Бековича въ Хиву и Бухару, Петръ Великій поручилъ ему уговорить хановъ принять для охраны русскую гвардію, и содержать ее на свой счетъ.

Тотъ же Клейвъ прославился, вмѣстѣ съ Гастингсомъ, въ войнѣ съ маратами и съ Гайдеръ-Али, султаномъ мизорскимъ. Ни измѣной, ни жестокостью, ни вѣроломствомъ, ни подкупомъ—ничѣмъ не брезгали англичане и когда Типо-саибъ, наслѣдникъ Гайдеръ-Али, палъ при взятіи Велеслеемъ (Велингтономъ) Серингапатама въ 1799 г., то остъ-индская компанія сдѣлалась великою державою.

Въ средѣ англійскаго народа, или вѣрнѣе—въ средѣ его представителей въ парламентѣ находились, однакоже, люди и съ честными взглядами: они не разъ возбуждали протесты противъ системы грабежа и разбоя, которая практиковалась компанейскими уполномоченными въ званіи генералъ-губернаторовъ.

Первый герой компаніи, Робертъ Клейвъ—первый и попалъ подъ судъ. Къ общему удивленію онъ оказался бѣднякомъ — онъ грабилъ въ пользу компаніи, а не въ свою собственную.

Слѣдующій за нимъ былъ Варренъ Гастингсъ. Поступивъ 17-ти лѣтъ отъ роду писцомъ въ контору компаніи, Гастингсъ черезъ 7 лѣтъ промѣнялъ перо на шпагу и сдѣлался волонтеромъ въ войскахъ Клейва. Еще чрезъ 17 лѣтъ, т. е. на 41-мъ году отъ роду, онъ уже назначенъ былъ остъ-индскимъ генералъ-губернаторомъ въ 1773 году. Гастингсъ распинался за своихъ хозяевъ: не было мерзости, на которую бы онъ не рѣшился, чтобы только добыть для компаніи лишній грошъ. Случится-ли дефицитъ, надо-ли платить по векселю—онъ ведетъ войска на грабежъ! Но войска нерѣдко объявляютъ все награбленное своею собственностью и ничего не даютъ компаніи—тогда берется за дѣло самъ генералъ-губернаторъ: онъ пытаетъ слугъ, евнуховъ и придворныхъ какого-нибудь владѣтеля, вымучиваетъ отъ нихъ признаніе, гдѣ скрыты сокровища и забираетъ ихъ... Но Гастингсъ не Клейвъ: обогащая алчныхъ купцовъ, онъ не забывалъ и себя. Это давало ему возможность дѣлать истинно-царскіе подарки разнымъ вліятельнымъ лицамъ, которые впослѣдствіи ему и пригодились. Цѣлыхъ 10 лѣтъ тянулся судъ надъ Гастингсомъ (съ 1785 по 1795) и палата лордовъ оправдала его... Напрасно гремѣлъ знаменитый Шериданъ противъ человѣка, который грабилъ индійскихъ владѣтелей, пыталъ и казнилъ паріевъ, который «или тиранствуетъ, или обкрадываетъ, или лжетъ»—все это оправдывалось *государственною необходимостью* и принципами купеческой конторы!

Вотъ какъ характеризовалъ эти принципы Шериданъ въ обвинительной рѣчи своей передъ палатой общинъ 7-го окт. 1785 года:

«Мнѣ помнится, я слышалъ отъ одного джентльмена г-на Дундаса, что въ конституціи и въ образѣ правленія остъ-индской компаніи есть существенныя условія, которыя неизбѣжно придаютъ всѣмъ ея дѣйствіямъ характеръ хищничества и насилія, которымъ ознаменовались первые шаги ея въ Индіи. Говорятъ, что ко всѣмъ ея политическимъ замысламъ и ко всѣмъ ея наилучшимъ и наиболѣе смѣлымъ предпріятіямъ необходимо примѣшивается жадность мелочнаго лавочника и дерзость разбойника. Послы и военачальники, назначаемые компаніей для исполненія какихъ бы то ни было военныхъ и гражданскихъ дѣйствій, являются торгашами, всегда готовыми на самыя двусмысленныя денежныя сдѣлки. Осаждаются города потому только, что для компаніи подходитъ время уплатить по выданному ею векселю; мѣстные владѣтели лишаются престоловъ для сведенія баланса въ какомъ либо компанейскомъ счетѣ. Кровавые призраки вызываются компаніей въ помощь мелкому барышничеству и, занося одною рукою мечъ, она другою рукою жадно обшариваетъ карманы!»

Понятно, что такая компанія — одѣтыхъ во фраки и бѣлые галстухи—разбойниковъ—не могла покинуть своего под-

ручнаго. Самый широкій подкупъ, самыя щедрыя обѣщанія пущены были въ дѣло. Если нельзя было ничѣмъ опровергнуть доводовъ обвиненія, то старались хотя бы о томъ, чтобы отложить баллотировку вопроса «въ тѣхъ видахъ, чтобы прежде произнесенія какого бы-то ни было рѣшенія, освободиться изъ того очарованнаго круга, въ который палата поставлена ораторомъ». Засѣданіе отлагалось, впечатлѣніе забывалось, а тѣмъ временемъ закупленные органы печати подтачивали самый корень обвиненія, извращая факты, объясняя ихъ на всевозможные лады и выгораживая своего кліента.

Словомъ, Гастингсъ былъ оправданъ и присужденъ только къ уплатѣ судебныхъ издержекъ. Эти издержки уплатила компанія. Она сверхъ того, наградила Гастингса пожизненною пенсіею въ 4,000 фунт. стерлинговъ.

Однакоже, прежде чѣмъ приступили къ суду, Питтъ младшій предложилъ въ 1784 году билль объ учрежденіи *контрольнаго бюро* для верховнаго надзора за дѣлами компаніи, такъ какъ она вышла уже за предѣлы частнаго предпріятія.

Пріобрѣтенія, однако, шли своимъ чередомъ: въ 1801 набобъ удскій, взамѣнъ дани, на него наложенной, уступилъ 32,000 квадр. миль съ 15 милліонами жителей, а въ 1803 г. султанъ делійскій, сохранивъ титулъ императора, сѣлъ на пенсію. Побѣды въ Напалѣ въ 1818 подвинули владѣнія англичанъ до горъ Гамалайскихъ.

Въ 1834 г. торговая монополія компаніи была окончательно уничтожена, поэтому компанія *прекратила* торговыя операціи и занялась исключительно только управленіемъ Остъ-Индіи — это была уже не коммерческая, а можно сказать *правительствующая* компанія: вся движимая и недвижимая собственность ея отошла къ государству (крѣпости, факторіи и земли), а *доходы* страны и управленіе ею остались за компаніей.

Въ 1853 г. въ іюнѣ вспыхнуло знаменитое возмущеніе сипаевъ—регулярнаго войска изъ туземцевъ — и хотя къ марту 1859 оно было усмирено съ жестокостью чисто англійскою, но все-таки билемъ 1-го сентября того же года управленіе

страною отнято у компаніи и поручено особому намѣстнику или вице-королю.

Англія пользовалась всякимъ случаемъ затѣять на континентѣ Европы какую нибудь ссору съ государствами, имѣвшими колоніи въ Индіи и тотчасъ забирала эти колоніи, устраняя такимъ нехитрымъ способомъ всѣхъ конкурентовъ.

Такимъ образомъ у французовъ осталось только 5 городовъ: *Маге*, *Каракалъ*, *Пондишери*, *Янаонъ* и *Шандернагоръ*; всѣ они занимаютъ только 10 квадр. миль и заключаютъ въ себѣ 255,000 жителей.

Португалія владѣетъ колоніями: *Гоа*, *Салцетой* и *Дамао* въ 73 кв. мили и въ 527,000 жителей. Голландцы не сохранили ничего.

Если сопоставить эти ничтожныя цифры съ такими какъ: 74,000 кв. миль и 239 милліоновъ народа, которыми мѣряетъ Англія свои остъ-индскія владѣнія, то результаты англійской политики очертятся достаточно ярко.

Нельзя сказать, чтобы вслѣдъ за голландцами, французами и англичанами не думали и мы добраться когда нибудь до Индіи. Извѣстна попытка Петра 1-го снарядить караванъ подъ начальствомъ поручика Кожина, для слѣдованія въ Индію. Мысль объ Индіи часто занимала умы русскихъ государственныхъ людей. Въ 1800 году чуть не осуществилась другая попытка:—Павла 1-го, попытка проникнуть въ сердце Индіи не «подъ видомъ купчины», а съ огнемъ и мечемъ!

Считаемъ не лишнимъ разсказать вкратцѣ всю эту исторію.

Въ іюнѣ 1799 года Англія вступила съ нами въ союзъ и на ея счетъ отправлены были изъ Ревеля въ Антверпенъ русскія войска подъ начальствомъ генерала Германа. Цѣлью дѣйствій была «Батавская республика». Потерпѣвъ пораженіе при Бергенѣ, Германъ посадилъ войска на суда, но англичане отвезли ихъ на о-ва Джерсей и Гернсей, гдѣ и покинули ихъ на произволъ судьбы... Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ обуви, въ одеждѣ — унесъ много жертвъ въ зиму 1800 года. Англичане рѣшительно не выполнили условій и

даже не хотѣли доставить назадъ русское войско. Понятно негодованіе русскаго Императора. Весной открыта была интрига англичанъ на Іоническихъ островахъ, гдѣ они старались подорвать вліяніе Россіи.—Все это заставило Павла отозвать, въ половинѣ апрѣля, своего посла. Корпусъ Германа, сдѣлался плѣннымъ...

Съ этого времени началось сближеніе съ Наполеономъ 1-мъ. Въ іюлѣ первый консулъ выслалъ 6,800 плѣнныхъ, снабдивъ ихъ полнымъ обмундированіемъ, оружіемъ и припасами. Такая неслыханная любезность отъ бывшаго врага, въ особенности при сравненіи съ поступками англичанъ, конечно, должна была произвести переворотъ въ политикѣ государя, такого скораго на рѣшенія, какъ Павелъ 1-й. Завязались сношенія съ Наполеономъ, явилась мысль отомстить Англіи, и вотъ составляется знаменитый проектъ похода въ Индію союзныхъ русско-французскихъ войскъ. Сущность проекта императора Павла заключалась въ слѣдующемъ *):

Цѣль экспедиціи — изгнать англичанъ безвозвратно изъ Индостана и водворить торговое преобладаніе Франціи. Здѣсь очевидно закидывалась удочка для Наполеона.

Участники: французская республика и россійскій императоръ выставляютъ по 35,000 чел., императоръ германскій пропускаетъ французское войско и сплавляетъ его по Дунаю въ Черное море.

Русскіе собираютъ въ Астрахани 25,000 регулярныхъ войскъ и 10,000 казаковъ. Отсюда корпусъ этотъ идетъ на судахъ въ Астрабадъ, гдѣ устраивается главная квартира союзныхъ армій и запасные магазины.

Французы отдѣляютъ 35.000 чел. отъ рейнской арміи и на баркахъ плывутъ по Дунаю 20 дней. Въ устьѣ рѣки ихъ ждутъ русскія транспортныя суда, которыя и перевезутъ французовъ въ Таганрогъ въ 16 дней. Отсюда по правому берегу Дона до Пяти-избянской станицы—20 дней, тутъ пере-

*) Подробности заимствованы изъ Русской Старины 1873 г. т. IX.

права на лѣвый берегъ. Затѣмъ переходъ къ Царицыну—4 дня и внизъ по Волгѣ къ Астрахани (на судахъ) — 5 дней и наконецъ Астрабадъ—черезъ 10 дней. Далѣе общій маршрутъ на Гератъ, Ферахъ, Кандахаръ и т. д. — Отъ Астрабада до Инда предполагалось 45 дней марша, всего же 120 дней или 4 мѣсяца, а безъ форсированныхъ маршей 5 мѣсяцевъ. Такъ, что если выступить въ началѣ мая, то къ концу сентября можно быть на мѣстѣ.

Средства исполненія: французы берутъ съ собой артиллерію *безъ* лошадей, кавалерію тоже безъ лошадей, но съ полнымъ конскимъ снаряженіемъ. Лагеря не берутъ, сухарей берутъ только на мѣсяцъ. — Впередъ посылаются, на почтовыхъ, коммиссары въ Таганрогъ, Царицынъ и Астрахань для *найма лошадей*, сбора подводъ и судовъ и покупки провіанта

Дѣлается сношеніе съ главнымъ управленіемъ колоніи евангелистовъ въ Саксоніи, чтобы оно дало приказъ сарептскимъ колонистамъ (вотъ оно государство-то въ государствѣ) о заготовленіи ими съ подряда *лагеря, одежды* и *аптеки.*

Лошадей для обоза, а также для артиллеріи и кавалеріи купить у казаковъ и калмыковъ. — Аммуниція, орудія и снаряды будутъ отпущены изъ арсеналовъ: Астраханскаго, Казанскаго и Саратовскаго. Провіантъ и фуражъ должны быть закуплены въ Россіи, а стада порціоннаго скота въ Персіи.

Порядокъ движенія: еще до отплытія русскихъ изъ Астрахани посылаются коммиссары съ прокламаціями для успокоенія попутныхъ владѣльцевъ и внушенія имъ, что цѣль движенія есть изгнаніе англичанъ, «поработившихъ эти прекрасныя страны, нѣкогда столь знаменитыя, могучія, богатыя... что ужасное состояніе угнетенія, злосчастія и рабства, въ которомъ нынѣ стенаютъ народы этихъ странъ внушило Франціи и Россіи живѣйшее къ нимъ участіе, и что вслѣдствіе этого оба правительства рѣшили соединить свои силы, чтобъ освободить Индію отъ *тиранническаго и варварскаго ига англичанъ*». — Затѣмъ слѣдовали обѣщанія: не брать ничего да-

ромъ, уважать религію, законы, обычаи, собственность и женщинъ.

Съ коммиссарами ѣдутъ инженеры для пополненія картъ замѣтками о привалахъ, переправахъ, мѣстныхъ препятствіяхъ и средствахъ къ ихъ устраненію.

По прибытіи въ Астрабадъ первой французской дивизіи выступаетъ въ походъ первый эшелонъ русскихъ войскъ. Въ авангардѣ идутъ 4—5 тысячъ казаковъ въ перемѣжку съ регулярной кавалеріей. За ними *понтоны*. Авангардъ наводитъ мосты и охраняетъ ихъ.

Передъ выступленіемъ изъ Астрабада предполагалось дать нѣсколько блестящихъ праздниковъ съ маневрами, чтобы подѣйствовать на умы. Князькамъ и ханамъ раздавать «съ ласкою и любезностью, столь свойственными французамъ», оружіе версальскихъ фабрикъ, севрскій фарфоръ, часы, зеркала, сукна, бархаты, золотыя и серебрянныя парчи, галуны, шелковыя матеріи, гобеленовскіе обои и проч. «Такіе подарки дадутъ этимъ народамъ высокое понятіе о щедрости, промышленности и могуществѣ народа французскаго, а впослѣдствіи будутъ важной отраслью торговли.

Россія, значитъ, на подарки не тратилась — и шла точно для компаніи, единственно ради расположенія къ Франціи... Наполеонъ сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія на этотъ планъ. Такъ онъ высказалъ сомнѣнія въ возможности набрать достаточно судовъ для плаванія по Дунаю и Черному морю. Павелъ отвѣтилъ на это, что Россія можетъ располагать тремя стами судовъ и, что въ случаѣ задрудненій на Дунаѣ—пусть французы высадятся въ Браиловѣ и въ Галацѣ, откуда ихъ заберутъ русскія суда.

На другое замѣчаніе Наполеона, что турки могутъ не пустить по Дунаю—Павелъ возразилъ, что онъ принудитъ Порту дѣлать все то, что ему угодно.

На опасеніе нападенія со стороны англійской эскадры адмирала *Кейта*, могущей пройдти Дарданеллами—Павелъ возразилъ: «если г. Кейту угодно будетъ пройдти сквозь Дарданеллы и Турки

тому не воспротивятся—этому воспротивится Павелъ, для этого у него есть средства дѣйствительнѣе, нежели думаютъ. Наконецъ на сомнѣніе въ возможности пройдти изъ Астрабада «сквозь страны почти дикія, безплодныя, свершая походъ въ 300 лье»—Павелъ отвѣчалъ, что эти страны ни дики, ни безплодны, дорога открыта и просторна давно, караваны проходятъ обыкновенно въ 35 — 40 дней, что сыпучихъ песковъ нѣтъ, что рѣки на каждомъ шагу, подножный кормъ въ изобиліи, рисъ также, скота и дичи множество, плоды разнообразны. Наконецъ если путь и дѣйствительно длиненъ, то для такихъ войскъ, какъ французскія и русскія,—это ничего не составитъ: жажда славы, храбрость, терпѣливость, мужество, неутомимость—въ связи съ благоразуміемъ начальниковъ—побѣдятъ какія бы то ни было препятствія».

Въ подтвержденіе возможности похода указывался примѣръ похода *Надиръ-Шаха* въ 1739 и 1740 годахъ: выступивъ изъ Дегли, онъ прошелъ чрезъ Кандагаръ, Гератъ, Мешхедъ и Астрабадъ—какъ разъ по этому пути.

«То, что сдѣлала армія *истинно азіятская* (этимъ все сказано) въ 1739—1740 годахъ, можно ли сомнѣваться, чтобы армія французовъ и русскихъ не могла нынѣ того совершить!»

Планъ дѣйствительно былъ смѣлый, но далеко не мечтательный—отвергать возможность вторженія въ Индію со стороны Персіи никто, конечно, не станетъ.

Однакоже, всѣ доводы Павла 1-го не подѣйствовали на перваго консула и компанія не состоялась.

Тогда Павелъ рѣшился предпринять экспедицію однѣми своими средствами.

Чтобы экспедиція ничего не стоила государству, Павелъ придумалъ напустить на Индію полчища донскихъ казаковъ, которымъ, такъ сказать, онъ *дарилъ* Индію: «все богатство Индіи будетъ вамъ наградою за сію экспедицію», писалъ онъ (отъ 12 янв 1801 г.) къ атаману донскаго войска Василію Петровичу Орлову 1-му.

Казаки должны были собраться къ заднимъ станицамъ,

выслать лазутчиковъ и затѣмъ двинуться чрезъ Оренбургъ на Хиву и Бухару любою изъ трехъ дорогъ, а не то и всѣми тремя.—Затѣмъ уже прямо идти на р. Индусъ.

Въ успѣхѣ казаки сомнѣваться не должны: «войска того края, писалъ Павелъ, изъ таковаго же рода, какъ и ваше (т. е. не регулярныя), такъ имѣя артиллерію, вы имѣете полный авантажъ».

При письмѣ посылались и карты, какія нашлись, но онѣ ограничивались только Хивою.

Какъ настойчиво дѣйствовалъ Павелъ, видно изъ того, что въ тотъ же день онъ написалъ второе письмо, въ которомъ повелѣвалъ всѣ заведенія англичанъ раззорить, угнетенныхъ владѣльцевъ освободить, земли привесть въ такую же зависимость отъ Россіи, въ какой онѣ были до тѣхъ поръ отъ Англіи, и наконецъ торговлю обратить къ намъ.

На другой день новое письмо съ приложеніемъ подробной карты Индіи. Павелъ напоминалъ, что «казакамъ дѣло до англичанъ только, а миръ со всѣми тѣми, кто не будетъ имъ помогать». — Бухару рекомендовалось *утвердить*, «*чтобы китайцамъ не досталась*». Въ Хивѣ освободить сколько то тысячъ нашихъ плѣнныхъ. Еслибы понадобилась пѣхота, то обѣщано прислать вслѣдъ за казаками, «но лучше кабы вы то одни собою сдѣлали», добавилъ Павелъ.

Въ отвѣтъ на это Орловъ обѣщалъ справиться и одинъ. Казаки готовились къ походу и думали выступить, примѣрно, къ началу мая, но въ ночь съ 11 на 12 марта государь скоропостижно скончался... Это спасло Индію отъ нашествія.

Императоръ Александръ I также не чуждался мысли о сухопутной экспедиціи въ Индію. Весьма вѣроятно, что при личныхъ свиданіяхъ съ Наполеономъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, когда дѣло шло о противодѣйствіи англійскому могуществу, когда обсуждалась и *континентальная система* — весьма вѣроятно, что тогда заходила рѣчь и объ экспедиціи въ Индію. Наполеону выгодно было отвлечь и вниманіе, и силы Россіи къ далекой Индіи, навязать двумъ своимъ противникамъ трудную борьбу и на свободѣ распорядиться остальною Европою, какъ ему заблагоразсудится.

Охлажденіе Александра къ континентальной системѣ, и послѣдовавшій вскорѣ за тѣмъ разрывъ съ Франціей—отодвинули блестящій проектъ индійской экспедиціи въ область политическихъ мечтаній.—Тѣмъ не менѣе англичане прекрасно поняли степень возможности движенія черезъ Персію и постарались подчинить ее своему вліянію. Посольство Джонса въ 1809 г. успѣло заключить трактатъ, по которому Персія обязывалась не входить въ договоры съ европейскими дворами, не пропускать въ Индію иностранныхъ войскъ и т. д. Англія обѣщала за то субсидіи и войска въ случаѣ войнъ съ европейскими государствами.

Если припомнить, что въ это время мы вели войну съ Турціей и Австріей, то недоброжелательная политика Англіи очертится весьма ярко. Понадѣявшись на англичанъ персіяне храбро задирали русскихъ и даже вторгались въ наши предѣлы. По Ганжинскому договору 1732 г. мы уступили Персіи, завоеванныя Петромъ Великимъ прикаспійскія земли и до 1804 г. жили съ персами мирно. Враждебныя отношенія между Персіей и Россіей возникли еще въ 1783 г., когда вассалъ Персіи Ираклій, царь грузинскій, былъ принятъ подъ покровительство Россіи. Премникъ Ираклія, Георгій XIII, не видя никакой возможности удержаться на престолѣ, принялъ окончательно русское подданство въ 1800 г. Война за обладаніе Закавказьемъ, прославивъ Циціанова, Гудовича, Тормазова и въ особенности Котляревскаго, закончилась въ 1813 г. *Гюлистанскимъ* миромъ, по которому Персія уступила намъ: Грузію, Дагестанъ и ханства: Карабахское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Бакинское и Талышинское. Таможенныя пошлины съ русскихъ товаровъ были понижены до 5% со стоимости.

Въ 1826 г. Персія еще разъ попыталась схватиться съ Россіей, занявъ Карабахъ, а затѣмъ, не смотря на переговоры съ Меншиковымъ и почести, какими окружили нашего

посла, персіяне перешли Араксъ. Обстоятельства имъ по видимому благопріятствовали: въ Грузіи началось возстаніе съ царевичемъ Александромъ во главѣ, Черкесы всполошились также, а тутъ еще и Ермолова, «грозу Кавказа», замѣнили неизвѣстнымъ покуда Паскевичемъ.

Но персіяне тогда были ничѣмъ не лучше нынѣшнихъ Бухарцевъ и съ ними справились весьма скоро: князь Мадатовъ разбилъ Мехмета-мирзу у Шамхоры, а Паскевичъ—Аббаса-мирзу при Елизаветполѣ. Взятіе Эривани и движеніе къ Тавризу, а затѣмъ и къ Тегерану положили конецъ войнѣ. По *Туркманчайскому* договору (10 февр. 1823 г.) мы получили: Эривань и Нахичевань, да сверхъ того 20 милліоновъ рублей контрибуціи. Дары, посланные императору Николаю и новому графу эриванскому, цѣнились также въ 1 милліонъ Россія получила исключительное право содержать военную флотилію на Каспійскомъ морѣ; а для искорененія морскихъ разбоевъ намъ предоставлено имѣть морскую станцію но о—вѣ Ашуръ-Адэ, у входа въ Астрабадскій заливъ.

Ни въ одну изъ этихъ войнъ англичане не помогли Персіи ни войсками, ни деньгами. Договора 1809 года какъ будто и не существовало. Само собою разумѣется, что естественнымъ послѣдствіемъ такого поведенія было полное охлажденіе персіянъ къ Англіи, которая ихъ какъ будто нарочно подвела подъ бѣду.

Русское вліяніе за то дошло до зенита. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ при Магометъ-шахѣ состоялъ, въ качествѣ нашего военнаго агента, полковникъ графъ Симоничъ, *) блистательно отличившійся подъ Елизаветполемъ. Этотъ агентъ и руководилъ военными дѣйствіями персіянъ противъ Герата въ 1838 г. Англичане смотрѣли вообще враждебно на предпріятія персіянъ къ сторонѣ Авганистана, который берегли для

*) Выходецъ изъ Сербіи. Настоящая его фамилія была Гра Симовичъ, но прибывъ въ Россію, онъ сдѣлалъ легкую добавку и впослѣдствіи, въ награду за службу, получилъ отъ императора Николая утвержденіе въ графскомъ достоинствѣ.

себя, а тутъ еще явился русскій руководитель... Перерывъ дипломатическихъ сношеній съ Персіей не подѣйствовалъ. Тогда для противодѣйствія Симоничу въ Гератъ былъ посланъ капитанъ Потинджеръ. Неизвѣстно однакоже, чѣмъ бы кончилась осада, еслибы Симоничъ не былъ отозванъ нашимъ правительствомъ...

Произошло это по слѣдующему поводу: въ лагерь шаха явились разные авганскіе владѣтели искать дружбы и покровительства; здѣсь они увидѣли представителя Россіи главнымъ распорядителемъ осады, узнали, какимъ вліяніемъ на шаха онъ пользуется и нисколько не сомнѣвались въ могуществѣ державы, только что побившей сильную, по ихъ мнѣнію, Персію и взявшей съ нея 10 куруровъ тумановъ (т. е. 20 милліоновъ золотомъ) контрибуціи. Авганцы, подъ вліяніемъ знакомства съ Виткевичемъ, жившимъ въ это время въ Кабулѣ, задумали составить союзъ, но при условіи, что Россія обѣщаетъ имъ свое покровительство и поручится за ихъ владѣнія. Симоничъ не задумался дать авганцамъ эту гарантію отъ имени русскаго правительства...

Англичане не дремали. Имъ приходилось позаботиться о расторженіи авганскаго союза, о пресѣченіи дальнѣйшаго вліянія Россіи на Персію и дальнѣйшаго распространенія послѣдней на востокъ. Три эти задачи стоили того, чтобы рѣшиться на все... И вотъ, наше правительство получило громовую ноту лорда Кланрикарда отъ 4 мая 1838 г.

Симоничъ былъ тотчасъ отозванъ подъ предлогомъ, что онъ зашелъ за предѣлы своихъ полномочій...

Ударъ русскому вліянію былъ нанесенъ и съ той поры оно уже едва замѣтно. Военныхъ агентовъ мы тамъ больше не держимъ, инструкторовъ для обученія персидскихъ войскъ не посылаемъ и тѣмъ даемъ поводъ думать, что мы *боимся* учить персіянъ на свою голову. Дѣло обученія войскъ находится въ рукахъ англичанъ, французовъ и нѣмцевъ. Персіяне знаютъ, что фиренги т. е. европейцы готовы разорвать Россію на куски

и значить, если учать ихъ военному дѣлу, то, конечно, на пагубу не себѣ, а этой самой Россіи!

Если такая мысль шевелится и въ мозгу какого нибудь россійскаго политикана, то въ успокоеніе его мы скажемъ, что сколько ни учи восточнаго человѣка, а сердца своего ему не вставишь. Представляя собою естественное произведеніе географическихъ, климатическихъ, историческихъ и политическихъ условій своей страны—персіянинъ навсегда останется тѣмъ, что онъ есть: впечатлительность не его вина и отдѣлаться отъ нея онъ не въ силахъ. На этой-то струнѣ мы и будемъ всегда играть свои побѣдные марши!

Тѣмъ не менѣе ради противодѣйствія чужеземному вліянію, намъ не худо бы разрѣшить своимъ офицерамъ службу въ персидскихъ войскахъ.

Исповѣдуя шіитизмъ и попавъ, какъ въ тиски, между такими ярыми суннитами какъ Турція съ одной стороны, а Хива, Бухара и Авганистанъ съ другой—Персія совершенно изолирована и охотно поддается вліянію всякой европейской державы, готовой ее поддержать.

Отрѣзавъ враждебныя намъ ханства отъ Турціи, ихъ всегдашней покровительницы, ненавидимая ими за шіитизмъ еще болѣе, чѣмъ мы за христіанство—Персія есть наша естественная союзница. Она можетъ оказать намъ, при случаѣ, большую услугу, если будетъ *за насъ*, но ту же услугу она окажетъ Турціи или Англіи, если будетъ *противъ* насъ.

Появленіе новыхъ ученій, подходящихъ къ христіанству, каково, напримѣръ, *бабидское* (реформаторъ называлъ себя *бабъ*, т. е. ворота, въ томъ же смыслѣ какъ и Христосъ: «азъ есмь врата»), или—еще позднѣе—съ полнымъ отрицаніемъ Магомета, дѣлаютъ Персію для насъ еще болѣе интересною.

Словомъ, пренебрегать этою страною не слѣдуетъ.

Устранивъ Россію одною нотой, Англія скоро справилась и съ Персіей: появленіе англійской эскадры въ водахъ персидскаго залива, а затѣмъ занятіе Бендеръ-Бушира и острова Каррака, заставили персіянъ снять осаду Герата.

Съ другой стороны для противодѣйствія Виткевичу въ Кабулѣ посланъ былъ туда Борнсъ, который, однако-же, не успѣлъ склонить Достъ-Магомета на сторону англичанъ.

Тогда англичане задумали изгнать Достъ-Магомета, воскресить распавшееся дуранійское царство и посадить на престолъ, преданнаго имъ Шаха-Шуджу. Къ этому предпріятію ихъ подмывало еще и желаніе остановить русскихъ, по возможности, дальше отъ Индіи: хивинской экспедиціи Перовскаго въ 1839 году англичане приписывали болѣе отдаленныя цѣли. Основаніями для такого убѣжденія служили весьма важныя, по понятіямъ англичанъ, обстоятельства: во-первыхъ, въ это время изъ Оренбурга была изгнана англійская евангелическая миссія, учрежденная въ началѣ тридцатыхъ годовъ, подъ предлогомъ проповѣди слова Божія и занимавшаяся совсѣмъ не этимъ; во-вторыхъ, русскіе агенты какъ будто вели подступы (траншеи) къ Индіи: Симоничъ чрезъ Персію на Гератъ, а Виткевичъ чрезъ Кабулъ и, наконецъ, въ третьихъ, русскіе усиленно старались замаскировать свои намѣренія относительно Хивы и увѣряли, что задуманная экспедиція имѣетъ только *ученую* цѣль, а между тѣмъ громадныя приготовленія обличали что-то болѣе серьезное.

Перовскій торопился съ экспедиціей, чтобы предупредить движеніе англичанъ въ Кабулъ, о которомъ у насъ уже было извѣстно, и славою своихъ побѣдъ затмить успѣхи англичанъ.

На грѣхъ у насъ вздумали еще посовѣтоваться съ англичанами. «Желѣзный герцогъ»—лордъ Веллингтонъ, считавшійся русскимъ фельдмаршаломъ, и первымъ военнымъ авторитетомъ того времени за Ватерлоо *), въ совѣтѣ не отказалъ, но за то и посовѣтовалъ!

---

*) Надобно замѣтить, что пруссаки приписываютъ честь этого дня Блюхеру и *не безъ основанія*: дѣло въ томъ, что Веллингтонъ постоянно интриговалъ противъ союзниковъ, Наполеонъ зналъ это и построилъ на этомъ свой планъ: „если нападу на Веллингтона, къ нему на помощь тотчасъ явится и Блюхеръ, а я слабѣе ихъ; если нападу на Блюхера—Веллингтонъ ему не поможетъ и, значитъ, я съ нимъ справлюсь; затѣмъ отбросивъ Блюхера къ сторонѣ, пойду на Веллинг-

«Самое трудное въ степныхъ походахъ — это недостатокъ воды. Зимой въ степи есть снѣгъ, а *значитъ* есть вода», изрѣкъ англійскій оракулъ.

Благоговѣйно выслушавъ совѣтъ, мы поторопились его выполнить и только подъ конецъ сообразили, что снѣгъ еще не значитъ вода, а что для этого надо везти съ собой огромный запасъ дровъ, а подъ дрова надо множество верблюдовъ, а для этихъ верблюдовъ надо вести огромное количество корма, а подъ этотъ кормъ надо опять не мало верблюдовъ и т. д. Хотя везти воду въ видѣ дровъ и казалось весьма удобнымъ, такъ какъ не требовалось ни бочекъ, ни турсуковъ (кожаные мѣхи), не предстояло ни усышки, ни утечки, но эту *воду* жгли не на одно удовлетвореніе жажды, а еще и для спасенія отъ небывалой стужи. Кончилось тѣмъ, что дрова употреблялись только для отопленія кибитокъ самого Перовскаго и нѣкоторыхъ штабныхъ — остальные обогрѣвались собственною «животною теплотою» (превыгодное изобрѣтеніе), а снѣгъ оттаивали въ бычьихъ пузыряхъ, подкладываемыхъ на ночь подъ бокъ...

Результаты экспедиціи Перовскаго извѣстны: почти весь обозъ и почти треть отряда легли въ пустынѣ... Но пока эта

тона и разотру его". Первая половина плана удалась вполнѣ—Блюхеръ былъ разбитъ, но когда Наполеонъ бросился на Веллингтона, то вслѣдъ за нимъ, потянулся и разбитый Блюхеръ. Дѣло Веллингтона уже было проиграно, когда совершенно неожиданно появились пруссаки и вырвали побѣду изъ рукъ Наполеона. Характеристична подпись къ портрету Веллингтона, гравированному въ Парижѣ:

D'où vient cet air d'etonnement
Sur ce visage, où dût briller la gloire?
C'est que le peintre a maladroitement,
Peint le héros le jour de sa victoire.
(Откуда это удивленье
Въ лицѣ, гдѣ-бъ надо славѣ быть?
— Въ день славнаго его сраженья
Взялись его изобразить!) —

Надобно замѣтить, что на портретѣ герцогъ дѣйствительно имѣлъ какъ будто удивленный видъ.

исторія не разыгралась, англійская журналистика до того всполошила общественное мнѣніе, парламентскіе дебаты отличались такою страстностью, что царствовавшее тогда министерство виговъ вынуждено было предпринять рядъ мѣръ, завлекшихъ Англію далеко за предѣлы благоразумія и осторожности...

Первый неосторожный шагъ англичанъ это экспедиція 1839 г. въ Авганистанъ. Двинувшись тремя колоннами, они къ августу заняли уже Кабулъ, Кандагаръ и Газни. Достъ-Магометъ бѣжалъ, а Шахъ-Шуджа былъ возведенъ на царство. Затѣмъ во всѣ средне-азіятскія ханства посланы были агенты для возбужденія ихъ противъ Россіи. Въ Коканъ былъ назначенъ *Конноли*, въ Бухару *Стоддартъ*, въ Хиву *Абботъ* и вслѣдъ за нимъ еще и *Шекспиръ*.

Еслибы этимъ агентамъ не удалось составить противъ насъ мусульманской коалиціи, то они должны были внушить ханамъ, чтобы тѣ старались не подавать русскимъ никакого повода къ враждебнымъ дѣйствіямъ, которыя, конечно, могли бы окончиться утвержденіемъ русскихъ на рѣкахъ Сыръ-Дарьѣ и Аму-Дарьѣ.

Абботъ такъ хлопоталъ помѣшать нашей хивинской экспедиціи, что даже предлагалъ хану выкупъ за всѣхъ нашихъ плѣнныхъ, изъ-за которыхъ собственно и началась война. Но англійскій агентъ только *обѣщалъ* деньги, а въ наличности ихъ не имѣлъ, и когда ханъ потребовалъ отъ него полномочій на эту сдѣлку, то и полномочій не оказалось. Взбѣшенный ханъ вытолкалъ Аббота пинками ноги и затѣмъ засадилъ въ яму.

Почти одновременное движеніе и русскихъ, и англичанъ вглубь Азіи сильно встревожило хановъ, но когда русская экспедиція кончилась неудачею — ханы эти подняли головы. Наша неудача была роковою и для англичанъ: успокоенные на нашъ счетъ, азіятцы тотчасъ принялись расправляться съ инглизами. Осенью 1840 года началось возстаніе въ Авганистанѣ изъ-за того, что англичане основались, повидимому, на долго и не показывали намѣренія уходить назадъ—доказательствомъ

служило то, что нѣкоторые офицеры выписали къ себѣ своихъ женъ и дѣтей. Къ тому же они весьма безцеремонно обращались съ туземными дамами. Нападенія на рыжихъ ловеласовъ, тайныя убійства изъ-за угла и прекращеніе подвоза продовольствія, вынудили англичанъ принять нѣкоторыя мѣры, въ числѣ которыхъ въ особенности не нравились авганцамъ фуражировки. Начались стычки. Фуражировъ завлекали въ засады и безъ милосердія истребляли, а когда на фуражировку стали выходить большіе отряды, то завязалась непрерывная малая война. Авганцы, вообще не разборчивые въ средствахъ, менѣе всего считали себя связанными въ расправѣ съ инглизами: вся Азія знала, что за гуси сами англичане, какъ они сами вѣрны своему слову, какъ человѣколюбивы, честны и разборчивы въ средствахъ.

Англичанамъ пришлось пожать то, что они сѣяли сами. Такъ называемые *военныя хитрости,* примѣренныя авганцами на англійскія плеча—оказались для нихъ не подъ силу. Сначала явились поставщики муки, которая оказалась потомъ отравленною *). Затѣмъ, подъ видомъ доброжелательства, нѣкоторые вліятельные люди посовѣтовали англичанамъ выступить до наступленія зимы, обѣщали доставить подъ тяжести достаточное число верблюдовъ и—забравъ впередъ деньги—употребили ихъ на вооруженіе своихъ шаекъ.

Генералъ Макнатанъ былъ вопіющая неспособность: онъ не только не задавилъ восстанія въ самомъ началѣ, не только далъ возставшимъ денежныя средства, но еще и не пустилъ никого на помощь къ Борису 2-го ноября **), когда тотъ отстрѣливался въ Кабулѣ отъ нападавшей черни.—Это уже не можетъ быть объяснено даже неспособностью — это была самая гнусная низость. Англійскій генералъ совершенно потерялъ голову. Это случилось съ нимъ наконецъ и въ *буквальномъ* смыслѣ слова: выѣхавъ

*) Англичане послѣ этого заставляли продавцевъ при себѣ съѣсть предварительно горсть муки.

**) Борисъ былъ назначенъ коммиссаромъ при Шахъ-Шуджѣ.

на переговоры съ предводителями авганскими, онъ попалъ въ засаду, въ виду своего лагеря. 40 хорошихъ авганскихъ стрѣлковъ, спрятанные за обрывистыми берегами рѣчки, какъ только услышали въ палаткѣ слово Аллахъ (условный знакъ), тотчасъ сдѣлали залпъ по конвойнымъ. Макнатанъ былъ убитъ и тутъ-то *потерялъ* голову на самомъ дѣлѣ *). Замѣчательно, что въ лагерѣ никто не шевельнулся—англичане были рады, что избавились отъ своего генерала... Судьба Борнса отозвалась Макнатану!...

Одинъ изъ представителей прежде царствовавшаго дома Пайенде-Хана, вызвавшійся доставить верблюдовъ, сталъ, благодаря полученнымъ отъ англичанъ деньгамъ, во главѣ всеобщаго возстанія, а между тѣмъ ловко обманывалъ англійскихъ генераловъ, представляя имъ отчеты о числѣ купленныхъ верблюдовъ, о числѣ павшихъ и т. п. Когда же англичане изъявляли желаніе посмотрѣть этихъ верблюдовъ, то всегда оказывалось, что животныя только что переведены на пастьбу въ какой нибудь отдаленный уголъ. Такъ затянулось дѣло до зимы—оставаться долѣе казалось немыслимымъ и вотъ Эльфингстонъ заключилъ договоръ, по которому сдалъ авганцамъ почти всю артиллерію и лишнія тяжести (амуниція и продовольствіе), заплатилъ огромную контрибуцію и за это получилъ обѣщаніе, что авганцы *не будутъ мѣшать* отступленію англичанъ...

Глубокій снѣгъ и стужа уже сами по себѣ конечно затруднили движеніе, а между тѣмъ кругомъ колонны сновали грозные мстители, налетѣвшіе какъ хищные коршуны на готовую добычу. Каждый отставшій, каждый отдалившійся въ сторону, становился жертвою, для которой не было пощады. Подгоняемые авганцами, англичане *весьма спѣшили,* но выйдти изъ подъ ударовъ все-таки не могли.

Недостатокъ топлива и съѣстныхъ припасовъ сдѣлалъ по-

*) Коротко остриженные волоса затруднили нѣсколько при передачѣ головы изъ рукъ въ руки, но авганцы нашлись: они проткнули уши кинжаломъ и продѣли бичевку.

ложеніе несчастныхъ англичанъ почти безвыходнымъ. Чтобы избавить отъ этихъ лишеній женщинъ и дѣтей, слѣдовавшихъ при отрядѣ, англичане вступили въ переговоры и выдали свои семейства, на честное слово, авганцамъ. Это былъ единственный договоръ, который авганцы исполнили дѣйствительно честно, да и то конечно потому, что въ рукахъ англичанъ было тогда семейство Достъ-Магомета.

Вслѣдъ за женщинами и дѣтьми сдались англійскіе генералы, выѣхавшіе сначала подъ предлогомъ переговоровъ. Такимъ образомъ войска были покинуты вождями на голодъ, холодъ и смерть неминуемую... Генералы эти предпочли сытый плѣнъ голодной свободѣ... чувство чести въ нихъ заглушалось чувствомъ голода—мысль о вѣчномъ позорѣ не одолѣла стремленія ко временному комфорту, отъ котораго этимъ генераламъ такъ трудно было отказаться!

Если вспомнить, что въ первой бенгальской колоннѣ на 9,500 чел. регулярнаго войска приходилось 38,000 погонщиковъ и слугъ, то можно себѣ представить, каковъ долженъ быть порядокъ въ такой арміи! Истребленіе англичанъ шло такъ успѣшно, что до Хайбарскаго ущелья добралось только 4,500 англичанъ и до 12,000 чел. прислуги. Здѣсь всѣ они были истреблены до послѣдняго человѣка!

Такъ позорно кончилась экспедиція, стоившая до 210,000,000 рублей (30 милліоновъ фунтовъ).

После этой катастрофы азіятскіе деспоты ожили, а положеніе англійскихъ агентовъ въ ханствахъ сдѣлалось весьма опаснымъ. *Конноли* вынужденъ былъ спасаться изъ Кокана и бѣжалъ въ Бухару, но здѣсь вмѣстѣ со *Стоддартомъ* былъ публично зарѣзанъ по приказанію эмира. Объ этихъ двухъ агентахъ мы находимъ у Хуттона слѣдующія подробности: «въ 1838 г. полковникъ Стоддартъ, храбрый, но надменный и дерзкій солдатъ, посланъ былъ въ Бухару изъ Тегерана сэромъ Джономъ Макъ-Нейлемъ и, должно быть, дѣйствовалъ неосторожно, увѣривъ нѣкоторымъ образомъ, что онъ въ скоромъ времени будетъ акредитованъ къ этому двору британскимъ правительствомъ. Прошло 14 мѣсяцевъ, а онъ не получилъ никакого кредитивнаго письма изъ Англіи. Полковникъ былъ брошенъ въ тюрьму и подвергся такому жестокому обращенію, что его нервная система была потрясена и онъ принужденъ былъ принять исламизмъ, въ надеждѣ спасти свою жизнь. Генералъ Ферьеръ увѣряетъ, что онъ могъ-бы оставить Бухару вмѣстѣ съ Ханыковымъ (и Бутеневымъ), но онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобъ быть обязаннымъ своей жизнью заступничеству русскаго. Если это такъ, то онъ выказалъ странную непослѣдовательность: отрекшись отъ своей религіи, онъ въ то-же время отказался принять услугу отъ дружескаго и христіанскаго правительства».

О какой непослѣдовательности говоритъ Хуттонъ? По моему это, напротивъ, весьма послѣдовательно: отказавшись отъ христіанства, не слѣдовало уже принимать услуги отъ христіанъ. Если сказать: Стоддартъ поступилъ неразсчетливо—это будетъ вѣрнѣе, потому что для спасенія жизни онъ предпочелъ болѣе тяжелое средство:—измѣнить своей религіи, тогда какъ могъ спастись болѣе легкимъ способомъ:—измѣнить своей надменности.

О добродушномъ и кроткомъ капитанѣ Коноллн англичане отзываются, напротивъ, съ большимъ сочувствіемъ. Посланный изъ Кабула въ Хиву въ 1840 г., онъ проѣхалъ оттуда въ Коканъ по джизакской дорогѣ, обогнувъ Бухару, гдѣ томился Стоддартъ. Когда ему пришлось спасаться изъ Кокана, онъ по приглашенію эмира Насръ-Уллы, посѣтилъ его въ лагерѣ подъ Меремомъ, недалеко отъ Кокана. Вѣроломный Насръ-Улла распорядился съ Коноллн какъ съ плѣнникомъ: обобравъ его до нитки, онъ отправилъ его въ Бухару, гдѣ и засадилъ въ тюрьму.

17 іюня 1842 г. Стоддартъ и Коноллн были зарѣзаны. Абботъ увѣряетъ, что Стоддарта предварительно били по пятамъ, пока кожа не стала отваливаться, а ночью его зарѣзали въ тюрьмѣ. Коноллн, по словамъ Аббота, не хотѣлъ купить жизни цѣною религіи и былъ зарѣзанъ въ одно время съ то-

варищемъ. Разсказы о томъ всеобщемъ неудовольствіи, какое будто-бы возбудила въ народѣ казнь англійскихъ офицеровъ— не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія. Бухарцевъ не очень-то разжалобишь, да и бояться англичанъ имъ было нечего*).

Что касается до *Аббота* и *Шекспира*, то они спрятали британскую надменность въ карманъ и были спасены нашими агентами Никифоровымъ и Антовымъ; тѣмъ не менѣе они всетаки едва добрались до Россіи, полуживые отъ побоевъ и ранъ. Это не помѣшало Шекспиру увѣрять, что освобожденіе хивинскимъ ханомъ 500 русскихъ плѣнныхъ произошло не оттого, что въ Хивѣ прослышали о приготовленіяхъ въ Оренбургѣ къ новому походу, а только благодаря настояніямъ его— Шекспира, благодаря его вліянію на хана и угрозамъ!— Англійскій Донъ-Кихотъ свою яму, вѣроятно, считалъ дворцомъ, а позволеніе выѣхать вмѣстѣ съ русскими—вѣроятно за порученіе доставить этихъ русскихъ къ мѣсту назначенія!

Въ паралель съ гоненіями на англійскихъ агентовъ мы выставимъ поведеніе капитана Никифорова въ Хивѣ: офицеръ этотъ, во-первыхъ, иначе не говорилъ съ хивинскими вельможами, какъ тономъ побѣдителя — онъ не просилъ, не доказывалъ, не убѣждалъ, а требовалъ, настаивалъ, затѣмъ когда согласившись на какое нибудь требованіе, вельможи эти являлись снова и начинали трактовать о поконченномъ уже вопросѣ—Никифоровъ, безъ дальнихъ околичностей, приказывалъ конвойнымъ казакамъ выпроводить надоѣдалъ въ шею! Положимъ, это не совсѣмъ деликатный способъ прекращать аудіенцію и вовсе не дипломатично—ибо Никифоровъ не достигъ никакого соглашенія—но въ странѣ, гдѣ пословъ не уважаютъ, послы и сами не обязаны уважать кого бы то ни было, *если не боятся*... а что касается неудачи переговоровъ, то послѣдствія

*) За нѣсколько лѣтъ до того посланъ былъ въ Хиву лейтенантъ англійской арміи Вейбердъ, здѣсь онъ былъ ограбленъ и бѣжалъ въ Бухару, но тутъ былъ казненъ за отказъ принять мусульманство. Впослѣдствіи казнены здѣсь: Джіованни-Орлгандо, Флорсь-Назелли и какой-то грекъ Іосифъ.

показали, что самые угодливые, самые «пріятные во всѣхъ отношеніяхъ» послы наши не могли добыть ничего, кромѣ клочка бумаги, который еще ни разу не считался ханами для нихъ обязательнымъ! Довольно припомнить забавную исторію съ договоромъ, такъ *успѣшно* заключеннымъ съ Хивою подполковникомъ Данилевскимъ.

Если же признать, что договоры съ азіатскими деспотами ничего не стоятъ, то вопросъ о томъ: какой способъ обращенія нашихъ пословъ слѣдуетъ признать за болѣе подходящій — вопросъ этотъ надобно предоставить личному вкусу каждаго.

Пусть теперь читатель выведетъ изъ этого: чье вліяніе было больше: Шекспира ли, сидѣвшаго на хлѣбѣ и водѣ въ грязной и вонючей ямѣ—или Никифорова, расправлявшагося съ хивинскими сановниками какъ съ лакеями?

И такъ, происки англичанъ противъ Россіи не увѣнчались успѣхомъ. Гибель англійскихъ агентовъ показала, что авторитетъ Англіи не силенъ, а вмѣшательство въ дѣла Авганистана покрыло англійскую армію позоромъ... Чтобы возстановить честь своего оружія, англичане предприняли въ 1842 г. новую экспедицію въ Кабулъ, который и былъ разграбленъ. На этотъ разъ, однакоже, англичане не засиживались, а поспѣшили во свояси.

Паденіе виговъ и вступленіе въ министерство Роберта Пиля повлекло за собою крутую перемѣну въ политикѣ остъ-индскаго правительства. Признавъ невыгоднымъ поддерживать англійскими деньгами и штыками какого бы то ни было претендента, дѣлавшагося ненавистнымъ народу именно за эту поддержку— правительство рѣшилось предоставить авганцевъ самимъ себѣ.

Съ тѣхъ же поръ англичане уже не рисковали посылать своихъ агентовъ въ среднеазіятскія ханства и если пробовали иногда сплести тенета на русскаго медвѣдя, то предпочитали дѣйствовать чужими руками—посылая не агентовъ, а простыхъ шпіоновъ—изъ туземцевъ.

Имя инглизовъ, какъ лозунгъ мусульманскаго союза про-

тиву русскихъ, раздалось еще разъ не ранѣе 1853 года, т. е. не ранѣе восточной войны.

Къ этому времени мы уже стояли на Сыръ-Дарьѣ: еще въ 1847 году недалеко отъ устья этой рѣки мы выстроили укр. *Раимъ*, а въ 1853 г. заняли и среднее теченіе, взявъ, послѣ долгой осады укр. *Акъ-мечеть* (нынѣ Перовскъ). Движеніе наше впередъ какъ нельзя болѣе благопріятствовало видамъ англичанъ, относительно возможности составленія противъ насъ громадной коалиціи изъ всѣхъ среднеазіятскихъ ханствъ: собственно Акъ-мечеть принадлежала Кокану, но мы овладѣли и караванными путями изъ Бухары и Хивы. Послѣдняя, сверхъ того, претендовала на весь лѣвый берегъ Сыра, куда, однако, забирались наши поселенные казаки за сѣномъ, дровами и колючкой и гдѣ кочевали подвластные намъ киргизы. По всему этому возбудить противъ насъ, и безъ того недовольныхъ, сосѣдей представлялось дѣломъ весьма легкимъ, а тутъ еще англичане ловко приплели религіозный вопросъ: «Кафиры т. е. невѣрные, русскіе, хотятъ совсѣмъ заѣсть главу правовѣрныхъ султана стамбульскаго».

Надобно замѣтить, что средне-азіятскіе ханы хотя и не считаютъ себя вассалами турецкаго султана, но когда имъ приходится туго—всегда обращаются къ нему за помощью и тогда величаютъ его главой правовѣрныхъ, держащимъ высоко знамя и мечъ ислама и т. п. Султанъ считается у нихъ, собственно *первымъ между равными*, на что, конечно, и имѣетъ право, въ виду того, что охраняетъ *кыбле*—храмъ или *бейтъ ульхерамъ*—священный домъ, т. е. Мекку, владѣетъ страною, отнятою отъ кяфировъ—Балканскимъ полуостровомъ и крѣпко держитъ даже святыню всего христіанскаго міра: *бейтъ ульмукаддесъ*—святой домъ т. е. Іерусалимъ.

Городъ этотъ священенъ и для мусульманъ, такъ какъ отсюда пророкъ возносился на небо. Горы: Морія и Хевронъ усердно посѣщаются правовѣрными; здѣсь, на томъ самомъ камнѣ, на которомъ Авраамъ намѣревался принести въ жертву Исаака, на томъ камнѣ молился Магометъ. До сихъ поръ на

камнѣ сохранился отпечатокъ, сдѣланный головою пророка. Сохранились и слѣды рукъ архангела Гавріила (по арабски Джебраилъ), удержавшаго камень, когда тотъ вздумалъ было полетѣть на небо вслѣдъ за конемъ Магомета!

Ужь за одно это Іерусалимъ долженъ оставаться въ рукахъ правовѣрныхъ! Такъ разсуждаютъ мусульмане и съ ними совершенно согласны англичане.

Что за дѣло англичанамъ до разныхъ отвлеченностей въ родѣ вопроса о степени пригодности или, вѣрнѣе, о степени *приличности* средствъ?

Христіанская держава, возбуждающая мусульманъ противъ другой христіанской державы во имя Магомета, подрываетъ, конечно, всякое уваженіе къ христіанству вообще и къ себѣ въ особенности. Это и замѣтно теперь въ Азіи, когда заговоришь объ инглизахъ.

Мусульмане полагаютъ, что между фиренгами т. е. европейцами есть тоже свои *шія* и свои *сунни* и, что отсюда вытекаетъ ненависть, ничѣмъ ненасыщаемая. Намъ не разъ приходилось разъяснять любознательнымъ азіятамъ, что англиканская церковь еще ближе другихъ подходитъ къ русской, а между тѣмъ англичане больше всѣхъ враждуютъ съ нами. Тутъ дѣло не въ религіи, а въ барышахъ. Еслибы мы были даже одной съ ними вѣры, то и тогда, конечно, англичане не задумались бы поднять противъ насъ и мусульманъ, во имя поддержки мусульманства, и язычниковъ во имя какого нибудь Ламы, Брамы и т. п.

Если во время бунта кафровъ и готентотовъ, противъ англійскихъ колонистовъ въ южной Африкѣ, погибло столько англичанъ, то это благодаря англійскимъ же купцамъ, которые безпрестанно подвозили матежникамъ ружья и порохъ, находя въ этомъ прекрасную спекуляцію!

Ужь когда со своими кровными не церемонится купеческая нація, то чего же ждать остальнымъ народамъ?

Какъ бы то ни было, а въ 1853 году въ среднеазіятскихъ ханствахъ громко заговорили о намѣреніи Россіи искоренить

мусульманство, уничтожить *мемлекети Румъ* (буквально: царство римское, такъ называютъ Турцію), отнять у мусульманъ могилу *Хазрети-Исса*, святого Іисуса и поработить всѣ ханства. Громко говорилось и о томъ, что Аллахъ открылъ теперь сердца инглизовъ, что они услышали голосъ пророка и не дадутъ мусульманъ въ обиду, не дадутъ истребить Турцію и закрѣпятъ за нею Іерусалимъ... Но для этого нужно, чтобы и ханства позаботились сплотиться въ одинъ могучій союзъ и раздавили русскихъ на Сырѣ.

Результатомъ этой махинаціи было дѣйствительно большое движеніе въ концѣ 1853 г., но оно оборвалось сразу неудачею подъ фортомъ Перовскій. 18 декабря, на разсвѣтѣ, коканцы были разбиты на голову капитаномъ Шкупь.

Послѣ этой неудачи коканцевъ, возвысившей русскихъ еще болѣе въ глазахъ средне-азіятцевъ — происки англичанъ уже не встрѣчали сочувствія. Бухарскій эмиръ не только не согласился принять участіе въ коалиціи, или пропустить войска англійскія, но даже велѣлъ зарѣзать присланнаго къ нему лазутчика.

Что касается коканцевъ, то они отказались отъ дѣйствій къ сторонѣ Перовска и двинулись къ Вѣрному.

Хивинцы, по издавна принятому ими обыкновенію, не высказывали *явнаго* участія въ предпріятіяхъ противу русскихъ, но агенты хивинскіе сѣяли смуту между киргизами, а ханъ всѣми силами поддерживалъ безпорядки, начатые въ оренбургскихъ степяхъ Исетомъ Кутебаровымъ, задавшимъ намъ работу на нѣсколько лѣтъ.

Такимъ образомъ, англичане не дремали и каждый разъ откликались, какъ только заслышатъ шорохъ въ сторонѣ Россіи. Намъ нельзя было сдѣлать и шагу — чтобы не разшевелить англійскихъ дипломатовъ, сыпавшихъ запросами, и чтобы не растревожить Остъ-Индскую имперію, сыпавшую деньгами, обѣщаніями и агентами во всѣ ханства.

Планъ соединенія линій Оренбургской и Сибирской, висѣвшихъ на воздухѣ—казался англичанамъ, да и многимъ изъ

русскихъ, простымъ картографическимъ вопросомъ: странно-же въ самомъ дѣлѣ видѣть на картѣ перерывъ традиціонной зеленой краски, окаймляющей границы Россійской Имперіи!

Казалось все равно: что провести соединительную черту на картѣ, что на самомъ дѣлѣ—по необитаемой степи, гладкой какъ бумага.

Это все такъ, но ни русскіе, ни англичане никакъ не ожидали, *что* изъ этого выйдетъ. Ни Россія, ни Англія еще не знала, что за человѣкъ, полковникъ генеральнаго штаба, Черняевъ, которому выпала доля провести границу на самомъ дѣлѣ.

Теперь не только Россія и Англія, но и Средняя Азія хорошо запомнили имя Михаила Григорьевича: все это сдѣлали только *два* года—1864 и 1865.

Приступивъ къ выполненію задачи, Черняевъ нашелъ ее неудоборазрѣшимою въ тѣхъ рамкахъ, которыми она была стѣснена: трудно было охранять новую границу, оставивъ впереди нея незанятыми Туркестанъ и Чемкентъ. Пока ходили взадъ и впередъ разныя донесенія, представленія и разрѣшенія, оба эти города уже были взяты. Скоро затѣмъ палъ и Ташкентъ. Граница наша сразу подвинулась къ Индіи, чуть не на 500 верстъ.

Рядъ этихъ, нежданныхъ-негаданныхъ, успѣховъ переполошилъ Англію не на шутку: заскрипѣли перья сентъ-джемскаго кабинета, посыпались ноты и запросы—началась дипломатическая кампанія.

Но что значила эта кампанія для нашего славнаго канцлера, для нашего князя Горчакова, когда онъ только что выигралъ у кабинетовъ всей Европы польскую кампанію? Что значили запросы *одной* Англіи, когда нашъ министръ не задумался раздать щелчки цѣлой коалиціи?

Понятно, что англичане должны были смолкнуть передъ самыми азбучными доводами: мы идемъ, потому что на насъ нападаютъ, мы оставляемъ за собой то, что мы взяли, потому что безъ этого намъ придется брать то же самое по два раза—

примѣръ: Пишпекъ, граница немыслима безъ владѣнія тѣмъ-то и тѣмъ-то и прочее. Это всегда останется формулой нашихъ будущихъ отвѣтовъ и, конечно, англичане поступятъ гораздо остроумнѣе если перестанутъ вовсе спрашивать. Пусть довольствуются признаніемъ совершившагося факта, это будетъ спокойнѣе и *достойнѣе*.

Замѣнившій Черняева, генералъ Романовскій продержался и самъ только нѣсколько мѣсяцевъ и хотя пріобрѣлъ для Россіи Ходжентъ, Ура-тюбе и Джизакъ, но все это, сравнительно съ Ташкентомъ, были уже мелкія птахи, да сверхъ того, при войскахъ находился и самъ Крыжановскій. Раздѣленная слава—полъ-славы и въ этомъ можно отчасти искать причину того явленія, что за Черняевымъ не видать ни Романовскаго, ни Крыжановскаго... Не только у туземцевъ, но и въ средѣ русскихъ участниковъ завоеванія имя Черняева совершенно заслонило остальныя имена. Только послѣднія побѣды надъ бухарцами и знаменитая хивинская экспедиція выдвинули на первый планъ также и генерала фонъ-Кауфмана. Обширныя полномочія, ему данныя, и тотъ исключительный почетъ, который, такъ сказать, *сговорились* придать ему подчиненные, укрѣпили за нимъ титулъ *ярымъ-падьша*—полуцарь, титулъ, придаваемый генералъ-губернатору не только простыми туземцами, но и ханами.

Возвратимся къ англичанамъ.—Извѣстно, что послѣ штурма Джизака произошло страшное избіеніе: замкнутые въ коридорѣ, между двумя наружными стѣнами, защитники давили другъ друга, протискиваясь къ маленькой калиткѣ, выходившей въ поле, къ сторонѣ, діаметрально противоположной мѣсту штурма, и въ эту толпу, въ эту сплошную массу людей, лошадей и оружія—прехладнокровно пострѣливали, ворвавшіеся въ крѣпость солдаты... Когда потомъ убирали тѣла, то между убитыми оказалось нѣсколько европейцевъ, рѣзко отличавшихся и наружностью и голландскимъ бѣльемъ. Никто тогда не сомнѣвался, что это были англичане, но никто этимъ не интересовался, никто не старался раскрыть истину. Такъ эти безвѣстные чужеземцы и унесли съ собой свою тайну...

Со стороны Остъ-Индіи къ намъ, и впослѣдствіи, не разъ проникали разныя подозрительныя личности, оказавшіяся впослѣдствіи англійскими агентами,—ничего нѣтъ мудренаго, что и джизакскіе принадлежали къ той же категоріи. Во всякомъ случаѣ о нихъ ничего неизвѣстно.

ГЛАВА XI.

Впечатлѣніе, произведенное нашими успѣхами на остъ-индскія войска. — Смѣна сэра Джона Лауренса. — Зависимость англійской политики отъ общественнаго мнѣнія и личныхъ взглядовъ министерства.—Взглядъ на дѣла новаго вице-короля Л. Майо.—Можно ли было ожидать какой нибудь рѣзкой перемѣны въ дѣйствіяхъ русскихъ?—Англичане входятъ въ дружбу съ эмиромъ Ширъ-али. — Мнѣнія лондонскихъ и калькутскихъ газетъ по поводу умбальскаго свиданія. — Страховая контора Ширъ-али. — Тонкая политика вице-короля. — Ширъ-али, защитникъ и покровитель Англіи, является просителемъ. — Чѣмъ отличается нынѣшняя дань, платимая англичанами авганцамъ, отъ прежней? Цѣли англичанъ—по Гельвальду.—Основательны ли опасенія англичанъ? Что думаетъ шестая великая держава—газета Times?—Вопросъ о Гератѣ.—Пути въ Индію. — Договоръ съ Достъ-Магометомъ въ 1857 году.—Предостереженіе русскимъ—не ходить въ Индію и совѣты заняться дикими народами.—Весь міръ и даже Англія въ выигрышѣ отъ завоеваній Россіи въ Средней Азіи.

Нечего и говорить, что быстрые успѣхи наши въ Средней Азіи взволновали также и общественное мнѣніе Остъ-Индіи. Военный элементъ остъ-индскаго общества, осужденный на бездѣйствіе, благодаря продолжительному миру, нетерпѣливо и ревниво смотритъ на боевые успѣхи нашихъ войскъ. Простая, безкорыстная политика никогда не будетъ во вкусѣ англійской націи — справедливость этого замѣчанія чувствуется въ особенности осязательно въ рядахъ остъ-индской арміи. Славное прошлое первыхъ легіоновъ англійскихъ на индійскомъ полуостровѣ, дѣйствительно геройскіе подвиги отдѣльныхъ частей, историческія преданія и честолюбіе поддерживаютъ въ остъ-индской арміи жажду боевой дѣятельности. Наши русскіе легіоны, поставленные лицомъ къ лицу съ еще болѣе воинственнымъ противникомъ — сдѣлали въ самый короткій срокъ

нѣсколько блестящихъ компаній. Свѣжіе лавры русскихъ войскъ расшевелили въ остъ-индскихъ чувства зависти и вражды. Даже въ Англіи общественное мнѣніе начинаетъ освоиваться съ идеей, что иногда бываетъ полезнѣе дать арміи движеніе и занятіе, чѣмъ оставлять ее въ бездѣйствіи и недовольною. Абиссинская экспедиція, по своей кратковременности, ничтожности трофеевъ и безплодности результатовъ, не вполнѣ удовлетворила инстинктамъ Индійской арміи. Къ тому же извѣстно, напримѣръ, что изъ числа плѣнныхъ, освобожденіе которыхъ стоило такихъ огромныхъ издержекъ—многіе опять возвратились въ Абиссинію, а сокровища короля Феодора, не представляя никакой цѣнности, едва привлекаютъ любопытство посѣтителей Кенсингстонскаго музея. Словомъ, Англія пришла къ сознанію, что взятіе Магдалы не стоитъ потраченныхъ на нее пяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ!

Англійская пресса, подъ вліяніемъ корреспонденцій изъ Индіи, преувеличивала наши силы, доводя ихъ до 100.000; приписывала намъ несбыточные планы; упрекала вице-короля сэра Джона Лауренса за бездѣйствіе, въ виду нашихъ успѣховъ и требовала отъ королевы принятія болѣе опредѣленнаго и твердаго положенія относительно Россіи.

«Руководясь такими идеями, писалъ баронъ Бруннновъ (депеша отъ 20 октября 1867 г.), намъ навязываютъ заднюю мысль, будто мы заранѣе подготовляемъ успѣхъ нашего движенія къ границамъ Индустана, чтобы имѣть возможность сдѣлать съ этой стороны диверсію, когда открытый восточный вопросъ вызоветъ столкновеніе между Россіей и Англіей».

Что касается до Англійскаго правительства, то по мнѣнію барона Бруннова, оно, правда, не обнаруживаетъ своего безпокойства суетливыми манифестаціями, какъ во времена Пальмерстона, но, прислушиваясь къ общественному мнѣнію, оно зорко слѣдитъ за событіями и молча готовится къ могущимъ послѣдовать случайностямъ.

Взглядъ сэра Лауренса заключался въ томъ, что Индія не можетъ ничего опасаться извнѣ и что ей могутъ предстоять

опасности только *внутреннія*. Гератъ вовсе не ключь къ Индіи — потому что Астрабатъ, Хива Мешедъ и Балхъ, такіе же ключи. Настоящій ключъ это хребетъ Гинду-ку. Но если русская армія добредетъ какъ нибудь до этого хребта, то при выходѣ изъ проходовъ и ущелій — она будетъ истреблена, по частямъ, до послѣдняго человѣка. Поэтому на всѣ завоеванія Россіи по ту сторону хребта — можно не обращать никакого вниманія.

Однако же рядъ быстрыхъ успѣховъ Россіи всполошилъ англичанъ и печать зашумѣла...

Уступая общественному мнѣнію, правительство рѣшилось отозвать сэра Лауренса.

«Какъ бы ни была раціональна политика, — писалъ тотъ же дипломатъ въ депешѣ отъ 20 іюня 1868 г., — въ странѣ, управляемой общественнымъ мнѣніемъ, какъ Англія, — эта политика не можетъ долго держаться, разъ что она сдѣлалась непопулярною. Такова участь управленія сэра Джона Лауренса. Его упрекали, что своимъ мастерскимъ бездѣйствіемъ «masterly inactivity» онъ облегчилъ наши успѣхи въ Средней Азіи. Обвиненіе это хотя и несправедливо, но оно находило сторонниковъ и въ Индіи. Подъ вліяніемъ этого мнѣнія преемники вице-короля удостовѣрятся, конечно, въ необходимости выказать болѣе энергіи и дѣятельности, чтобы возстановить обаяніе Англіи среди населенія, сосѣдственнаго Англійскимъ владѣніямъ, въ Индіи».

Намъ кажется, что на сэра Лауренса нападали не вполнѣ справедливо: онъ всетаки принималъ кое-какія мѣры: достаточно припомнить погибшихъ при защитѣ Джизака, европейцевъ. Къ сожалѣнію это обстоятельство не было тогда разслѣдовано съ достаточною ясностью и мы ничего не знаемъ о безвѣстныхъ бойцахъ противъ Россіи, положившихъ животъ свой за бухарское отечество...

Какія же другія мѣры могъ предпринять с. Лауренсъ изъ своего прекраснаго далека?

Еслибы онъ двинулся намъ на встрѣчу, то есть опять

чрезъ Авганистанъ, то конечно не причинилъ бы намъ никакого вреда этимъ движеніемъ, ибо до насъ бы не дошелъ.

Оставались ноты и агенты — въ этомъ, кажется, недостатка не было.

Новымъ вице-королемъ назначенъ былъ Лордъ *Майо*.

Такъ-какъ направленіе англійской политики весьма много зависитъ отъ общественнаго мнѣнія и такъ какъ оно высказалось уже не въ пользу системы невмѣшательства, то можно было ожидать крутой перемѣны въ дѣйствіяхъ остъ-индскаго управленія.

Всѣ личныя мнѣнія членовъ англійскаго правительства держатся и вліяютъ на политику кабинета только вмѣстѣ съ лицами и потому никогда нельзя ручаться, что мнѣніе, — авторитетное сегодня, — сохранитъ свое значеніе и завтра. Если лордъ Станлей — сторонникъ мира, если онъ предпочитаетъ даже и безпокойнаго сосѣда — опасности пріобрѣтенія непокорной и непреданной области, а вслѣдствіе этого, не можетъ допустить и мысли о расширеніи границъ Остъ-Индіи на счетъ Авганистана, то это имѣетъ для насъ значеніе только до тѣхъ поръ, пока лордъ Станлей находится въ министерствѣ — преемники же его могутъ поддерживать и совершенно другіе виды.

Такимъ же образомъ на политику Англіи могли вліять и личные взгляды новаго вице-короля. По отзывамъ лорда Станлея, лордъ Майо не принадлежалъ къ руссофобамъ по убѣжденію, но ему приходилось дѣйствовать въ средѣ англо-индійской, калькутской бюрократіи, сроднившейся съ инстинктами недовѣрія и зависти, относительно Россіи.

Въ виду этого, личные взгляды л. Майо должны были, естественнымъ образомъ, интересовать нашу администрацію. Баронъ Бруниовъ познакомилъ съ этими взглядами наше министерство иностранныхъ дѣлъ депешею отъ 17-го ноября 1868 года. По словамъ нашего посла л. Майо не приписывалъ намъ предвзятой мысли посягнуть на безопасность британскихъ владѣній въ Остъ-Индіи, столь далеко отстоящихъ

отъ нашихъ границъ. Съ другой стороны лучшимъ средствомъ для обезопасенія Остъ-Индіи, онъ считалъ желѣзныя дороги, которыя бы давали Англіи возможность быстро сосредоточить на всякомъ данномъ пунктѣ 40.000 войска въ шестинедѣльный срокъ, тогда какъ непріятель, не смотря на хорошую организацію, прибудетъ на театръ войны уже истомленный долгимъ походомъ чрезъ пустынныя страны. Кромѣ того, непріятельская армія, отдѣлившись отъ своихъ складовъ, будетъ конечно испытывать недостатокъ въ продовольствіи и боевыхъ запасахъ, чего не можетъ случиться съ англійскою арміею, обладающею сѣтью желѣзныхъ путей.

Л. Майо обратилъ поэтому особенное вниманіе на пополненіе сѣти желѣзныхъ дорогъ вѣтвями отъ центра Индустана къ сѣверо-западной границѣ, что, по его мнѣнію, составитъ самую прочную систему обороны ввѣренной ему страны.

Почти одновременная смѣна Черняева и Лауренса, должна была, казалось, повести за собою: со стороны русскихъ—ослабленіе энергіи и предпріимчивости, а со стороны англичанъ-напротивъ, возбужденіе и той, и другой.

При этомъ мы, конечно, проигрывали въ квадратѣ.

Но въ войскахъ нашихъ свирѣпствовала лихорадка завоеваній; болѣзнь эта не уступала леченію, такъ какъ въ перемежку съ лекарствами, давались весьма сносныя крѣпительныя: чины и ордена.

Не только генералы, но и простые поручики бредили завоеваніями. Капитаны же, которымъ ввѣрялась какая нибудь команда, тотчасъ осуществляли свои мечты: такъ былъ взятъ, напримѣръ, Абрамовымъ, Яны-Курганъ, соблазнившій своею близостью къ лагерю подъ Джизакомъ, гдѣ за старшаго оставался Абрамовъ.

Какъ было устоять передъ подобными соблазнами когда, благодаря имъ, можно было шагнуть въ 4 года изъ поручиковъ артиллеріи въ генералы! *)

*) Абрамовъ въ началѣ 1864 г. былъ поручикомъ, а въ серединѣ 1868 года, произведенъ въ генералы.

Это обстоятельство, какъ видно, хорошо было извѣстно англичанамъ: такъ въ одномъ офиціальномъ документѣ прямо заявлялось, что англійскій кабинетъ совершенно увѣренъ въ искренности русскаго правительства, нежелающаго никакихъ пріобрѣтеній въ Средней Азіи, но что онъ боится предпріимчивости второстепенныхъ начальниковъ, которые, въ погонѣ за славой и наградами легко увлекаются за предѣлы, указываемые свыше.

И такъ, закваска, положенная Черняевымъ, обѣщала еще на долго продержать нашу энергію въ возбужденномъ состояніи. Что касается Остъ-Индіи, то и тутъ нельзя было ожидать черезъ чуръ крутой перемѣны.

Если политика невмѣшательства, которой такъ послѣдовательно держался сэръ Джонъ Лауренсъ, заслужила со стороны общественнаго мнѣнія только однѣ нареканія и если настроеніе нынѣшняго великобританскаго кабинета далеко отъ вооруженнаго вмѣшательства, то можно было ожидать принятія какой-либо средней мѣры, удовлетворяющей, по возможности обѣ стороны. Такою мѣрою оказалась подержка Ширъ-Али-хана, какъ наиболѣе склоннаго къ интересамъ Англіи.

По поводу знаменитаго умбальскаго свиданія между покойнымъ вице-королемъ—лордомъ *Майо*—и авганскимъ эмиромъ *Ширъ-Али*, въ 1869 году, «Times» проповѣдывала слѣдующее: «на каждомъ шагу эмиръ видѣлъ внушительныя доказательства нашего могущества въ Индіи. Онъ проѣзжалъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, по которымъ, въ случаѣ необходимости, войска и военные матеріалы могутъ быть быстро доставлены на границу Пешавера; въ разныхъ мѣстахъ ему приходилось видѣть, по крайней мѣрѣ, *вчетверо больше войскъ, чѣмъ сколько находится русскихъ въ цѣломъ Туркестанѣ*. У него не могло остаться никакихъ сомнѣній относительно *неизмѣримаго* превосходства въ Азіи британскаго могущества передъ русскимъ... ему не возможно заблуждаться на счетъ того, съ какой стороны Авганистану грозитъ большая опасность...» И такъ какъ Россія далеко, такъ какъ ея неудовольствіе не-

замѣтно изъ такой дали, Англія же наоборотъ—у дверей и можетъ, въ каждую данную минуту, дать себя почувствовать, то и ясно, кому Ширъ-Али долженъ подчиниться. Это до такой степени ясно, что кажется англичане могли бы обойтись и безъ 800,000 руб. ежегодной дани, которую они обязались платить Авганистану!

Такъ разсуждаютъ въ самой Англіи. Островитяне не боятся и хвастаютъ. Не то въ Индіи: тамъ очень хорошо понимаютъ, что еслибы англичанъ было и не вчетверо, а вдесятеро болѣе противу русскихъ, то и тогда даже положеніе ихъ весьма шатко, въ виду двухъ сотъ милліоновъ подавленнаго и ненавидящаго ихъ населенія! Тамъ сознаютъ, что вѣдь Ширъ-Али не такой же простофиля, чтобы не понять и не оцѣнить ихъ положенія... Конечно, Авганистану Остъ-Индія не по плечу, но если англійскимъ купцамъ придется расплачиваться за всѣ свои продѣлки, варварскія казни и грабительства, да еще по счетамъ самихъ индостанцевъ, поддержаннымъ такимъ адвокатомъ какъ Россія, то еще вопросъ въ чью пользу рѣшитъ судьба эту старинную тяжбу?

Въ то время какъ въ Англіи «общество испытало нѣкоторое разочарованіе, узнавъ, что съ авганскимъ эмиромъ не заключено никакого договора и, что за щедрую субсидію въ 120,000 фунтовъ стерлинговъ Англія не получила повидимому ничего»,— въ Индіи смотрѣли на это дѣло совершенно другими глазами: «субсидія эта, безспорно, довольно тягостное бремя для финансовъ Индіи, но намъ можно помириться съ этой жертвой, какъ *съ преміей, уплачиваемой нами за безопасность сѣверныхъ границъ Индіи*».

Совершенно, какъ видите, купеческій взглядъ на политику! Англичане не видятъ въ этомъ униженія, они охотно платятъ дань и не однимъ Авганцамъ, покупая золотомъ свое спокойствіе — это простая коммерческая сдѣлка: Англія, такъ сказать, *застраховала* свое остъ-индское имѣніе въ конторѣ Ширъ-Али и платитъ ежегодную страховую премію!

Втайнѣ она даже радуется, что провела бѣднаго авганца, вѣдь дѣйствительно тотъ продешевилъ: какъ таки взяться гарантировать Остъ-Индію съ сѣвера только за 800,000 р.? Онъ или надуетъ въ свою очередь, или придерется къ какому нибудь движенію русскихъ впередъ — хоть бы къ занятію устьевъ Аму-Дарьи—и потребуетъ прибавки!

Чтобы заставить Ширъ-Али согласиться на свиданіе, которое все-таки нѣсколько унижало бы эмира въ его собственныхъ глазахъ, потому что имѣло бы видъ заискиванія слабаго у сильнаго, — англичане прибѣгли къ такой уловкѣ: сначала пообѣщали ему денегъ, оружія, пушекъ, а потомъ отказались послать для переговоровъ своего уполномоченнаго... Ширъ-Али, соблазненный обѣщанными благами, согласился отлучиться на разстояніе пятисотъ миль отъ своихъ границъ и въ глазахъ азіятскаго міра явился монархомъ, просящимъ поддержки Великобританіи... Надобно отдать справедливость англійской политикѣ—она съумѣла соблюсти въ глазахъ недальновиднаго народа все свое достоинство: рѣшившись платить ежегодную дань, она заставила своего союзника явиться на поклонъ, какъ бы съ просьбой о помощи!

Между азіятскими властителями путешествія, для личнаго свиданія, не въ обычаѣ. Кто изъ нихъ вздумаетъ отправиться въ чужую землю, для личнаго свиданія съ ея властителемъ—тотъ какъ бы признаетъ себя его подданнымъ... Вотъ почему, не смотря на довольно ясные намеки, не смотря даже на письменныя приглашенія со стороны туркестанскаго генералъ-губернатора—ни коканскій ханъ, ни бухарскій эмиръ не думаютъ воспользоваться высокою честью личнаго свиданія... Еще сыновей своихъ они иногда посылаютъ, но и то считаютъ это за величайшую уступку, и за особенную честь, которую дѣлаютъ русскимъ! А между тѣмъ эти ханы считаются не только англійскою прессою, но даже и нами самими—за подвластныхъ русской державѣ. Таково наше самообольщеніе...

Какъ бы то ни было, а цѣль англичанъ была достигнута. Занятіе русскими Самарканда въ 1868 г. произвело такой

эфектъ въ Средней Азіи и такую панику въ англо-индійцахъ, что надобно было ожидать какого нибудь шага со стороны англичанъ, чтобы умалить, по возможности, пріобрѣтенное русскими значеніе и возстановить обаяніе англійскаго могущества.

Этимъ шагомъ и было умбальское свиданіе.

Англичане развернулись: они приготовились къ смотру, который сами же вызвали, съ цѣлью похвастаться своими силами— вѣдь глазами эмира Ширъ-Али смотрѣла вся Средняя Азія!

Этотъ смотръ имѣлъ значеніе предостереженія: «имѣющій глаза—да видитъ, имѣющій уши—да слышитъ!» Удался ли смотръ... то ли увидѣли глаза, то ли услышали уши, что хотѣлось англичанамъ — это другой вопросъ.

Подарки, сдѣланные англичанами эмиру, оцѣниваютъ въ 700,000 р. сер. *).—Лордъ Майо подарилъ ему и свою собственную шпагу, какъ бы въ знакъ того, что противъ Авганистана она никогда не обнажится; такъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ понимать слова, сказанныя при этомъ вице-королемъ: «мы англичане всегда будемъ вашими друзьями».

По поводу умбальскаго свиданія «Times» заявлялъ и то, что «самъ по себѣ Авганистанъ не имѣетъ для Англіи никакого значенія и важенъ только какъ оплотъ противъ дальнѣйшихъ наступательныхъ плановъ со стороны Россіи. Никакіе трактаты немыслимы въ странѣ, гдѣ законъ не имѣетъ никакой силы, гдѣ рядомъ съ эмиромъ существуетъ столько независимыхъ вождей, которые спускаются съ недоступныхъ горъ только для грабежа и разбоя и гдѣ смерть каждаго эмира служитъ сигналомъ къ междоусобіямъ». — Это мнѣніе раздѣляемъ и мы, да не только по отношенію къ Авганистану, но и ко всѣмъ азіятскимъ ханствамъ.—Мы прибавимъ отъ себя еще и то наблюденіе, что ни одинъ ханъ никогда не считалъ для себя обязательными договоры, заключенные его предшест-

*) Газета „Times“ считаетъ даже въ 840.000, но тутъ вѣроятно въ счету и ружья и пушки, что конечно нельзя признать личною собственностью эмира.

венниками, да и свои собственные договоры исполнялъ только по принужденію и на столько, на сколько ему это выгодно.

Было время (періодъ преобладанія виговъ), что остъ-индскіе генералъ-губернаторы имѣли обычай выдавать авганцамъ денежныя субсидіи, покупая себѣ такимъ способомъ миръ у воинственнаго сосѣда. Теперь этотъ обычай снова выступилъ на сцену, но уже съ намѣреніемъ *купить союзника*. Разница вся въ томъ, что прежде англичане платили деньги, но при этомъ запрещали провозъ въ Авганистанъ оружія и проводъ слоновъ, незамѣнимыхъ для перевозки въ горахъ артиллеріи. Теперь же англичане платятъ деньги и нетолько пропускаютъ боевыя принадлежности, но еще сами дарятъ авганцамъ множество ружей и пушекъ, обязавшись, сверхъ того, содержать на свой счетъ часть авганской арміи, обучать и снабжать ее оружейниками, литейщиками, а также всякаго рода боевыми запасами.

Если припомнить, что все это дѣлалось для народа, истребившаго, тридцать лѣтъ назадъ, самымъ вѣроломнымъ образомъ, почти 48-тысячную англійскую армію; для народа, который, въ массѣ, и до сихъ поръ ненавидитъ англичанъ, то подобный поворотъ въ политикѣ дѣлается еще важнѣе. Очевидно, что нужны были какія нибудь *исключительныя* обстоятельства, чтобы заставить англичанъ дѣйствовать подобнымъ образомъ.

Эти исключительныя обстоятельства дѣйствительно существуютъ... въ воображеніи остъ-индской бюрократіи. Тревожныя думы о завтрашнемъ днѣ подтачиваютъ мозгъ остъ-индскаго чиновника, разстраиваютъ его нервы... и вотъ калькутская пресса вопитъ о необходимости принять мѣры противъ вторженія Россіи.

Если это вторженіе и есть только плодъ возбужденной фантазіи извѣстнаго кружка, то серьезность мѣръ, принимаемыхъ Англіей, не теряетъ отъ того своего значенія и доказываетъ во-первыхъ, что вторженіе это возможно и во-вторыхъ, что оно будетъ для англичанъ не совсѣмъ безвредно.

Цѣли, которыя старалась достичь Англія, прекрасно очерчены въ брошюрѣ: die Russen in Central-Asien (Fr. fon Gelvald).

Коснувшись умбальскаго свиданія, г. фонъ Гельвальдъ приводитъ слѣдующее мнѣніе, очевидно англійскаго происхожденія:

«Ширъ-Али согласился отлучиться на разстояніе пятисотъ миль отъ своихъ границъ и въ глазахъ азіятскаго міра явился монархомъ, просящимъ поддержки Великобританіи; но онъ былъ принятъ такъ великолѣпно, что даже своимъ подданнымъ показался возвеличеннымъ и усиленнымъ, не смотря на роль просителя. — Ширъ-Али, какъ слѣдуетъ думать, возвратился въ Кабулъ другомъ Англіи, а если онъ намъ другъ, то подумайте сколько мы выигрываемъ! Мы пріобрѣтаемъ ни болѣе, ни менѣе, какъ всегдашнюю увѣренность, что за нами обезпеченъ годъ сроку прежде, нежели европейскія войска успѣютъ подвинуться къ нашимъ границамъ. Для Ширъ-Али достаточно трехъ дней; чтобы извѣстить пешаверскаго коммисара объ угрожающей ему опасности. Отъ Пешавера телеграфъ проведенъ во всѣ концы и въ теченіи трехъ недѣль полдюжины инженеровъ, пять горныхъ батарей, двадцать офицеровъ, подобныхъ тѣмъ, которые защищали (противъ русскихъ) Карсъ и, сверхъ того, субсидія за пять лѣтъ впередъ *) все это будетъ находиться въ Кабулѣ. При такомъ подкрѣпленіи авганцы могутъ собственными силами удержать русскихъ и крайне затруднить движеніе ихъ внутрь страны, а между тѣмъ за этимъ передовымъ постомъ, на нашей собственной территоріи, по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, будетъ сосредоточиваться грозная боевая сила, четвертой въ свѣтѣ, военной державы и мощныя средства казначейства, единственнаго въ Азіи, по своей неистощимости».

И такъ, вотъ въ чемъ состоятъ умбальскія условія и вотъ

*) По 10,000 ф. с. въ мѣсяцъ, значитъ въ годъ 120,000, а за 5 лѣтъ 600.000 ф. или 4,200,000 р. сер.

чѣмъ надѣются остановить насъ англичане. Не фальшивая-ли это тревога?

Послѣднее движеніе наше въ Среднюю Азію имѣло сначала единственною цѣлью сомкнуть сибирскую и сыръ-дарьинскую линіи.

Преслѣдованіе этой цѣли втянуло насъ въ рядъ войнъ съ Коканомъ и Бухарою, окончившихся полнымъ торжествомъ нашего оружія и пріобрѣтеніемъ обширной территоріи, что прежде никогда и не входило въ планы нашего правительства. Если это пріобрѣтеніе значительно приблизило насъ къ границамъ Остъ-Индіи, то мы все-таки далеки отъ мысли довести дѣло до конца и потому опасенія англичанъ, по меньшей мѣрѣ, преждевременны; степень возможности вторженія черезъ Авганистанъ ближе извѣстна самимъ англичанамъ и потому тревогу, поднятую ими по поводу воображаемаго нашествія русскихъ, мы должны принять какъ за указаніе на тотъ неожиданный результатъ, какого мы достигли, вовсе о немъ не мечтая: — оказывается, что съ нашихъ теперешнихъ позицій мы уже опасны для Остъ-Индіи. Это ясно сознается не только англичанами, но и всѣми политиками, сколько нибудь знакомыми съ географическими, этнографическими и политическими условіями нашей арены дѣйствій. Ген.-адъютантъ Игнатьевъ, нашъ чрезвычайный посолъ при отоманской портѣ, выразился по этому вопросу слѣдующимъ образомъ (депеша отъ 28 іюня 1868 г.): «дружба Америки и выгодное положеніе, завоеванное нами въ Средней Азіи необходимо повліяютъ на рѣшеніе Англіи въ случаѣ европейскаго кризиса, который можетъ быть вызванъ Франціей. Если только мы не будемъ прямо угрожать интересамъ Англіи, то теперь она прежде два раза подумаетъ, чѣмъ бросится въ войну съ нами».

Здѣсь кстати привести и слѣдующій совѣтъ барона Бруннова (депеша отъ 26 сент. 1868 г.): «благоразуміе указываетъ намъ никогда не полагаться слишкомъ на устойчивость рѣшеній, принятыхъ Англіей; не дѣлая ей безполезныхъ вызововъ, хорошо быть относительно ея постоянно на сторожѣ».

Чтобы успокоить общественное мнѣніе въ Англіи, нашъ военный министръ послалъ л. Станлею подробное свѣдѣніе о числѣ нашихъ войскъ въ Азіи, весьма далекое отъ 100,000, а слѣдовательно, и отъ дальнѣйшаго наступленія.

Мы уже сказали, какое важное значеніе имѣетъ въ Англіи общественное мнѣніе. Та или другая газета забьетъ тревогу и мы уже знаемъ, какой кружокъ общества, какая партія зашевелились. Число подписчиковъ служитъ обыкновенно термометромъ, указывающимъ на сколько горячо сочувствуетъ масса идеямъ, проводимымъ газетою. Въ этомъ отношеніи «Times» играетъ первенствующую роль и не даромъ ее называютъ «*шестою великою державою*». Понятно, что игнорировать мнѣнія англійскихъ газетъ мы не должны, если хотимъ знать взгляды правительства. Что дѣлать: королева царствуетъ, но не управляетъ—таковъ ужь порядокъ въ Англіи—управляетъ же народъ черезъ своихъ представителей, а представители, конечно, обязаны прислушиваться къ голосу своихъ избирателей.

Каковъ былъ взглядъ англійскихъ публицистовъ на средне-азіятскія дѣла, какъ только пронеслась вѣсть о первыхъ нашихъ успѣхахъ, можно судить, напримѣръ, по слѣдующей выдержкѣ изъ журнала Saturday Rewiew. «Во всякомъ случаѣ, русскихъ не слѣдуетъ пускать за Аму, не слѣдуетъ позволять имъ приближаться къ Герату. И безъ того они находятся въ 500 миляхъ отъ него, тогда какъ остъ-индская граница въ 800... Лѣвый берегъ Аму и горы, ограничивающія Гератъ съ юга, составляютъ первую оборонительную линію Остъ-Индіи и потому въ Гератѣ долженъ быть всегда на готовѣ англійскій отрядъ, который могъ бы двинуться ко всякому угрожаемому пункту лѣваго берега Аму. Присутствіе такого отряда, послужитъ значительнымъ подкрѣпленіемъ нашихъ дипломатическихъ представителей, и потому ужь если дѣйствовать, то слѣдуетъ дѣйствовать немедленно, чтобы насъ не предупредили».

И такъ въ отвѣтъ на наше движеніе къ Ташкенту авторъ предлагалъ занять Гератъ.

Дѣйствительно: путь чрезъ Персію и Гератъ едва-ли не самый удобный для того, кто бы хотѣлъ пройдти пѣшкомъ въ Индію. Изъ Герата можно идти на Кандагаръ, потомъ на *Кветту* и затѣмъ чрезъ *Баламскій* проходъ (въ 120 верстъ длины) вдоль извилистой рѣчки—вступить въ англійскія владѣнія. Правда ущельемъ овладѣть трудно, потому что здѣсь живутъ разбойничьи племена, но вопросъ: за кого они будутъ, остается открытымъ. Отъ Астрабада весь путь чрезъ Баламскій проходъ составляетъ 2000 в. и на полъ-дорогѣ стоитъ Гератъ. Дойдя до Кандагара, можно свернуть на *Келатъ* въ Белуджистанѣ, а затѣмъ уже торная дорога въ въ 466 в. приведетъ въ *Карачи*. Изъ Келата можно выйдти и къ *Шикарпуру*, если не боишься разбойниковъ въ горномъ проходѣ.

Если изъ Герата идти на *Газни*, то отсюда чрезъ *Гомальскій* проходъ можно попасть въ *Деръ-Измаилъ-ханъ*, но все-таки съ вѣдома горныхъ разбойниковъ.

Всѣ эти дороги на столько удобны, что англичане никакъ не хотятъ допустить въ Гератъ ни Персіи, ни Россіи. Персію не пускаютъ изъ боязни, что она нетолько не въ силахъ будетъ помѣшать Россіи воспользоваться этимъ путемъ, но и сама откроетъ его.

Но къ Герату мы можемъ подойдти и не черезъ Персію: съ позицій своихъ на Аму-дарьѣ намъ уже не трудно шагнуть въ *Мервъ*, а тамъ ужь рукой подать—до Герата.

Вотъ эта-та возможность и заставила англичанъ задуматься надъ вопросомъ: что имъ дѣлать? Вопросъ этотъ рѣшенъ: англичане займутъ Баламскій проходъ и затѣмъ городъ Кветту. Тогда они сами будутъ на дорогѣ къ Герату. Яблоко раздора значитъ скоро созрѣетъ...

Надобно замѣтить, что вопросъ о Гератѣ не первый разъ выходитъ на сцену. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда персидскія войска осаждали столицу этого ханства, въ свитѣ шаха находился тогдашній агентъ нашъ полковникъ графъ

Симоничъ. Присутствіе русскаго агента повело къ обмѣну нотъ между сентъ-джемскимъ и с.-петербургскимъ кабинетами. Мало того: чтобы заставить персіянъ снять осаду, англичане потребовали удовлетворенія за насиліе, причиненное гонцу англійской миссіи и заняли о—въ Карракъ. Шахъ былъ озадаченъ тѣмъ болѣе, что до того времени отношенія его къ англичанамъ были самыя дружественныя...

Во второй разъ гератскій вопросъ выдвинулся въ 1857 г., во время распри Достъ-Магомета съ персіянами. Англичане снова заняли о—въ Карракъ и г. Буширъ, чѣмъ и заставили персіянъ отказаться отъ Герата. Какъ и въ 1838 году, движеніе персіянъ было приписано внушеніямъ Россіи и видамъ ея на путь въ Индію чрезъ это ханство.

Вице-король с. Дж. Лауренсъ отправился на свиданіе съ Достъ-Магометомъ въ Пешаверъ и заключилъ съ нимъ 26 января 1857 года договоръ, состоявшій изъ 13 статей.

1-я статья говорила о томъ, что остъ-индская компанія, изъ дружбы къ Достъ-Магометъ-хану, рѣшается помочь ему въ войнѣ съ Персіей, занявшей Гератъ вопреки обѣщанію данному британскому правительству, и что потому Достъ-Магомету будетъ выдаваться ежемѣсячно 1 лакъ рупій (60,000 р. сер.) на слѣдующихъ условіяхъ:

2) Эмиръ обязуется содержать то-же число кавалеріи и артиллеріи, какое у него имѣется въ настоящее время, пѣхоты-же не менѣе 18,000, изъ коихъ 13,000 должны быть регулярными и раздѣляться на 13 полковъ.

3) Эмиръ долженъ самъ озаботиться полученіемъ денегъ изъ британскихъ казначействъ и пересылкой ихъ въ свои владѣнія.

4) Британскіе офицеры, съ надлежащими полномочіями, будутъ посылаемы въ Кабулъ, Кандагаръ, Балхъ и всюду, гдѣ будутъ сосредоточены авганскія войска для дѣйствія противъ персіянъ. Офицеры эти будутъ наблюдать за тѣмъ, чтобы деньги, отпускаемыя кампаніею, употреблялись по назначенію. Раздача жалованья войскамъ не будетъ ихъ касаться. Они

не будутъ также вмѣшиваться во внутреннее управленіе страною. Эмиръ отвѣчаетъ за ихъ безопасность, за почтительное съ ними обращеніе и за доставленіе имъ вѣрныхъ свѣдѣній по всѣмъ военнымъ и политическимъ дѣламъ, имѣющимъ связь съ войною.

5) Кабульскій эмиръ будетъ держать въ Пешаверѣ векиля и платить ему жалованье.

6) Ежемѣсячная субсидія прекратится съ окончаніемъ войны или и ранѣе, если такъ будетъ угодно остъ-индскому генералъ-губернатору.

7) Съ прекращеніемъ субсидіи англійскіе офицеры будутъ отозваны, но остъ-индскому правительству предоставляется право содержать въ Кабулѣ своего векиля (но не европейскаго офицера); эмиру-же кабульскому предоставляется содержать векиля въ Пешаверѣ.

8) Эмиръ обязуется снабдить британскихъ офицеровъ достаточнымъ конвоемъ во время слѣдованія ихъ по его владѣніямъ.

9) Субсидія начнется съ 1 января 1857 года и будетъ выплачиваема британскими казначействами по истеченіи каждаго мѣсяца.

10) Пять лаковъ рупій (т. е. 300,000 р. сер.), выданные уже эмиру (три — въ Кандагарѣ и два — въ Кабулѣ)— не будутъ зачтены въ счетъ субсидіи. Они составляютъ отдѣльный даръ достопочтенной остъ-индской компаніи.

11) Это условіе не уничтожаетъ прежняго, заключеннаго въ Пешаверѣ 30 марта 1855 г. (соотвѣтствующаго 11 реджебу 1271 г.), по которому кабульскій эмиръ обязался быть другомъ друзей остъ-индской компаніи и врагомъ ея враговъ. Поэтому эмиръ обязуется сообщать компаніи всѣ предложенія, какія онъ можетъ получить отъ Персіи или отъ ея союзниковъ.

12) Во вниманіе къ дружбѣ, существующей между британскимъ правительствомъ и Достъ-Магометомъ, британское правительство обѣщаетъ забыть прошлую вражду всѣхъ авган-

скихъ племенъ и ни въ какомъ случаѣ наказывать ихъ не будетъ.

13) Согласно желанію эмира, британское правительство обязуется доставить, сверхъ подаренныхъ уже 4,000 ружей, еще 4,000, которыя и будутъ доставлены въ Толь, откуда люди эмира перевезутъ ихъ на своихъ повозкахъ.

Союзъ съ Достъ-Магометомъ, по настоящему, былъ вовсе не нуженъ: персіяне очистили Гератъ не передъ авганцами, а передъ англичанами, занявшими Буширъ. Положимъ, что лишній расходъ въ нѣсколько сотъ тысячъ и не былъ чувствителенъ для англійскаго кармана, но здѣсь вопросъ не въ деньгахъ, а въ томъ, *какъ* онѣ употребляются. Навѣрное можно сказать, что всѣ эти субсидіи авганцамъ не возвышаютъ, а умаляютъ значеніе остъ-индскаго правительства. Желалъ бы я знать: какъ вы втолкуете азіятцу, что Англія платитъ потому, что сильна, а не потому, что слаба, не потому, что сама справиться не въ силахъ?

Авганцамъ это еще менѣе понятно въ виду тѣхъ погромовъ, какими они обмѣнялись съ англичанами. Вчерашніе враги—сегодня платятъ за дружбу: что за притча?—Отвѣтъ давно ими подъисканъ: авганцы *нужны* англичанамъ, *одни англичане не могутъ* справиться даже съ Персіей.

Едва-ли такое мнѣніе можетъ быть лестно и желательно для индо-британской имперіи!

Недолго, впрочемъ, Достъ-Магометъ получалъ субсидію: 4 марта персіяне уже смирились и подписали договоръ. Однимъ изъ первыхъ условій было то, что шахъ долженъ былъ тотчасъ по обмѣнѣ ратификацій объявить всеобщую амнистію для тѣхъ персіянъ, которые скомпрометировали себя сношеніемъ съ британскими войсками.

Персидскія войска должны были очистить Гератъ и другія занятыя ими территоріи авганскія—въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ послѣ обмѣна ратификацій. Затѣмъ шахъ за себя и своихъ преемниковъ отказывался отъ всякихъ правъ на Гератъ, обязывался не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Авганистана. Въ случаѣ недоразумѣній съ этою страною, Персія должна была обратиться къ посредничеству Англіи, которая въ свою очередь, обѣщала улаживать всякое недоразумѣніе справедливымъ и почетнымъ для Персіи образомъ. Если персидскія границы будутъ нарушены однимъ изъ названныхъ государствъ, то персіяне имѣютъ право начать военныя дѣйствія въ случаѣ не полученія удовлетворенія. Однакоже, войска персидскія должны вернуться немедленно по достиженіи своихъ цѣлей. Плѣнные возвращаются обѣими сторонами безъ всякаго выкупа. Тотчасъ послѣ обмѣна ратификацій, британская миссія вернется въ Тегеранъ, гдѣ персидское правительство обязуется принять ее съ церемоніями и извиненіями, изложенными въ нотѣ, подписанной въ тотъ-же день уполномоченными договаривающихся сторонъ. Черезъ 3 мѣсяца послѣ возвращенія посольства, въ Тегеранѣ учреждается смѣшанная коммиссія для разбора претензій британскихъ подданныхъ. Уплата по признаннымъ претензіямъ должна быть произведена въ теченіе года. Британское правительство отказывается отъ права покровительствовать персидскимъ подданнымъ, не находящимся на дѣйствительной службѣ у британскихъ агентовъ, такъ какъ такимъ правомъ не пользуется ни одна изъ другихъ державъ. Договоръ 1851 года — объ уничтоженіи въ персидскомъ заливѣ торговли невольниками—подтверждается.

Британскія войска очистятъ занятыя ими порты только тогда, когда всѣ условія договора будутъ уже выполнены персіянами.

Нельзя сказать, чтобы эти условія были очень пріятны персіянамъ. Понятно также, что персидское правительство не могло особенно жаловать англичанъ, «попавшихъ совсѣмъ безъ драки въ большіе забіяки», единственно благодаря захвату торговыхъ портовъ. Кромѣ того, Гератъ, къ которому сходятся всѣ главныя дороги: изъ Астрабада, Хивы, Бухары, Кабула, Келата и Остъ-Индіи — составляетъ такой важный пунктъ, въ особенности для Персіи, что она постоянно стремилась сюда всѣми силами.

Нѣтъ сомнѣнія, что при первомъ намекѣ на поддержку, Персія выйдетъ изъ своего невольнаго бездѣйствія и займетъ Гератъ. Все дѣло въ томъ, что поддержки этой никто ей обѣщать не можетъ, такъ какъ для этого нужна не только сухопутная армія, но и флотъ.

Западная Европа, издавна враждебная Восточной т. е. Россіи, охотно вѣрила и вѣритъ до сихъ поръ всякой нелѣпости, распускаемой досужими политиканами на счетъ послѣдней. Ужь если французы, на экзаменѣ 1870 года, оказались круглыми невѣждами въ географіи своей собственной страны, то чего ждать отъ нихъ касательно Россіи? Не зная ни того, что за штука такая Средняя Азія, ни того, какихъ трудовъ стоилъ намъ первый шагъ, ни того, сколько предстоитъ еще хлопотъ для *дѣйствительнаго* подчиненія всѣхъ племенъ, населяющихъ занятыя нами страны—западные публицисты, самымъ серьезнымъ образомъ увѣряли, что естественнымъ послѣдствіемъ завоеванія Россіею Туркестана будетъ прежде всего изгнаніе англичанъ изъ Индіи, а затѣмъ покореніе всей западной Европы дикими ордами киргизъ, башкиръ и коканцевъ, предводительствуемыхъ русскими генералами!

«Times» и «Daily News» переворачивали вопросъ о Гератѣ на всѣ стороны, справедливо считая это ханство воротами въ Остъ-Индію и не успокоиваясь нисколько сознаніемъ, что отъ этихъ воротъ до устьевъ Инда остается еще добрыхъ полторы тысячи верстъ! «Нужды нѣтъ, говорятъ они: русскіе передъ этимъ не остановятся, когда настанетъ пора». По мнѣнію остъ-индскаго корреспондента «Times'а» пора эта настанетъ съ борьбою за Константинополь.

«Русская попытка въ 1853—55 г. на Константинополь не удалась только потому, что они не оперировали противъ Англіи въ Средней Азіи. Теперь они поправляютъ эту ошибку: пароходы ихъ ходятъ по Яксарту и Оксу (Сыръ и Аму-Дарьи), передовые посты ихъ стоятъ въ 300 миляхъ отъ нашей границы, они находятся въ наилучшихъ отношеніяхъ съ

Персіею и пользуются неограниченною популярностью среди жителей Средней Азіи».

Для успокоенія пугливаго патріота, «Times» перечислила всѣ препятствія, ожидающія русскую армію на пути въ Остъ-Индію и доказала, какъ дважды-два четыре, что эта армія погибнетъ, если не въ пути, то въ Авганистанѣ, а если не тутъ, то ужь окончательно въ душной атмосферѣ сѣверо-западной Индіи.

«Начать съ того, что разстояніе между Остъ-Индіей и русскимъ Туркестаномъ слѣдуетъ считать *не отъ передовыхъ постовъ, а отъ дѣйствительнаго центра силъ*». Мысль вѣрная, но, кажется, что понятіе о центрахъ не ясно представляется самимъ англичанамъ. Если ужь искать центровъ, то не въ Туркестанѣ они, не въ Остъ-Индіи: обѣ эти страны составляютъ только аванпосты Россіи и Англіи, а въ такомъ случаѣ положеніе русскихъ въ Азіи выгоднѣе...

«Промежуточная полоса земли отличается во время зимы страшно суровымъ климатомъ, продолжаетъ «Times», а лѣтомъ нестерпимымъ зноемъ. Мѣстность вокругъ Каспійскаго моря въ высшей степени не здоровая. Дорогъ нѣтъ... Какъ провезти артиллерію и припасы для огромной арміи по дикимъ пустынямъ? Какъ высылать подкрѣпленія?»

Отвѣтомъ на всѣ эти вопросы можетъ служить наша послѣдняя экспедиція противъ Хивы, а разъ что мы утвердились на устьяхъ Аму-Дарьи, то доставка моремъ тяжестей и подкрѣпленій на эту передовую линію англичанъ значительно облегчится. Если всѣ перечисленные «Times'омъ» ужасы не остановятъ русскихъ войскъ, то имъ указываютъ новое пугало: авганцевъ. «Храброе, энергичное, лукавое, измѣнническое населеніе Авганистана приметъ, обласкаетъ, предастъ и истребитъ непріятельскую армію. Безконечныя ущелья, зіяющія пропасти, вѣчные снѣга, бурные потоки, какъ нельзя лучше помогутъ авганцамъ сбыть съ рукъ ненавистныхъ иноземцевъ». Если ужь и это не поможетъ, не испугаетъ русскихъ, то что-же далѣе? «истомленные походомъ, почти безъ артил-

леріи и припасовъ, эти дѣти сѣвера вступятъ на знойныя равнины Индіи.... все равно, что въ новый свѣтъ, чтобы завязать борьбу съ врагомъ, сражающимся у себя дома, снабженнымъ всѣми средствами и обладающимъ возможностью выбирать время для нападеній и отступленій». Ясно, что тутъ и конецъ.

Чтобы отвлечь однако-же вниманіе русскихъ отъ Индіи «Times» указываетъ имъ на задачу «болѣе великую», на занятіе обширныхъ областей центральной Азіи отъ Каспійскаго моря до Китая и отъ Алтайскихъ горъ до Гималайскаго хребта. «Усмиреніе дикихъ племенъ—подвигъ болѣе благодарный, чѣмъ борьба съ климатомъ и арміею Индіи». Съ этимъ условіемъ—не тянуться къ Индіи—англичане готовы терпѣть насъ въ Азіи и даже находятъ въ этомъ нѣкоторыя выгоды. «Мы вовсе не желаемъ, продолжаетъ «Times», чтобы эта громадная часть земли оставалась на вѣкъ притономъ полудикихъ кочующихъ племенъ. *Русская цивилизація, во всякомъ случаѣ, выше тамошней*». И такъ насъ, значитъ, считаютъ все-таки лучше киргизъ и туркменъ—хоть и на томъ спасибо!

Боясь, однако-же, что алчность русскаго медвѣдя не удовлетворится такими ничтожествами, каковы Бухара, Хива и Коканъ, въ которыхъ во всѣхъ едва ли больше жителей, чѣмъ въ одномъ городѣ Лондонѣ—англичане указываютъ намъ *) на важность для насъ Пріамурскаго края, гдѣ должна пройти «великая сибирская желѣзная дорога, съ которою не должно медлить, въ виду ея важнаго міроваго значенія». Если этого занятія покажется мало—пусть, такъ и быть, русскіе присоединятъ къ себѣ западныя китайскія провинціи... «Занятіе этихъ земель доставитъ Россіи до 35 милліоновъ новыхъ подданныхъ, а сохраненіе между ними порядка и распространеніе образованности представитъ достаточное занятіе для Россіи».

И такъ, намъ указываютъ благодарный и благородный под-

*) Письма англо-индійца №№ 21 и 29 „Голоса“ за 1873 годъ.

вигъ: усмирить дикихъ кочевниковъ и образовать ихъ. Пріемъ англоиндійца иной чѣмъ у «Times'а»: онъ не грозитъ, не пугаетъ, какъ шестая держава, онъ, напротивъ, нѣжно, вкрадчивымъ голоскомъ тянетъ нотку о томъ, что между Россіей и Англіей существуютъ самыя разнообразныя связи—торговыя, литературныя, общественныя и даже церковныя (намекъ на попытки къ единенію англиканской и православной церквей), что оба народа во многомъ симпатизируютъ другъ другу, что англичане смотрѣли прежде на русскихъ сквозь польскіе очки, а что теперь почувствовали даже расположеніе къ Россіи, послѣ славныхъ реформъ настоящаго царствованія, и прочее.

Вообще англійскіе публицисты выказываютъ или полную самоувѣренность или боязливость, чуткую къ каждому слуху. Между ними весьма немного такихъ, которые смотрятъ спокойно на поступательное движеніе Россіи, видя въ этомъ, во-первыхъ, историческую необходимость, а во-вторыхъ, залогъ спокойствія и порядка. Самымъ выдающимся изъ числа ихъ былъ безспорно сэръ Родерикъ Мурчисонъ, президентъ лондонскаго географическаго общества. Но даже изъ тѣхъ, кто раздѣляетъ его убѣжденія относительно полезности умиротворенія Азіи русскими штыками и русскимъ вліяніемъ, большая часть соглашается на это лишь по невозможности остановить наше движеніе. Съ рѣшимостью отчаянія они восклицаютъ: «Намъ нечего бояться паденія Бухары и даже Кабула, пусть русскіе водворятся у самыхъ дверей нашихъ... Сосѣди такъ сосѣди! намъ даже слѣдуетъ радоваться, что сосѣдомъ будетъ одно прочное государство, уважающее договоры, вмѣсто цѣлой дюжины варварскихъ и вѣроломныхъ племенъ, разоряющихъ насъ на ежегодныя экспедиціи». Другими словами: нѣтъ худа безъ добра... Наиболѣе откровенные прямо заявляютъ, что «подвигаясь въ Среднюю Азію, *Россія старается для Англіи*». Иначе сказать: Россія простодушно загребаетъ жаръ голыми руками для удовольствія Англіи!

«Times» развиваетъ вопросъ нѣсколько подробнѣе: «Если Россія будетъ предоставлена самой себѣ, говоритъ эта газета,

то она не замедлитъ овладѣть всею Среднею Азіею. *Только Англія можетъ воспрепятствовать этому* и весь вопросъ въ томъ: стоитъ ли противодѣйствовать Россіи и какимъ образомъ? Интересы Англіи вовсе не требуютъ отнятія у русскихъ ихъ завоеваній (слава Богу!); владѣнія русскихъ на Оксѣ, на Яксартѣ и даже въ Бухаріи не грозятъ ни малѣйшею опасностью владычеству англичанъ въ Остъ-Индіи... Міръ положительно въ выигрышѣ отъ неустанныхъ завоеваній Россіи, потому что трудно найти другую страну, гдѣ бы перемѣна правительства была такъ желательна, какъ въ Средней Азіи. Апатія и мусульманскій фанатизмъ разныхъ властителей, при отсутствіи какихъ бы то ни было хорошихъ качествъ, превратили, нѣкогда плодоносныя долины, въ голыя пустыни, а цвѣтущіе богатые города въ развалины.»

«Страна и населеніе только выиграютъ отъ замѣны теперешняго безправія русскимъ духомъ порядка, какъ онъ ни механиченъ, какъ ни рутиненъ. А что проиграетъ отъ этого Англія? Въ далекомъ будущемъ ей грозятъ возможностью нажить себѣ соперника за владычество въ Остъ-Индіи... Но прежде чѣмъ борьба за Остъ-Индію сдѣлается возможною, Россія должна будетъ покорить себѣ не только Хиву и Бухару, но и Авганистанъ, а этого въ одинъ день не сдѣлаешь. *Пока же завоеванія Россіи выгодны для торговыхъ интересовъ Англіи.* Зависть русскихъ фабрикантовъ не можетъ наложить такого гнета на англійскую торговлю, какъ анархія или грабежи азіятскихъ деспотовъ».

Рядомъ съ такою увѣренностью въ благотворности результатовъ русскаго вліянія, какъ-то странно видѣть заботы англійскаго правительства о противодѣйствіи этому вліянію...

Въ 1869 году въ парламентѣ былъ сдѣланъ запросъ о дѣлахъ Средней Азіи и во время преній было высказано замѣчаніе, что Англія не должна оставлять безъ вниманія и другую границу Индіи—со стороны Персіи. Замѣчаніе это не прошло безслѣдно, правительство позаботилось объ усиленіи своего вліянія въ Персіи и по просьбѣ шаха отправило къ

нему нѣсколько офицеровъ для обученія и преобразованія персидской арміи на европейскій образецъ. Тоже самое сдѣлано и по отношенію Авганистана.

Каждый согласится, что подобныя мѣры англійскаго правительства весьма мало удовлетворяютъ понятію о полнѣйшемъ невмѣшательствѣ, о политикѣ неуклоннаго нейтралитета. Мы, конечно, только отмѣчаемъ фактъ, не имѣя ни малѣйшей возможности противодѣйствовать ему, даже еслибы онъ и былъ для насъ стѣснителенъ.

Наша дипломатія никогда не била тревоги изъ-за мѣропріятій англійскаго правительства, по отношенію къ Азіи, никогда не дѣлала ни запросовъ, ни представленій, за то сама вынуждена безпрестанно успокоивать боязливую разсчетливость торговой компаніи, называемой британскою имперіей!

ГЛАВА XII.

Кто изъ насъ сильнѣе?—Наши плацдармы.—Путь изъ Кашгара въ Индію.—Вѣрить ли Форсейту?—Свидѣтельство г. Шоу.—Средство задержать насъ на пути въ Индію.—Нейтралитетъ Авганистана.—Взглядъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ.—Свиданіе князя Горчакова съ лордомъ Кларендономъ въ 1869 г.—Мнѣніе Times'а по поводу нейтралитета Авганистана. — Опасность простаго сосѣдства съ нами, — Лордъ Майо по поводу безотраднаго положенія дѣлъ въ Индіи.—Барышничество англичанъ по отношенію къ налогамъ и народному благоустройству. — Внушенія Ширъ-Али-хану. — Обмѣнъ увѣреній въ дружбѣ и любви.—Переговоры Форсейта о нейтрализаціи Кашгара.—Выгодность для Россіи сосѣдства съ Англіею.—Набатъ по поводу хивинской экспедиціи.—Возобновленіе вопроса о нейтральномъ поясѣ.—Посольство графа Шувалова.—Сужденія Times'а и Morning Post'а по поводу признанія нами нейтралитета Авганистана.—Мнѣніе Брайта объ Индо-британской имперіи.—Перемѣнится ли политика Англіи относительно Россіи, по случаю родства царствующихъ фамилій?

Если ужь сами англичане считаютъ себя не безопасными въ Остъ-Индіи, то мы еще въ большей степени должны заботиться о предохраненіи себя отъ случайностей: англичане располагаютъ въ Остъ-Индіи и бо́льшимъ числомъ войскъ, сравнительно съ нами, и лучшими средствами сообщеній съ пограничными территоріями. — Изъ Авганистана англичане думаютъ устроить для себя плацдармъ, гдѣ, по тревогѣ, соберутся всѣ купленные ими солдаты, нѣкогда враждебнаго народа и всѣ свободныя силы Остъ-Индіи, что въ сложности составитъ такую цифру, передъ которой приходится остановиться. По условію, заключенному на умбальскомъ свиданіи, англичане, по первому извѣстію о нашемъ движеніи къ Авганистану, обязаны въ теченіи трехъ недѣль прислать эмиру: пять горныхъ батарей, двадцать пять офицеровъ (въ томъ

числѣ 6 инженеровъ) и сверхъ того пятилѣтнюю субсидію, т. е. четыре милліона рублей.

По свѣдѣніямъ 1873 года остъ-индское правительство располагаетъ войскомъ въ 190.264 человѣка, изъ коихъ, впрочемъ, только 60.632 чел. англичанъ при 2880 офицерахъ. Туземныхъ солдатъ 123.470 чел. — Войска эти составляютъ 50 батальоновъ пѣхоты, 72 эскадрона кавалеріи, при 402 орудіяхъ. Если прибавить къ этому войска всѣхъ зависимыхъ владѣтелей, да еще авганскія, то мы смѣло можемъ считать англійскія силы въ 300.000 человѣкъ. Что касается до насъ, то по свѣдѣніямъ 1875 года все число войскъ Туркестанскаго Округа простиралось до 33.893 человѣкъ.

Составъ войскъ былъ слѣдующій:

Регулярныхъ:	18 батальоновъ,	5 ротъ,		48 орудій,	13 командъ.
Иррегулярныхъ:	1 бат.,		37 сотенъ,	8 ор.	
Всего	19 батальон.,	5 ротъ,	37 сотенъ,	56 орудій,	13 командъ.

Простаго сравненія достаточно, чтобы получить совершенно вѣрный выводъ по вопросу о томъ: кто изъ насъ наиболѣе способенъ къ наступленію?

Очевидно, что и мы, съ своей стороны, обязаны принять мѣры: мы должны устроить или пріискать себѣ удобныя сообщенія, мы должны также имѣть свой плацдармъ.

Соединеніе Каспія съ Araломъ желѣзною дорогою и пароходство по Аму-Дарьѣ, поставитъ насъ совершенно въ одинаковое съ англичанами, если не въ лучшее, положеніе: мы, во всякомъ случаѣ будемъ *ближе* къ источникамъ своихъ силъ, чѣмъ Остъ-Индія къ своей метрополіи.

Что касается до выбора *нашего* плацдарма, то, быть можетъ, намъ придется избрать Кашгаръ, но и это дѣло будущаго. Чрезъ Кашгаръ пролегаетъ единственный пока для англичанъ путь въ наши владѣнія. Караванная дорога изъ Ладака въ Яркендъ, по словамъ перваго донесенія г. Форсейта, прорѣзываетъ Каракорумскій хребетъ долиною Чанъ-Ченму. Зима въ этихъ горахъ менѣе сурова, чѣмъ въ Гималаяхъ, дорога удобна для верблюдовъ, значитъ доступ-

на и для тяжестей. Англичане завязали уже сношенія съ Якубъ-бекомъ, перевезли къ нему и ружья и пушки, а по тому нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно они воспользуются Яркендскимъ путемъ, если мы не предупредимъ ихъ на этомъ пунктѣ. Отправляя въ послѣднее время чуть не ежегодныя экспедиціи въ Кашгаръ, англичане въ то-же время стараются увѣрить, что названный путь, по высотѣ горныхъ перевааловъ, превышающихъ Монбланъ—совершенно неудобенъ для военныхъ цѣлей. Это какъ то плохо вяжется съ пересылкой Якубъ-беку такихъ громоздкихъ подарковъ, каковы напр. пушки. Допустимъ однако же, что нынѣшнія увѣренія англичанъ, о недоступности каракорумскихъ перевалов, вѣрнѣе прежнихъ показаній объ ихъ удобствахъ и что горы дѣйствительно представляютъ рядъ Монблановъ—чтожъ изъ этого? Русскимъ это не въ диковину!

Въ нашей литературѣ нерѣдко обсуждался вопросъ о возможныхъ путяхъ въ Индію. Г. Венюковъ посвятилъ этому рядъ спеціальныхъ статей и даже читалъ объ этомъ публичныя лекціи въ Академіи Генеральнаго Штаба. Насколько это оправдывалось требованіями самого общества, можно судить потому, что эти лекціи предназначались сначала только для слушателей академіи, какъ дополнительный курсъ, а на публику никто не разсчитывалъ. Англійская пресса, бившая набатъ изъ за этихъ лекцій, считая ихъ «знаменіемъ времени», выраженіемъ общественнаго мнѣнія и замысловъ правительства—ошиблась самымъ забавнымъ образомъ. Англійскимъ журналистамъ досадно, что есть на Руси человѣкъ, который зорко слѣдитъ за ними, не пропускаетъ ни одной статьи англійскихъ газетъ, гдѣ только говорится объ Азіи и, въ свое время, оповѣщаетъ насъ о новомъ замыслѣ, о новомъ движеніи, о новыхъ проискахъ соперничествующей державы. Если они не хотятъ, чтобы Россія знала что нибудь обо всемъ этомъ — пусть ничего не печатаютъ ни въ журналахъ, ни въ газетахъ, ни отдѣльными брошюрами. Слово, сказанное въ печати—становится достояніемъ всего міра. Но съ англійскими источни-

ками надо быть осторожнымъ. Осторожнаго изслѣдователя не собьешь даже и намѣренною ложью, если онъ не изъ тѣхъ, о которыхъ можно сказать:

Что ему книга послѣдняя скажетъ—
То ему нá душу сверху и ляжетъ...

Форсейтъ сначала расхвалилъ до нельзя дорогу черезъ Каракорумъ въ Яркендъ, потомъ сталъ увѣрять, что путь этотъ годенъ только въ извѣстное время года, да и то сопряженъ съ величайшими затрудненіями, такъ-какъ приходится одолѣть нѣсколько параллельныхъ хребтовъ,—Банихалъ въ 10 т. футовъ, Зоджи въ 11 т., Кардунъ въ 17.500, Сасеръ — въ 18 т., Каракорумъ — въ 18.300, Суджетъ — въ 18.200, Киліанъ—въ 16 т.,—съ перевалами, превышающими Монбланъ. Но зачѣмъ же лазить непремѣнно по монбланамъ, когда есть прекрасная дорога, безъ всякихъ горъ? Форсейтъ прикидывается, что такой дороги не знаетъ, между тѣмъ сношенія Индіи съ Кашгаромъ что-то ужъ зачастили.—Туда доставлены даже пушки. Не черезъ семь ли монблановъ ихъ тащили? Прежде путь считался прекраснымъ и правительству Остъ-Индіи указывалась опасность, какой можетъ подвергнуться англійское владычество, если русскіе займутъ Кашгаръ и овладѣютъ каракорумскимъ проходомъ.—Теперь, когда Якубъ-бекъ попалъ на буксиръ къ англичанамъ, когда они приняли возможныя мѣры противъ всякой неожиданности, когда Форсейтъ добился своей цѣли и для него созданъ довольно важный постъ на границѣ—онъ какъ будто старается отвести глаза Россіи отъ бреши, сдѣланной природою въ Каракорумахъ!

Предлагаемый трудъ былъ уже готовъ къ печати, когда въ Петербургѣ была получена книга Хуттона «Central Asia». Перелистывая книгу, я наткнулся на весьма интересное свѣдѣніе, попавшее и къ Хуттону, очевидно, случайнымъ образомъ, а потому вставленное въ концѣ XV главы въ видѣ приложенія. Вотъ переводъ этого приложенія:

«Въ своемъ описаніи Средней Азіи, напечатанномъ въ

запискахъ королевскаго географическаго общества, г. Шоу (Shaw), (англійскій консулъ въ Кашгарѣ), говоритъ:

«Въ письмѣ къ нашему покойному президенту, сэру Родерику Мурчисону, я описывалъ удивленіе, испытанное мною въ то время, какъ я проходилъ по открытой равнинѣ отъ рѣкъ, текущихъ къ Средней Азіи, къ рѣкамъ, изливающимся въ Индъ. Могущественная горная цѣпь съ ледниками и вѣчными снѣгами, которая нѣсколько дней назадъ представлялась мнѣ преградою къ южнымъ областямъ—оказалась, когда я приблизился, *прорѣзанною насквозь потоками, направлявшимися къ сѣвернымъ плоскогорьямъ*. Недавно я имѣлъ еще болѣе поразительное доказательство того же самаго факта: въ прошломъ году я рекомендовалъ нѣкоторымъ офицерамъ 37-го полка хорошее мѣсто для охоты, къ сѣверу отъ Каракорума. Капитанъ Скиннеръ (Skinner) и его товарищи, находясь на верховьи рѣки Каракаша и дорожа временемъ, вздумали вернуться кратчайшимъ путемъ къ Инду и оставили каракорумскій проходъ къ западу. Первый вопросъ ихъ, по приходѣ въ Ли (Ладакъ), былъ слѣдующій: «Что случилось съ Каракорумскимъ хребтомъ? Развѣ онъ провалился?»—Дѣйствительно: они хотѣли слѣдовать по широкому выходу къ югу отъ рѣки Каракаша, постоянно надѣясь встрѣтить массивный горный хребетъ, обозначенный на картахъ, но *пройдя нѣсколько пустынныхъ и возвышенныхъ равнинъ—они очутились на берегу ручья, изливающагося въ Индъ, вовсе не встрѣтивъ никакой горной цѣпи*.

«Уничтоживъ такимъ образомъ Каракорумскій хребетъ, мы можемъ сдѣлать тоже самое и съ другими, а именно съ Болоромъ Гумбольдта или Белутъ-Тагомъ. Изслѣдованія русскихъ отъ Кокана и Самарканда и маіора Монгомери отъ истоковъ Оксуса, доказываютъ повидимому, что горныя страны Памиръ, Алай и др. отличаются тѣмъ же характеромъ, какой мною описанъ. Это высокіе снѣговые хребты, но они не управляютъ главнымъ теченіемъ рѣкъ; напротивъ — отъ одной главной рѣчной системы до другой обыкновенно бываетъ почти нечувствительный подъемъ. Тоже самое мы можемъ заключить изъ словъ кашмирскаго плѣнника, котораго мы встрѣтили въ Кашгарѣ. Онъ былъ захваченъ въ одной изъ пустынныхъ долинъ, къ югу отъ водораздела (возлѣ котораго впослѣдствіи былъ убитъ несчастный Гайвордъ). Согласно обычаю, онъ былъ проданъ въ неволю. Раненый, босоногій, почти нагой, онъ былъ привязанъ къ хвосту лошади своего хозяина и, такимъ образомъ, уведенъ съ другими рабами въ Среднюю Азію. При такомъ способѣ путешествія онъ, конечно, прекрасно бы запомнилъ всѣ трудности пути, но когда его спрашивали—*онъ не могъ припомнить, чтобы онъ проходилъ въ путешествіи какую нибудь гору* и только послѣ неоднократно повторенныхъ вопросомъ, вспомнилъ одно такое мѣсто, *гдѣ воды бѣжали въ противоположныя направленія*.»

Г. Шоу совершалъ свои экскурсіи съ вѣдома г. Форсейта. Является вопросъ: если г. Шоу *знаетъ* о какой нибудь дорогѣ—можетъ ли не знать о ней Форсейтъ?

И такъ, природа открыла намъ широкія ворота въ Индію. Вотъ куда должны стремиться наши изслѣдователи—куда должно быть направлено вниманіе нашего правительства: частные люди рѣдко обладаютъ въ одно и то-же время страстью къ изслѣдованіямъ въ опасныхъ мѣстахъ и капиталами для путешествія. Очевидно, что на помощь имъ должно придти или общество или правительство. На изслѣдованіе пути въ Индію не слѣдуетъ жалѣть ни труда, ни денегъ, въ виду неисчислимыхъ послѣдствій открытія,—въ виду тѣхъ громадныхъ сбереженій, какія доставитъ намъ знаніе, какъ добраться до ахиллесовой пяты Англіи!

Послѣдняя экспедиція Форсейта состояла изъ 138 человѣкъ и 250 вьючныхъ животныхъ. Все это было раздѣлено на 3 партіи и направлено по тремъ дорогамъ. Изъ Ладака двѣ дороги ведутъ на Каракорумъ—тутъ 3 перевала и зимою 10 дней надо идти безъ корма и воды. Третья дорога на *Чанъ-Ченму* (Шонъ-Шенму) — высохшее озеро, на высотѣ 16.000 футовъ—и затѣмъ чрезъ 3 перевала въ 15.000 ф. вы-

ходитъ къ крѣпости *Шахи-дулла.* Вообще весь вопросъ о дорогахъ въ Индію со стороны Болора и Кашгара—представляется крайне туманнымъ. Пока здѣсь не пройдутъ надежные русскіе изслѣдователи (не диллетанты, не знающіе ни съемки, ни мѣстныхъ нарѣчій) — до тѣхъ поръ мы ничего достовѣрнаго не узнаемъ. Допустимъ однако же, что на пути въ Среднюю Азію англичане дѣйствительно встрѣчаютъ почти неодолимыя преграды и препятствія, что караваны ихъ должны перелезть черезъ цѣлую груду, точно высыпанныхъ изъ мѣшка, Монблановъ, должны проскользнуть между рукъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ разбойниковъ, должны протащиться по океанамъ песку и т. п.—допустимъ все это и спросимъ: стоитъ ли игра свѣчъ?

Что можетъ привлекать Англію въ Кашгаръ, Бухару и Хиву? Конечно, не торговля, которая едва насчитываетъ здѣсь 10 милліоновъ потребителей, тогда какъ Англія имѣетъ въ Индіи, Персіи, Авганистанѣ, Белуджистанѣ и Кашмирѣ до 250 милліоновъ кліентовъ!

Стремленіе къ политическому преобладанію, забота объ охраненіи своей дорогой колоніи — вотъ истинныя причины всѣхъ возгласовъ Англіи о притѣсненіи нами ея торговли, о нашихъ завоевательныхъ цѣляхъ, объ опасности, какой подвергается Остъ-Индія отъ нашего сосѣдства и проч. Возгласы эти своею настойчивостью и частымъ повтореніемъ сдѣлали то, что мы и сами стали вѣрить, будто Англія насъ опасается. Это заставило насъ объяснять Англіи каждое наше движеніе, успокоивать ее относительно нашихъ намѣреній и оправдывать передъ нею свою политику. Все это не могло не отразиться на нашихъ дѣйствіяхъ, получившихъ оттѣнокъ нерѣшительности — и видимой боязни возбудить въ своемъ соперникѣ напрасныя опасенія. Желаніе успокоить недовѣрчивость Англіи и не подавать повода къ ея протестамъ заставило насъ смотрѣть сквозь пальцы на множество болѣе или менѣе крупныхъ нарушеній международнаго права со стороны Хивы, Бухары, Кульджи и Кашгара. Англія не спустила-бы и половины этихъ правонарушеній! Наша умѣренность однакоже пропала задаромъ: въ глазахъ англичанъ мы нисколько тѣмъ не выиграли и если Англія по временамъ кажется вѣрящею и дружественною, то никакъ не искренно. Въ Англіи, кажется, совершенно раздѣляютъ взглядъ, высказанный Вамбери въ его статьѣ «Соперничество Россіи и Англіи въ Средней Азіи»: «Въ настоящее время, говоритъ онъ, когда Россія стала твердою ногою на Каспійскомъ и Аральскомъ моряхъ, когда она окончательно покорила Кавказъ и пріобрѣла огромныя выгоды въ Средней Азіи — теперь было-бы безполезно стремиться вытѣснить этого колосса изъ его позицій. Что было еще возможно и легко двадцать лѣтъ назадъ — то теперь совершенно невыполнимо — и если Англія не хочетъ подвергнуться обыкновенной участи торговыхъ государствъ, т. е. участи Карфагена, Венеціи, Генуи, Голландіи и Португаліи, то ей остается только одно средство спасенія: неусыпная бдительность за дѣйствіями своего соперника и немедленное принятіе *всѣхъ*, какія еще возможны, мѣръ предосторожности».

Смѣемъ думать, что и 20 лѣтъ назадъ мы-бы еще за себя постояли. Еслибы Англія могла отодвинуть насъ назадъ — она-бы давно это сдѣлала, еслибы она была въ силахъ остановить насъ на теперешнихъ нашихъ позиціяхъ—она не медлила-бы ни минуты. Ничего этого она сдѣлать не въ силахъ, и потому ограничивается протестами и журнальными возгласами, чтобы, по крайней мѣрѣ, задержать наше движеніе и подольше сохранить безопасное между нами разстояніе. Цѣль эта вполнѣ ею достигается.

Какъ средство задержать насъ на пути къ Остъ-Индіи, англичане придумали нейтралитетъ Авганистана и Кашгара.

Сношенія, завязавшіяся по этому вопросу между кабинетомъ ея британскаго величества и нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ повели къ обмѣну взглядовъ и наконецъ къ соглашенію, далеко, впрочемъ, не такому категорическому, какого желала Англія.

По вопросу объ Авганистанѣ наше министерство заявило,

что эта страна лежитъ *внѣ сферы нашихъ интересовъ и политическаго дѣйствія*. Британскій кабинетъ выразилъ рѣшимость оставить всякую мысль о расширеніи своихъ владѣній въ этомъ направленіи. Цѣлью своего вмѣшательства въ дѣла Авганистана, онъ выставилъ желаніе помочь этой странѣ выйдти изъ анархіи, её раздирающей *).

Трудно однакоже повѣрить такому заявленію и приписать помощь Англіи особенному и совершенно безкорыстному расположенію ея къ несчастной странѣ, погибающей отъ анархіи. Тѣмъ менѣе такое пониманіе доступно авганцамъ, которыхъ надобно еще воспитать въ этой мысли, чтобъ они не сочли себя авангардомъ Англіи противъ Россіи и не вздумали дѣйствовать въ разрѣзъ великодушнымъ заявленіямъ своего патрона. Сами англичане прекрасно знаютъ *какъ* ихъ ненавидятъ авганцы. Когда по смерти Достъ-Магомета—вице-король сэръ Джонъ-Лауренсъ послалъ въ Кабулъ офицера поздравить Ширъ-Али-хана съ возшествіемъ на престолъ, то посланецъ не могъ показаться на улицу безъ сильнаго авганскаго конвоя. Раздраженіе фанатическаго населенія было таково, что безъ этой предосторожности англичанинъ былъ-бы растерзанъ.

По увѣренію Вамбери, авганцы даже хвалятся, гордятся тѣмъ, что съумѣли поставить себя такъ, что сами они безопасно ѣздятъ въ Индію для торговли, а къ нимъ не смѣетъ показаться ни одинъ англичанинъ! До сихъ поръ вся тяжесть договоровъ ложилась только на англичанъ,—авганцы-же пользовались однѣми выгодами. Такъ въ 1857 г., когда по настоянію лорда Каннинга, вице-король с. Дж.-Лауренсъ, отправился на свиданіе съ Достомъ въ Пешаверъ и заключилъ съ нимъ союзъ противъ Персіи, то что-же вышло?

Англичане доставили Досту 8,000 ружей и 300,000 рублей, да сверхъ того выплачивали по одному лаку рупій въ мѣсяцъ во все время войны съ Персіей (т. е. по 100,000 рупій или по 60,000 рублей),—сами-же не могли настоять даже

*) Депеша нашего мин. ин. дѣлъ къ барону Бруннову отъ 30 іюня 1869 г.

на томъ, чтобы имъ разрѣшено было держать агента въ Кабулѣ. Достъ отклонилъ это условіе тѣмъ, что онъ *не поручится за жизнь консула*.

Намъ кажется поэтому, что англичане напрасно такъ сильно разсчитываютъ па авганцевъ. Тотъ-же Вамбери увѣряетъ, будто: «Не только вожди и князья, но каждый авганскій воинъ, каждый пастухъ на Гильментѣ, освоился съ мыслію о сношеніяхъ съ русскими, и я имѣлъ множество случаевъ убѣдиться, какъ охотно вступили-бы эти люди въ союзъ съ Россіею противъ англичанъ... Принесла-ли-бы дружба съ Россіею благодѣтельные плоды для Авганистана, соотвѣтствовали-ли-бы они его интересамъ, объ этомъ никто изъ авганцевъ не разсуждаетъ. Авганецъ, подобно всякому азіятцу, видитъ лишь минутную выгоду; онъ видитъ только вредъ, который авганцы испытали въ Кашмирѣ и Синдѣ вслѣдствіе преобладанія англичанъ; онъ живо помнитъ послѣднее пребываніе красныхъ мундировъ въ Кабулѣ и Кандагарѣ...»

Сэръ Раулинсонъ смотритъ на дѣло иначе и болѣе довѣрчиво. Такъ, разсуждая о необходимости занять Гератъ и Кандагаръ, онъ говоритъ:

«Единственно въ комъ мы можемъ встрѣтить недружелюбіе, такъ это въ духовенствѣ, да въ нѣкоторыхъ, весьма немногочисленныхъ, родоначальникахъ племени Дурани; но они могутъ быть отозваны въ Кабулъ. Что касается расположенія къ намъ туземцевъ, то, вѣроятно, мы встрѣтимъ не больше затрудненій въ управленіи Кандагаромъ и Гератомъ, чѣмъ то, которое встрѣтили русскіе въ управленіи Ташкентомъ и Самаркандомъ, а между тѣмъ, нашъ долгій навыкъ въ восточной администраціи, наше спеціальное знакомство съ западнымъ Авганистаномъ, наше снисхожденіе къ магометанскимъ предразсудкамъ, наше обаяніе, наша высокая репутація справедливости и честности — все это должно облегчить еще нашу задачу по удержанію позиціи, сравнительно съ нашими, менѣе опытными сѣверными сосѣдями».

Такъ обольщаютъ себя англичане... Сколько похвалъ ра-

сточаетъ имъ сэръ Раулинсонъ—сколько өиміаму! Послушаешь его, такъ выходитъ, что англичане—сущіе профессоры въ дѣлѣ управленія восточными народами, что обаяніе ихъ несокрушимо, что назвать: справедливость и честность—все равно, что назвать англичанина!

Но довольно припомнить, *какъ* они вели себя въ Кабулѣ въ 1839 году, довольно припомнить, что апатичный, равнодушный къ смерти народъ—и тотъ пробуждается и бунтуетъ безпрестанно—тогда окажется, что профессорамъ надобно еще поучиться. Обаяніе англичанъ дѣйствительно велико, но оно сильно пошатнулось вслѣдствіе послѣднихъ успѣховъ русскихъ войскъ. А ужь относительно справедливости и честности своей англичане положительно заблуждаются: азіятцы смотрятъ на это какъ разъ противоположно. Конечно, они не понимаютъ вполнѣ слова «справедливость», не умѣютъ оцѣнить «англійской» честности и только этимъ можно объяснить то превратное понятіе, какое составили себѣ азіятцы объ англичанахъ и которое выражается въ буквальномъ переводѣ словами: «Инглизъ очень чортъ».

Пріучить авганцевъ къ понятію о нейтралитетѣ, къ мысли о томъ, что деньги и оружіе они получаютъ отъ Англіи *только для того*, чтобы пользоваться всѣми благами *мира* и *спокойствія* — задача не легкая: со времени умбальскаго свиданія и до сихъ поръ еще ни одинъ авганецъ не думалъ такимъ образомъ; большинство даже просто считаетъ себя *проданнымъ* Англіи, которая, по ихъ мнѣнію, намѣрена такъ или иначе получить съ авганцевъ *кунъ* (пеня за кровь убитыхъ), за истребленную ими въ 1840 г. англійскую армію.

Въ депешѣ нашего мин. ин. дѣлъ къ барону Бруннову отъ 30 іюня 1869 года, мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «если Авганистанъ будетъ полагать, что онъ предназначенъ быть авангардомъ Британской имперіи противъ Россіи, тогда Россія неизбѣжно должна будетъ принять свои мѣры для обезпеченія своихъ политическихъ и торговыхъ интересовъ. Мѣры эти въ свою очередь могутъ послужить къ возбужденію недовѣрія и подозрительности Англіи и повести ее къ комбинаціямъ, которыя *уменьшатъ разстояніе между обѣими странами* или-же создадутъ соперничество, котораго онѣ такъ стараются избѣжать. Если-же авганскій вождь будетъ вполнѣ убѣжденъ, что поддержка, полученная имъ отъ Англіи имѣла единственною цѣлью создать въ непосредственномъ сосѣдствѣ британскихъ владѣній правильное государство, назначенное для мирнаго процвѣтанія подъ кровомъ нейтралитета — тогда можетъ исполниться искреннее желаніе императорскаго кабинета, чтобы Средняя Азія представляла собою поприще для дружественной и благодѣтельной для края дѣятельности обѣихъ великихъ державъ—каждой въ ея естественномъ районѣ — безъ инаго соперничества, какъ благодатное соревнованіе въ развитіи торговли и цивилизаціи. Вмѣсто того, чтобы предаваться прежнему недовѣрію и соперничеству—обѣ державы будутъ согласовать свои дѣйствія, чтобы вразумлять, сдерживать, а когда нужно то и подавлять необузданныя страсти народовъ и ихъ властителей, задача воспитанія которыхъ теперь предстоитъ».

Л. Кларендонъ, при свиданіи въ 1869 г. съ княземъ канцлеромъ, сказалъ: «мы внушили Ширъ-Али-хану воздерживаться отъ всякихъ дѣйствій, могущихъ дать Россіи какой-либо поводъ къ подозрѣнію и что если онъ предастся подобнымъ цѣлямъ, то ни въ какомъ случаѣ и ни коимъ образомъ не долженъ разсчитывать на Англію. Это было ему сказано и будетъ повторяемо такъ, чтобы всякое недоразумѣніе сдѣлалось невозможнымъ...—Мы боимся, продолжалъ Л. Кларендонъ, не видовъ вашего правительства на Среднюю Азію, а второстепенныхъ дѣятелей, излишняго усердія генераловъ въ погонѣ за славой и желаніемъ возвысить собственное свое значеніе, не обращая вниманія на виды правительства» *).

Отвѣтъ канцлера, что всѣ наши усилія посвящены развитію промышленности и желанію открыть болѣе близкіе и бе-

*) Всеподданнѣйшій рапортъ канцлера отъ 22 августа 1869 г.

зопасные для торговли пути въ страны Средней Азіи и, что съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать то, что мы уже сдѣлали и что *можемъ еще сдѣлать*, казалось, совершенно успокоилъ и весьма обрадовалъ л. Кларендона.

Сѣверною границею нейтральнаго пояса л. Кларендонъ предложилъ: верховья Аму-Дарьи до меридіана Бухары, откуда граница идетъ прямо на западъ, по широтѣ, пересѣкая такимъ образомъ всѣ караванные пути въ Хиву и Бухару. «Англійское правительство, говоритъ записка азіятскаго департамента (16 апрѣля 1869 г.), кажется, не сомнѣвается, что Россія присоединитъ къ себѣ, въ близкомъ будущемъ, Бухарское ханство и Хиву. Въ такомъ случаѣ англійское правительство видитъ въ границѣ этой черту, далѣе которой оно рѣшилось не допускать расширенія русскихъ владѣній въ Средней Азіи. Это не согласно съ достоинствомъ Россіи».

Предложеніе лорда Кларендона, какъ не совмѣстное съ достоинствомъ Россіи, не было принято, и наше правительство, не признавая нейтралитета Авганистана, заявило только (письмо государственнаго канцлера отъ 7 марта 1869 г.) положительное намѣреніе свое не вмѣшиваться въ дѣла Авганистана.

Условлено было также внушить эмирамъ Ширъ-Али-хану, съ одной стороны, и Сеидъ-Музаффару—съ другой, чтобы они ничего не предпринимали другъ против друга.

Какое значеніе придавали въ Англіи вопросу о нейтралитетѣ Авганистана, этой азіятской Швейцаріи, можно судить по слѣдующимъ отзывамъ лондонскихъ газетъ: «еслибы, говорила «Times», независимость Авганистана отъ Россіи и пріязненныя отношенія его къ Англіи могли быть обезпечены, то для Великобританіи *пересталъ бы существовать средне-азіятскій вопросъ*».

Обжегшись уже однажды (въ 1840 году) на Авганистанѣ, Англія теперь находитъ, что для нея не выгодно присоединять это ханство къ Остъ-Индіи. «Россіи нечего бояться, что Англія станетъ домогаться присоединенія Авганистана. Поль-

за, какую можно извлечь изъ этой страны, обусловливается ея независимостью. *Независимый* Авганистанъ будетъ охранять англійскую границу отъ внѣшнихъ враговъ, тогда какъ *зависимый* самъ будетъ нуждаться въ защитѣ англичанъ... Если дипломатіи удастся добиться признанія нейтралитета Авганистана Россіею, то британскому правительству придется пенять на самого себя въ случаѣ нападенія на него въ расплохъ».

Спрашивается: для чего англичане такъ усердно хлопочать о признаніи Россіей нейтралитета Авганистана, когда сами же, на тысячи ладовъ, доказываютъ, что имъ нечего опасаться за Индію? Довольно одного взгляда на карту, чтобы убѣдиться въ какой степени трудно было бы даже достигнуть границъ Индіи съ теперешнихъ нашихъ стоянокъ. Правда, что послѣ хивинскаго похода *всѣ* сомнѣнія, всѣ доводы о невозможности, о недоступности чего либо для русскихъ войскъ должны умолкнуть, но всетаки слѣдуетъ сознаться, что англичане не хивинцы и что если мы вздумали бы предпринять противъ нихъ экспедицію, то, конечно, съ оглядкой и во всякомъ случаѣ не скоро.

Очевидно, Англія не этого боится—ей просто не по силамъ даже одно *сосѣдство* Россіи съ ея индійскими владѣніями, гдѣ еще таится много враждебныхъ ей элементовъ. Сосѣдство сильной державы естественно ослабляетъ могущество Англіи, но это и служитъ явнымъ признакомъ, что у британскаго колосса глиняныя ноги!

Вотъ что писалъ самъ лордъ Майо въ 1872 году: «чувства недовольства и оппозиціи господствуютъ во всѣхъ классахъ общества, какъ между европейцами, такъ и между туземцами, по поводу постояннаго возвышенія налоговъ. Я убѣжденъ, что это составляетъ величайшую политическую опасность. Мы никогда, даже на одну минуту, не могли разсчитывать на сохраненіе спокойствія, но я думаю, что положеніе дѣлъ въ настоящее время серьезнѣе, чѣмъ когда нибудь». Скоро послѣ этого откровеннаго заявленія л. Майо, какъ извѣстно,

*

былъ убитъ однимъ фанатикомъ. За годъ передъ тѣмъ убитъ и главный судья Бенгала. На островѣ Цейлонѣ бунты были весьма часто: въ 1817, 1823, 1834, 1843 и въ 1848 гг. На материкѣ же съ 1820—1824 г., потомъ съ 1827—1830 г., затѣмъ въ 1852, далѣе съ 1857 — 1858 г. наконецъ: въ 1863, въ 1868 и въ 1873 г.

Налоги, на которые жалуется л. Майо, были уже не разъ причиною безпорядковъ и волненія умовъ. Такъ въ 1810 г. въ Бенаресѣ введенъ былъ налогъ *на окна*; жители тотчасъ прекратили всѣ работы въ городѣ и настояли на отмѣнѣ этого налога. Въ 1848 г. на островѣ Цейлонѣ народъ взволновался изъ-за налога на собакъ, ружья и лавки, а также за натуральную дорожную повинность. О несоразмѣрности налоговъ можно судить хотя потому, что, напримѣръ, соль въ Бенгалѣ стоитъ на мѣстѣ добычи по 6 коп. за центнеръ (около 3 пуд. 4 фунт.), а налогъ на нее составляетъ 2 руб. 62 коп. Народъ поэтому мало ее употребляетъ и болѣетъ.

Сумма налоговъ хоть и не велика, такъ какъ каждый платитъ среднимъ числомъ не болѣе 7 шилинговъ (2 р. 14 коп.), а въ Англіи не меньше 19 руб., но за то Англія производитъ на 900,000,000 фунтовъ стерлинговъ и платитъ съ нихъ 72,000,000 не трудно, Индія же при 300,000,000 фунтовъ стерлинговъ производства отдаетъ 50 милліоновъ въ налогъ т. е. *шестую часть* и, значитъ, еслибы производила какъ Англія на 900 милліоновъ, то платила бы 150 милліоновъ податей, а это слишкомъ вдвое противъ того, что платятъ англичане.

Такимъ образомъ, съ каждаго фунта стерлинговъ въ Индіи платятъ 3 шил. 4 пенса, а въ Англіи только 1 шил. 8 пенс. Если прибавить ко всему сказанному, что въ Англіи $^{19}/_{20}$ налога т. е. почти весь онъ обращается на пользу того же народа, а взятыя съ Индіи милліоны вывозятся большею частью въ метрополію, то будетъ ясно, почему налоги въ Индіи не только *относительно*, но и *безусловно* тяжелы. Правительство не заботится ни о гидравлическихъ сооруженіяхъ,

которыя бы предохраняли страну отъ наводненій или сохраняли бы запасы воды на случай засухъ, ни о запасахъ хлѣба, на случай неурожаевъ. Оно все беретъ отъ народа, ничего ему не возвращая! За то вотъ года наводненій: 1832, 1835, 1849, 1852, 1857, 1858, 1863, 1867 гг., а вотъ года засухъ: 1834, 1837, 1840, 1841, 1866. И то и другое явленіе сопровождаются обыкновенно страшнымъ голодомъ. Въ *Бенгалѣ* въ 1870 г. умерло съ голода около 10,000,000 чел., *почти треть населенія*! Въ *Ориссѣ* въ 1866 г. изъ 2,600,000 умерло болѣе милліона т. е. *почти половина* жителей...

Англичане постарались убить въ Индіи всякую фабричную дѣятельность, чтобы сдѣлать индійцевъ только производителями сырья и, значитъ, своими поставщиками и потребителями англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій. Средства для искорененія фабрикъ и вообще промышленности обработывающей были употреблены самыя простыя: всѣ машины, всѣ орудія производствъ были обложены тяжелой пошлиной. Отъ маслобойки и ткацкаго станка до лодки и топора, все попало въ окладъ... Затѣмъ запрещенъ былъ ввозъ машинъ... Кому неизвѣстно, что Индія славилась своими мануфактурами, пока не подпала подъ загребистую лапу британскаго льва!

Теперь туземныя фабрики, одна за другой, закрылись и земледѣлецъ-индіецъ отдаетъ свой хлопокъ англичанину по $1^1/_2$ копѣйки за фунтъ, чтобы получить его обратно, въ видѣ ткани, за 50 копѣекъ!

Ужь не говоря о вопіющихъ беззаконіяхъ такихъ людей какъ Гастингсъ, не говоря о вѣроломной, клятвопреступной и безчестной политикѣ многихъ губернаторовъ Индіи, не говоря о свирѣпости, съ какою англичане подавляютъ народныя возстанія, довольно уже одного безотраднаго финансоваго положенія страны, чтобы вызвать общее недовольство и ропотъ.

Народъ развивается, не смотря на безучастіе англичанъ, а можетъ быть и *благодаря* этому безучастію. Въ Калькуттѣ уже въ 1851 году было до 40 туземныхъ типографій. Газета «Индійское Солнце» издается на языкахъ: персидскомъ, ин-

дусскомъ, англійскомъ, урдусскомъ и бенгальскомъ. Съ развитымъ народомъ, конечно, легче управляться, но только при условіи справедливости и человѣчности, а ни въ томъ, ни въ другомъ англичане не грѣшны!

Читателю ясно теперь почему такъ кричитъ и стонетъ англійская пресса, а за нею и дипломатія, каждый разъ, когда тотъ или другой туркестанскій губернаторъ соскучится сидѣть сложа руки!

Возвратимся теперь къ Ширъ-Али хану.

Когда л. Майо сообщилъ авганскому эмиру о полномъ согласіи, существующемъ между Англіей и Россіей относительно образа дѣйствій въ Средней Азіи и, что поэтому Авганистанъ долженъ удерживаться отъ враждебныхъ Россіи мѣропріятій,—кабульскій эмиръ отвѣтилъ, что онъ не только не имѣетъ намѣреній дѣйствовать противно русскимъ интересамъ, но даже не будетъ давать въ своихъ владѣніяхъ убѣжища лицамъ непріязненнымъ Россіи.

Сэръ Букананъ, при свиданіи съ Государемъ Императоромъ въ Баденѣ, доложилъ содержаніе письма лорда Майо къ Ширъ-Али-хану и выразилъ надежду, что вліяніе Россіи обезпечитъ для кабульскаго эмира такое же поведеніе и со стороны его сосѣдей. Его Величество соизволилъ отозваться, что насколько будетъ отъ Него зависѣть—надежда эта будетъ осуществлена.

Прибытіе въ наши предѣлы племянника и политическаго противника кабульскаго эмира, Абдуррахманъ-хана послужило генералъ-губернатору поводомъ завязать съ кабульскимъ эмиромъ непосредственныя сношенія и выяснить ему нашу точку зрѣнія на политическое положеніе его государства.

По полученіи этого письма, Ширъ-Али снесся съ остъ-индскимъ вице-королемъ и, по соглашенію съ нимъ, приказалъ пограничнымъ сердарамъ не вмѣшиваться въ дѣла сосѣдей. Копія съ письма была сообщена, нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, британскому кабинету, который и поручилъ своему послу въ С.-Петербургѣ выразить Императорскому правительству признательность за высказанную, вполнѣ дружественную, расположенность Россіи относительно Англіи.

Такимъ образомъ вопросъ объ Авганистанѣ былъ законченъ.

Что касается до Кашгаріи, то доводы Дугласа Форсейта, которому поручено было вести переговоры съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, не привели ни къ какому результату. Мы не только отказались признать нейтралитетъ этого владѣнія, но отказались даже признать его независимымъ, такъ какъ дружескія отношенія къ Китаю обязываютъ насъ къ такому образу дѣйствій. Сверхъ того, недостаточная прочность правительства Якубъ-бека въ странѣ, подверженной періодическимъ переворотамъ, и возможность покоренія ея вновь китайцами, заставляютъ насъ быть осторожными въ дѣлѣ такой важности.

Единственнымъ результатомъ переговоровъ Форсейта съ нашимъ правительствомъ было увѣреніе, что еслибъ, вслѣдствіи времени, Россіи пришлось, вопреки ея желанію, занять все бухарское ханство или часть его—она не предприметъ никакихъ завоеваній въ направленіи Авганистана, а Англія, съ своей стороны, не допуститъ авганскаго владѣтеля тревожить своихъ сѣверныхъ сосѣдей.

Непосредственныя сношенія туркестанскаго генералъ-губернатора съ Авганистаномъ, такъ вѣрно выразившія общее направленіе нашей политики въ Азіи, повели къ тому, что по дѣламъ, *носящимъ чисто мѣстный характеръ*, генералъ-губернатору предоставлено право сноситься непосредственно даже и съ остъ-индскимъ вице-королемъ.

Потерпѣвъ неудачу въ дѣлѣ признанія нейтралитета Авганистана и Кашгара, англичане занялись упроченіемъ своихъ отношеній къ Кашгару и подчиненіемъ его своему вліянію, на что Якубъ-бекъ едва не поддался съ перваго раза, въ виду матеріальныхъ выгодъ ему обѣщанныхъ, но въ 1872 г., обмѣнявшись съ нами посольствами онъ, казалось, предпочелъ русское покровительство—англійскимъ деньгамъ. Намъ казалось также,

что недалеко, конечно, время, когда Кашгаръ примкнетъ къ числу вассальныхъ намъ владѣній.

Предложенный англійскимъ правительствомъ *нейтральный поясъ* имѣлъ цѣлію предохранить насъ *отъ непосредственнаго сближенія*, какъ будто сближеніе и столкновеніе—одно и тоже! Странно конечно, принимать мѣры противъ *сближенія* народовъ. Понятно поэтому, что стремленіе Англіи препоясаться нейтральнымъ поясомъ имѣло единственною цѣлью обезпечить свою колонію отъ русскаго нашествія... Въ этомъ случаѣ интересы наши идутъ, конечно, въ разрѣзъ съ англійскими.

На материкѣ Европы еще столько нерѣшенныхъ вопросовъ, и столько требующихъ перерѣшенія, что въ видахъ нашего правительства должно быть неизбѣжно стремленіе *расположить къ себѣ Англію* и заручиться ея голосомъ на европейскихъ конгресахъ. Опытъ указалъ, что достичь этого мы можемъ только при условіи ближайшаго сосѣдства: чѣмъ дальше мы отъ англійскихъ владѣній, тѣмъ труднѣе для насъ соглашеніе. Довольно будетъ указать на перемѣну англійской политики по вопросу о Польшѣ, когда въ Лондонѣ узнали о прибытіи въ Нью-Іоркъ русской эскадры, предназначенной для крейсерства у береговъ Австраліи и весьма ловко проскользнувшей незамѣченною черезъ Скагерракъ, Категатъ, и Нѣмецкое море, вокругъ сѣверной оконечности Британскаго острова.

Выгодное положеніе, занятое нами съ тѣхъ поръ въ Средней Азіи (взятіе Ауліе-ата, Туркестана, Чемкента, Ташкента, Ходжента, Ура-тюбе, Джизака, Самарканда, Каты-Кургана и Кульджи), отчасти же и перемѣны, происшедшія въ системѣ европейскихъ государствъ, благодаря франко-прусской войнѣ—сдѣлали то, что когда наше правительство подняло вопросъ о парижскомъ трактатѣ, то отмѣна нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ для Англіи статей его (о черноморскомъ флотѣ) не встрѣтила съ ея стороны никакого сопротивленія.

Англійская дипломатія какъ и англійская пресса убѣдились наконецъ, что мы не гонимся въ Азіи за безцѣльными

завоеваніями (доказательства: взятіе Карши и Шахрисябза и передача ихъ эмиру бухарскому), но что въ случаѣ нужды мы ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ не остановимся, обезпеченные заранѣе относительно успѣха, какъ на военномъ поприщѣ, такъ и на дипломатическомъ. Это убѣжденіе повело къ измѣненію тона англійской дипломатіи и прессы, которыя сочли за лучшее не высказывать излишней тревоги и заботливости о нашихъ успѣхахъ. Намъ тотчасъ показалось, что спокойныя отношенія къ Англіи не нарушатся даже и въ случаѣ занятія нами всѣхъ при-амударьинскихъ ханствъ, но въ этомъ мы горько ошиблись.

Какъ только наши приготовленія къ походу противъ Хивы перестали быть тайной—англійская пресса забила набатъ. Самыя рѣзкія, самыя неприличныя по тону статьи запестрѣли въ газетахъ. «Мы должны остановить Россію, должны указать ей ея мѣсто», говорилось въ одномъ журналѣ. «Наша уступчивость и сдержанность плохо понимаются Россіей и мы предпишемъ ей границы, далѣе которыхъ она не должна идти», говорилось въ другомъ. «Азія должна принадлежать одной Англіи, какъ представительницѣ права, цивилизаціи, торговли и мира. Она должна положить предѣлъ дальнѣйшему распространенію державы, вносящей только начала разрушенія и грабежа, и преслѣдующей исключительно завоевательныя цѣли», говорилось въ третьемъ. Никогда Англія не выказывала столько тревоги и страха. Можно было бы подумать, что дѣло идетъ о высадкѣ на Британскіе острова!

Хивинскій ханъ, видя что ему не позволяютъ никакихъ сношеній съ русскимъ правительствомъ помимо туркест. ген. губернатора и не желая уступить, не только уже изъ одного упрямства, но и потому что зашелъ слишкомъ далеко,—посылалъ, наконецъ, посольства въ Константинополь и Калькутту. Англичане воспользовались случаемъ вмѣшаться въ дѣло и возобновили свои домогательства относительно признанія нашимъ правительствомъ нейтралитета Авганистана, съ присоединеніемъ сюда еще *Бадахшана* и *Вакхана*, лежащихъ у бере-

говъ Аму-дарьи (депеша лорда Гренвилля отъ 5 окт. 1872 г.).

Цѣль ясная: авганцы примкнутъ къ рѣкѣ, и тогда англичане, значитъ, могутъ завести здѣсь свои факторіи и пароходство—флагъ Авганистана, совершенно законно, прикроетъ англійскую предпріимчивость...

Для многихъ въ Россіи вопросъ о какомъ-то тамъ Вакханѣ, кажется такими пустяками, что о нихъ-бы и говорить то много не стоило-бы. Географическія познанія многихъ, разсуждающихъ объ азіятскихъ дѣлахъ, не идутъ далѣе того, что Туркестанская и Дагестанская области не одно и то же. Не мудрено поэтому, что какой нибудь доморощенный политикъ нисколько не интересуется Вакханомъ и даже не знаетъ на какомъ берегу рѣки искать эту область.

Наше министерство смотрѣло на этотъ вопросъ чрезвычайно серьезно и не легко уступило домогательствамъ Англіи. Князь Горчаковъ возразилъ, (депеша отъ 7 декабря), что бадахшанская провинція, съ зависящими отъ нея землями, не присоединена формально къ владѣніямъ Ширъ-Али и потому не составляетъ, законнымъ образомъ, части Авганскаго государства, а слѣдовательно и нейтралитетъ на эту провинцію распространенъ быть не можетъ. Лордъ Гренвиль отвѣчалъ (депеша отъ 12 янв. 1873), что Бадахшанъ *завоеванъ* эмиромъ Ширъ-Али, что предводители разныхъ племенъ формально заявили ему свою покорность и что если онъ далъ имъ особаго правителя, а не взялъ управленіе въ свои руки, то это во-первыхъ *его* дѣло, а во-вторыхъ установлено только въ видѣ опыта на одинъ годъ. Что касается до опасенія, что признаніе Бадахшана подвластнымъ кабульскому эмиру можетъ поощрить его къ дальнѣйшимъ замысламъ на счетъ сосѣднихъ странъ, то «правительство ея величества королевы не преминетъ поставить на видъ эмиру, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, тѣ выгоды, которыя доставляетъ ему признаніе Великобританіей и Россіей тѣхъ границъ, которыхъ онъ требуетъ и истекающаго изъ этого для него обязательства воздерживаться отъ всякихъ нападеній». Кромѣ обмѣна депешами велись

еще въ Лондонѣ и непосредственные переговоры между Сентъ-Джемскимъ кабинетомъ и генер. адъют. графомъ Шуваловымъ, спеціально посланнымъ для того изъ С.-Петербурга.

Извѣстное положеніе графа Шувалова придавало его словамъ громадный авторитетъ во мнѣніи англичанъ. При этихъ условіяхъ переговоры не могли затянуться на долго и дѣйствительно: всѣ желанія Англіи относительно Авганистана были признаны справедливыми. Въ депешѣ кн. Горчакова къ графу Бруннову (отъ 19 янв. 1873) сказано по этому поводу, что хотя по нашимъ воззрѣніямъ Бадахшанъ и Вакханъ и пользуются нѣкоторою независимостію, но принимая во вниманіе, что англичанамъ легче имѣть болѣе вѣрныя свѣдѣнія и не желая придавать вопросу о подробностяхъ большаго значенія, чѣмъ онъ заслуживаетъ, «мы не отказываемся принять пограничную линію, предлагаемую Англіей». По словамъ же англійскихъ газетъ это и значило: «подчиниться требованіямъ Англіи, предписывающей намъ границы». Газета Times говорила, по поводу обнародованной дипломатической переписки, что Англія должна радоваться своему успѣху, что уступки, сдѣланныя Россіею пріобрѣтаютъ еще большее значеніе *отъ тона, какимъ онѣ сдѣланы* и проч. Но затѣмъ газета подымаетъ вопросъ: слѣдуетъ ли разумѣть, что всѣ земли къ сѣверу отъ Авганистана предоставлены на жертву завоевательной политики Россіи? Что касается до ручательства за поведеніе Ширъ-Али, то это также весьма не понравилось «шестой великой державѣ».

По мнѣнію газеты «Morning Post» правительство, своими переговорами, стремилось прежде всего избѣгнуть давленія со стороны парламента и прессы. Цѣлый рядъ, приведенныхъ въ газетѣ фактовъ доказывалъ, что правительство *Гладстона-Гренвилля* и прежде слѣдовало той же «политикѣ непріятныхъ для страны сюрпризовъ». Успѣхъ, о которомъ такъ радовалась Times, приводитъ газету «Morning Post» въ уныніе: «при настоящемъ положеніи дѣлъ, граница Авганистана дѣлается границей Англіи, которая такимъ образомъ становится

сосѣдкою Россіи... Этой послѣдней предоставлено двинуться впередъ и занять, въ силу трактатовъ, позицію, къ которой она давно стремилась... все это создаетъ въ будущемъ цѣлый рядъ затрудненій для Англіи и всѣмъ этимъ она обязана чрезмѣрному миролюбію кабинета».

Что же купили мы цѣною признанія нейтралитета Авганистана? — Только то, что газеты перестали вопить противъ хивинской экспедиціи.—Но для этого понадобилось еще категорическое заявленіе со стороны графа Шувалова, что Хива не будетъ присоединена къ Россіи... Извѣстно, что обѣщаніе это строго выполнено: самый городъ Хива остался незанятымъ.

Тонъ газетъ значительно успокоился и та-же «Times» выступила уже съ такими заявленіями: «мы слѣдили за хивинскою экспедиціею съ чувствами скорѣе дружбы (вотъ какъ!) чѣмъ соперничества; мы отдали дань справедливости русскимъ генераламъ и блистательнымъ подвигамъ русскихъ войскъ». Вслѣдъ за этими изліяніями «Times» прибавляетъ однако-же: «Но никогда еще не было случая для болѣе тѣснаго сближенія между Англіею и Авганистаномъ, чѣмъ теперь. Мы не можемъ отрицать, что свиданіе между покойнымъ вице-королемъ лордомъ Майо и авганскимъ эмиромъ въ Умбаллѣ имѣло въ виду принять рѣшительную политику противъ Россіи. Лордъ Норсбрукъ былъ въ состояніи продолжать эту политику, но уже въ другомъ духѣ. Возникновеніе мусульманскаго государства въ Кашгарѣ и русская экспедиція въ Хиву дали отношеніямъ Англіи къ Авганистану новое направленіе. Въ то время, какъ Россія шествовала впередъ въ Средней Азіи, Англія утратила свое прежнее вліяніе на Авганистанъ».

Что-же еще нужно? Кажется, теперь остается только занять Авганистанъ непосредственно!

Пусть-же припомнятъ англичане слова Брайта: «Я пришелъ къ заключенію, что зданіе, воздвигнутое нами въ Индіи, слишкомъ обширно. Было неблагоразумно и рискованно присоединять территоріи, которыя слѣдовало-бы оставить не-

зависимыми и вести войны столько-же ненужныя какъ и неимѣющія для себя никакого оправданія. Огромная имперія, созданная завоеваніемъ—слишкомъ обширна для управленія; ея фундаментъ колеблется и иногда кажется, что она готова рухнуть»...

Брайтъ не Вамбери и его словамъ можно вѣрить.

Теперешнія отношенія наши къ Англіи, благодаря возникшему родству между царствующими домами, кажутся многимъ русскимъ политикамъ упроченными. Не слѣдуетъ однако-же забывать, что въ Англіи «король царствуетъ, но не управляетъ» и что поэтому для насъ гораздо важнѣе мнѣніе парламентскаго большинства, чѣмъ мнѣніе королевы.

Англичане смотрятъ на это родство иначе и своего нигдѣ не упускаютъ. Примѣромъ можетъ служить недавняя командировка въ Персію англійскаго военнаго агента Непира: повидимому онъ только осмотрѣлъ персидскую границу отъ Мешхеда, по теченію Герируда, до караванной дороги въ Гератъ, собралъ обстоятельныя свѣдѣнія о верховьяхъ р. Атрека, составилъ подробную карту и завязалъ сношенія съ туркменами Теке—но откуда явились у туркменъ 6,000 англійскихъ винтовокъ?

Все это весьма понятно: русскіе дошли до Атрека и до Аму-Дарьи... путь къ Герату передъ ними... создать имъ препятствія можно только руками туркменъ — и вотъ туркмены получаютъ ружья. С.-Джемскій кабинетъ отрицаетъ этотъ фактъ, но слухъ все-таки держится. Прибавимъ къ этому еще и то, что англичане намѣрены занять г. Кветту впереди баламскаго прохода. Все это убѣдитъ насъ, что англійская политика осталась прежнею. Оставимъ-же напрасныя надежды и будемъ смотрѣть въ оба!

Глава XIII.

Вопросы и отвѣты.—Зачѣмъ мы забрались въ Азію?—Охрана окраинъ, торговля, этапъ, по пути въ Индію. — Какъ смотрятъ на это англичане? — Мѣры ихъ въ Остъ-Индія.—Важность желѣзныхъ дорогъ.—Кто кого одолѣетъ?—Прочны ли въ Азіи „естественныя границы"? — Изъ за чего мы бьемся? — Узда на Англію. — Курьезная исторія съ ультиматумомъ Англіи по поводу польскаго вопроса въ 1863 г.—Насъ не любятъ только издали.—Взглядъ сэра Раулинсона на значеніе нашихъ нынѣшнихъ позицій.—Гератъ—ключъ къ Индіи. — Мѣры для усиленія англійскаго вліянія въ Персіи.

Читатель познакомился теперь и съ общимъ характеромъ нашего движенія въ Среднюю Азію и съ современнымъ направленіемъ нашей тамъ политики, скажемъ теперь нѣсколько словъ о нашихъ *возможныхъ* задачахъ, о взглядѣ, высказанномъ по этому вопросу европейскою журналистикою, затѣмъ о способѣ, какимъ производятся у насъ дипломатическія сношенія съ ханствами.

Въ нашемъ обществѣ нерѣдко приходится наталкиваться на людей, которые, какъ только узнаютъ, что вы бывали въ Средней Азіи — тотчасъ насѣдаютъ съ вопросами: «и зачѣмъ вы туда забрались? какая намъ польза отъ вашихъ завоеваній, отъ вашей славы? вся то Азія—гроша не стоитъ, а вы тратите еще наши кровные милліоны, — благодѣтельствуете азіятамъ, что-ли?» — и т. п. Очевидно, что это скорѣе междометія, не требующія ни возраженій ни отвѣтовъ, чѣмъ вызовъ на обмѣнъ мыслей.

А между тѣмъ такія восклицанія, обнаруживающія полнѣйшее недоумѣніе по поводу нашихъ среднеазіятскихъ дѣлъ—

явленіе вполнѣ законное: нигдѣ такъ мало не писано, по отношенію къ этимъ дѣламъ—какъ въ Россіи. Заграницей, средне-азіятскій вопросъ разобранъ по ниточкамъ, всевозможныя комбинаціи: политическія, военныя и финансовыя разсмотрѣны до мелочей—у насъ же какъ будто боятся заглянуть въ лицо страшному будущему и всѣми силами стараются обойти жгучій вопросъ.

Всѣ стоявшіе до сихъ поръ близко у дѣла точно придерживаются извѣстнаго правила Талейрана: «языкъ намъ данъ для того, чтобы искуснѣе скрывать свои мысли». — Отсюда, естественнымъ образомъ, вытекаетъ недовѣріе къ офиціальнымъ сообщеніямъ, реляціямъ и т. п. Но есть и другой афоризмъ: «если хочешь обмануть своего врага—говори ему правду» — разсчетъ тотъ, что воспитанный на дипломатическихъ увертказъ, вѣчной лжи и притворствѣ — конечно ни за что не повѣритъ сказанному и, такимъ образомъ, правду приметъ за ложь.—Мы привыкли къ выраженіямъ: «дипломатическая правда, дипломатическая откровенность» и т. п. — Это какъ бы указываетъ на то понятіе, какое составилось о дипломатахъ: они изолгались въ конецъ и вѣрить имъ нельзя.

Отбросимъ же всякія увертки и взглянемъ на вопросъ посмѣлѣе. Зачѣмъ мы забрались въ Азію?

— Отвѣтъ мы извлечемъ изъ предлежащаго труда: наше движеніе на востокъ не зависѣло отъ далекихъ плановъ—мы преслѣдовали только ближайшія цѣли: дикіе номады, непризнающіе никакихъ правъ, кромѣ права силы, нападаютъ на наши границы, захватываютъ «полонъ» и продаютъ русскихъ тысячами на рынкахъ Средней Азіи. Отвѣтные набѣги нашихъ отрядовъ только запутывали счеты и разжигали взаимную ненависть. Испробовали другой способъ: степныя укрѣпленія.—Дѣло пошло лучше, но форты надобно было связать другъ съ другомъ. Образовались линіи. Стремленіе связать линіи оренбургскую съ сибирскою—повело къ занятію позицій на рѣкахъ Сыръ-Дарьѣ и Чу, а это вызвало вражду со стороны

Кокана, Бухары и Хивы. Рядъ войнъ съ этими ханствами — привелъ насъ на теперешнія стоянки.

Смѣло утверждаемъ, что при всемъ этомъ объ Индіи и не помышляли: «нашихъ бьютъ, значитъ, надо выручать» — вотъ самая короткая формула, непонятная только дипломату.

Какая польза отъ нашихъ завоеваній?

Отвѣчу вопросомъ же: отчего такого вопроса не задаютъ ни въ Оренбургѣ ни на Уралѣ?

Скажутъ: а потому, что тамъ за Азію-то кресты получаютъ...

— Совсѣмъ не то: а потому, что тамъ теперь жить можно безъ опасенія за каждый часъ свой.

И такъ первая выгода, какой мы достигли — заключается въ обезпеченіи приуральской окраины.

Вторая выгода заключается въ обезпеченіи нашей торговли. Доказательствомъ служатъ слѣдующія цифры: до 1850 года изъ Азіи привозилось товару на 800,000 р. въ годъ, а вывозилось туда изъ Россіи на 600,000 черезъ 17 лѣтъ, т. е. въ 1867 привозъ дошелъ до 13 милліоновъ, а вывозъ до 16½ милліоновъ и это не смотря на рядъ войнъ съ Бухарой и Коканомъ, не смотря на запрещеніе, наложенное на бухарскую торговлю, по настояніямъ Черняева!

Третья выгода, достигнутая нами, состоитъ въ томъ, что съ теперешнихъ позицій мы можемъ не только въ проектахъ, но и въ дѣйствительности — угрожать Британской Индіи. Въ этомъ отношеніи среднеазіятскія владѣнія наши служатъ намъ только этапомъ для дальнѣйшаго движенія, станціей, гдѣ мы можемъ отдыхать и собираться съ силами.

Если при Павлѣ I-мъ сухопутная экспедиція въ Индію считалась возможною, то, теперь, когда мы подвинулись впередъ на такое огромное разстояніе—теперь такая экспедиція становится, конечно, еще возможнѣе.

Изъ-за Азіи мы, конечно, съ Англіей не поссоримся; если это случится, то скорѣе по поводу какого нибудь европейскаго вопроса. Понятное дѣло, что мы *должны* будемъ воспользоваться выгодами нашего положенія въ Азіи и близостью къ Индіи. Поступать иначе было бы весьма неблагоразумно.

Сами англичане прекрасно понимаютъ возможность нашего движенія въ Индію и серьезно обдумали этотъ вопросъ.

Главнымъ средствомъ противодѣйствія они, совершенно основательно, считаютъ желѣзные пути и, со времени занятія нами Ташкента—занялись этимъ дѣломъ весьма усердно.

Къ 1-му апрѣля 1872 года дѣйствовало уже путей на протяженіи 7,761 версты, строилось 2,414 верстъ и разрѣшено было 1757 верстъ. Такимъ образомъ вся сѣть заключаетъ въ себѣ 11,932 версты.

Какъ относится къ этому правительство, видно изъ того, что компанія желѣзныхъ дорогъ получила съ 1849 по 1871 годъ однихъ только гарантированныхъ процентовъ 204,560,779 рублей. Сами же дороги заработываютъ теперь, среднимъ числомъ, по 4,737 рублей на версту.

Прибавимъ къ этому 3,000 верстъ каналовъ, 200,000 войска, 400 орудій, наконецъ бездефицитный бюджетъ самой Англіи *) — и мы получимъ достаточно ясную картину: —насколько готова Индо-Британія къ борьбѣ.

Кто изъ насъ одолѣетъ—это другой вопросъ и мы его касаться не будемъ. Несомнѣнно только то, что англичане насъ ждутъ, готовятъ все, что нужно для торжественной встрѣчи, но тѣмъ не менѣе искренно желаютъ отдалить нашъ визитъ до послѣдней возможности. Ждутъ насъ и порабощенные ими индусы...

Остъ-индская компанія есть ни что иное, какъ болѣзненный наростъ на прекрасномъ дѣлѣ Индіи—паразитъ, питающійся лучшими соками плодороднѣйшей и богатѣйшей страны въ мірѣ.

Наростъ этотъ можетъ быть удаленъ только хирургической операціею. Индусы пробовали въ 1857 г. произвести

*) На 1874 годъ доходы доходили до 463.677,436 рублей, а расходы до 461.668,723 р., такъ что оставалось въ запасѣ 2.010,733 р.

эту операцію сами, но оказались недостаточно искуссными. Теперь они ждутъ хирурга съ сѣвера, торопятъ его своими просьбами, проповѣдываютъ о немъ въ своихъ храмахъ...

Я не буду распространяться о причинахъ такой ненависти индусовъ къ англичанамъ. Сказать откровенно—я бы желалъ даже, чтобы это дерево росло благополучно и принесло бы свои плоды...

Англичане сами хорошо знаютъ всю шаткость своего положенія и постарались укрѣпить его золотомъ и желѣзомъ. Они не постояли за деньгами, не отступили передъ громадными расходами и перетянули, рассыпавшуюся махину желѣзными обручами,—оковали ее вдоль и поперегъ лентами желѣзныхъ дорогъ!

Въ каждую данную минуту, на каждомъ данномъ мѣстѣ, они могутъ сосредоточить достаточное количество войска, для встрѣчи внѣшняго врага и для подавленія частнаго возстанія.

Индусы не скоро соберутся съ духомъ, чтобъ повторить опытъ 1857 года — и потому англичанамъ придется имѣть дѣло только съ однѣми вспышками, но никто не поручится, что пламя возстанія не охватитъ всю Индію, когда ей данъ будетъ толчекъ извнѣ. А тогда другое дѣло: изъ 200,000 войска придется скинуть со счета 124,000 туземцевъ, остальныхъ придется разбросать по наиболѣе драгоцѣннымъ пунктамъ...

Надо замѣтить, что остъ-индское правительство уменьшило теперь размѣръ пенсій офицерамъ, служащимъ въ туземныхъ войскахъ. Результатомъ этого было то, что множество офицеровъ (въ особенности полковниковъ) перешло въ другія войска или вышло въ отставку, чтобы воспользоваться пенсіей по прежнему закону. Это конечно не останется безъ вліянія на степень доброкачественности туземныхъ войскъ.

Что касается возможности новаго возмущенія ихъ, то англичане придумали довольно ловкую мѣру: они вооружили ихъ теперь ружьями Снайдера (вродѣ нашихъ Крынка), съ металлическимъ патрономъ. Мнѣ случилось встрѣтить въ «Русскомъ Инвалидѣ» такое мнѣніе, что дескать не смотря на неблагонадежность сейковъ, англичане все-таки вооружили ихъ скорострѣльными ружьями! — Стоитъ вникнуть поглубже въ этотъ фактъ и тотчасъ обнаружится, что англичане никакого промаха не совершили, ибо патроновъ отпускается весьма мало и, стало быть, въ случаѣ возмущенія, когда патроны будутъ израсходованы—ружья обратятся въ дреколіе. Поэтому, вмѣсто выраженія: «не смотря на неблагонадежность» слѣдуетъ поставить: «вслѣдствіе неблагонадежности». Старыя же ружья остъ-индское правительство посылаетъ туркменамъ, кашгарцамъ и всякому, кто хочетъ противоборствовать Россіи.

И такъ, сейки все-таки не надежны. Что касается желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, то они, конечно, не застрахованы отъ порчи... Въ результатѣ получится тотъ выводъ, что при *серьезной* опасности, англичанамъ, пожалуй, и не удастся «быть въ данное время и на данномъ мѣстѣ — сильнѣе своего противника».

Еслибы мы имѣли въ виду исключительно Индію—мы бы должны были торопиться и не тратить время на безплодную игру въ дипломатію съ тупоголовыми ханами. Въ дѣйствительности же наше движеніе впередъ находится въ зависимости именно отъ этихъ хановъ: сглупитъ тотъ или другой изъ нихъ—мы и подвинулись на шагъ.

Границы наши не прочны, гдѣ не мелькаютъ штыки. Никакая *естественная* граница не удержитъ лихаго азіятскаго наѣздника—надо отдать ему справедливость. Рѣку онъ переплыветъ на конѣ, или вѣрнѣе — *рядомъ* съ конемъ, за гриву котораго онъ держится. Гору перелѣзетъ даже съ верблюдомъ—хотя бы для этого пришлось вырубать ступеньки.

Оказывается, что самая лучшая и, конечно, самая естественная граница—это стрѣлковая цѣпь.

Припомнимъ выраженіе спартанскаго царя Агезилая: «границы Спарты — на концахъ копій спартанскихъ». Дѣйствительно, при отсутствіи необходимыхъ естественныхъ границъ

*

врагъ только тамъ и не пролезаетъ, гдѣ натыкается на заборъ изъ копій—или штыковъ!

Сыръ-Дарья, казалось бы, и хорошая естественная граница, а сколько разъ переправлялись черезъ нее вплавь цѣлыя шайки?

Казаки Пистолькорса и сотня Скобелева продѣлывали эту штуку, подъ Чиназомъ, безчисленное множество разъ.

Съ другой стороны: граница наша съ Бухарою не окаймлена ни горами, ни рѣками, а между тѣмъ бухарцы сидятъ смирно, и границу эту уважаютъ. Почему такъ?—А потому, что на дорогѣ мелькаютъ русскіе штыки!

Пока наши сосѣди не достаточно окрѣпли въ наукѣ международнаго права, которую, не безъ успѣха, преподаютъ имъ наши линейные и стрѣлковые батальоны, до тѣхъ поръ, мы не можемъ быть увѣрены, что завтра останемся на томъ же мѣстѣ, на которомъ стоимъ сегодня. — Весьма возможно по этому, что мы придвинемся къ Индіи еще ближе.

Въ этомъ для насъ нѣтъ ничего страшнаго. Этого долженъ желать каждый русскій, сохранившій еще способность размышлять.

Въ самомъ дѣлѣ: изъ за чего мы бьемся?

И въ Европѣ, и въ Азіи, мы бьемся изъ за того, чтобы сосѣди дали намъ возможность жить въ мирѣ и спокойствіи, дали намъ возможность устраивать свои внутреннія дѣла, развивать свои естественныя средства, свою промышленность и торговлю, — безъ всего этого невозможно достигнуть нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія, единственной цѣли всякаго государства.

И такъ, мы бьемся изъ за мира, но миръ не пріобрѣтается сложа руки, а завоевывается.

Международное право, возникшее изъ права силы, изъ права войны и, наконецъ, изъ права побѣды, держится только страхомъ наказанія—страхомъ возбудить противъ себя сильное большинство. Если этого страха нѣтъ, то всѣ законы этого права попираются безъ дальнихъ околичностей. — Исторія

представляетъ намъ тысячи примѣровъ такого отношенія къ *священнымъ* договорамъ. Одинъ Наполеонъ I чего стоитъ, а ужь объ Англіи и говорить нечего: она только тѣмъ и составила себѣ состояніе, что безъ зазрѣнія совѣсти попирала трактаты и не церемонилась со слабѣйшимъ!

По этому мы остережемся сказать, что Англія *лучше* относится къ международному праву, чѣмъ Хива, Бухара и Коканъ, мы не спѣшимъ выразить увѣренность, что намъ выгоднѣе имѣть сосѣдкою Англію, чѣмъ Хиву. Мы, напротивъ, убѣждены, что намъ пришлось бы тогда и самимъ принять англійскую систему: считать священными только тѣ трактаты, которые невыгодны противнику и считать ни во что такіе, которые невыгодны намъ самимъ.

Но на Англію есть узда: опасенія потерять драгоцѣнную колонію. Чѣмъ сильнѣе это опасеніе, тѣмъ спокойнѣе относится Англія ко всѣмъ вопросамъ, до нея прямо не касающимся.

Европѣ предстоитъ еще рѣшить нѣсколько капитальныхъ вопросовъ, которые она до сихъ поръ все откладывала. Больше всѣхъ при этомъ тормазила Англія, нехотѣвшая рисковать своими барышами, ради невѣрнаго будущаго.

Не говоря о томъ, *что* еще выдвинетъ впередъ исторія, и что можно только угадывать, довольно упомянуть о живучемъ «восточномъ» вопросѣ, стоившемъ намъ столькихъ жертвъ и жертвъ безплодныхъ, благодаря единственно Англіи.

Англія была душою коалиціи 1854—1856. Никогда одна Франція не рискнула бы на высадку, со средствами только *своего* флота. Англіи надобно было истребить знаменитые севастопольскіе доки, надобно было нанести ударъ нашему преобладанію на водахъ Чернаго моря и вотъ Франціи поданъ буксиръ!

Съ тѣхъ поръ обстоятельства сильно измѣнились: мы придвинулись къ Индіи на 2000 верстъ, и разговоры уже не тѣ.

Россія объявляетъ, что больше не намѣрена признавать парижскій трактатъ 1856 года въ тѣхъ пунктахъ, которые

касаются Чернаго моря—и Англія спѣшитъ согласиться.—Та Англія, которая больше всѣхъ настаивала на этихъ пунктахъ!

Опасеніе за колоніи — это такая струна, на которой мы всегда можемъ разыгрывать всевозможные вопросы.

Въ 1863 году Англія подбила ту же Францію и неосторожную Австрію, послать коллективную ноту Россіи, относительно польскаго вопроса. Затѣмъ, когда была увѣрена, что ни Франція, ни Австрія уже не отступутъ—она вдругъ принимаетъ высокомѣрный тонъ и грозитъ уже признать Польшу — воюющей стороною, т. е. независимою. Текстъ такой депеши былъ уже напечатанъ въ англійскихъ газетахъ, и сама депеша была отправлена къ англійскому послу при С.-Петербургскомъ кабинетѣ. Разрывъ казался неизбѣжнымъ..

Англичане уже высчитывали: сколько надобно дать времени русскому канцлеру на изготовленіе отвѣтовъ, затѣмъ, сколько времени на соблюденіе разныхъ формальностей и, такимъ образомъ, опредѣляли, что война не можетъ начаться раньше осени, а рѣшительныя дѣйствія раньше будущей весны, съ открытіемъ навигаціи...

Вдругъ тучи разсѣялись... депешу торопятся взять назадъ, пока еще она не сообщена русскому правительству...—Понижаютъ тонъ и, наконецъ, смиренно проглатываютъ пилюлю, поднесенную княземъ Горчаковымъ, гораздо раньше вычисленнаго срока!

Откуда такая перемѣна?

Дѣло объясняется весьма просто: съ полученіемъ первой коллективной ноты видно было, что дѣло на томъ не остановится и наше правительство рѣшилось на весьма смѣлую мѣру: шесть лучшихъ ходоковъ нашего флота, подъ начальствомъ контръ адмирала Лесовскаго, были отправлены, такъ сказать «инкогнито», обогнуть Англію съ сѣвера, (въ Ламаншѣ ихъ могли бы замѣтить), зайти въ Нью-іоркъ и быть готовыми, по первому приказу, идти къ Австраліи...

Если припомнить, что одновременно съ этимъ, Англія успѣла насолить и американскимъ штатамъ, признавъ югъ воюющей

стороною, то понятно, почему наша эскадра была встрѣчена въ Нью-іоркѣ съ распростертыми объятіями.

Какъ только вѣсть о прибытіи русской эскадры долетѣла до Англіи, тамъ тотчасъ спохватились: мѣнять Австралію на Польшу оказалось невыгоднымъ и коалиція удовлетворилась выговоромъ, сдѣланнымъ ей княземъ Горчаковымъ.

Въ виду такой чуствительности англичанъ къ вопросу о колоніяхъ, намъ, положительно, слѣдуетъ стараться занять позиціи, наиболѣе къ нимъ близкія. Издали англичане насъ не любятъ, вблизи—чувствуютъ къ намъ нѣкоторое почтеніе, очевидно, что намъ выгоднѣе стоять къ нимъ по ближе.

Мы не только обезпечимъ тогда судьбу нашихъ отношеній къ Англіи отъ всякихъ неожиданныхъ и нежелательныхъ случайностей, не только не будемъ врагами, но, по всей вѣроятности, покажемъ свѣту примѣръ, ничѣмъ несокрушимаго согласія, въ самыхъ запутанныхъ вопросахъ европейской политики.

Какъ смотрятъ сами англичане на цѣли наши въ Азіи — мы уже говорили въ 10, 11 и въ 12 главахъ. Въ видѣ заключенія ко всему сказанному — мы приведемъ здѣсь нѣсколько мѣстъ изъ книги сэра Раулинсона «England and Russia in the East». — Книга эта только что вышла изъ печати и составляетъ какъ бы сборникъ всѣхъ статей автора, помѣщавшихся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Мнѣнія с. Раулинсона пользуются въ Англіи тѣмъ большимъ авторитетомъ, что этотъ генералъ занималъ постъ посланника при персидскомъ дворѣ, и потому могъ ознакомиться на мѣстѣ съ условіями, входящими въ составъ вопросовъ имъ затрогиваемыхъ. По смерти Мурчинсона, бывшаго предсѣдателя королевскаго географическаго общества,—сэръ Раулинсонъ избранъ на его мѣсто. — Въ переговорахъ съ нами, англійскіе дипломаты ссылаются иногда на сочиненія с. Раулинсона, въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ.—По всему этому, мы не можемъ не придать значенія мнѣніямъ такого знатока Азіи.

Говоря о завованіяхъ Россіи, г. Раулинсонъ замѣчаетъ:

«Мы должны разсмотрѣть возможный исходъ, совершившихся фактовъ и рѣшить: какой политики должна придерживаться Англія, въ видахъ своихъ интересовъ?

«Мы не имѣемъ намѣренія сомнѣваться въ правдивости русскаго правительства, относительно его недавнихъ дѣлъ... но опытъ доказалъ, что можно было ясно предвидѣть, что Россія не въ силахъ остановиться на полпути къ избранной цѣли... Коканъ, самъ по себѣ, стоитъ, какъ угроза Ташкенту, положительно какъ Ташкентъ былъ для Чимкента, и еще раньше Чимкентъ для Туркестана. Дѣйствительно чѣмъ дальше она идетъ, тѣмъ больше ей необходимости завладѣть вполнѣ страною»... Считая однакоже Коканъ опаснымъ врагомъ для Россіи, Раулинсонъ высказываетъ мнѣніе, что русскіе долго еще просидятъ на мѣстѣ. «Слѣдовательно, продолжаетъ онъ, Англіи нечего бояться въ настоящемъ, или даже въ ближайшемъ будущемъ, нападенія на индійскую имперію, хотя это мнѣніе, присущее нѣкоторымъ трусливымъ обитателямъ Лондона и Калькутты, высказано было въ прекрасномъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, годовомъ докладѣ, сэра Родерика Мурчинсона, на послѣднемъ митингѣ королевскаго географическаго общества въ Лондонѣ... Чего мы дѣйствительно можемъ бояться, такъ это того, что Азіятская Россія, выростетъ къ сѣверу отъ Гинду-ку, укоренится, благодаря своему жизненному началу, и со временемъ, сдѣлается опасною соперницею нашей индійской имперіи. Чего мы, не безъ основанія, можемъ ожидать, такъ это того, что при условіи русской колонизаціи, развитіе страны будетъ обезпечено, какъ въ счастливые дни Туркестана, при Чингисханѣ и Тимурѣ, лелеявшихъ свое новорожденное счастіе въ долинѣ Яксарта, прежде чѣмъ они рѣшились выступить на завоеванія чужихъ странъ.

«Но разрастаніе такой сатрапіи, которая бы могла пріобрѣсти силу и единство имперіи—будетъ дѣломъ времени,—дѣломъ, можетъ быть вѣковъ; и воля судьбы, можетъ каждую минуту освободить насъ отъ страшнаго кошмара».

Пока, однакоже, судьба и случай не вмѣшались въ дѣло,

кошмаръ продолжаетъ пугать воображеніе воинственныхъ сыновъ Альбіона, дрожащихъ за участь своей драгоцѣнной колоніи. «Судя по тону индійской печати, говоритъ с. Раулинсонъ, скоро наступитъ, не смотря на отдаленность Россіи, то безпокойное настроеніе умовъ, которое замѣчено было во время первой персидской осады Герата и такъ прекрасно описано Каемъ, въ его исторіи авганской войны. Мы не имѣемъ желанія обсуждать опасность, которая можетъ быть и неосуществится, но ясно, что чѣмъ ближе русскіе къ Индіи, тѣмъ сильнѣе броженіе умовъ, и тѣмъ труднѣе будетъ поддержать порядокъ въ пограничныхъ провинціяхъ. Если при теперешнихъ обстоятельствахъ, для индійскаго гарнизона необходима армія въ 70,000 европейцевъ, то когда Россія будетъ стоять лицомъ къ лицу къ Англіи на Индусѣ, то ничего нѣтъ невѣроятнаго, если понадобится добавочная армія въ 50,000, а зная наши средства—откуда, позвольте спросить, явится къ намъ эта добавочная сила?»

Относительно движенія русскихъ на востокъ, сэръ Раулинсонъ говоритъ:

«Каждый, кто слѣдитъ за движеніемъ русскихъ къ Индіи, по картѣ Азіи, не можетъ не быть пораженъ тѣмъ сходствомъ, которое имѣютъ ихъ движенія съ операціями арміи, открывающей пораллели, противъ осаждаемой крѣпости. Такимъ образомъ, первою параллелью будетъ русская граница, начерченная двадцать лѣтъ назадъ, и идущая отъ Каспійскаго моря черезъ Оренбургъ и Сибирскую линію, къ сѣверу отъ степи до Иртыша. Со стратегической точки зрѣнія, эта параллель можетъ быть разсматриваема какъ обсерваціонная линія. Вторая параллель, которая будетъ составлять ея демонстраціонную линію, есть граница, готовящаяся въ настоящее время и которая, сообразно съ планомъ генерала Романовскаго, будетъ идти отъ Красноводскаго залива, въ серединѣ Каспійскаго моря, къ югу отъ Хивы до Оксуса, и по теченію рѣки до Памира, включая, такимъ образомъ, всю узбекскую территорію и ставя въ ея зависимость всѣ воды Оксуса и Яксарта.

«Эта параллель на 1000 миль ближе, но она не угрожаетъ прямо Индіи, тѣмъ болѣе, что авганскія горы составляютъ сильное военное укрѣпленіе. Третья параллель, которая будетъ естественнымъ результатомъ предварительныхъ операцій и на которую Россія когда-нибудь рѣшится,—*если переживетъ революцію въ Европѣ и катастрофу въ Азіи,*—будетъ идти отъ Астрабада къ юго-восточной части Каспійскаго моря, затѣмъ по персидской границѣ до Герата, отъ него черезъ Хазарейскія возвышенности къ Оксусу, или можетъ быть черезъ Кандагаръ къ Кабулу. Когда она утвердится такимъ образомъ, то положеніе ея будетъ внушать опасность. Войска, провіантъ, оружіе могутъ быть сосредоточены въ Астрабадѣ. Страна между этимъ портомъ и Гератомъ открыта и въ нее легко можетъ доставляться все необходимое. Линія военныхъ постовъ соединитъ обѣ позиціи, будетъ держать въ страхѣ туркменовъ, слѣдовательно будетъ выгодна для Персіи и доставитъ Россіи ея содѣйствіе. Гератъ часто называли «ключемъ Индіи» и онъ вполнѣ заслужилъ свою репутацію, какъ самая важная военная позиція. Окружающія городъ земляныя укрѣпленія—колоссальныхъ размѣровъ и могутъ быть безгранично усилены. Воды много, дороги изо всѣхъ большихъ городовъ, изъ которыхъ только можетъ доставляться русскимъ подкрѣпленіе, встрѣчаются на этомъ счастливомъ мѣстѣ. Дѣйствительно, можно сказать безъ преувеличенія, что если Россія станетъ твердою ногою въ Гератѣ и ея сообщенія будутъ обезпечены, во-первыхъ, съ Астрабадомъ черезъ Мешедъ, во-вторыхъ съ Хивою черезъ Мервъ, въ-третьихъ съ Ташкентомъ и Бухарою черезъ Меймене и Оксусъ,—то всѣ туземныя силы Азіи не въ состояніи будутъ сбить ее съ позиціи. Предположимъ, что она займетъ эту угрожающую позицію только ради своихъ враждебныхъ отношеній къ Англіи—она будетъ имѣть средства нанести намъ серьезный вредъ, такъ какъ кромѣ ея собственныхъ войскъ, занятіе Герата отдастъ всѣ военныя силы Персіи и Авганистана въ ея распоряженіе. Россіи стоитъ только указать на Индію, какъ на добычу, которая

всегда служила наградою побѣдоноснымъ войскамъ спускавшимся съ сѣверныхъ горъ, и она можетъ быть увѣрена въ ихъ сочувствіи...» Переходя къ мѣрамъ противодѣйствія Россіи, авторъ спрашиваетъ: «можемъ-ли мы оправдаться тѣмъ, что не обращаемъ вниманія на эту опасность, потому что она еще далека отъ насъ? Не должны-ли мы заранѣе позаботиться, чтобы насъ не захватили врасплохъ? Россія никогда не въ состояніи будетъ утвердиться въ Гератѣ и поддерживать сношенія съ Астрабадомъ безъ содѣйствія Персіи, и вотъ наши усилія должны стремиться къ тому, чтобы предотвратить это содѣйствіе.

«Преобладающее мнѣніе въ нашей восточной политикѣ есть то, что Персія слишкомъ слаба и ненадежна, что бы мы рѣшались на черезъ-чуръ большіе расходы для поддержанія дружественныхъ отношеній съ шахомъ. Въ Тегеранѣ мы довольствуемся теперь второстепеннымъ положеніемъ относительно Россіи, надѣясь, что когда настанетъ время дѣйствовать, то мы усиленною энергіею вознаградимъ потерянное; но это, правду сказать, очень близорукая политика. Доброе расположеніе націи, которымъ мы пользовались нѣкогда въ Персіи, а теперь потеряли, нельзя купить въ одинъ день. Это дѣло времени и постояннаго неослабнаго вниманія. Если мы хотимъ остановить движеніе Россіи къ Индіи, если мы желаемъ, главнымъ образомъ, сдѣлать невозможнымъ или по крайней мѣрѣ удалить на неопредѣленное время занятіе Герата, то намъ необходимо зашевелиться, наконецъ, въ Персіи. Огромные расходы, которые мы несли во времена Гарфорда Джонса и Малькольма при изгнаніи французовъ, теперь ненужны. Что теперь необходимо, такъ это выказать сочувствіе къ націи и оказать ей покровительство противъ русскаго давленія. Наши офицеры должны быть поставлены въ персидскихъ войскахъ на такую ногу, чтобы на нихъ смотрѣли, какъ на довѣренныхъ и полномочныхъ отъ правительства лицъ, подобно тому, какъ это было во времена Кристи, Линдсея и Гарта. Подарки, состоящіе изъ усовершенствованнаго оружія и артил-

леріи, будутъ свидѣтельствовать о нашемъ пробудившемся участіи.

«Мы должны поощрять персидскихъ аристократовъ, чтобы они присылали своихъ сыновей воспитываться скорѣй въ Лондонъ, нежели въ Парижъ. Помѣщеніе англійскихъ капиталовъ въ банки, въ желѣзныя дороги, въ копи, въ особенности если все это будетъ поддерживаться нашимъ правительствомъ,— еще болѣе укрѣпитъ союзъ обѣихъ странъ. Потомъ, посреди народа, который любитъ пышность и придаетъ большое значеніе внѣшнимъ формамъ, необходимо, чтобы наше посольство содержалось на широкую ногу, чтобы подарки раздавались щедро, и чтобы дипломатическое учрежденіе въ Тегеранѣ, въ дѣйствительности имѣло-бы скорѣй восточный характеръ, нежели европейскій».

Подтвержденіе основательности сѣтованій с. Раулинсона, мы находимъ и въ статьѣ Вамбери: «соперничество Россіи и Англіи въ Средней Азіи». *) Вотъ это мѣсто:

«Во время посольства въ Персію сэра *Генри Раулинсона*, англійское вліяніе пошло было въ гору, но, съ тѣхъ поръ, оно постоянно падало... на сколько англійская политика въ Иранѣ отличалась, во времена Малькольма, щедростію и предупредительностію, на столько же она отличается, начиная съ *Макъ-Ниля*—скупостію и вялостію».

Возвращаясь снова къ воображаемымъ замысламъ Россіи сэръ Раулинсонъ говоритъ: «въ настоящую минуту, вниманіе Россіи обращено по направленію къ Мерву и Герату, и въ своей азіятской политикѣ она будетъ руководствоваться, главнымъ образомъ, соображеніями касательно этого спеціальнаго вопроса. Напримѣръ: останется-ли ханъ управителемъ хивинскаго ханства или будетъ назначенъ туда русскій губернаторъ—это будетъ зависѣть отъ того, какое устройство можетъ скорѣй держать въ страхѣ туркменъ. Даже обширныя инженерныя сооруженія, судоходный каналъ и желѣзная до-

*) Русскій переводъ помѣщенъ въ „Запискахъ для Чтенія" за 1867 годъ.

рога между морями Каспійскимъ и Аральскимъ, работы на которыхъ вскорѣ начнутся, вѣроятно, имѣютъ въ глазахъ Россіи больше значенія, какъ средства для укрѣпленія позиціи на Оксусѣ и для занятія Мерва, чѣмъ какъ средства сообщенія съ Туркестаномъ».

И такъ послѣднія событія въ Азіи наводятъ англичанъ на мысль, что имъ предстоитъ опасность неминучая.

Въ числѣ мѣръ, рекомендуемыхъ сэромъ Раулинсономъ, недостаетъ здѣсь только одной: занять Гератъ англійскими войсками. Но въ концѣ своей книги, авторъ не упустилъ и этого. Англичане не разъ уже разсуждали о Гератѣ, и только отдаленность этой страны отъ остальныхъ владѣній англійскихъ, да трудность сообщеній черезъ горы, занятыя разбойничьими племенами, удерживали до сихъ поръ англійскую предпріимчивость. Считая необходимымъ занять Кандагаръ и Гератъ, въ случаѣ дальнѣйшаго движенія русскихъ, с. Раулинсонъ высказываетъ однакоже желаніе, чтобы эта мѣра была истолкована въ надлежащемъ свѣтѣ. «Необходимо, говоритъ онъ, чтобы поняли, что мы не имѣемъ въ виду расширенія своихъ владѣній и завоеванія земель, а что напротивъ, занятіе Кандагара и Герата есть чисто мѣра военной обороны, навязанная намъ наступательнымъ положеніемъ Россіи. Если-бы эмиръ (кабульскій) согласился держаться одной съ нами политики и предоставилъ-бы всѣ средства западнаго Авганистана къ нашимъ услугамъ на время экспедиціи, какъ это было уже прежде, то тогда не встрѣтится никакой надобности измѣнять обыкновенную гражданскую администрацію или держать себя какъ либо иначе, нежели какъ слѣдуетъ временнымъ гостямъ въ дружественной странѣ».

Такія разсужденія, конечно, только пришпориваютъ остъ-индскую администрацію и поддерживаютъ ея рѣшимость на самыя крайнія мѣры. Разстояніе, трудность сообщеній и разбойники перестали уже пугать вице-короля.

Теперь, послѣ занятія нами позиціи на Аму-Дарьѣ, англичане рѣшаются на важный шагъ: они хотятъ выступить къ

намъ на встрѣчу по дорогѣ къ Герату. Для этого предполагается пройдти Баланскій проходъ и занять впереди него городъ *Кветту*, принадлежащій Келату, на что англичане считаютъ себя вправѣ, на основаніи договора съ этимъ владѣніемъ.

Такимъ образомъ, Англія выставляетъ противъ будущей грозы — надежный громоотводъ. Но, такъ какъ извѣстно, что громоотводъ *привлекаетъ* къ себѣ мимо идущую грозу, а не предупреждаетъ ее, то весьма возможно, что въ случаѣ занятія англичанами г. Кветты, наша встрѣча съ ними произойдетъ ранѣе, чѣмъ бы имъ было желательно.

Глава XIV.

Отзывы европейской журналистики о причинахъ и цѣляхъ нашего движенія въ Среднюю Азію. — Безпристрастіе нѣмецкаго публициста. — Французъ подноситъ намъ бочку меда и ложку дегтя. — Что будетъ съ Россіею черезъ 100 лѣтъ? — Особенности работъ мадьяра Вамбери.—Подлаживаніе подъ тѣнь общественнаго мнѣнія.— Одна похвала на десять ругательствъ.—Можно ли вѣрить авторитету Вамбери? — Что говорятъ о насъ „братья“ американцы?—Недоумѣнія по поводу депеши Скайлера.

Наше движеніе въ Среднюю Азію, какъ явленіе весьма крупное, породило въ западно-европейской журналистикѣ цѣлую литературу. Не говоря уже объ англійскихъ журналахъ и газетахъ, переполняемыхъ самыми пристрастными *пустяками*, но даже нѣмцы, французы, австро-венгры, американцы и т. д. не отстали отъ общаго возбужденія.

Мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ заграничныхъ брошюръ и журналовъ, чтобы показать: какъ судитъ о нашихъ дѣлахъ европейская печать.

Г. фонъ-Гельвальдъ въ брошюрѣ своей «Die Russen in Central-Asien» говоритъ слѣдующее:

«Русская политика въ Азіи можетъ имѣть три цѣли, не исключающія одна другую: 1) искоренить Индію, что невѣроятно; 2) косвенно рѣшить восточный вопросъ въ Азіи, что выполнимо и вѣроятно, и 3) пріобрѣсти торговую гегемонію въ Азіи—цѣль несомнѣнная. Тотъ, кто, подобно намъ, далекъ отъ всякихъ политическихъ цѣлей и смотритъ на средне-азіятскія событія единственно съ научной точки зрѣнія, тотъ не долженъ никогда забывать, что за русскими знаменами въ

Азію всегда слѣдовали ученыя экспедиціи, ознакомившія насъ съ этими, недавно еще полубаснословными странами, никогда не забудетъ, что и теперь цивилизація не отступно слѣдуетъ за побѣдоносным полетомъ русскаго орла.

«Россія исполняетъ въ Азіи дѣйствительную миссію, внося въ нее европейскую цивилизацію для Азіи. Мы, непричастные къ дѣлу, должны сознаться, что Россія расширяетъ кругъ человѣческихъ знаній, вводитъ новыя племена въ семью цивилизованныхъ народовъ и, что это есть высшая польза, какую когда либо извлекалъ міръ изъ подобныхъ войнъ, начиная хоть съ Сезостриса или съ Александра Македонскаго».

Эта выдержка не нуждается въ комментаріяхъ. Всякій безпристрастный и разумный человѣкъ, конечно, раздѣлитъ мнѣніе, высказанное нѣмецкимъ публицистомъ.

Посмотримъ теперь: какъ отзываются о насъ французы:

Лежанъ, недавно посѣтившій Среднюю Азію, помѣстилъ въ «Revue des deux Mondes» двѣ статьи о Средней Азіи: «Les Russes en Boukharie» и «Les Anglais sur l'Indus», въ которыхъ, съ рѣдкимъ для француза безпристрастіемъ, описываетъ положеніе тамошнихъ дѣлъ, но въ окончательныхъ выводахъ своихъ совершенно сходится съ мнѣніемъ лондонской и остъ-индской печати. «Постараюсь, говоритъ онъ въ предисловіи, доказать три вещи, въ которыхъ я твердо убѣжденъ: 1) сначала вторженіе, а потомъ покореніе Туркестана русскими,—только мѣра законной обороны; 2) это не угрожаетъ никакому европейскому интересу и также мало грозитъ англійской Индіи, какъ и намъ французамъ; наконецъ, 3) это не только не составляетъ бѣдствія для покоренныхъ народонаселеній, но еще служитъ единственнымъ путемъ спасенія для этихъ народовъ, искони неспособныхъ устроиться и управляться сами собою».

Эта тройственная задача, какую задалъ себѣ авторъ, еслибы онъ даже и не выполнилъ ее такъ удовлетворительно—сама по себѣ выдвигаетъ трудъ Лежана изъ ряда тѣхъ поверхностныхъ *издѣлій* французскаго легкомыслія, которыя запружаютъ литературныя рынки западной Европы.

Нѣтъ почти ни одного иностраннаго писателя, который говоря о Россіи, не постарался бы *лягнуть* ее, по мѣрѣ силъ и способностей, и потому, когда встрѣчаешь вдругъ вѣрный взглядъ, здравое сужденіе—то невольно удивляешься откуда это взялось у какого нибудь француза или нѣмца?

Лежанъ, какъ увидимъ ниже, также не упустилъ случая поддѣлаться подъ вкусъ извѣстной части общества, но мы охотно извиняемъ ему всякую выходку за дѣльность остальныхъ его разсужденій.

Лежанъ, какъ видно, нисколько не желаетъ, чтобъ Россія, по примѣру англичанъ въ Индіи, опоясала себя, въ Средней Азіи, рядомъ государствъ, зависящихъ отъ нея политически, но пользующихся самоуправленіемъ. Онъ желаетъ, напротивъ, безусловнаго включенія въ предѣлы Россійской Имперіи: Бухары, Кокана, Хивы и земель независимыхъ туркменъ.

Вотъ какъ выражается онъ, хотя бы по поводу Бухары: «въ Бухарѣ, находящейся лишь въ вассальной зависимости, но сохраняющей свою автономію, контрабандная торговля рабами будетъ производиться въ такихъ же обширныхъ размѣрахъ, какъ производится она, близехонько отъ насъ, въ кварталахъ Константинополя; всѣ трактаты будутъ нарушаться также безцеремонно, какъ это дѣлается на берегахъ Босфора. Единственный, серьезный, надзоръ возможенъ только для царскихъ исправниковъ, которые бы разъѣзжали по бухарскимъ улицамъ также спокойно, какъ разъѣзжаютъ они въ настоящее время по ауламъ Закавказья.»

Надо отдать справедливость Лежану и въ этомъ случаѣ: слова его оказались пророческими — не только послѣ самаркандской расправы, но даже и послѣ хивинскаго погрома 1873 года, подогрѣвшаго и подновившаго, за одно, остывшій и забытый трактатъ 1868 года,—торговля рабами благополучно продолжалась на бухарскихъ рынкахъ, подъ самымъ клювомъ русскаго орла!

Разсматривая завоеванія Россіи съ точки зрѣнія матеріальныхъ выгодъ, Лежанъ говоритъ: «если Англія извлекла столь удивительную выгоду изъ материка, такъ мало одареннаго природою, какъ Австралія, то что же можетъ выйдти подъ мужественнымъ и организующимъ управленіемъ Россіи изъ странъ, подобныхъ Кашгару, Яркенду или Бухарѣ»! Въ другомъ мѣстѣ, мы встрѣчаемъ такое измышленіе: «въ отношеніи Запада, эти отдаленныя завоеванія (средне-азіятскія) *ничего не прибавляютъ* къ наступательнымъ силамъ Царя. Если Россія покоритъ и весь Туркестанъ, то она увеличится малолюдною территоріею, едва подходящею, по числу народонаселенія, къ Молдо-Валахіи, а относительно богатства—только къ одной Молдавіи. Конечно, еслибъ вмѣсто владѣній узбековъ, дѣло шло о Румыніи, Европа имѣла бы основаніе опасаться присоединенія, которое дало бы завоевателю превосходную военную позицію, да еще теченіе и устья большой рѣки Запада, (т. е. Дуная) и, наконецъ, разсадникъ превосходныхъ солдатъ; но на берегахъ Окса, (Аму-Дарьи) есть ли что либо подобное? *Провинціи, издавна истощенныя неспособными правительствами, удаленныя къ тому же отъ центра Россіи, такъ что управленіе ими дѣлается разорительнымъ; территорія, которая, въ теченіи тридцати, сорока лѣтъ, не возвратитъ издержекъ занятія*, наконецъ, народонаселеніе мирное, безучастное, невоинственное, у котораго Россія, по весьма понятнымъ причинамъ, еще долго не потребуетъ ничего, кромѣ милиціи, въ родѣ мингрельской, мобилизованной въ 1855 году, во время вторженія Омера-паши. Правда, казанскіе и астраханскіе татары подвержены рекрутскому набору и поставили Россіи въ крымскую армію солдатъ, столь же стойкихъ въ огнѣ, какъ и коренные московиты; но Казань и Астрахань завоеваны три вѣка назадъ, и было достаточно времени ихъ дисциплинировать. Безъ всякаго сомнѣнія, по истеченіи такого срока, и Бухара будетъ въ состояніи поставлять имперіи хорошихъ солдатъ, если только Россійская Имперія про-

существуетъ еще три столѣтія, въ чемъ далеко не увѣрены даже въ С.-Петербургѣ».

Лежанъ, какъ видитъ читатель, не удержался на высотѣ безпристрастія. Французъ прорвался въ немъ со всѣмъ его легкомысліемъ.

Если онъ хочетъ знать, *что* думаютъ въ Петербургѣ русскіе люди, а не французскіе куаферы, такъ пусть прочтетъ слѣдующее: въ Россіи считается теперь до 90 милліоновъ населенія, черезъ 100 лѣтъ въ ней будетъ 270 милліоновъ, а съ такимъ числомъ, мы Богъ дастъ не пропадемъ и пожалуй спорные 300 лѣтъ еще протянемъ!

Для интересующихся вопросомъ о срокѣ, въ какой населеніе можетъ удвоиться, я приведу вычисленія *Веппеуса*, въ основаніи которыхъ лежитъ процентъ ежегоднаго прироста, замѣченный въ томъ или другомъ государствѣ:

	Ежегодный приростъ населенія.	Во сколько лѣтъ удвоится населеніе.
Въ Норвегіи	1.15%	въ 61 годъ.
— Даніи	0.89	» 71 »
— Швеціи	0.88	» 79 »
— Саксоніи	0.84	» 83 »
— Нидерландахъ. . .	0.67	» 103 »
— Пруссіи.	0.53	» 131 »
— Бельгіи.	0.44	» 158 »
— Англіи	0.23	» 302 »
— Австріи	0.18	» 385 »
— Франціи	0.14	» 405 »

Приростъ населенія въ Россіи составляетъ 1.01%, и значитъ, она занимаетъ второе, послѣ Норвегіи, мѣсто. На каждый милліонъ въ Россіи наростаетъ въ годъ 10.100 душъ, а потому въ 66 лѣтъ населеніе удвоится. Значитъ, къ 1941 году въ Россіи будетъ 180 милліоновъ, а еще черезъ 33 года наростетъ половина этого числа, итого будетъ 270 милліоновъ!

*

Въ Англіи считается теперь 32 милліона, въ Пруссіи 25 милліоновъ, во Франціи 36 милліоновъ. Черезъ 100 лѣтъ въ Англіи будетъ около 42 милліоновъ, въ Пруссіи около 44 милліоновъ, во Франціи тоже около 44 милліоновъ.—Да еще и тѣмъ жить будетъ негдѣ, тогда какъ у насъ простору и раздолья хватитъ на долго.

Если теперь, при 90 милліонахъ народу, — земной шаръ *чувствуетъ* на себѣ Россію, то что же будетъ когда въ ней окажется 270 милліоновъ жителей?

Пусть же успокоится на нашъ счетъ г. Лежанъ и всѣ парикмахеры.

Въ параллель фонъ-Гельвальду и Лежану, мы выставимъ теперь и мадьяра Вамбери, а для того, чтобы читатель могъ оцѣнить этого писателя по достоинству, мы отмѣтимъ нѣкоторыя особенности его работъ. Начать съ того, что цѣлью нашего движенія въ Азію, Вамбери считаетъ завоеваніе Индіи. Это высказано имъ весьма категорически въ коротенькой статьѣ, о которой мы уже упоминали (соперничество Россіи и Англіи въ Средней Азіи). Вотъ его слова:

«Россія желаетъ пріобрѣсти Индію: *во-первыхъ*, чтобы украсить этимъ драгоцѣннымъ перломъ богатую діадему своихъ азіятскихъ владѣній, *во-вторыхъ*, чтобы облегчить себѣ распространеніе вліянія на весь мусульманскій міръ, такъ какъ обладаніе Индіей означаетъ въ глазахъ мусульманъ, крайнюю степень могущества и величія, *и наконецъ*, чтобы сковать британскаго льва по ту сторону Гинду-ку и тѣмъ облегчить осуществленіе своихъ плановъ на Босфорѣ, Средиземномъ морѣ и во всей Европѣ, такъ какъ восточный вопросъ — какъ теперь уже никто болѣе не сомнѣвается—легче рѣшить по ту сторону Гинду-ку, чѣмъ на Босфорѣ». Для достиженія такихъ важныхъ цѣлей, Россія, конечно, должна понести много трудовъ, потратить много денегъ, пролить много крови; но по мнѣнію Вамбери, она, уже заранѣе, позаботилась подготовить себѣ почву и пустила корни, опутавъ населеніе сѣтями надеждъ,

алчности и мщенія. Чьими же руками раскидываются эти сѣти? Читатель никогда не угадаетъ.

Вамбери увѣряетъ, будто петербургскій кабинетъ опоясалъ Персію, Индію и чуть ли не всю южную Азію электрическою цѣпью, по которой и проводитъ могущественный токъ своего вліянія. Звѣнья этой цѣпи—армяне. «Сколько вѣрныхъ британскихъ подданныхъ, живущихъ въ Калькуттѣ, Бомбеѣ и Мадрасѣ, числятся въ Петербургѣ ревностными поборниками русскихъ интересовъ! Каждаго члена армянской церкви въ Азіи можно считать тайнымъ агентомъ русской политики».

Мы знаемъ армянъ за людей промышленныхъ, ловкихъ, разсчетливыхъ, умѣющихъ оцѣнить выгоды того или другаго положенія вещей. Если мадьяру Вамбери приходилось наталкиваться именно на умныхъ и знающихъ ариѳметику людей, то ничего нѣтъ мудренаго, если они разочли безъ ошибки, что *для нихъ лично* Россія выгоднѣе Англіи! Весьма возможно также, что не для однихъ армянъ, но и для персіянъ, и для индусовъ, русское владычество было бы и легче, и выгоднѣе. У самого Вамбери прорвалось однажды восклицаніе, которое онъ не зналъ потомъ, какъ и взять назадъ.

Описывая свое извѣстное путешествіе въ Хиву и Бухару, онъ заканчиваетъ его слѣдующими словами: «*Мы должны желать полнаго успѣха русскому оружію въ Средней Азіи, ради торжества европейской цивилизаціи и во имя человѣчества*». Казалось бы: vas vilst du noch mehr?

Но Вамбери прежде всего шарлатанъ и никогда не подорожитъ высказаннымъ убѣжденіемъ. Если иностранныя газеты, почему нибудь, воспылаютъ ненавистью къ Россіи,—Вамбери первый откажется отъ прежде-сказанныхъ словъ и затянетъ новую пѣсню. Весь вопросъ въ состояніи газетнаго рынка: какъ только къ руссолюбіемъ *слабо*, а съ руссофобіей *твердо*— и нашъ Вамбери тотчасъ распинается противъ Россіи, подлаживаясь подъ общій тонъ, ради куска хлѣба *).

*) Въ этомъ онъ сознался самъ одному изъ русскихъ путешественниковъ, занимающему довольно солидный постъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Въ статьѣ его: «соперничество Россіи и Англіи въ Средней Азіи» встрѣчаются, напримѣръ, такія прелести: «изучая исторію завоеваній Россіи на азіятскомъ материкѣ... мы видимъ, что всегда и вездѣ *вторженію предшествуетъ одна и та же политика интригъ и козней, сѣяніе сѣмянъ раздора, подкупъ, приманка, при помощи самыхъ неблаговидныхъ средствъ*». Подъ подкупами Вамбери разумѣетъ подарки, а подъ неблаговидными средствами—щедрое угощеніе водкой. «Завязавъ сначала торговыя сношенія съ туземцами, русскіе пользуются какою нибудь пустѣйшею ссорою, чтобы создать изъ нея casus belli т. е. поводъ къ войнѣ; гдѣ нельзя ни къ чему придраться, тамъ они подкапываютъ почву посредствомъ эмиссаровъ, стараются *сманить князьковъ подарками, или отуманить ихъ щедрымъ угощеніемъ водкой* и тѣмъ втянуть въ безвыходный очарованный кругъ». Даже смѣшно читать!

Пусть читатель представитъ себѣ только, что мы подготовляемъ такъ бухарскаго эмира и коканскаго хана, спаиваемъ съ кругу Якубъ-бека и наконецъ Богдыхана!

Нашу политику Вамбери характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: русскіе всегда приноравливаются къ тому, съ кѣмъ имѣютъ дѣло: съ китайцами они и сами китайцы, съ татарами—татары; въ борьбѣ они дѣйствуютъ какъ тигры: подкрадываются ползкомъ, *трусливо пресмыкаются въ прахъ*, пока не дождутся благопріятной минуты, тогда они дѣлаютъ роковой прыжокъ; ихъ сладкорѣчивые эмиссары усыпляютъ всякое опасеніе, всякое подозрѣніе въ своей жертвѣ: они ласкаютъ ее, спаиваютъ съ кругу, опутываютъ своими сѣтями до тѣхъ поръ, пока всякое сопротивленіе будетъ невозможно.

Когда въ Англіи считалось унизительнымъ вступать въ *прямыя* сношенія съ какимъ нибудь бухарскимъ эмиромъ и это предоставлялось остъ-индскому генералъ-губернатору,—въ Россіи, напротивъ, самъ государь, въ сношеніяхъ съ средне-азіятскими ханами, скромно называлъ себя «невскимъ ханомъ».

Такіе азіятскіе пріемы составляютъ верхъ хитрости и «приносятъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ *прямодушіе и справедливость, искони отличающія образъ дѣйствій англичанъ*».

Здѣсь что ни слово, то ложь. Противъ кого это намъ нужно бы было прибѣгать къ такимъ іезуитскимъ средствамъ? Противъ Бухары и Кокана? — Да вѣдь это смѣшно! Наконецъ когда это нашъ Государь величался *«невскимъ ханомъ»*? ужъ не передъ тѣми ли ханами, которымъ даютъ титулъ «высокостепенства», какъ купцамъ?

Вся Азія знаетъ мощнаго монарха, властителя многихъ царствъ и народовъ и знаетъ, что этого монарха зовутъ: *Акъ-Падьша* т. е. Бѣлый Царь. Даже Китай знаетъ это названіе, но такъ какъ бѣлый цвѣтъ у китайцевъ траурный, а самый торжественный, богдыханскій,—это желтый, то въ сношеніяхъ своихъ съ нами, китайцы, въ знакъ особаго уваженія къ великому русскому Государю, величаютъ его *желтымъ царемъ*. Никогда, никто изъ азіятцевъ, кромѣ Вамбери, не смѣлъ и помыслить умалить значеніе нашего Государя. Этого не допускаетъ самая простая вѣжливость, самый обыденный этикетъ, а въ томъ и другомъ азіятцы далеко опередили Вамбери.

Что касается до характеристики англійской политики, то читая всю предъидущую тираду противъ Россіи, именно и кажется, что здѣсь, въ сущности, дѣло идетъ не о Россіи, а объ Англіи и что Вамбери подпускаетъ ей каверзу. Ни прямодушіемъ, ни справедливостью англичанъ упрекнуть нельзя: въ нихъ они не повинны! Вспомнимъ ихъ разбои въ Индіи, вспомнимъ бомбардированіе Копенгагена, вспомнимъ отравленіе китайцевъ опіумомъ...

Въ другомъ мѣстѣ, Вамбери характеризуетъ русскихъ такими словами: «на всемъ громадномъ протяженіи, занимаемомъ русскою азіятскою границей, мы повсюду видимъ, что *русскіе, и по образованію, и по нравственнымъ качествамъ*, стоятъ гораздо ниже азіятцевъ. Въ русскомъ, какъ въ сѣверномъ жителѣ, пожалуй, и больше энергіи, чѣмъ въ чистокровномъ азіятцѣ, но его не опрятность, его, *близко подходящая къ идолопоклонству, религія, его рабскій характеръ, грубое*

невѣжество, неотесанные пріемы,—все это ставитъ его гораздо ниже, сравнительно съ проницательнымъ азіятцемъ. Одинъ образованный таджикъ въ Бухарѣ говорилъ мнѣ съ презрѣніемъ о необразованности русскихъ».

Надобно, впрочемъ, напомнить читателю, что Вамбери уже достаточно уличенъ многими европейскими путешественниками въ томъ, что его путешествіе въ Среднюю Азію, чистый вымыселъ.

Надергать изъ разныхъ источниковъ и чужихъ путешествій свою коллекцію не трудно, а подцвѣтить побасенками въ восточномъ вкусѣ, при знаніи языковъ,—еще легче. Дерзость и нахальство, которыми даже похвалился, въ одномъ мѣстѣ, нашъ мадьяръ, довершатъ остальное и публикѣ преподносится интересное путешествіе!

Мнѣ, лично, удалось провѣрить въ Самаркандѣ двѣ вещи, уличающія Вамбери въ томъ, что онъ ихъ не видѣлъ и, слѣдовательно, въ Самаркандѣ не былъ: во-первыхъ, онъ увѣряетъ, будто въ эмировскомъ дворцѣ роль трона играетъ большой *синій* камень, а на самомъ дѣлѣ это великолѣпный монолитъ чистѣйшаго *бѣлаго* цвѣта! Вамбери попался впросакъ, благодаря названію *кукъ-ташъ*, которое перевелъ: синимъ камнемъ, но по узбекски *кукъ* значитъ также *небо* и потому вѣрнѣе было бы выраженіе «кукъ-ташъ» перевести: *небесный камень*, что и даетъ разгадку того почтенія, съ какимъ туземцы къ нему относятся.

Рядомъ съ этимъ трономъ, въ стѣнѣ, вдѣланъ былъ небольшой овальный черный камень съ надписью. Вамбери увѣрялъ, будто это чугунная плитка, а надпись на ней куфическая. Съ перваго же взгляда я убѣдился, что это почеркъ *насхъ*, но высѣченный неискусною рукою, и сверхъ того безъ точекъ, такъ что я могъ разобрать только нѣсколько словъ. Это заставило меня срисовать надпись, которую безъ особаго затрудненія, прочли въ Петербургѣ г. *Ноуфаль*—лекторъ арабскаго языка и *баронъ Тизенгаузенъ*, секретарь археологической коммиссіи.

Какъ же могъ Вамбери смѣшать *насхъ* съ *куфическими* письменами? А еще профессоръ!

Кромѣ всего этого, на картѣ, приложенной къ путешествію, нарисована между рѣками Сыромъ и Зеравшаномъ какая-то *Кизилъ-Дарья*. Всякій мальчикъ въ Самаркандѣ сказалъ бы Вамбери, что въ степи есть «Кизилъ-кумъ», т. е. красный песокъ, и нѣтъ ни капли «Кизилъ-Дарьи», т. е. красной рѣки. Очевидно, что Вамбери лжетъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. У всѣхъ участниковъ Самаркандской экспедиціи 1868 года явилась тогда страсть уличать Вамбери и каждый непремѣнно что нибудь находилъ. Я не привожу остальныхъ уликъ, такъ какъ онѣ принадлежатъ не мнѣ, и къ тому же это вовсе не входитъ въ программу моего труда.

И такъ воображаемый таджикъ, видѣнный профессоромъ Вамбери во снѣ, презираетъ русскихъ за ихъ невѣжественность. Оба эти господина (и таджикъ и мадьяръ) рѣшили, что татарину не въ чемъ поучиться у русскаго.

Противъ этого таджика—или все равно—противъ мадьяра Вамбери, который конечно не далеко ушелъ отъ своего таджика—мы выставимъ авторитетъ стараго Али, султана дикокаменныхъ киргизъ.

Вотъ, что говорилъ онъ на одной аудіенціи: «я правлю своимъ народомъ, какъ велитъ Падишахъ. Дерево, пока не попадетъ къ столяру—остается простымъ чурбаномъ. Мы, съ нашимъ народомъ—дерево, а русскій приставъ—столяръ. Еслибы не онъ, по волѣ Падишаха, то мы остались бы чурбанами.»

Авторитетъ этого султана имѣетъ то преимущество, что нашъ киргизъ есть лицо дѣйствительно существующее, а не вымышленное, какъ таджикъ Вамбери, и еще то, что *киргизъ* Али никогда не былъ шарлатаномъ, какъ *мадьяръ* Вамбери.

Какъ только послѣдняя надежда Австро-Венгерской имперіи пала подъ ударами объединенной Германіи, австрійскія газеты понизили тонъ по отношенію къ Россіи, и Вамбери заговорилъ уже чуть не съ подобострастіемъ. Мы слышали даже, что онъ, стороною,—предлагалъ уже свои услуги той самой Россіи, ко-

торую до сихъ поръ ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ! На вопросъ: зачѣмъ же онъ такъ бранится, если просится въ русскую службу? онъ далъ извѣстный уже читателю отвѣтъ: «изъ за куска хлѣба»...

Двуличный и вѣроломный гуннъ, готовый продать и свой голосъ, и всего себя тому, кто больше дастъ,—ненадежный слуга для Россіи.

Для полноты картины намъ остается теперь привести только мнѣнія американцевъ.

По разнымъ причинамъ мы были вправѣ ожидать отъ нихъ сравнительно болѣе спокойной и безпристрастной оцѣнки нашей дѣятельности въ Средней-Азіи. Но кто не знаетъ, что кромѣ искреняго желанія быть справедливымъ—надобно еще и *умѣнье* дѣлать правильные выводы изъ видѣннаго и слышаннаго? — Туристъ, знакомящійся съ краемъ, такъ сказать, на лету, мимоходомъ, долженъ, волей-неволей, отвести главное мѣсто въ своихъ разсказахъ—не тому, что онъ видѣлъ, а тому, что *слышалъ* или вычиталъ. Для того же, чтобы изъ этого матеріала можно было извлечь какіе нибудь общіе выводы, нужна, конечно, не одна только грамотность, но и нѣкоторая подготовка, нѣкоторое умѣнье обращаться съ данными, группировать ихъ и т. п. Безъ этого всѣ разсужденія туриста будутъ только наборомъ словъ — и то важное преимущество, что онъ *самъ* все видѣлъ, сводится къ нулю.

Въ 1873 году Туркестанскій край посѣтилъ, между прочими, и секретарь американскаго посольства въ Петербургѣ *г. Скайлеръ*. Ужь одно то, что американецъ, да еще такъ-и-сякъ научившійся по русски—одно это служило ему лучшею рекомендаціей въ русскихъ кружкахъ, и онъ могъ бы собрать весьма разнообразныя свѣдѣнія. Но г. Скайлеръ не оцѣнилъ своихъ преимуществъ и счелъ наше русское гостепріимство—данью его официальному положенію! — Съ этого, покрайней мѣрѣ, начинается его знаменитая депеша отъ 7 марта 1874 года къ маршалу Джуэль. Вотъ переводъ, заимствованный мною изъ газеты Русскій Міръ: «Сэръ! Я посѣтилъ центральную Азію, не имѣя въ виду никакой политической цѣли; но *по причинѣ занимаемаго мною офиціальнаго положенія*, меня всюду встрѣчало радушное гостепріимство, и я имѣлъ возможность собрать нѣкоторыя, небезъинтересныя для правительства данныя, относительно положенія русскихъ въ Туркестанѣ и въ ханствахъ, еще сохранившихъ независимость».

Что касается собранныхъ имъ данныхъ, касательно положенія нашего въ Туркестанѣ, то онѣ скорѣе могли бы быть подведены подъ рубрику: «злоупотребленій русскихъ чиновниковъ». Пока г. Скайлеръ передаетъ то, что онъ слышалъ—до тѣхъ поръ дѣло идетъ еще сносно, такъ какъ никто, конечно, не заподозритъ его въ *сочиненіи* указанныхъ имъ фактовъ; но чуть дѣло коснулось до выводовъ — и нашъ американскій другъ начинаетъ толковать вкривь и вкось. — Рядъ противорѣчивыхъ выводовъ производитъ, наконецъ, такую путаницу, что не знаешь: какое же именно мнѣніе раздѣляетъ самъ авторъ? Для образца приведу здѣсь рядъ выписокъ, которыя и предоставляю согласить самому автору, если ему попадутся, когда нибудь, на глаза эти строки.

«Не смотря на плохую администрацію края, *населеніе въ сущности довольно русскимъ владычествомъ, находя его гораздо лучшимъ, сравнительно съ тѣмъ, что было до сихъ поръ*; неудовольствіе же его относится преимущественно къ личностямъ, къ офиціальнымъ чиновникамъ, которые притѣсняютъ и грабятъ его; но очевидно, что дальнѣйшее повтореніе подобныхъ злоупотребленій не можетъ не возбудить, современемъ, общаго недовѣрія относительно администраціи».

«Успѣхи русскаго оружія въ центральной Азіи *заранѣе радовали туземцевъ* частію потому, что они были недовольны коканскимъ правительствомъ, недовольны денежными поборами, которые вошли въ обычную практику, какъ и частыми смертными казнями; туземцы желали какой бы то ни было перемѣны, лишь бы она привела къ порядку и спокойствію. *Когда русскіе вступили въ край, населеніемъ овладѣла безпредѣльная радость*, при мысли о томъ, что теперь жизнь каждаго ста-

нетъ считаться неотъемлемою его собственностью, а имущество ограждено будетъ отъ всякаго произвольнаго побора и захвата. Кромѣ того, громадный наплывъ непроизводящаго населенія усилилъ своимъ прибытіемъ спросъ на трудъ, для удовлетворенія какъ насущныхъ потребностей, такъ и излишествъ своей жизни; и вотъ, мѣстныя цѣны поднялись, выгоды, доставляемыя пришельцами, вскорѣ ощутили и землевладѣлецъ и торговецъ».

«Въ началѣ, перемѣна эта не коснулась бѣднѣйшаго класса населенія, теперь же, цѣны въ сущности удвоились и рабочему, какъ онъ мало ни потребляетъ, вдвое труднѣе содержать себя, чѣмъ это было до занятія края русскими; но едва ли простой народъ приписываетъ повышеніе цѣнъ факту русской эмиграціи. Торговый классъ имѣетъ большія выгоды отъ заключенія контрактовъ на продовольствіе арміи. Но все это сгладится временемъ, и *со стороны правительства требуется много такта, для устраненія общаго чувства неудовольствія*. Положеніе было точь-въ-точь такое же, когда англичане заняли Кабулъ, но событія быстро слѣдовали тогда одно за другимъ, и англичане были вынуждены на отступленіе. Населеніе Средней Азіи далеко не похоже на авганцевъ: оно гораздо апатичнѣе и гораздо менѣе имѣетъ патріотизма; *не видя ни въ чемъ перемѣны къ лучшему, оно естественно предпочитаетъ магометанское владычество*; оно и теперь уже начинаетъ забывать все, что терпѣло отъ хановъ, помышляя лишь о бѣдахъ, какія выноситъ отъ *русскихъ чиновниковъ*. Къ тому же, какъ ни произвольно дѣйствовали ихъ туземные правители, они дѣйствовали лишь въ предѣлахъ, ограничиваемыхъ шаріатомъ, или мусульманскимъ закономъ, и населеніе было увѣрено въ существованіи извѣстныхъ принциповъ, которыхъ не осмѣлился бы нарушить даже самый самовольный изъ тирановъ-бековъ».

Читатель видитъ, что туземцы *заранѣе радовались* нашему приходу, а когда мы наконецъ заняли край, то *населеніемъ овладѣла безпредѣльная радость*, потомъ оказывается, что невидя перемѣны къ лучшему, туземцы *предпочитаютъ мусульманское владычество* и питаютъ *общее чувство неудовольствія*. За всѣмъ тѣмъ, и не смотря на плохую администрацію края, населеніе въ сущности *довольно* русскимъ владычествомъ, находя его *гораздо лучшимъ, сравнительно съ тѣмъ, что было до сихъ поръ*.

Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: «Передача Шагръ-и-Сябза и Карши совершена была противъ воли и даже не смотря на протестъ со стороны туземнаго населенія, *которое предпочитало русское подданство своему возвращенію подъ власть эмира*».

Это опять не похоже на предпочтеніе жителями магометанскаго владычества. Русскіе не первый день въ краѣ и не только свои, но и сосѣди могли бы, кажется, успѣть приглядѣться къ нашимъ порядкамъ—вотъ и разгадка того предпочтенія, которое отдавали намъ шахри-сябцы и каршинцы.

Изъ чего вывелъ также г. Скайлеръ, будто положеніе дѣлъ нашихъ точь-въ-точь такое, какое было у англичанъ въ Кабулѣ въ 1839 г.? Извѣстно, что англичане были изгнаны и почти всѣ истреблены въ самый непродолжительный срокъ — это ли предсказываетъ намъ г. Скайлеръ?

Не одной апатіи, не одному недостатку патріотизма туземцевъ обязаны мы твердостью нашего положенія, но и тому, что вообще мы не притѣсняемъ населенія, даемъ ему обезпеченное спокойствіе и порядочную долю участія въ самоуправленіи. Вся разница между нами и англичанами въ томъ и состоитъ, что мы пришли какъ враги, а поступаемъ какъ друзья, англичане же вступили въ Кабулъ какъ друзья, а стали обращаться съ жителями какъ враги.

Всѣ противорѣчія г. Скайлера мы приписываемъ, впрочемъ, старанію его записать и пустить въ дѣло *всѣ*, слышанныя имъ мнѣнія, а ихъ, конечно, было не мало, но въ такомъ случаѣ ихъ слѣдовало бы хоть нѣсколько обработать, а не подносить своему правительству въ сыромъ видѣ.

Собственный взглядъ г. Скайлера сказался, очевидно, въ слѣдующихъ строкахъ: «*вообще говоря, вліяніе русскихъ благотворно въ центральной Азіи, не только по отношенію къ ея*

населенію, но и къ цѣлому міру. Вступивъ въ обладаніе краемъ, русскіе почти уже и не могутъ отказаться отъ него, не потерявъ значительно въ глазахъ туземнаго населенія».

Говоря о нашей политикѣ въ Азіи, г. Скайлеръ, между прочимъ, высказываетъ убѣжденіе въ томъ, что «Россія не имѣетъ ни малѣйшаго желанія, ни намѣренія напасть на Индію; хотя русскимъ было бы непріятно, еслибы вліяніе Англіи распространилось далѣе настоящихъ границъ, и весьма возможно, что когда нибудь между обѣими державами возникнутъ неудовольствія по поводу англійской политики въ Кашгарѣ. Критическій разборъ вопроса со стороны Англіи, какъ и дипломатическое ея вмѣшательство, имѣли сильное вліяніе на политику русскихъ: министерство иностранныхъ дѣлъ остерегается какого-либо шага на почвѣ центральной Азіи, чтобы не возбудить новыхъ вопросовъ въ сношеніяхъ съ Англіею, и вслѣдствіе этого генералъ-губернаторъ не всегда имѣетъ возможность поступать такъ, какъ этого требовало бы положеніе дѣлъ. Россія, очевидно, *сознаетъ себя не на столько сильною,* чтобы дѣйствовать самостоятельно, *не заботясь о томъ, что скажетъ Англія*».

Какъ бы въ успокоеніе нашей боязливости, г. Скайлеръ указываетъ признаки соизволенія Англіи на дальнѣйшее наше движеніе къ югу: «собственно мнѣ кажется, какъ очевидно и для всѣхъ понимающихъ положеніе дѣлъ въ центральной Азіи, что русскимъ слѣдуетъ занять всю мѣстность, простирающуюся до Аму-Дарьи, и даже можетъ быть до Индукуша. Соглашеніе, послѣдовавшее въ прошломъ году съ Англіею, относительно границы Авганистана, даетъ уразумѣть: что если Россія расширитъ свою территорію до Аму-Дарьи, Англія не будетъ имѣть противъ этого никакого возраженія».

Приведенныхъ выписокъ вполнѣ достаточно, чтобы читатель могъ отчасти составить себѣ понятіе о степени безпристрастія американскаго дипломата, а также о взглядѣ его на цѣль и полезность нашего движенія въ глубь Средней Азіи. На этомъ мы и покончимъ съ иностранцами.

Глава XV.

Стоитъ ли Азія денегъ, на нее потраченныхъ? — Что стоило намъ соединеніе сибирской линіи съ оренбургской? — Доходы Туркестанскаго края. — Разница цифръ казенной и контрольной палатъ.—Сколько платятъ русскіе и сколько туземцы?—Расходы.—Бюджетъ на 1874 годъ.—Сравненіе цифръ доходовъ и расходовъ по смѣтѣ и въ дѣйствительности.

Теперь остается отвѣтить на третій доводъ противниковъ нашего движенія въ Азію: относительно финансовой стороны вопроса.

Дѣйствительно-ли вся Средняя Азія не стоитъ гроша и производительны-ли тѣ ежегодныя затраты, которыя несетъ наше государственное казначейство, по содержанію администраціи и войскъ?

Прежде всего опредѣлимъ: во что обошлось намъ самое завоеваніе?

Для соединенія оренбургской линіи съ сибирской ассигновано было: Черняеву 150,000 р. на завоеваніе Ауліе-ата и Веревкину 200,000 р. на занятіе ничтожнаго городка Сузака. Къ этой суммѣ Веревкину прибавлено было еще 50,000 р., когда онъ вынужденъ былъ направиться къ Туркестану. Израсходовалъ онъ только 234,000—и оставшіяся 16,000 передалъ Черняеву, который сильно нуждался.

Съ образованіемъ «новококанской линіи» въ составъ войскъ, ее охранявшихъ, вошелъ весь сибирскій отрядъ и часть оренбургскаго. Такимъ образомъ, денежное, вещевое и провіантское довольствіе этихъ войскъ лежало на обязанности двухъ интен-

дантствъ: томскаго и оренбургскаго. Что именно тутъ повліяло, но только ни то, ни другое изъ интендантствъ о войскахъ не заботилось и не только вещей, но и денегъ не высылали.

Чтобы кормить какъ нибудь войска, Черняевъ вынужденъ былъ употребить на это сначала жалованье ихъ, затѣмъ деньги, присылаемыя по почтѣ служившимъ въ краѣ лицамъ и наконецъ прибѣгъ къ займамъ у туземцевъ...

Всякое движеніе войскъ требовало найма верблюдовъ и аробъ (двуколесныхъ телѣгъ) — вмѣсто денегъ возчикамъ выдавались квитанціи.

Мы завоевали край въ кредитъ!

Только отъ Ауліе-ата къ Чимкенту движеніе ничего не стоило, потому что киргизы выставили верблюдовъ даромъ. Такимъ образомъ, Черняевъ на 150,000 р. занялъ Ауліе-ата и Чимкентъ. Передвиженіе отряда изъ Туркестана обошлось въ 5,000, рекогносцировка верховій Чирчика 4,000, взятіе Ніязбека, Ташкента и всего Зачирчикскаго края 10,000, перевозка орудій изъ Вѣрнаго, содержаніе милиціи и почтовыхъ сообщеній, а также расходы на лазутчиковъ, подарки и пр. составили до 50,000 р. — Всего же, сверхъ ассигнованныхъ первоначально денегъ, израсходовано было до 85,000 р. Довольно взглянуть на карту, чтобы убѣдиться въ скромности этой цифры. Оренбуржцы употребили до 234,000 на занятіе только одного Туркестана (впрочемъ, здѣсь надо скинуть 100,000 на передвиженіе одного батальона изъ Оренбурга). Двукратная поѣздка оренбургскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Крыжановскаго, стоила навѣрно столько же, но мы ее принимать въ расчетъ не будемъ.

Ликвидаціонная коммиссія, составленная вскорѣ для приведенія въ ясность долговъ правительства, уплатила всего 317,105 р. съ копейками, въ томъ числѣ однѣмъ войскамъ пришлось получить 197,650 р. съ копейками—это было недоданное содержаніе, недоданное вещевое довольствіе и т. п. На покупку хлѣба, на наемъ перевозочныхъ средствъ и т. д., по квитанціямъ, заплачено было всего только 119,455 р. Въ

томъ числѣ на пополненіе суммъ, заимствованныхъ изъ частной корреспонденціи,—положено депозитомъ—20,237 руб.

И такъ частнымъ лицамъ уплачено лишь до 119,500 руб. Сложивъ все израсходованное, получимъ: 234,000+150,000+ +16,000+119,500=519,500 р. Вотъ во что обошлось соединеніе линій и пріобрѣтеніе обширной территоріи съ Туркестаномъ, Чимкентомъ и Ташкентомъ!

Положеніе Романовскаго, въ началѣ, было такое же: отправляясь подъ Ходжентъ, онъ долженъ былъ, чрезъ своего начальника штаба занять 3,000 р. у одного туземца. Впослѣдствіи, съ прибытіемъ самаго Крыжановскаго, явилась и возможность получать изъ интендантства деньги, но сколько именно израсходовано на кампанію 1866 года (взятіе Ходжента, Ура-тюбе и Джизака) — я не знаю. Допустимъ, что военныя издержки дошли до 250,000 р. Самаркандская экспедиція обошлась во 150,000 р. Значитъ вся новопріобрѣтенная территорія туркестанскаго округа обошлась около 900,000 руб. Бухарскій эмиръ заплатилъ, на погашеніе этой суммы, 500,000 р., собственно за кампаніи наши противъ него, начиная съ Романовскаго,—слѣдовательно, за краемъ остается только 400,000 р.

Приведу теперь данныя, относительно степени доходности Туркестанскаго края.

Прежде всего я долженъ указать источникъ моихъ цифръ, ибо отъ этого зависитъ и степень достовѣрности ихъ. Цифра — такая послушная вещь, что всегда подчиняется системѣ, положенной въ основу исчисленій. Если мы будемъ подводить итоги за годъ, оканчивая его 31-мъ декабря—день заключенія кассовыхъ счетовъ — у насъ получится такая-то цифра, если подведемъ итоги по истеченіи *льготнаго* періода (оканчивающагося весною слѣдующаго года) — получится другая цифра. Въ первомъ случаѣ цифры будутъ сильно колебаться по годамъ, потому что, напримѣръ, въ данный годъ вначалѣ поступитъ недоборъ предшествовавшаго года, а затѣмъ, всѣ сборы текущаго могутъ поступить до зимы, не растягиваясь

на льготный срокъ, тогда въ цифрѣ доходовъ слѣдующаго года, во-первыхъ: не будетъ стоять взысканнаго недобора, такъ какъ его нѣтъ, а во-вторыхъ: можетъ поступить не весь исчисленный сборъ. Такимъ образомъ, не посвященному въ тайны бухгалтеріи покажется, что доходъ значительно уменьшился.

И такъ, *кассовый* годъ для нашихъ изслѣдованій не годится. Совсѣмъ иное говорятъ цифры, если мы примемъ въ основаніе *смѣтный* годъ, истекающій со льготнымъ срокомъ— тутъ и приходы и расходы даннаго года — будутъ очевидны. Офиціальныя цифры составляются, по разнымъ вѣдомствамъ, различно — оттого и цифры различны: въ казенной палатѣ — однѣ, въ контрольной палатѣ — другія. Съ своей стороны я отдаю предпочтеніе послѣднимъ, во первыхъ потому, что система исчисленій контроля — пригоднѣе для изслѣдованія, а во-вторыхъ и потому, что контроль—спеціалистъ.

Для большей наглядности я помѣщу цифры министерства финансовъ и цифры государственнаго контроля—рядомъ.

Доходы по Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областямъ простирались:

	по свѣдѣн. мин. фин.	по свѣдѣн. госуд. контроля.
Въ 1868 г.	до 1.204,906 р.	до 1.643,236 р. 87 к.
» 1869 »	» 2.356,241 »	» 2.205,909 » 9 »
» 1870 »	» 2.915,983 »	» 2.007,836 » 66 »
» 1871 »	» 2.102,955 »	» 2.021,138 » 27 »
» 1872 »	» 1.008,374 »	» 2.019,295 » 83 »
За пять лѣтъ:	до 10.588,459 р.	до 9.897,416 р. 72 к.

Разница въ итогахъ, какъ видитъ читатель, довольно большая, но хотя цифры контроля даютъ на 691,042 рубля меньше — я всетаки буду держаться этихъ цифръ, потому что величина цифры министерства зависитъ отъ степени усердія уѣздныхъ начальниковъ въ томъ или другомъ году, а также отъ числа жителей и состоянія урожая. Цифра же контроля зависитъ только отъ двухъ послѣднихъ, осязательныхъ, величинъ. Стремленіе же уѣзднаго начальника отличиться сборомъ *всѣхъ* податей къ концу года—на цифру контроля не вліяетъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ цифрахъ 1868 и 1869 годовъ заключается и контрибуція, внесенная бухарцами; остальные годы, безъ этого чрезвычайнаго дохода, пришли, такъ сказать, къ нормѣ въ *два милліона* съ небольшимъ.

Разница цифръ 1868 и 1869 годовъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ работъ организаціонныхъ коммиссій 1868 года, имѣвшихъ главною цѣлью: исчисленіе населенія и раздѣленіе его на волости.

Неблагопріятные, въ экономическомъ отношеніи, годы 1871 и 1872, дали однако же цифры болѣе выгодныя. Это зависитъ отъ того, что подати взимаются, въ видѣ процента съ урожая, при перекладкѣ же на деньги—цѣны берутся рыночныя, а во время неурожаевъ — цѣны эти естественно возвышаются. Такимъ образомъ, въ неурожайный годъ, съ *меньшаго* количества собраннаго хлѣба, поступаетъ *большее* количество денежныхъ взносовъ.

Въ половинѣ 1868 года мы пріобрѣли *Зеравшанскій округъ* (съ Самаркандомъ). Округъ этотъ приносилъ:

въ 1868 году. . . .	335,458 р.	$4^1/_2$ к.
» 1869 »	454,931 »	$60^1/_4$ »
» 1870 »	762,058 »	$45^3/_4$ »
» 1871 »	1,414,092 »	$96^1/_2$ »
Всего	2,966,541 р.	7 — к.

До 1872 года, сравнительно небольшой, Зеравшанскій округъ казался самымъ доходнымъ, но это происходило оттого, что народъ платилъ не $^1/_{10}$ часть съ урожая, какъ въ остальныхъ областяхъ туркестанскаго края, а $^1/_5$. Когда рѣшено было перейти къ денежному окладу, взамѣнъ взноса натурою, и когда при этомъ продукты были расцѣнены по базарнымъ цѣнамъ, то на дѣлѣ оказалось, что народъ вмѣсто $^1/_5$ внесъ болѣе $^1/_3$ урожая. Произошло это слѣдующимъ образомъ: при

наступленіи срока взноса податей населеніе тотчасъ вывезло казенную часть урожая на базары, цѣны, конечно, сразу упали и туземцу пришлось продать почти вдвое болѣе хлѣба, чѣмъ ему было указано сборщиками.

Это обстоятельство сильно разстроило экономическое положеніе туземцевъ зеравшанскаго округа, что и выразилось немедленно, сначала недоимками, жалобами и депутаціями къ генералъ-губернатору, а затѣмъ преступленіями противъ собственности и наконецъ эмиграціей: народъ уходилъ въ сосѣднія владѣнія цѣлыми массами, такъ что было два случая перехода за границу кишлаковъ въ полномъ составѣ.

Въ 1873 году, передъ самымъ выступленіемъ въ хивинскій походъ, генералъ-губернаторъ объявилъ зеравшанской депутаціи Государеву милость: пониженіе податей на половину. Это было сдѣлано, конечно, въ самую пору... Такимъ образомъ, теперь, зеравшанцы вносятъ, наравнѣ съ другими, $^1/_{10}$ часть урожая.

На 1874 годъ исчислено было къ поступленію только 1,031,310 руб.

Что касается доходовъ съ Кульджинскаго округа, то они простираются до 100,000 и расходуются на мѣстныя потребности. Не имѣя точныхъ данныхъ, я не включу этихъ доходовъ въ общую сумму.

Съ Аму-Дарьинскаго округа, въ 1873 году, не поступало доходовъ, такъ какъ по мирному договору съ хивинскимъ ханомъ—доходы за этотъ годъ предоставлено было собрать самому хану. А въ 1874 году ихъ поступило до 140,000.

Считая только Сыръ-дарьинскую и Семирѣченскую области да Зеравшанскій округъ, мы получимъ для 1873 года—доходъ въ 2,716.770, если же прибавить къ этой цифрѣ 100,000 кульджинскихъ да 140,000 амударьинскихъ, то весь доходъ по Туркестанскому краю выразится цифрою въ 2,956,770 руб.

Надобно замѣтить при этомъ, что туземное населеніе, въ сущности, вовсе не обременено налогами.

Въ своихъ «статистичесскихъ очеркахъ Средне-Азіятской Россіи» я привелъ слѣдующій расчетъ относительно Сыръ-Дарьинской области: русское населеніе, въ числѣ 21,549 ч. (съ войсками) внесло въ 1870 году прямыхъ и косвенныхъ налоговъ (пошлины за право торговли, акцизъ съ питей, патентный сборъ съ заведеній и т. п.) — всего до 182,838 р. 93 к. — т. е. почти по 8 р. 44 к. съ человѣка.

Туземное населеніе въ числѣ 931,660 душъ, внесло только 940,198 р. 68$^3/_4$ к., — т. е почти по 1 р. 9 к. съ души.

И такъ, русскіе вносятъ почти въ *восемь* разъ больше.

На цифру дохода вліяетъ, конечно, и степень точности свѣдѣній о числѣ населенія, и самый порядокъ взиманія податей. Точной цифры населенія мы еще не имѣемъ, а при существующей системѣ сбора податей—въ казну попадаетъ, можетъ быть, только $^1/_3$, остальное же прилипаетъ къ рукамъ сборщиковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и тѣ и другія препятствія будутъ устранены, а тогда и доходы туркестанскаго округа возрастутъ, вѣроятно, до *шести милліоновъ*.

Перейдемъ теперь къ расходамъ.

Содержаніе мѣстной администраціи, а также всѣхъ отдѣльныхъ управленій (казенной и контрольной палатъ) и наконецъ, различныя мѣропріятія по благоустройству края (содержаніе почтъ, постройки и т. п.) все это обошлось:

Въ 1868	году	620,750	руб.	46	коп.	
— 1869	—	1,229,063	—	52	—	
— 1870	—	1,177,124	—	97	—	
— 1871	—	1,378,767	—	76	—	
— 1872	—	1,695,731	—	86	—	*)
За пять лѣтъ:		6,101,438	руб.	57	коп.	

Въ этихъ цифрахъ заключаются общіе расходы по *всему* округу, а *мѣстные* только по Семирѣченской и Сыръ-Дарь-

*) Въ томъ числѣ на однѣ почты около 650,000.

инской областямъ — въ остальныхъ же частяхъ округа: въ Кульджѣ и Самаркандѣ и мѣстные расходы отнесены на особые специальные сборы.

Съ 1873 года расходы по Зеравшанскому округу вошли уже въ общую роспись. Сравнивая цифры доходовъ и расходовъ, мы составимъ слѣдующій балансъ:

	Доходы.		Расходы.		Остатокъ.	
годъ.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1868	1,643,236	87	620,750	46	1,022,486	41
1869	2,205,909	9	1,229,063	52	976,845	57
1870	2,007,836	66	1,177,124	97	830,711	69
1871	2,021,138	27	1,378,767	76	642,370	51
1872	2,019,295	83	1,695,731	86	323,563	97
1873	2,716,770	—	2,396,621	—	320,149	—
Итого					4,116,127	15

Чтобы уяснить читателю источники доходовъ и характеръ расходовъ, приведу здѣсь бюджетъ на 1874 годъ.

ДОХОДЫ

I.	Окладные	2.455.107
II.	Неокладные	250.000
III.	Поступленія разн. рода . .	266.782
		2.971.889

	Сумма податей.	Издержки взиманія:
Къ **окладнымъ** принадлежатъ:		
а) кибиточный сборъ *) . .	563.734—60 к.	57.688 р. 40 к.
б) поземельный **)	1.302.110—30 «	40.194 « 70 «
в) торговый (зякетъ) ***) .	279.472—10 «	24.027 « 90 «
г) Взамѣнъ натуральной повинности *)	181.511	
д) подушный сборъ съ 570 мѣщанъ Семирѣченск.	1.368	
е) подати съ населенія верховьевъ Зеравшана . .	5.000	
Итого.	2.333.196	121.911
	2.455.107	

*) Съ 225.972 кибитокъ по 2 р. 75 к. съ каждой.

**) Танапъ, хераджъ, кошпуль и кипсенъ съ осѣдлаго населенія. По Сыръ-Дарьинской области 442.305 р., а по Зеравшанск. окр. 900.000.

***) По Сыръ-Дарьинской обл. 220.000; по Зеравш. окр. 83.500.

Къ **неокладнымъ** принадлежатъ:

Акцизный и патентный сборы 250.000

Къ **поступленіямъ разнаго рода** относятся:

а)	оброкъ съ казенныхъ земель и казен. хлопковой плантаціи	34.691 р. 64 к.
б)	пошлины за право торговли русскимъ купцамъ	60.000 «
в)	» съ чая привозимаго изъ ханствъ	6.054 «
г)	» крѣпостныя и канцелярскія .	6.000 «
д)	продажа гербовой бумаги.	18.000 «
е)	штрафы	3.000 «
ж)	за паспорты и виды.	396 « 65 «
з)	случайныя поступленія	60.000 «
и)	доходъ отъ газеты «Туркест. Вѣдом.»	3.500 «
і)	» » отдачи въ наемъ ярмарочн. зданій **)	30.000 «
к)	» » лѣсовъ Семирѣченск. обл.	9.000 «
	» » » Зеравшанскаго окр.	2.000 «
л)	» » подписчиковъ ташкентской публичн. библіотеки . .	140 «
м)	» » типографіи при канцел. генер.-губерн.	4.000 «
н)	возвратъ ссуды на посѣвы хлѣба. . .	30.000 «
	Итого . .	266.782 р. 29 к.

*) Съ *кочеваго населенія* Семирѣч. обл. по 25 коп., со 105.048 кибит.: въ Сыръ-Дарьинск. по 75 к. со 120.924 киб. Съ *осѣдлаго*: Сыръ-Дарьинск. по 75 к. съ 71.928 дворовъ, въ Зеравшанск. окр. по 25 к. съ 42.440 дворовъ.

**) Въ томъ числѣ за караванъ-сараи 20.000.

Всего же дохода предполагалось: 2.971.889 р.

Къ этой цифрѣ надобно еще прибавить:

1) доходъ отъ почтъ	108 240
2) » » телеграфовъ	42.000
3) остатокъ по смѣтѣ государ. контроля.	1.200
	151.440

Окончательный итогъ 3.123.329

РАСХОДЫ.

Содержаніе управленій.

1) Содержаніе генералъ-губернаторскаго управленія.	63.400
2) « областныхъ управленій	439.697
3) командировки чиновниковъ	21.500
	524.597

Расходы экстраординарные.

1) Собственно экстраординарные	127.860
2) Передвиженіе войскъ и проч.	55.000
	182.860

Расходы для мѣстныхъ потребностей.

1) Пути сообщенія и вообще земскіе расходы. .	181.511
2) Училища	31.100
3) Заготовленіе книгъ	2.000
4) Геологическія изслѣдованія	25.000
5) Издержки взиманія доходовъ.	121.911
6) Содержаніе ташкентской ярмарки.	61.440
7) » самаркандской городск. больницы.	7.125
8) » » тюрьмы и арестантовъ	16.100
9) » типографіи при канц. генер.-губ.	10.000
10) Изданіе газеты «Туркест. Вѣдомости» . . .	12.000
11) Устройство въ Зеравшанск. окр. лагерей . .	45.000
12) » » » хлѣбн. магазиновъ.	30.000

13) Постройки и сооруженія.	300.000
14) Пособія русскимъ переселенцамъ	3.000
15) Лѣсоразведеніе	4.500
16) Разные расходы.	13.100
	863.787

Весь исчисленный расходъ простирался до 1.571.244 р.

Къ этому слѣдуетъ прибавить:

1) Содержаніе почтовыхъ управленій, почтов. станцій и прогоны за возку почтъ и эстафетъ.	713.901
2) Содержаніе телеграфовъ.	68.960
3) » туркест. контрольн. палаты . . .	28.848
4) » » казенной »	113.444
5) » агента министерства финансовъ. .	5.000
6) » школы шелководства, лабораторіи и садовника.	12.760
	937.913

Такимъ образомъ окончательный итогъ расхода будетъ. . . . . 2.509.157 р.

Необходимо замѣтить при этомъ, что доходовъ *всегда* поступало *болѣе* предположеннаго, а расходовъ производилось всегда *менѣе*.

Вотъ, для сравненія, цифры доходовъ *по смѣтѣ* и *въ дѣйствительности*.

	по смѣтѣ	въ дѣйствительности	болѣе на
1868	1.000.000	1.643.237	643.237
1869	1.514.619	2.205.909	691.290
1870	1.771.930	2.017.837	245.907
1871	1.699.838	2.028.138	328.300
Итого:	5.986.387	7.895.121	1.908.734

За 4 года поступило доходовъ *болѣе* предположеннаго на 1.908.734 или, среднимъ числомъ, около 480.000 въ годъ.

Израсходовано же было менѣе противу смѣты:

въ 1868	году	на	45.622
» 1869	»	»	2.010
» 1870	»	»	35.684
» 1871	»	»	149.064
» 1872	»	»	259.800
» 1873	»	»	48.540
			495.100

Уменьшеніе цифры остатка въ 1873 г. произошло вслѣдствіе того, что доходы съ Зеравшанскаго округа сразу понизились на нѣсколько сотъ тысячъ, по случаю пониженія нормы поземельныхъ сборовъ на половину. Нельзя отрицать также и вліянія военныхъ предпріятій, такъ какъ изъ гражданской смѣты постоянно расходовалась, болѣе или менѣе значительная сумма, на чисто военныя надобности, каковы: постройка казармъ, лагерей и лазаретовъ, рекогносцировки, снаряженіе военныхъ отрядовъ и т. п.

Въ 1869 на это израсходовано	59.439
» 1870 » » »	72.912
» 1871 » » »	60.308
» 1872 (съ 1 янв. по 1 августа). . .	13.936
	206.595

Да сверхъ того, изъ зеравшанскихъ доходовъ выдавалось до 46.000 въ годъ, не считая тѣхъ расходовъ, которые производились въ самомъ Зеравшанскомъ округѣ на военныя потребности.

Въ смѣтахъ 1873, 1874 и т. д. годовъ, вводится уже въ видѣ постоянной нормы, *на военныя* потребности 35.381 р. Еслибы эти цифры скинуть со счетовъ гражданской смѣты, то ежегодный остатокъ отъ смѣты дошелъ бы среднимъ числомъ до 120.000.

Сравнимъ теперь излишекъ поступленія доходовъ съ остатками ихъ, за вычетомъ расходовъ.

	Излишекъ.	Остатокъ.
за 1868 годъ	643.237	1.022.486 — 41
» 1869 »	691.290	976.845 — 57
» 1870 »	245.907	830.711 — 69
» 1871 »	328.300	642.370 — 51

Изъ сравненія очевидно, что остатокъ образовался не потому, что дохода поступило больше, чѣмъ ожидали, а вслѣдствіе разумной экономіи. Доказательствомъ служитъ то, что остатокъ всегда былъ *больше* излишка.

Всѣ приведенныя цифры достаточно ясно показываютъ, что *ни разу* еще Туркестантскій край не имѣлъ дефицита и, что еслибы мы захотѣли смотрѣть на край, какъ на доходную статью, то безъ особенной натяжки мы могли бы еще значительно увеличить цифру дохода.

Глава XVI.

Какъ вычисляютъ *убыточность* туркестанскаго края? — Должно-ли содержаніе войскъ относить на счетъ областей, занятыхъ этими войсками? Сравненіе Туркестанскаго округа съ С.-Петербургскимъ, Варшавскимъ и Кавказскимъ.—Во что обходится содержаніе солдата въ каждомъ изъ 14 округовъ?—Главный потребитель государственныхъ доходовъ—войско.—Гдѣ средства уничтожить дефицитъ?—Стоитъ-ли жалѣть денегъ на поддержаніе нашего положенія въ Средней Азіи?—Расходы эти — наша страховая премія.—Примѣръ киргизовъ.—Почему они сочувствуютъ нашимъ экспедиціямъ?—Безопасность степныхъ путей.—Примѣры дальнихъ переѣздовъ безъ конвоя.

Люди, относящіеся враждебно къ нашему движенію вглубь Азіи, къ нашимъ успѣхамъ или къ нынѣшней системѣ управленія краемъ, обращаются съ цифрами нѣсколько своеобразно.

Чтобъ доказать, напримѣръ, *убыточность* этого движенія, поступаютъ такъ: къ цифрѣ расходовъ прибавляютъ и содержаніе войскъ, а изъ цифры доходовъ исключаютъ доходы съ Зеравшанскаго округа, *не оговаривая*, впрочемъ, своего пріема... Такимъ образомъ выходитъ, что расходы на Зеравшанскій округъ видны, а доходы нѣтъ. Поэтому цифра расхода оказывается больше, чѣмъ слѣдуетъ, а цифра дохода меньше и потому невыгодность Туркестанскаго края освѣщается фальшивымъ свѣтомъ съ двухъ концевъ!

Мы бы не распространялись о такомъ способѣ изслѣдованій, еслибы въ послѣднее время онъ не былъ въ особенномъ ходу. Люди, интересовавшіеся дѣломъ и не посвященные въ тайну преподносимыхъ имъ цифръ—конечно введены были въ заблужденіе. Офиціальный источникъ этихъ цифръ еще болѣе утверждалъ читателя въ его заблужденіи. Но если

по отношенію къ непосвященнымъ можно примѣнить уменьшающія вину обстоятельства, то нельзя найдти ихъ для тѣхъ, кто «вѣдалъ, что творилъ».

Не касаясь вопроса о томъ, насколько отвѣчаютъ требованіямъ науки и добросовѣстной критики вычисленія, увеличивающія *невыгодныя* цифры, и *уменьшающія* выгодныя, мы разберемъ только вопросъ о томъ: справедливо-ли относить расходы по содержанію войскъ на бюджетъ областей, гдѣ эти войска расположены?

Начать съ того, что войска, главнымъ образомъ, назначаются для охраны государства съ извнѣ, а потому онѣ группируются на тѣхъ окраинахъ, гдѣ опасность возможнѣе и за то внутреннія области остаются иногда во-все безъ войска. Если такимъ образомъ, тяжесть военнаго постоя распредѣляется неравномѣрно, то остальныя неудобства, по содержанію войска, могутъ и *должны быть* распредѣлены между *всѣми* гражданами государства. Всеобщая воинская повинность разлагаетъ между всѣми *личное* участіе въ защитѣ государства, а подати разлагаютъ, точно также, *имущественное* участіе. Странно было бы возлагать, напримѣръ, защиту Россіи со стороны Пруссіи и Австріи—на Польшу, а со стороны Швеціи—на Финляндію!

Еслибы даже на эти окраины возложить только *содержаніе* русскихъ войскъ, то мало того, что это было бы несправедливо, но это было бы и невозможно. Несправедливо потому, что этимъ окраинамъ пришлось бы нести и тяжесть постоя и тяжесть содержанія войскъ, чего не несли бы остальныя части государства; невозможно потому, что средствъ этихъ окраинъ, конечно, не хватило-бы на всѣ военныя потребности.

Нашъ военный бюджетъ поглощаетъ почти треть доходовъ государства и, конечно, эту треть не могутъ внести однѣ наши окраины.

Съ точки зрѣнія противниковъ Туркестанскаго края, слѣдуетъ признать и остальныя окраины убыточными, а разъ что онѣ убыточны—слѣдуетъ или отказаться отъ нихъ, или сокра-

тить число войскъ — словомъ отказаться отъ охраны государства съ извнѣ.

Количество войскъ, сосредоточенныхъ на томъ или другомъ плацдармѣ, зависитъ отъ степени опасности, угрожающей данному пункту. Стоимость содержанія обусловливается количествомъ войска, состояніемъ промышленности — извлекающей (земледѣліе, скотоводство и т. п.) и обработывающей (фабрики и заводы), а также близостію центровъ производства и удобствами сообщенія. Чтобъ оцѣнить: въ какихъ условіяхъ находится та или другая окраина — стоитъ сравнить ее съ другими, какъ въ отношеніи числа войскъ, такъ и въ отношеніи стоимости содержанія ихъ.

Возмемъ для сравненія 4 округа: Петербургскій, Варшавскій, Кавказскій и Туркестанскій. Не касаясь расходовъ по части артиллерійской и инженерной, мы ограничимся только интендантскими расходами на одежду, продовольствіе, жалованье и т. п. По смѣтѣ военнаго министерства 1875 г. значится, что на довольствіи состоитъ:

	Людей.	Лошадей.	
		Строев.	Подъем. и казач.
Въ Петербургскомъ округѣ	84,353	13,103	1,088
— Варшавскомъ —	113,686	16,727	5,807
— Кавказскомъ —	151,161	26,905	14,865
— Туркестанскомъ —	33,893	8,014	6,893

Къ 1875 году составъ войскъ Туркестанскаго округа былъ слѣдующій:

	Батал.	Ротъ.	Сот.	Запряж. оруд.	Командъ.
Регулярныхъ:	18	5	—	48	13
Иррегулярныхъ:	1	—	37	8	—
Всего. .	19	5	37	56	13

Въ 12-ти линейныхъ бат. состояло 13,440 чел., въ 4-хъ стрѣлковыхъ 3,639 чел.; въ 4-хъ баттареяхъ 2,181 чел.; въ 2-хъ губернск. бат. 1,200 чел.; въ 10 уѣздныхъ и мѣстныхъ командъ 2,467 чел. Всего же регулярныхъ съ нестроевыми 25,769 человѣкъ.

Слѣдующая таблица укажетъ достаточно наглядно стоимость содержанія войскъ въ этихъ округахъ. Затѣмъ уже не трудно будетъ опредѣлить, гдѣ содержаніе это обходится дешевле.

Статьи расхода.	Петербургскій.	Варшавскій.	Кавказскій.	Туркестанскій.
За вещи по сроку 1875 г.	87.885	11.117	762	—
» постройку вещей и ремонтъ безсрочныхъ. .	392.415	356.088	341.172	101.666
На провіантское довольствіе.	1.931.952	2.849.218	4.084.399	843.157
» Приварокъ и порціонное довольствіе . . .	1.679.271	2.061.332	1.893.510	700.088
» Жалованья нижнимъ чинамъ.	490.407	537.851	974.236	209.918
» Добавочное жалован. *)	46.769	47.368	52.119	7.877
Сверхъ того дополнительныя	101.135	49.646	9.569	11.832
На военные госпиталя.	625.412	323.096	567.648	88.216
» Лазареты и пріемные покои.	32.799	30.170	8.247	53.533
» Фуражъ лошад. строевымъ.	1.791.258	2.326.152	2.134.673	685.849
» Фуражъ лошад. подъемнымъ.	40.528	124.560	262.365	128.991
» Ремонтъ лошад. строевыхъ.	207.430	2.307	41.463	160
» Ремонтъ лошад. подъемныхъ.	6.643	12.194	19.758	3.934
» Канцелярскіе расходы.	34.249	42.713	36.604	7.743
» Пособія для обученія грамотѣ.	6.094	8.791	10.858	1.960
» Экстраординар. расход.	39.824	104.500	128.000	30.000
» Жалован. иррегулярнымъ войскамъ . . .	18.217	25.302	563.799	62.827
» Жандармскія управл.	31.500	61.220	—	—
» бани и дрова	—	61.586	—	—
» Непредвидѣнные и дополнительные расходы по Кавказской арміи.	—	—	400.000	—
Итого . .	7.563.788	9.035.211	11.529.182	2.937.751

*) За отказъ отъ производства, за отказъ отъ отставки, за вторичную службу, за отказъ отъ безсрочнаго отпуска и т. п.

Изъ этого видно, что самый дорогой округъ—это Кавказскій, за нимъ слѣдуетъ Варшавскій, потомъ Петербургскій и наконецъ Туркестанскій.

По стоимости содержанія эти округа идутъ нѣсколько въ иномъ порядкѣ: дешевле всѣхъ обходится продовольствіе въ Петербургскомъ округѣ, именно 22 руб. 90 к. на одного человѣка, затѣмъ идетъ Туркестанскій, гдѣ это обходится въ 24 руб 87 к., потомъ Варшавскій, гдѣ обходится въ 25 руб. 6 к., и наконецъ Кавказскій, гдѣ это стоитъ 27 руб. 2 коп.

Для интересующихся вопросомъ о стоимости продовольствія войскъ по округамъ, мы приведемъ здѣсь, вычисленныя нами данныя, причемъ округа расположимъ въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ степени ихъ выгодности, въ этомъ отношеніи.

Названія округовъ.	Число людей.	Продовольствіе одного человѣка.
1. Восточно-Сибирскій . .	18,673	31 р. 6 к.
2. Кавказскій	151,161	27 » 2 »
3. Варшавскій.	113,686	25 » 6 »
4. Финляндскій	14,787	25 » 5 »
5. Туркестанскій	33,893	24 » 87 »
6. Виленскій	93,370	24 » 22 »
7. Одесскій.	63,391	23 » 92 »
8. Петербургскій	84,353	22 » 90 »
9. Оренбургскій	14,680	21 » 48 »
10. Московскій	85,024	19 » 94 »
11. Кіевскій.	58,816	18 » 69 »
12. Харьковскій.	65,457	17 » 38 »
13. Казанскій	34,300	16 » 83 »
14. Западно-Сибирскій . .	16,256	12 » 49 »

При вычисленіяхъ, я бралъ за основаніе то количество провіанта, какое предназначалось къ заготовленію на 1875 г. съ зачетомъ экономіи, образовавшейся въ военныхъ госпиталяхъ и съ прибавленіемъ того количества, какое требуется на довольствіе разныхъ проходящихъ командъ (напр. казачьи

сотни, спускаемыя на льготу, партіи новобранцевъ и т. п.). Если же откинуть всѣ дополнительныя заготовки, то округа расположатся слѣдующимъ образомъ:

Названія округовъ.	Стоимость продовольствія. Всѣхъ.	Одного человѣка.
1. Восточно-Сибирскій . .	566,684 р.	30 р. 34 к.
2. Кавказскій.	3,998,788 »	26 » 52 »
3. Варшавскій	2,821,374 »	24 » 81 »
4. Финляндскій	362,156 »	24 » 49 »
5. Виленскій	2,262,183 »	24 » 25 »
6. Одесскій	1,518,412 »	23 » 95 »
7. Туркестанскій . . .	789,680 »	23 » 30 »
8. Петербургскій. . . .	1,891,382 »	22 » 41 »
9. Оренбургскій	292,978 »	19 » 96 »
10. Московскій	1,693,403 »	19 » 91 »
11. Кіевскій	1,099,834 »	18 » 61 »
12. Харьковскій	1,140,905 »	17 » 43 »
13. Казанскій	540,227 »	15 » 75 »
14. Западно-Сибирскій . .	187,266 »	11 » 52 »

Такимъ образомъ оказывается, что въ Туркестанскомъ округѣ продовольствіе войскъ обходится дешевле, чѣмъ даже въ Одесскомъ.

Наиболѣе дешевые округа тѣ, которые заключаютъ въ себѣ губерніи земледѣльческія. Самые дорогіе тѣ, въ которыхъ земледѣліе почти не развито, а подвозъ затруднителенъ.

Что касается дешевизны продовольствія въ Западно-Сибирскомъ округѣ, то, конечно, это много зависитъ и отъ числа потребителей: и если бы, вмѣсто 16,000 войска, тамъ поставили бы 160,000, то и цѣны, конечно, утроились бы.

По числу войскъ Туркестанскій округъ стоитъ десятымъ и уступаетъ, въ этомъ отношеніи, даже Казанскому округу, занимающему совершенно центральное положеніе, вдали отъ всѣмъ границъ. Намъ кажется по этому, что настоящая

численность войскъ Туркестанскаго округа не можетъ быть принята за нормальную и рано ли, поздно ли должна быть увеличена на счетъ Оренбургскаго и Казанскаго округовъ. Объ уменьшеніи же этой численности нечего и говорить: самая мысль объ этомъ можетъ придти въ голову только человѣку, незнакомому съ краемъ и съ задачами, какія могутъ предстоять здѣсь Россіи, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Если припомнить притомъ, что туркестанскія войска, пройдя отъ Сибири и Оренбурга до сердца Азіи, дѣйствительно *сослужили службу*, если припомнить, что онѣ не только завоевали край, но еще своими неустанными руками построили рядъ городовъ, заложили основаніе будущей колонизаціи, проложили дороги, — если припомнить все это, то конечно придется сознаться, что потраченныя на нихъ деньги не пропали даромъ. Никакимъ дефицитомъ ихъ упрекнуть нельзя. Ни въ какомъ другомъ округѣ, да и нигдѣ въ цѣломъ мірѣ, войска не трудятся такъ производительно, какъ въ Туркестанѣ. Это скорѣе рабочія артели, которыя берутся за оружіе только на короткій срокъ, только для того, чтобы отогнать и проучить невѣждъ, мѣшающихъ работѣ.

Въ виду всего этого, мы не можемъ считать Туркестанскій округъ убыточнымъ даже и по отношенію содержанія войскъ, такъ какъ: 1) войска эти все равно пришлось-бы содержать въ Оренбургѣ и въ Западной Сибири, только въ добавокъ съ меньшими выгодами, 2) самое содержаніе не дорого, 3) оно окупается сторицею тѣмъ спокойствіемъ, какое эти войска даютъ Заволжью и Западной Сибири, тѣмъ развитіемъ, какого достигла торговля подъ ихъ защитою и тѣмъ положеніемъ, какое заняла Россія, по отношенію къ Остъ-Индіи, и 4) содержаніе войскъ, служащихъ *всему* государству, не резонно относить на средства *одной* какой нибудь области.

Допустимъ, однако же, что расходы на войско должны быть отнесены на средства той области, въ которой эти вой-

ска расположены. Тогда вся цифра расходовъ по Туркестанскому округу выразится въ слѣдующей табличкѣ:

За 1868	годъ	4,392,940 р.
» 1869	»	4,592,460 »
» 1870	»	6,114,883 »
» 1871	»	6,820,945 »
» 1872	»	7 576,186 »
За пять	лѣтъ	29,497,414 р.

А такъ какъ дохода за это время поступило только 9,897,417 рублей, то въ результатѣ является огромный дефицитъ въ 19,600,000 р. Но этотъ дефицитъ можно было предсказать и не будучи пророкомъ. Въ такомъ же положеніи стоятъ и всѣ наши окраины, всѣ пограничные округа.

Гдѣ же специфическое средство противъ такихъ хроническихъ дефицитовъ?

Радикальное только одно: совсѣмъ распустить войска.

Но обнаженіе границъ равносильно отказу отъ самозащиты, отъ своей политической роли — равносильно, наконецъ, отказу отъ пограничныхъ областей.

И такъ: отдадимъ Петербургъ шведамъ, Кавказъ — персіянамъ, Туркестанъ — коканцамъ и бухарцамъ; разыщемъ наслѣдниковъ Кучума, Пяста и Гирея, а сами возсядемъ подъ смоковницей!

Этого ли хотятъ противники армій?

Какъ ни поверни вопросъ, все-таки придется остаться при системѣ постоянныхъ армій, а слѣдовательно, и нести всѣ тѣ жертвы, которыя при этомъ неизбѣжны. Разъ что существуетъ армія, то государство распоряжается ею сообразно политическимъ условіямъ, въ какихъ оно стоитъ. При этомъ всѣ другія соображенія должны быть откинуты.

Всякій, мало-мальски грамотный, легко распознаетъ, гдѣ дешевле содержать войска, но было бы совершенно нелѣпо, еслибы, напримѣръ, всю армію сосредоточить въ Западной Си-

*

бири, а Польшу, Вильну, Петербургъ и т. д. оставить на произволъ судьбы и сосѣдей!

Въ сущности все это такъ ясно, что и распространяться объ этомъ какъ-то совѣстно, — но такъ какъ въ обществѣ существуетъ и противоположный взглядъ, то мы и сочли нужнымъ остановиться на разъясненіяхъ.

Намъ кажется, что спорный вопросъ исчерпанъ и что затѣмъ читатель, безъ всякаго колебанія, скинетъ со счетовъ Туркестанскаго округа всѣ военныя издержки. Тогда средній годовой остатокъ отъ доходовъ будетъ простираться до 686,000 рублей.

Интересно бы вычислить, на сколько увеличились расходы Россіи на Среднюю Азію со времени завоеванія Туркестана? Данныя для этой задачи могутъ быть выведены: изъ стоимости упраздненной *горькой* линіи, — что составляетъ экономію, и изъ стоимости содержанія 3-хъ, вновь сформированныхъ батальоновъ, — что составляетъ лишній расходъ. Надобно принять во вниманіе и тѣ полмилліона, которые ежегодно тратились на высылку въ степь летучихъ отрядовъ — окажется, по всей вѣроятности, что мы еще въ барышахъ.

Но еслибы за спокойствіе Западной Сибири, Оренбурга и Урала мы даже приплачивали бы полмилліона, то это расходъ не безплодный. Допустимъ, однако же, что такая затрата не оправдывается ни выгодами названныхъ окраинъ, ни даже выгодами нашей торговли, не смотря на то, что она усилилась почти въ 20 разъ — тогда у насъ остается въ запасѣ еще одинъ вѣсскій доводъ: жертвуя ежегодно полмилліона, для поддержанія своего положенія въ Средней Азіи, мы выигрываемъ въ политическомъ отношеніи, потому что пріобрѣтаемъ вліяніе на голосъ Англіи, а затѣмъ выигрываемъ и въ экономическомъ отношеніи, ибо сберегаемъ сотни милліоновъ, какіе намъ пришлось бы истратить на то же самое путемъ войны.

Послѣ татаръ, поляковъ и шведовъ, соперниками нашими въ Европѣ сдѣлались англичане. Европейская война стоитъ

всегда сотенъ милліоновъ, да еще сопряжена съ большимъ рискомъ. Рискъ этотъ, кромѣ потерь въ людяхъ, выражается еще и контрибуціей. Какъ прежде Англія пользовалась каждымъ случаемъ, чтобы втянуть насъ въ войну, такъ теперь она семь разъ подумаетъ, раньше чѣмъ рискнетъ на это.

Возможно ли было бы, не занимая хорошей позиціи въ Азіи, разорвать парижскій трактатъ?

Едва ли. Во всякомъ случаѣ дѣло не обошлось бы безъ войны, а война унесла бы по крайней мѣрѣ 100 милліоновъ. Если эти 100 милліоновъ остались у насъ въ карманѣ, то это случилось между прочимъ и благодаря нашему положенію въ Азіи.

Правда, кромѣ этого, успѣху нашему способствовало и то, что Франція занята была разорительною войною съ Пруссіей, Австро-Венгрія, послѣ ряда своихъ неудачъ, не могла и думать о противодѣйствіи. Словомъ, время было выбрано какъ нельзя удачнѣе, но еслибы Англія могла дѣйствовать, по прежнему, смѣло и рѣшительно, то вмѣстѣ съ Австріей и Турціей она все-таки надѣлала бы намъ хлопотъ.

И такъ, чѣмъ ближе мы къ Индіи, тѣмъ осторожнѣе обращается съ нами Англія, тѣмъ меньше у насъ противниковъ въ Европѣ, тѣмъ менѣе вѣроятность навлечь на себя войну. Все это выражается въ цифрахъ государственныхъ расходовъ — болѣе или менѣе значительнымъ минусомъ.

Милліоны, кидаемые нами на Азію, сберегутъ намъ сотни милліоновъ въ Европѣ.

Если все это еще не довольно убѣдительно, то возмемъ себѣ примѣромъ хотя бы киргизовъ: во время похода Перовскаго въ 1839 году — они жертвуютъ часть верблюдовъ; при движеніи Черняева отъ Ауліе-ата къ Чимкенту — даромъ перевозятъ тяжести отряда; за послѣднюю хивинскую экспедицію имъ слѣдовало получить, за наемъ верблюдовъ и за павшихъ — до 800,000 р. с., но они отказываются отъ этой суммы, въ знакъ признательности за спокойствіе, которымъ они пользуются, со времени занятія края русскими.

Всѣ эти жертвы бѣднаго кочеваго народа служатъ, такъ сказать, страховою преміею за гарантію, которую даетъ имъ Россія. Много бѣдствій испытали киргизы,— не разъ приходилось имъ перебѣгать изъ конца въ конецъ по всей Азіи, уходя отъ непосильной борьбы съ хищнымъ сосѣдомъ. Всѣ эти перекочевки—или иначе—*переселенія народовъ* начинались именно вслѣдствіе внѣшняго давленія, а всякому легко себѣ представить—во что можетъ обойтись такое переселеніе?

Если ужъ полудикіе кочевники цѣнятъ такъ спокойствіе и безопасность, то неужели этихъ благъ не оцѣнятъ образованные русскіе?

Киргизы тянутъ къ намъ въ силу той же исторической необходимости, по которой, въ періодъ удѣловъ, мелкія княжества русскія тянули къ Москвѣ, не смотря даже на то, что Москва ко многому относилась иначе, многое то ломала, что было имъ дорого, многое то вводила, что было имъ ненавистно.

Эта историческая необходимость заключалась и заключается въ нападеніяхъ внѣшнихъ враговъ. Русскія княжества скоро сознали, что единственное средство устоять въ неравной борьбѣ—заключается въ союзѣ; кто не сознавалъ этого—тотъ былъ вразумленъ силою.

Пока князья усобились между собою—татары властвовали безнаказанно и Русь стонала подъ пятою нехристей, но вотъ Москва *«собрала русскую землю»* — и тѣ же татары ходятъ съ вѣтошью! — Сила, стряхнувшая съ Руси позорное иго,— была: единство. Точно также и въ степяхъ: набѣги хищниковъ, вторженія цѣлыхъ народовъ—напримѣръ дзюнгаровъ въ XVIII вѣкѣ — всегда заставляли киргизовъ искать спасенія подъ кровомъ кого-либо изъ сосѣдей. Выборъ ихъ падалъ преимущественно на Россію. Правда, что въ первое время, пока наши порядки имъ не были достаточно знакомы — они врывались подъ этотъ кровъ — силою, думали взять гостепріимство съ бою, но впослѣдствіи это уладилось и кочевники примирились съ необходимостью довольствоваться *прилинейной* полосой земли, гдѣ они спокойно могли укрываться подъ защитой *линіи*.

Когда затѣмъ дерзость хищниковъ, укрывавшихся въ предѣлахъ Хивы и Кокана, дошла до того, что даже и близость линіи не спасала нашихъ киргизовъ отъ разграбленія, то понятно, *какъ* должны были относиться эти киргизы къ нашему движенію впередъ: они видѣли, что съ каждымъ новымъ шагомъ нашимъ расширяется для нихъ прилинейная полоса, падаютъ въ прахъ гордые ханы, прячутся или смиряются степные хищники.

Теперь прилинейная полоса легла на всю степь — гуляй гдѣ хочешь — опасность миновала: русскія крѣпости, русскіе отряды, русскіе пикеты стерегутъ разбойниковъ и по Сыру и по Аму!

Тамъ, гдѣ десять лѣтъ назадъ никто бы не подумалъ пройти цѣлымъ ауломъ — теперь нерѣдко видишь одинокаго путника.

Русскіе офицеры зачастую совершаютъ огромные переѣзды въ одиночку. Я не говорю о ѣздѣ на почтовыхъ — это ужь само собою разумѣется—да тутъ не удерживало, бывало, даже извѣстіе о нападеніи шайки на предстоящую станцію—я говорю о путешествіи верхомъ.

Мнѣ самому нѣсколько разъ приходилось совершать такія прогулки: во время самаркандской экспедиціи 1868 г., на третій день послѣ боя чапанъ-атинскаго я отдѣлился отъ эшелона, шедшаго на усиленіе передового отряда, съ предпослѣдняго ночлега передъ Самаркандомъ и самъ-другъ съ прапорщикомъ Н*** пробрался въ главный отрядъ. Впечатлѣніе побѣды было такъ сильно, что толпы конныхъ, попадавшіяся намъ на встрѣчу—съ почтеніемъ сторонились. Поле сраженія кишѣло мародерами—туземцами, обиравшими одежду, оружіе и патроны, во множествѣ кинутыя непріятелемъ. Мы проѣхали по всѣмъ базарамъ города, распрашивая о дорогѣ и наконецъ наткнулись на кучку солдатъ съ ружьями—

это былъ конвой при ротномъ артельщикѣ, покупавшемъ провизію.

Въ другой разъ, послѣ совершенной мною рекогносцировки Буканскихъ горъ въ 1869 г., я проѣхалъ Голодную Степь отъ Джизака къ Чиназу (115 верстъ), не только безъ конвоя, но и безъ прислуги. Правда, тутъ не обошлось безъ приключенія, но благодаря крымской буркѣ съ башлыкомъ и мѣховому воротнику зимняго пальто—голова моя осталась при мнѣ. Ничего бы этого не случилось, еслибы я былъ поопытнѣе и поосторожнѣе; теперь я рекомендую въ подобныхъ случаяхъ: никогда не позволять, ни одному туземцу, ѣхать позади себя, а если онъ почему-либо отсталъ, то приказать ему ѣхать въ сторонѣ и подальше, а не слѣдомъ за вами. Туземцу весьма не трудно скрыть, подъ верхнимъ халатомъ, свое оружіе.

Во время послѣдней хивинской экспедиціи переѣзды, безъ конвоя, по степи и по ханству, практиковались довольно часто, но самымъ замѣчательнымъ дѣломъ была рекогносцировка пути отъ Хивы къ кол. Орта-кую (куда не дошелъ Маркозовъ). На эту рекогносцировку вызвался подполковникъ Скобелевъ, который и совершилъ ее съ однимъ казакомъ, своимъ слугой и 2-мя проводниками-туркменами. Въ виду значительности разстоянія и возможности наткнуться на партію непріятелей—это было смѣлое, лихое дѣло и Скобелеву не даромъ мѣстная дума присудила Георгія.

Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и мы совершенно освоимся съ Азіей, мы будемъ тамъ, какъ у себя дома.

Глава XVII.

Азіятскій обычай подносить подарки.—Цѣнность *силяу* пропорціональна уваженію. — Ошибка Бековича и Музаффаръ-Эддина. — Вымогательство подарковъ.—Мѣры правительства противъ наплыва пословъ.—Какъ изворачивается туркестанскій генералъ-губернаторъ?—Неудобства системы подарковъ.—Будетъ ли опасно положеніе консуловъ въ ханствахъ?—Примѣръ Никифорова.—Облачаться ли въ халаты?—Дипломатическія тонкости азіятцевъ.—Затруднительное положеніе кокансқаго и кашгарскаго пословъ въ Петербургѣ.—Какъ держали себя наши послы въ старину?—Иванъ Хохловъ и Борисъ Пазухинъ.—Почему русскихъ пословъ не трогаютъ?

Освоиваясь съ Азіей, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, кое что и *усвоиваемъ* себѣ азіятскаго... Положимъ, это ведетъ къ сближенію съ побѣжденными, но вѣдь наша сила въ томъ и заключается, что мы на нихъ не похожи. Возмемъ, напримѣръ, обычай преподносить, при каждомъ случаѣ, подарки или *силяу*. Обычай этотъ пришелся весьма по вкусу многимъ русскимъ.

Ходячая фраза о томъ, что надо уважать народные обычаи и въ особенности тѣ, которые касаются религіозныхъ вѣрованій—приходится весьма кстати любителямъ силяу. Не смысля ни аза въ дѣлѣ мусульманства, и боясь оскорбить, какъ нибудь, деликатное чувство подносителя, нашъ русскій піонеръ не знаетъ какъ и выпутаться, подъ часъ, изъ разставленныхъ сѣтей.

— Мой папашъ кончалъ, увѣряетъ какой нибудь почтенный аксакалъ,—нашъ закунъ такой: силяу надо.

— Да у насъ-то закона такого нѣтъ, чтобъ силяу брать... возражаетъ русскій.

— Нельзя, тюря. Это обида—весь народъ знаетъ, что я пошелъ къ тебѣ.

Въ Азіи все держится на силяу. Русскій купецъ не можетъ явиться ни въ одно ханство, не запасшись силявомъ для хана и его приближенныхъ. Послы не смѣютъ показаться и на глаза безъ богатыхъ подарковъ.

Обмѣнъ подарками сдѣлался необходимою принадлежностью дипломатическихъ сношеній съ азіятскими властителями. Цѣнность подарковъ служитъ мѣриломъ уваженія и страха. Извѣстно, напримѣръ, какъ обидѣлся хивинскій ханъ, когда Бековичъ Черкасскій представилъ ему, присланный отъ Петра I, бархатъ, не цѣльнымъ кускомъ, а разрѣзаннымъ на концы—въ 5 аршинъ. Бековичъ потомъ со слезами упрекалъ пресловутаго князя Саманова за эту операцію—онъ точно предчувствовалъ участь, которую готовилъ ему раздраженный деспотъ.

Въ 1742 г., при Неплюевѣ, султанъ Баракъ изъ Ср. Орды, отправилъ пословъ ко Двору и самъ хотѣлъ пріѣхать въ Оренбургъ, но обидѣлся ничтожностью подарковъ, привезенныхъ чиновникомъ и откочевалъ.

Въ 1759 г. губернаторъ Давыдовъ не далъ хану обычныхъ подарковъ, тотъ уѣхалъ разобиженный и киргизы начали грабить. Тогда правительство, не смотря на доводы Давыдова, назначило жалованье не только хану, но и братьямъ его—грабежи и прекратились въ 1761 году. Жалованье выходило какъ бы данью.

Жалкіе подарки, присланные бухарскимъ эмиромъ въ 1866 г. оренбургскому генералъ-губернатору, показавъ какъ пренебрежительно относится эмиръ къ главному вершителю судебъ Средней Азіи, стоили бухарцамъ двухъ крѣпостей: Ура-тюбе и Джизака...

Англичане также испытали, что значатъ плохіе подарки. Посольство, явившееся въ Бухару, одновременно съ нашимъ (Бутенева), потерпѣло фіаско именно изъ-за подарковъ. Хуттонъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «презрѣніе Насръ-Уллы

къ англійскому посольству зависѣло отъ ничтожности подарковъ, посланныхъ ему полковникомъ Шелемъ; сами по себѣ они были почти оскорбленіемъ: они состояли изъ серебряныхъ часовъ и 2-хъ кусковъ сукна, на сумму не болѣе 6 фунтовъ (40 р.).»

Наши агенты бываютъ иногда поставлены въ необходимость прятать всѣ свои вещи отъ внимательныхъ взглядовъ посѣтителей. Бывали примѣры, что ханъ узнавалъ отъ приближенныхъ о той или другой принадлежности хозяйства нашего агента—и выпрашивалъ ее себѣ въ силяу. Одинъ агентъ нашъ былъ такимъ образомъ совершенно обобранъ Якубъ-бекомъ: даже походная кровать и револьверъ, безъ которыхъ, казалось, немыслимо самое путешествіе, даже и эти вещи пришлось отдать алчному деспоту. Еще черта: туземецъ, подносящій вамъ въ силяу фунтъ винограду, иногда тутъ же и напомнитъ, что и вы обязаны отплатить ему хоть бы однимъ коканомъ.

Русское правительство, такъ сказать, дѣлаетъ уступку азіятскимъ обычаямъ и съ давнихъ поръ приняло систему подарковъ.

Ханы сдѣлали изъ этого доходную статью и посылали пословъ чуть не ежегодно. Такой разорительный для насъ порядокъ былъ, въ свое время, устраненъ распоряженіемъ: не допускать азіятскихъ пословъ чаще одного раза въ три года, а затѣмъ самыя сношенія съ азіятскими владѣтелями возложены были на главныхъ начальниковъ пограничныхъ областей. Затѣмъ уже только въ особенно важныхъ случаяхъ азіятскіе послы допускались къ Высочайшему двору.

На подарки, пріемы пословъ и содержаніе ихъ отпускается болѣе или менѣе крупная сумма. Туркестанскій генералъ-губернаторъ получаетъ, на этотъ предметъ, 35,000 рублей, но этой суммы далеко не хватаетъ на покрытіе дѣйствительныхъ расходовъ по пріему посольствъ и пріобрѣтенію подарочныхъ вещей. Вслѣдствіе этого генералъ-губернаторъ вынужденъ бываетъ отдаривать одного—подарками, полученными отъ другаго, или назначать эти подарки въ продажу, чтобы на выручен-

ныя деньги пріобрѣтать на мѣстѣ, необходимыя для отвѣтныхъ подарковъ вещи.

Второй способъ приходится предпочитать уже потому, что при немъ невозможны такіе забавные случаи, какіе, говорятъ, встрѣчались прежде: бухарскій эмиръ въ клячахъ, присланныхъ ему въ подарокъ изъ Кокана, узнаетъ тѣхъ самыхъ клячъ, которыхъ онъ самъ подарилъ передъ тѣмъ ташкентскому беку. Клячи, подъ дорогими попонами, успѣли сдѣлать нѣсколько визитовъ и воротились въ прежнюю конюшню!

Случается и такъ, что присланные въ Ташкентъ, со всѣхъ концовъ, халаты—перемѣшаютъ какъ нибудь, и въ Бухару попадаютъ не кокански халаты, а бухарскіе же и такимъ образомъ выходитъ, будто подарокъ не принятъ и возвращается обратно.

Что ни говори, а каждый добросовѣстный человѣкъ признаетъ эту систему подарковъ, весьма неудобною, а подъ часъ и скользкою. Высшимъ начальникамъ на подарки отпускается извѣстная сумма, которая вся и расходуется, да еще съ плюсомъ отъ продажи части, полученныхъ въ обмѣнъ вещей. Оставшіяся вещи не составляютъ собственности казны, такъ что любитель, не тратя ни гроша, можетъ составить себѣ изрядную коллекцію на казенный счетъ.

Каждому агенту, отправляемому въ ханства, генералъ-губернаторъ, въ свою очередь, отпускаетъ на подарки часть, ассигнованной ему суммы, агентъ повторяетъ ту-же процедуру и если онъ любитель, то воротится не съ пустыми руками.

Чаще всего командировки въ ханства выпадаютъ, конечно, на долю дипломатическаго чиновника. Это его монополія. Понятно, конечно, что и подарки ему идутъ не въ примѣръ прочимъ...

Коканскій ханъ пожаловалъ, между прочимъ, г. Струве въ чинъ *токсабы*—фельдмаршала коканскихъ войскъ—и подарилъ бархатный мундиръ съ золотыми эполетами, украшенными жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Говорятъ даже, что токсаба получаетъ вакуфныя земли...

Еслибы мы, согласно заключеннымъ трактатамъ, имѣли въ ханствахъ постоянныхъ агентовъ-консуловъ, то, конечно, командировки чрезвычайныхъ пословъ изъ Ташкента сдѣлались бы ненужными. Каждый легко пойметъ, какія выгоды пріобрѣтаютъ государства, содержа у сосѣдей постоянный надзоръ. У насъ, однако-же, по отношенію къ ханствамъ, смотрѣли до сихъ поръ иначе и въ учрежденіи консульствъ видѣли гораздо больше неудобствъ чѣмъ выгодъ.

Намъ кажется, что самая главная невыгода заключается въ томъ, что значеніе дипломатическаго чиновника непремѣнно умалится, а это, конечно, отразится и на «внѣшнихъ знакахъ» почтенія и любви, которую питаютъ къ нему ханы.

Какъ бы то ни было, но до сихъ поръ консульства считались рискомъ, а за то постъ дипломатическаго чиновника представлялся весьма выгоднымъ мѣстомъ. Мы полагаемъ, однако-же, что для дѣла гораздо лучше было бы, еслибы этихъ выгодъ не существовало.

Система подарковъ имѣетъ еще и другое неудобство: ханы смотрятъ на командировки къ намъ своихъ агентовъ, какъ на выгодную аферу. Подарки ихъ состоятъ исключительно изъ мѣстныхъ произведеній, которыя при монополіи, присвоенной ханами, едва ли стоятъ имъ особенно дорого; въ отвѣтъ же они получаютъ бархатъ, атласъ, парчу, бронзу, серебряныя и золотыя издѣлія и т. п. Выходитъ нѣчто вродѣ мѣновой торговли, въ которой всѣ выгоды остаются на сторонѣ хановъ. Вотъ почему они шлютъ въ Ташкентъ агента за агентомъ, извлекая каждый разъ извѣстный барышъ.

Агенты также получаютъ подарки и потому приближенные хановъ усиленно добиваются чести съѣздить посломъ. Командировка имѣетъ видъ награды на чужой счетъ, поэтому она выпадаетъ чаще на долю интриги, родства, кумовства, чѣмъ на долю способностей и знанія. Слѣдствіемъ этого является то, что почти всѣ эти командировки не приносятъ никакой пользы для скрѣпленія связи, для ознакомленія съ сосѣдней страной и для уясненія взаимныхъ отношеній.

Нельзя сказать, конечно, что подарокъ непремѣнно *закупаетъ* берущаго въ пользу дающаго, тѣмъ не менѣе въ дѣлѣ дипломатическихъ сношеній не мѣшало бы почаще вспоминать извѣстное изрѣченіе: «timeo Danaos et dona ferentes», «боюсь Данайца даже и предлагающаго дары». Но ужь если допустить уступку, то развѣ только для простыхъ подарковъ, принимать же деньги не только предосудительно, но и позорно...

Еще обмѣнъ вещами, произведеніями своихъ странъ, образщиками своихъ мануфактуръ, можетъ, такъ или иначе, быть допущенъ, хотя бы въ видахъ ознакомленія сосѣдей съ нашею промышленностью, но обмѣнъ деньгами просто безсмысленъ: это выйдетъ простое перекладываніе ихъ изъ кармана въ карманъ. Поэтому принятіе денежной субсидіи больше похоже на взятку, чѣмъ на что другое. Если есть личности, готовыя принять или даже попросить «рубликъ на память», то мы всѣ хорошо знаемъ, *что* это за личности и, конечно, весьма мало склонны желать, чтобы наши дипломатическіе агенты уподобились имъ.

Самъ генералъ-губернаторъ не разъ, и весьма категорически, заявлялъ требованіе, чтобы агенты остерегались принимать деньги. Однажды коканскій ханъ предложилъ субсидію полк. Ш***, тотъ донесъ объ этомъ генералъ-губернатору и просилъ указаній, отвѣтъ не замедлилъ и, конечно, отрицательный. Въ другой разъ бухарскій эмиръ прислалъ генералу Абрамову за Карши или Шахрисябзъ 2.000 золотыхъ тиллей; не желая обидѣть эмира, Абрамовъ принялъ деньги, но внесъ ихъ въ казначейство, гдѣ онѣ были записаны въ государственный доходъ. Не смотря на это, генералъ-губернаторъ сдѣлалъ Абрамову замѣчаніе и подтвердилъ отнюдь не принимать впредь никакихъ субсидій, ни подъ какимъ видомъ.

Противъ учрежденія консульствъ въ ханствахъ приводятъ обыкновенно опасность, въ какой будетъ постоянно находиться горсть русскихъ, среди враждебнаго населенія.

Мы могли бы указать нѣсколько примѣровъ того, какъ горсть русскихъ умудрялась держать въ респектѣ цѣлый городъ. Вспомнимъ хоть посольство Ермолова въ Персію.

Азіятцы дѣлаются наглыми и дерзкими, какъ только замѣтятъ, что вы ихъ боитесь, они не упустятъ случая воспользоваться вашею безпечностью, довѣрчивостью или оплошностью. Но если вы ихъ не боитесь, если вы «себѣ на умѣ», если вы всегда готовы, если врасплохъ васъ не захватишь,—васъ будутъ уважать.

«Кесмедигинъ эли ёпъ»—«цѣлуй руку, которую ты не въ силахъ отрубить» говоритъ турецкая пословица. Въ этомъ совѣтѣ весь секретъ азіятской политики.

Грибоѣдовъ могъ бы выйдти побѣдителемъ, еслибы не зарывался, еслибы соединялъ настойчивость съ осмотрительностью.

Если этихъ качествъ нѣтъ въ распорядителѣ, то его не спасетъ даже и цѣлое войско. Бековичъ, поддавшійся на удочку самаго нехитраго устройства и раздѣлившій свой трехъ-тысячный отрядъ на мелкія части, для разведенія по хивинскимъ деревнямъ — погубилъ и себя и свое войско, а между тѣмъ съ такими силами онъ могъ бы завоевать все хивинское ханство.

Лучшимъ же отвѣтомъ на всѣ опасенія можетъ служить поведеніе капитана генеральнаго штаба Никифорова, посланнаго въ 1841 году, въ Хиву для заключенія договора послѣ неудачной экспедиціи Перовскаго. Не говоря уже о томъ, что Никифоровъ съ перваго же шага, пошелъ въ разрѣзъ съ общепринятыми въ Азіи обычаями, въ отношеніяхъ пословъ съ ханскими министрами, но онъ, сверхъ того, крайне сурово обращался съ этими сановниками и съ приближенными хана, когда тѣ *не вовремя* являлись къ нему со своими любезностями.

Подъ вліяніемъ *особыхъ* обстоятельствъ (spiritus vini) Никифоровъ дѣлался обыкновенно раздражительнымъ и тогда, безъ всякихъ церемоній, приказывалъ казакамъ выпроваживать гостей въ шею!

Министровъ это озадачивало и наводило на нихъ унылые,

простой же народъ громко высказывалъ свое удивленіе и почтительно сторонился передъ задорнымъ посломъ. Впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе, что при Никифоровѣ было всего только 12 казаковъ, а помощи ему ждать было не откуда.*)

Никифоровъ не давалъ потачки и самому хану: спорилъ съ нимъ рѣзко и грозилъ разными бѣдами. Когда же увидѣлъ, что переговоры затягиваются и ни къ чему не ведутъ, онъ прервалъ ихъ декларацiей, въ которой опредѣлилъ новую границу нашу и грозилъ смертною казнью всякому хивинцу, схваченному за этой чертою.

Если припомнить при этомъ, что незадолго до того два англійскихъ агента Стоддартъ и Конноли были казнены въ Бухарѣ, а двое другихъ Шекспиръ и Абботъ чуть не подверглись той-же участи въ Хивѣ и спаслись, только благодаря ходатайству русскаго агента, то придется признать поведеніе Никифорова весьма смѣлымъ.

Мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ о другомъ нашемъ агентѣ подпоручикѣ Витковичѣ, случайно попавшемъ въ Бухару и преспокойно разъѣзжавшемъ по улицамъ въ офицерскомъ мундирѣ. Опять таки это случилось до занятія Сыра, а мы знаемъ, что позднѣйшія наши миссіи, являвшіяся въ Бухару послѣ такихъ погромовъ какъ самаркандскій и зерабулакскій—не осмѣливались появляться на улицахъ *безъ предварительнаго разрѣшенія*, другими словами—безъ свиты изъ туземцевъ.

Особенною деликатностью въ этомъ отношеніи отличился одинъ полковникъ, посланный въ Бухару въ 1870 году.

Кушъ-беги предупредилъ этого сверхъ-штатнаго дипломата, что-де «пусть ваши люди зря не выѣзжаютъ: вы гости и мы заботимся, чтобы не вышло какого-нибудь неудовольствія... между нашими много развратниковъ, весьма необузданныхъ, такъ что нельзя управлять ими безъ палки, тюрьмы и палача».

*) Устья Сыръ-Дарьи мы заняли только въ 1847 году.

Члены посольства считали себя молодыми и красивыми мужчинами и потому убоялись показываться на глаза туземнымъ ловеласамъ, безъ туземной же свиты, напоминающей народу о палкѣ, тюрьмѣ и палачѣ! Наша миссія, впрочемъ, могла утѣшать себя мыслію, подсказанною тѣмъ же Кушъ-беги, что-де смотрѣть все равно нечего — кругомъ одна глина, а «наше войско не обучено и дурно вооружено, смотрѣть ученье, можетъ быть, составляетъ тамашу для узбековъ, но для русскихъ будетъ забавно и непріятно».

Этихъ доводовъ было достаточно, чтобы погасить пылъ любознательности, столь свойственный туристамъ и наша миссія засѣла въ четырехъ стѣнахъ, выѣзжая только офиціальнымъ образомъ.

На торжественной аудіенціи, когда эмиръ предложилъ обычные подарки, нашъ полковникъ настоялъ, не смотря на протесты членовъ миссіи, чтобы всѣ они облеклись въ пожалованные халаты и, въ такомъ нарядѣ, проѣхались по городу. Пусть, говоритъ, народъ знаетъ, какъ насъ принялъ эмиръ!

Разсказываютъ даже, что одинъ изъ юнѣйшихъ членовъ миссіи г. Б—въ, на прощальной аудіенціи, такъ низко наклонился надъ поданной ему рукой эмира, что со стороны *могло казаться*, что дѣло не ограничилось однимъ поклономъ и пожатіемъ руки. Самъ Б—въ, однакоже, упорно отвергалъ всякое подозрѣніе въ излишнемъ подобострастіи.

Все это, конечно, должно было возбудить самые разнообразные толки въ средѣ представителей русской интеллигенціи въ краѣ. Легко себѣ представить, что общее впечатлѣніе было не весьма благопріятно для миссіи.

Совершенно иначе поступилъ, въ подобномъ случаѣ, другой полковникъ, посланный въ 1871 г. для выраженія эмиру соболѣзнованія по случаю смерти его любимаго сына *Тюря-Джана*. Далекій отъ всякой политики и дипломатическихъ тонкостей, посолъ этотъ отказался, на отрѣзъ, надѣть халатъ и объяснилъ бухарцамъ, что русскому офицеру неприлично да и нельзя

покрывать, данную ему Бѣлымъ Царемъ, одежду — ничѣмъ инымъ, кромѣ форменнаго же плаща.

Бухарцы сослались было, на то, что даже генералъ Струве и тотъ дѣлалъ уступку и надѣвалъ халатъ. На это имъ отвѣчено, что Струве не военный и что ему это можно. Бухарцы больше и не настаивали.

Мы слышали, что г. Вейнбергъ, замѣнившій г. Струве— придерживался во время первой поѣздки своей въ Коканъ послѣдней же системы, т. е. въ халатъ не облачался и на основаніи того же довода.

Вопросъ о томъ: облачаться въ парчевыя ризы или нѣтъ, можетъ показаться пустяками, о которыхъ не стоитъ и говорить, но если на это смотрѣть глазами азіятцевъ — а иначе смотрѣть мы и не имѣемъ права, — то это будетъ далеко не пустяки.

Халатъ здѣсь—награда, это своего рода орденъ. Конечно, было бы весьма странно еслибы кто нибудь сталъ ходатайствовать о разрѣшеніи «принять халатъ и носить по установленію», но тѣмъ не менѣе мы знаемъ примѣръ такого разрѣшенія: военному губернатору Семирѣченской области генералу Колпаковскому, за помощь, оказанную имъ китайцамъ, спасавшимся къ намъ отъ таранчей и дунгановъ, китайскій императоръ пожаловалъ почетный халатъ съ драконами, высшую награду, какой только можетъ удостоиться простой смертный. На принятіе этой награды испрошено было Высочайшее разрѣшеніе.

Если признать жалованный халатъ наградою, то придется признать за ханами и право награждать русскихъ чиновниковъ и тогда церемонія облаченія будетъ имѣть смыслъ. Если смотрѣть на халатъ какъ на простой подарокъ, то облаченіе, конечно, не нужно — достаточно перекинуть его черезъ руку или передать тотчасъ слугѣ—фактъ принятія подарка будетъ на лицо.

Считая халатъ наградою—мы увеличиваемъ значеніе дающаго и умаляемъ значеніе принимающаго. Считая же это простымъ подаркомъ—мы ставимъ и того и другого въ отношенія равныхъ. Намъ нѣтъ никакой надобности возвышать значеніе хановъ на счетъ представителей русскаго имени. Ханы должны привыкнуть смотрѣть на себя, какъ на «временно исправляющихъ должность» занимающихъ свой постъ до тѣхъ поръ, пока это угодно туркестанскому генералъ-губернатору.

То что на нашъ взглядъ кажется обыкновенно пустяками, то, въ глазахъ азіятца, имѣетъ зачастую весьма важное значеніе. Какой нибудь бухарскій дипломатъ превозносится своими до седьмаго неба за самую ничтожную уловку, которая бы, однако-же, придала ему кажущееся преимущество передъ русскимъ. Самый утонченный этикетъ, о которомъ русскому простодушію не придетъ и въ голову—разставляется вокругъ него какъ тенета. Одинъ невѣрный шагъ—и азіятецъ торжествуетъ: онъ перехитрилъ, взялъ верхъ!

Разскажу, для примѣра, хоть такой случай: на границу нашей территоріи высланъ офицеръ для встрѣчи бухарскаго посла... азіятскій этикетъ требуетъ, чтобы при встрѣчѣ съ начальникомъ, или со старшимъ, или вообще съ уважаемымъ лицомъ—подчиненный, младшій или готовый къ услугамъ непремѣнно слезалъ съ лошади и пропускалъ мимо себя «большого человѣка». Равные должны слезть одновременно. Нашъ офицеръ зналъ этотъ обычай и потому при встрѣчѣ съ посломъ, когда тотъ вынулъ уже ногу изъ стремени и собирался слезть на руки своихъ слугъ—офицеръ сдѣлалъ то-же самое и соскочилъ съ коня. Бухарецъ только того и ждалъ и преспокойно усѣлся опять на сѣдлѣ, точно и не думалъ слезать, а только поправлялся! Офицеръ очутился не совсѣмъ въ ловкомъ положеніи, но дѣлать было нечего: пришлось снести торжествующіе взгляды и улыбки, которыми такъ и сіяли лица всей бухарской миссіи.

Въ 1869 году въ Петербургѣ сошлись: коканскій посланникъ *Мирза-Хакимъ* и кашгарскій *Мирза-Шади*. Осматривая вмѣстѣ разныя достопримѣчательности Петербурга — эти послы никакъ не могли поладить съ корридорами, лѣстницами и дверьми. Надобно сказать, что Якубъ-бекъ кашгарскій

былъ генераломъ коканскихъ войскъ и потому Худояръ-ханъ никакъ не хочетъ допустить мысли, что теперь Якубъ-бекъ не только равенъ ему по званію, но еще и вполнѣ независимъ... Поэтому и представитель коканскаго хана — Мирза-Хакимъ старался игнорировать кашгарскаго посла, не замѣчалъ его присутствія и, такъ сказать, осматривалъ все *самъ по себѣ*. Мирза-Шади держался той же системы, но ни тому, ни другому это вполнѣ не удавалось, въ особенности когда дѣло доходило до дверей, лѣстницъ и корридоровъ. Кто первый войдетъ, кому идти впереди? вотъ роковые вопросы, стоившіе гамлетовскаго «быть или не быть». Оба посла такъ мало расположены были уступить въ этомъ, такъ торопились опередить другъ друга, что однажды, при мнѣ, завязли въ дверяхъ, гдѣ была отворена только одна половина и гдѣ впору было пройдти одному Мирзѣ-Шади въ его мѣховомъ халатѣ, запущенномъ въ широчайшіе кожаные штаны!

Намъ русскимъ все это казалось весьма забавнымъ, а для бѣдныхъ пословъ это былъ вопросъ государственной важности.

Очутись въ подобномъ положеніи европейскіе дипломаты — они бы, конечно, постарались казнить другъ друга самою утонченною предупредительностью — Азія смотритъ на это иначе.—Волей неволей мы и сами должны принимать въ соображеніе азіятскія понятія — не для того, чтобы имъ придерживаться, а для того, чтобы не попасть впросакъ, съ излишнею утонченностью и вѣжливостью, которыя легко могутъ быть перетолкованы, какъ заискиваніе и раболѣпство.

Кого, какъ и гдѣ встрѣтить, какъ принять, какъ проводить — это цѣлая наука для восточнаго человѣка: къ одному онъ выйдетъ за ворота, подержитъ стремя, отведетъ коня подъ навѣсъ, другого встрѣтитъ на порогѣ, придерживаясь за животъ и кланяясь чуть не въ поясъ, для третьяго только привстанетъ съ ковра, четвертому только кивнетъ головой, пятаго вовсе не замѣтитъ.

Въ этомъ лабиринтѣ оттѣнковъ легко заблудиться и надѣлать промаховъ: почтить излишнимъ вниманіемъ человѣка неважнаго, а какую нибудь «особу»—оскорбить какимъ нибудь пустякомъ, ускользнувшимъ изъ виду.

Выйдти изъ такого затрудненія можно только однимъ способомъ: не дѣлать, въ своихъ пріемахъ, слишкомъ рѣзкихъ отличій и всѣхъ принимать, по возможности, одинаково.

Азіятцы болѣе уважаютъ того, кто скупъ на любезности, чѣмъ того, который безъ разбора расточаетъ ихъ направо и налѣво.

Въ заключеніе настоящей главы я считаю умѣстнымъ указать нѣсколько образчиковъ того, *какъ* смотрѣли на обязанности посланника наши дѣды и отцы.

Въ 1620 году къ Иманъ-Кули-хану бухарскому посланъ былъ дворянинъ Иванъ Даниловъ Хохловъ *). — Въ наказѣ послу, между прочимъ, предписывалось: что если для допущенія къ хану съ него будутъ требовать какихъ нибудь пошлинъ, то отнюдь ихъ не давать, а выѣхать обратно; если ханъ пригласитъ къ столу, то принять это приглашеніе не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы притомъ другихъ чужестранныхъ пословъ не было **), а если будутъ, то чтобы они сидѣли *ниже* нашего. — Хохловъ благополучно доѣхалъ до Самарканда и здѣсь былъ принятъ ханомъ. При входѣ во дворъ, одинъ изъ придворныхъ хотѣлъ взять изъ рукъ Хохлова царскую грамоту — но посолъ не далъ ее. Сказавъ хану привѣтствіе и поклонъ отъ русскаго царя и видя, что ханъ не встаетъ при имени и поклонѣ царскомъ — посолъ замѣтилъ ему, что въ подобныхъ случаяхъ, изъ уваженія къ имени Его Царскаго Величества, всѣ государи обыкновенно встаютъ.—Ханъ тотчасъ извинился, оправдываясь тѣмъ, что русскихъ пословъ у нихъ давно уже не было, и что онъ заслушался государевой рѣчи, а потому и забылъ встать; причемъ увѣрялъ, что это произошло ненарочно и не изъ непріязни или неуваженія.

---

*) См. Зап. И. Р. Г. общ. 1851 № 5 пояснительная записка, Я. В. Ханыкова.

**) Это требовалось въ тѣхъ видахъ, чтобы почести принадлежали исключительно русскому послу, а не дѣлились съ другими.

Въ 1669 году царь Алексѣй Михайловичъ послалъ два посольства: одно въ Хиву, а другое въ Бухару. Послѣднее состояло изъ двухъ братьевъ Пазухиныхъ: Бориса и Семена.

Предувѣдомленные наканунѣ пріема, въ концѣ декабря, послы требовали, чтобы, во-первыхъ, при этомъ не было у хана другихъ пословъ, а во-вторыхъ, чтобы за ними присланы были лошади. На возраженія, что это въ Бухарѣ не принято и ни для какихъ пословъ не дѣлается—Борисъ отвѣчалъ, что въ Россіи бухарскимъ посламъ даютъ лошадей съ царской конюшни, а потому и бухарцы должны дѣлать то же самое, по отношенію къ русскимъ посламъ.

Дѣлать было нечего и ханъ прислалъ упрямому послу своего коня. Свита же и Семенъ Пазухинъ ѣхали на своихъ собственныхъ. Ханъ принялъ ихъ весьма торжественно: тронъ, т. е. четвероугольный рундукъ съ 6-ю ступенями, былъ покрытъ золотою парчею, — до 100 человѣкъ сановниковъ и приближенныхъ сидѣли на коврахъ по правую и лѣвую стороны трона. Сначала приставъ перечислялъ и записывалъ присланные царемъ «поминки», затѣмъ ханскій церемоніймейстеръ потребовалъ у посла царскую грамоту, но Борисъ не далъ, говоря, что по указу государя онъ *никому не вручитъ ее, кромѣ самого хана*. Послѣ долгаго спора, Борисъ потребовалъ, чтобы объ этомъ доложили самому хану. Тотъ согласился принять грамоту лично. — Посла взяли подъ руки два придворныхъ и онъ взошелъ по ступенямъ трона. Ханъ приподнялся на встрѣчу и съ честью принялъ грамоту, которую, не читая, положилъ передъ собою. Тутъ посолъ объявилъ о поминкахъ царскихъ, сказалъ привѣтственную рѣчь и потребовалъ освобожденія русскихъ плѣнныхъ. Ханъ предложилъ посламъ сѣсть между его сановниками и заключилъ пріемъ нѣсколькими обычными вопросами о времени ихъ отправленія, о пути и т. п.

Черезъ мѣсяцъ, условившись предварительно по вопросу объ этикетѣ и вызвавъ бековъ изъ ближайшихъ городовъ, ханъ устроилъ въ честь русскаго посольства парадный обѣдъ. Посолъ нашъ былъ предупрежденъ, что *другихъ пословъ* за столомъ не будетъ.—Во время обѣда ханъ, прежде чѣмъ самому отвѣдать кушанье присылалъ ихъ отъ себя послу. — Девять потѣшниковъ забавляли обѣдавшихъ и пѣли; затѣмъ приведенъ былъ носорогъ. Послѣ обѣда за здоровье хана пили кумысъ.

Передъ отъѣздомъ наши послы получили отъ хана 9 русскихъ плѣнныхъ, съ увѣреніемъ, что остальныхъ онъ пришлетъ, когда изъ Россіи вернется посолъ его Мулла-Фаръ. — Кромѣ того, Пазухины выкупили еще 22 человѣкъ (среднимъ счетомъ по 27 р. за каждаго). — Прощальная аудіенція происходила 20 октября 1670 года, и также торжественно, какъ пріемная. Ханъ объявилъ, что съ грамотою своею онъ посылаетъ къ царю особаго посла, но Пазухинъ возразилъ, что они не могутъ возвратиться къ государю безъ грамоты и потому просятъ довѣрить ее имъ. Ханъ согласился и затѣмъ простился съ послами.

Такимъ образомъ, русскіе послы 17-го столѣтія, умѣли поддерживать свое достоинство едвали не лучше пословъ 19-го, не смотря на то, что границы наши въ то время не выдвигались еще такъ далеко въ глубь Азіи, а разные *бурги* мало кому были извѣстны даже по названію *).

Надобно замѣтить, что до сихъ поръ не было еще примѣра, чтобы русскихъ агентовъ постигала въ средне-азіятскихъ ханствахъ такая же участь, какая постигала напримѣръ англичанъ, итальянцевъ и т. д. — Не страхъ удерживалъ азіятскихъ деспотовъ отъ кровавой расправы, а нужда: Россія была нужна имъ своими товарами. Множество туземныхъ купцовъ то и дѣло ѣздили въ Казань и Астрахань, нѣкоторые по долгу заживались здѣсь, а не то и вовсе оставались, ради привилегій, которыя имъ предлагало наше правительство.—

---

*) Оренбургъ основанъ въ 1735 году на томъ мѣстѣ гдѣ теперь Орскъ. Потомъ въ 1739 г. его перенесли туда, гдѣ теперь Красногорская станица, а въ 1744 г. городъ перекочевалъ окончательно на теперешнее мѣсто.

Въ Сибири бухарцы составляли даже особое привиллегированное сословіе, вродѣ дворянства. Кромѣ того, никто не извлекалъ изъ торговли съ русскими, столько выгодъ, сколько сами ханы. Начать съ того, что обыкновенно изъ каждаго каравана все лучшее отбиралось на хана, оцѣнивалось весьма дешево и обмѣнивалось на ханскіе товары,—которые, на оборотъ, цѣнились дорого—барышъ поэтому былъ двойной и, значитъ, вѣрный. Затѣмъ слѣдуетъ прибавить и то, что зякетъ (пошлина таможенная), въ 1/40 часть со стоимости привезеннаго товара,—поступалъ въ полное распоряженіе хановъ. Понятно, что ссориться съ Россіей имъ было *невыгодно*.

Теперь, ко всѣмъ этимъ условіямъ, прибавилось еще и то, что мы сами пришли въ самое сердце Средней Азіи; за плечами нашего посла мелькаютъ теперь русскіе штыки и потому ссориться съ нами стало еще невыгоднѣе. Казалось бы, что все это должно было поддержать въ нашихъ агентахъ увѣренность въ личной безопасности, а между тѣмъ на дѣлѣ мы нерѣдко видимъ противное.

Намъ остается теперь только пожелать настоящимъ и будущимъ агентамъ русскимъ въ Средней Азіи побольше настойчивости и упрямства, побольше сходства, въ этомъ отношеніи съ Хохловымъ и Пазухинымъ, которые прекрасно выполняли главный завѣтъ наказа: «а ты будь своимъ русскимъ умомъ крѣпокъ»!

Глава XVIII.

Необходимость осторожности въ дѣлѣ объединенія народностей Туркестанскаго края.—Разница между вѣротерпимостью и покровительствомъ.—Что такое коранъ?—Проповѣдь огня и меча.—Мѣры Екатерины II къ огражденію мусульманства отъ ересей.—Печатаніе мусульманскихъ книгъ въ Петербургѣ и Казани.—Указные муллы.—Охота за бухарскими муллами въ районѣ Форта № 1.—Мусульманская пропаганда между крещеными татарами, чувашами и черемисами.—Постройка мечетей на казенный счетъ.—Какъ держатъ себя туркестанскіе чиновники изъ татаръ?—Возможно ли теперь православное миссіонерство въ Средней Азіи?—Роль Запада по отношенію къ Востоку.—Вопросы.—Миссія русскихъ.—Введеніе нашего законодательства.—Образованіе туземцевъ.—Реисы изъяты изъ обращенія.—Просьба туземцевъ о введеніи въ ихъ школахъ русскаго языка.—Коммиссія для составленія учебниковъ—Вопросъ о введеніи русскаго алфавита.—Политика равноправности.

Преимущество однородности въ составѣ государства передъ разноплеменностью, разноязычностью и разновѣрностью считаются аксіомой. Распространяться объ этомъ мы и не будемъ.—Объединеніе чуждыхъ народностей рѣдко можетъ быть начато съ религіи, а чаще всего происходитъ чисто внѣшнимъ образомъ:—съ усвоенія ими господствующаго языка, а также съ подчиненія ихъ общимъ для всего государства законамъ.

Способы объединенія не могутъ быть одинаковы для всѣхъ: не вездѣ, не всегда и не ко всѣмъ народностямъ можетъ быть примѣнена именно та или другая система.—Условія Туркестанскаго края таковы, что по отношенію къ нему всякія мѣры должны примѣняться съ особенно строгою обдуманностью и осторожностью.—Мы должны помнить, что наши ошибки могутъ вызвать строгую ревизію. Неподкупнымъ ревизоромъ нашимъ—будетъ Англія...

Съ другой стороны ошибки, надѣланныя Англіею въ Остъ-Индіи должны предостеречь насъ отъ повторенія. Если Англіи приходится дѣлать опыты, то мы можемъ пользоваться готовыми выводами, не повторяя опыта со всѣми его непріятностями. Поступая съ должною осторожностью, мы будемъ имѣть на своей сторонѣ то преимущество, что роль ревизора достанется намъ. — Англичане не желаютъ нашей ревизіи — это и весьма естественно, — но командировка ревизора отъ нихъ не зависитъ: — этимъ распорядится исторія. — Англичане, могутъ только *вызвать* эту командировку, они могутъ *поторопить* исторію...

Мы знаемъ, напримѣръ, что въ Остъ-Индіи дѣйствуютъ издавна нѣсколько миссіонерскихъ обществъ, которыя считаютъ теперь своихъ послѣдователей сотнями тысячъ. Какъ же смотритъ на дѣло миссіонерства Россія?

Прежде всего Россія держится великаго принципа полной вѣротерпимости. Правда, въ разные періоды нашей исторической жизни, принципъ этотъ понимался различно, но ужь самое стремленіе Петра I привлечь иностранцевъ въ Россію должно было поставить вопросъ о вѣротерпимости на твердую почву.

У насъ, однако-же, смѣшивали иногда вѣротерпимость съ покровительствомъ, а между тѣмъ это двѣ вещи разныя. Если я скажу: вѣруйте во что хотите и какъ хотите, не мѣшайте только другимъ, это и будетъ вѣротерпимость. Скажите же, что вы признаете мусульманство, разрѣшаете его послѣдователямъ исполнять обряды, но при этомъ требуете, чтобы эта религія не вводила новыхъ догматовъ и свято сохраняла завѣщанное ей пророкомъ, если для этого вы будете печатать, на свой счетъ, кораны и распространять ихъ, по возможно дешевой цѣнѣ, если вы будете строить мечети и школы для образованія муллъ, если вы будете выдавать, по экзамену, дипломы на званіе муллы и затѣмъ создадите для такихъ муллъ монополію, устраняя силою всякихъ, непризнанныхъ конкуррентовъ, если наконецъ вы будете преслѣдовать всякую ересь,

возникающую въ средѣ мусульманства — это уже выйдетъ не вѣротерпимость, а самое ярое покровительство.

Основою правовыхъ, нравственныхъ и бытовыхъ отношеній мусульманина — служитъ коранъ. Онъ же и краеугольный камень знанія. Въ немъ заключается, по мнѣнію «правовѣрныхъ» — мудрость всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Внѣ корана — все вздоръ, все суемудріе!

Напомнимъ здѣсь анекдотъ объ Омарѣ, приказавшемъ сжечь знаменитую Александрійскую библіотеку: на вопросъ, что дѣлать съ книгами — Омаръ отвѣчалъ: «если въ этихъ книгахъ сказано то-же, что и въ коранѣ, то онѣ не нужны, ибо въ коранѣ *все* есть, если же въ нихъ сказано не то, что въ коранѣ — то онѣ вредны, а потому... сжечь ихъ».

Въ первые вѣка мусульманства именно такъ и долженъ былъ смотрѣть каждый истый мусульманинъ на все *не коранное*.

Коранъ — врагъ нововведеній, врагъ изслѣдованія, врагъ движенія впередъ въ дѣлѣ науки. Всѣ басни, сказки и чудеса, завѣщанныя пророкомъ, принимаются до сихъ поръ какъ непреложная истина. Самый ученый мусульманинъ будетъ трактовать о семи-этажныхъ небесахъ и подкрѣпитъ свои доводы ничѣмъ инымъ какъ кораномъ.

Что человѣкъ можетъ, съ помощью Аллаха, пролезть сквозь паутину, не прорвавъ ее, и что луну можно разсѣчь саблей — это не подлежитъ сомнѣнію. Если вы напомните, что не всякое чудо удается и, что напримѣръ, гора не всегда идетъ, по приказанію, на встрѣчу, мусульманинъ возразитъ самымъ торжественнымъ тономъ, что въ подобномъ случаѣ пророкъ совершилъ еще большее чудо: онъ самъ пошелъ къ упрямой горѣ!

Самый сильный и *естественный* врагъ всѣхъ допотопныхъ теорій и легендъ о первыхъ дняхъ земнаго шара, — самъ земной шаръ. Это раскрытая книга. Трещины горныхъ кряжей, обрывы, пещеры — вотъ ея листы. Читать можетъ всякій, посвященный въ тайну письменъ природы. Ключъ къ этому

дають: окаменѣлости, напластованія, отступленія водопадовъ и т. п.

Отсюда разладъ: геологія насчитываетъ цѣлые триллiоны лѣтъ для образованія извѣстныхъ пластовъ, а мусульмане, хранители еврейскихъ преданій, записанныхъ сорокъ вѣковъ назадъ, отстаиваютъ свои семь дней и восьмое тысячелѣтіе.

Казалось бы, что согласить всѣ противорѣчія нетрудно: стоитъ только вспомнить, что для Предвѣчнаго нѣтъ ни времени, ни пространства, а потому нашъ мелкій счетъ на дни, мѣсяцы и годы совершенно не пригоденъ по отношенію къ Нему: то, что мы называемъ *днемъ*,—въ эпоху міросозданія обнимало милліоны лѣтъ.

Магометъ, усвоившій, какъ извѣстно, еврейскія преданія, ввелъ въ коранъ много и своихъ собственныхъ изобрѣтеній. Намъ нѣтъ надобности распространяться о видѣніяхъ эпилептика (извѣстно, что Магометъ страдалъ падучею болѣзнью), но мы не прочь выписать, напримѣръ, такое мѣсто: «о вѣрующіе! убивайте невѣрныхъ всюду, гдѣ бы ихъ ни встрѣтили, если они откажутся принять мусульманство. Сражайтесь за исламъ — религію Бога. Онъ осыплетъ васъ за то милостями и пошлетъ вамъ счастье. Не ты убиваешь невѣрнаго, а Богъ. Когда пускаешь стрѣлу—не ты пускаешь, а Богъ!»

И такъ: проповѣдь огня и меча... смерть невѣрнымъ...

Казалось бы, что чѣмъ меньше такихъ книгъ попадетъ въ руки, невѣжественной и склонной къ увлеченіямъ, массы—тѣмъ лучше. Однако-же, правительство Екатерины II отнеслось къ дѣлу иначе: рѣшено было, въ видахъ охраненія чистоты мусульманства, ввести въ Россіи *печатаніе* мусульманскихъ книгъ и устранить, такимъ образомъ, ошибки переписчиковъ. Печать у мусульманъ считалась грѣхомъ и книги обыкновенно переписывались, отчего, во-первыхъ, вкрадывались описки, а во-вторыхъ, книги стоили дорого. Мы побѣдили предубѣжденіе своихъ татаръ сначала тѣмъ, что такова царская воля, а затѣмъ дешевизною казенныхъ изданій.

На первый разъ въ 1797 году напечатано было въ Петербургѣ только 3,600 экз. корана, но въ началѣ нынѣшняго столѣтія, типографія перенесена была въ Казань и дѣла пошли блистательно. Для примѣра возмемъ хоть періодъ съ 1853 по 1859 годъ, періодъ, захватывающій и «священную войну» Турціи съ Россіей. Въ это семилѣтіе, какъ бы въ помощь прокламаціямъ турецкаго султана, казанская типографія выпустила въ обращеніе до 326,000 книгъ. Въ томъ числѣ: *корана* 82.300 экз., *гафтіэка* (извлеченіе изъ корана) 165.900; *шераитъ-эль-имана* или катехизиса 77.500. Катехизисъ этотъ продается по 2 коп. за книжку, но есть и такія брошюрки, которыя продаются по 1/2 копѣйки *)!

Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы такое же усердіе было приложено и къ распространенію христіанскихъ книгъ, то... но возвратимся къ мусульманству.

Другая мѣра для охраненія чистоты мусульманскаго ученія заключалась въ запрещеніи отправлять обязанности муллы лицамъ, не достаточно подготовленнымъ. Степень подготовки опредѣлялась экзаменомъ въ оренбургскомъ магометанскомъ духовномъ собраніи и, выдержавшій испытаніе, получалъ указъ областнаго правленія. Отсюда и пошло названіе «указный мулла». Хотя указные муллы и уличались, по временамъ, въ зловредности дѣйствій **), тѣмъ не менѣе монополію ихъ усердно охраняла наша мѣстная администрація. Когда въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія до Оренбурга дошелъ слухъ, что среди нашихъ киргизъ ведется сильная пропаганда мусульманства бухарскими муллами, то коменданту форта № 1 (нынѣ Казалинскъ) предписано было ловить этихъ муллъ по ауламъ и задавать имъ острастку... Комендантъ объявилъ киргизамъ, что за каждаго, представленнаго къ нему муллу онъ будетъ платить по 3 р.—Началась охота и киргизы пригнали къ коменданту сразу цѣлый табунъ.

---

*) Цифры эти заимствованы изъ статьи Е. Воронца „Казанская учительская семинарія“. Рус. Вѣст. 1873 г. іюль.

**) Извѣстно, напримѣръ, что ближайшій поводъ къ безпорядкамъ между оренбургскими киргизами въ 1869 году, подали нѣкоторые уфимскіе муллы ложно истолковавшіе реформу, предпринятую правительствомъ.

Мулламъ сдѣлано было должное внушеніе, чрезъ казаковъ, и обѣщано удвоить порцію внушенія, если они попадутся въ другой разъ. Комендантъ однако-же увидѣлъ, что его фонды не выдержатъ сравненія съ усердіемъ киргизовъ и понизилъ плату до полтинника за муллу. Усердіе всетаки не охладѣло, и киргизы, такимъ образомъ, скоро избавились отъ стѣснительныхъ намазовъ, отъ длинныхъ нравоученій и, главное, отъ дани незваннымъ проповѣдникамъ.

Теперь ловля муллъ хотя и не практикуется, но офиціальное распоряженіе объ этомъ не отмѣнено и потому все дѣло зависитъ отъ взгляда уѣзднаго начальника: явится какой нибудь Деоклитіанъ и киргизамъ снова откроется источникъ дохода!

Такое поведеніе киргизъ весьма понятно: они, въ сущности, вовсе не мусульмане—скажу больше: они не держатся никакой религіи.

Понятное дѣло, что для насъ выгоднѣе сохранить первобытнаго человѣка въ его первобытномъ видѣ, чѣмъ отдать его въ жертву растлѣвающему и мертвящему исламизму.

Если даже наши указные муллы, изъ подъ самыхъ рукъ русской администраціи, въ ея глазахъ, учатъ народъ вовсе не въ духѣ вѣротерпимости, если ужь и они подаютъ иногда поводы къ безпорядкамъ, чего же ожидать отъ выходцевъ изъ Бухары?

Наши указные муллы, однако-же, не довольствуются своей паствой и весьма дѣятельно ведутъ пропаганду даже между крещеными татарами, чувашами и черемиссами. По однѣмъ только офиціальнымъ свѣдѣніямъ такихъ «крещеныхъ» отпало въ мусульманство въ 1862 г. въ одномъ Чистопольскомъ уѣздѣ (Казанской губерніи) болѣе 3.000 чел. Въ 1866 г. во всей губерніи отпало до 10.000. Отпадаютъ цѣлыя деревни.

При наборѣ 1855 года множество рекрутъ татаръ бѣжало изъ партій въ Бухару и Ташкентъ, такъ какъ сражаться съ единовѣрцами имъ нельзя... Послѣ войны началось переселеніе крымцевъ въ Турцію, вслѣдъ за ними потянулись и казанцы... Словомъ, услуги *указныхъ* муллъ довольно двусмысленны.

Мы, однако, не остановились на книгахъ и муллахъ—мы настроили и мечетей. Правда: это дѣло вышло не такъ удачно, потому что приходилось не разъ охранять выстроенныя нами мечети отъ посягательствъ самихъ мусульманъ...

Извѣстенъ, напримѣръ, случай разрушенія построенной нами мечети (на Кавказѣ) изъ-за того, что русскіе мастера бѣлили стѣны кистями, а кисти были щетинныя, ну а щетина свиная! Кто-то шепнулъ, что мечеть съ умысломъ осквернена *)...

Въ Иркутскѣ у казенной мусульманской мечети тоже весьма долго стояли русскіе часовые... Въ Омскѣ тоже. Самыя постройки отличаются ненужною роскошью. Такъ и видна въ нихъ инженерная замашка «изводить деньги».

Оренбургская мечеть, построенная на башкирскія деньги, почти всегда заперта. Я ни разу не могъ попасть внутрь этого роскошнаго зданія, а посѣщалъ Оренбургъ 8 разъ! Русскій часовой караулитъ заразъ и губернаторскій домъ и мечеть.

Отъ простыхъ россійскихъ мусульманъ мы ничего и не ждемъ особеннаго, но отъ мусульманъ *чиновныхъ*, конечно, можно бы было требовать чего нибудь и болѣе безукоризненности произношенія: «ля илья иль алла»...

Мы знаемъ, однако-же, что нѣкоторые переводчики изъ татаръ, въ разговорахъ съ азіятскими послами, иначе не называютъ русскихъ какъ идолопоклонниками, образа называютъ *бутъ*—идолъ, а не *суретъ*—портретъ, церкви наши называютъ *бутъ-хана*—капище, а не *урусъ-мечеть*—русскій храмъ.—Извѣстно также, что офицеръ изъ мусульманъ, занимавшій постъ начальника самаркандскаго отдѣла, ходилъ въ мечеть въ халатѣ и чалмѣ...

Нерѣдкость услыхать соболѣзнованія о томъ, что туземцы

*) Предлогомъ для возстанія сейковъ въ Индіи въ 1857 г. послужили патроны, смазанные саломъ: прошелъ слухъ, что сало свиное—вотъ и бунтъ.

не дорожатъ своими мечетями и продаютъ ихъ, вмѣстѣ съ садами, русскимъ, или что въ Ура-тюбе мечеть обращена въ русскую церковь, а въ Самаркандѣ въ клубъ...

Всѣ эти разговоры, однако-же, ни къ чему не ведутъ: мечеть у мусульманъ едва ли почитается особенною святыней, развѣ ужъ въ ней покоится какой нибудь *«аулія»*—святой. Туземцы не только дѣлаютъ въ своихъ мечетяхъ склады хлѣба, но иногда пользуются ими и просто какъ лучшимъ помѣщеніемъ въ селеніи для какого нибудь пиршества.

Фанатизма не расшевелить подобными вещами до тѣхъ поръ, пока туркестанская администрація будетъ держаться, усвоеннаго ею взгляда на дѣло христіанской пропаганды.

До сихъ поръ мы не только не допускали проповѣди «Слова» мусульманамъ, но даже отвергали всѣ просьбы туземцевъ, которые хлопотали о принятіи ихъ въ православіе.

Благовиднымъ предлогомъ отказа служило незнаніе просителями русскаго языка, а слѣдовательно, и невозможность «огласить» неофита словомъ истины. Попытка одного изъ членовъ алтайской миссіи, въ 1870 году, завязать сношенія съ Туркестаномъ и положить здѣсь начало миссіонерской дѣятельности не увѣнчалась успѣхомъ. Всѣ доводы идеалиста были разбиты практическою мудростью опыта. Что за бѣда, что опытъ этотъ *не нашъ,* а принадлежитъ англичанамъ, тѣмъ еще лучше, ибо мы за него не платимъ! За свои проповѣди англичане пріобрѣли всеобщую ненависть, развили въ народѣ религіозный фанатизмъ и создали, такимъ образомъ, для себя неисчислимыя затрудненія въ будущемъ.

Фанатизмъ питается именно нападками на религію и потому онъ составляетъ, такъ сказать, законную реакцію всякой чужой пропагандѣ. Приведу здѣсь слова одного авганца, близко знакомаго и съ англичанами и съ русскими: «каждое воскресенье англійскіе муллы выходятъ на базаръ доказывать, что Хазрети-Исса (Христосъ) больше нашего Пейгамбера (пророка) и что ихъ вѣра настоящая, а наша ничего не стоитъ...

«Пейгамбера всячески поносятъ, кормятъ его грязью... вы

русскіе этого не дѣлаете, слухъ объ этомъ дошелъ и въ Индію—всѣ васъ за это хвалятъ».

Какая выгода для Англіи пріобрѣсти сотню тысячъ *плохихъ* христіанъ,—мало понимающихъ суть новой религіи и перемѣшавшихъ старыя понятія съ новыми,—когда, современемъ, за нихъ придется поплатиться сотней тысячъ *хорошихъ* христіанъ, выписанныхъ изъ Англіи?

Честный мусульманинъ, не преступающій ни одной йоты нашихъ *гражданскихъ* законовъ — на нашъ взглядъ — лучше плута христіанина, хотя бы тотъ и соблюдалъ всѣ точки и запятыя *религіозныхъ* установленій.

Калмыки, солоны и сибо, спасшіеся къ намъ изъ Кульджи отъ ножа разнузданныхъ фанатиковъ мусульманъ, переходили въ православіе—сотнями; но вѣдь это идолопоклонники, а съ язычествомъ легче ладить, чѣмъ съ мусульманствомъ. Наши обряды не были для нихъ чѣмъ нибудь необычайнымъ, неожиданнымъ: у нихъ точно также, при богослуженіи, употребляются образа, ладонъ, восковыя свѣчи *)... Для мусульманъ же первую препону и составляютъ именно образа: такъ какъ божество изображать нельзя—ни кистью, ни рѣзцомъ.

Радушный пріемъ у насъ еще ярче выставилъ солонамъ разницу между изувѣрами мусульманами, рѣзавшими ихъ какъ барановъ, и христіанами, пріютившими ихъ голодныхъ и полуживыхъ. Выборъ былъ не труденъ.

Много доводовъ, много вопросовъ могъ бы привести здѣсь поборникъ православія.

Востокъ—колыбель христіанства... На востокъ алтарями смотрятъ наши церкви... Къ востоку лицомъ становится на

---

*) Еще брамины возвѣщали о рожденіи Кришны (это имя произносится у нихъ —Христа) отъ дѣвы и, говорятъ, ѣздили въ Палестину на поклоненіе Спасителю. Индійское божество *Тримурти* имѣетъ три лица съ однимъ затылкомъ. Буддисты проповѣдуютъ вѣротерпимость и равноправность: „мы не думаемъ, что одни только умѣемъ молиться“, говорятъ они. Отмѣна кастъ возбудила противъ буддистовъ гоненія и они были изгнаны браминистами. Лассенъ, Ремюза и Лоранъ считаютъ буддизмъ—христіанствомъ Востока.

молитву странникъ. На востокъ головою хоронимъ мы своихъ мертвыхъ. — Но что теперь востокъ? — Исламизмъ задавилъ здѣсь всякое движенie: ничего кромѣ непроглядной тьмы, ничего, кромѣ закоснѣлаго, мертваго застоя мы здѣсь не встрѣтимъ!

Востокъ, оказавшiй когда-то услугу человѣчеству — самъ теперь ждетъ того же отъ запада.

Съ запада пришли мы въ сердце Средней Азiи, съ запада пришла съ нами «Великая Истина», готовая озарить лучомъ своимъ народы, бродящiе во тьмѣ невѣжества—зачѣмъ же мы такъ ревниво бережемъ свѣточъ ея для однихъ себя, зачѣмъ отталкиваемъ всякаго мусульманина, жаждущаго познать истину?

Не потому-ли, что здравая политика требуетъ крайней осторожности въ дѣлѣ распространенiя христiанства, въ средѣ *завоеванныхъ* народовъ? Не потому ли, что христiанству, какъ религiи всепрощенiя, любви и мира, неприлично воздвигать свое зданie на успѣхахъ оружiя? Не потому ли, что «Слово» должно покорять сердца независимо отъ оружiя? Не потому ли, наконецъ, что у насъ нѣтъ миссiонеровъ, или, что наша собственная вѣра оскудѣла и въ проповѣдникахъ нуждается, еще болѣе, какая нибудь своя великорусская губернiя?

Вопросы эти сами на себя и отвѣчаютъ. Не распространяясь поэтому—замѣтимъ только, что проповѣдники «Слова» должны проникать далеко за предѣлы войны, куда не могли бы достигать ни громъ пушекъ, ни побѣдные звуки трубъ и литавръ, ни стоны умирающихъ... Тогда всѣ, «оглашенные Словомъ», видѣли бы въ проповѣдникѣ не предтечу огня и меча, а кроткаго пастыря, явившагося къ нимъ лишь во всеоружiи слова.

Проповѣдь, подъ защитою штыковъ, съ акомпанементомъ пушекъ—принесетъ не пользу, а вредъ.

Какъ бы то ни было, а средне-азiятскiе мусульмане давно уже успокоились относительно своей свободы совѣсти. Но дѣйствительно ли мы бездѣйствуемъ, дѣйствительно ли не

проводимъ нашихъ христiанскихъ началъ въ бытъ, общественный строй и сознанie средне-азiятцевъ?

Нѣтъ, не бездѣйствуемъ.

При громѣ пушекъ и кликахъ побѣды, грозно и торжественно вносимъ мы сюда наши гражданскiе законы, а это уже шагъ къ христiанству. Наше Уложенie основано на началахъ христiанства, идея возмездiя «око за око» не имѣетъ здѣсь мѣста. Запрещая и карая воровство, убiйство, лжесвидѣтельство и т. д. — законы наши караютъ все то, что противно и самой идеѣ христiанства. Искореняя рабство, мы приготовляемъ нашему закону и нашей религiи—незыблемый памятникъ.

Не подлежитъ, конечно, ни спору, ни сомнѣнiю, что христiанство смягчаетъ нравы, облагороживаетъ человѣчество, даетъ большiй просторъ изслѣдованiю и проч., но для пропаганды еще не настало время. Прежде надобно приготовить почву—иначе всякiй прохожiй растопчетъ посѣянное, птицы поклюютъ, солнце изсушитъ, тернiй заглушитъ!

Почва подготовляется школой. Прежде всего, значитъ, мы должны позаботиться о школахъ для туземцевъ. Мы должны ввести въ нихъ обученie русскому языку. Мало того — мы должны ввести въ употребленie и нашъ алфавитъ.

Образованie туземцевъ ведется, съ искони, самымъ несложнымъ и самымъ притупляющимъ способомъ: ученикъ зубритъ въ долбяжку непонятный ему текстъ корана *) и завершаетъ эту долбню нѣсколькими стихотворенiями Гафиза, Саади и Фердоуси. Послѣднее, впрочемъ, далеко не во всѣхъ школахъ. Такое обученie требуетъ 8—9 лѣтъ. Понятно, что никакой прогрессъ тутъ невозможенъ. Степень успѣшности занятiй того или другого ученика выразится развѣ только въ меньшемъ или большемъ числѣ лѣтъ, просиженныхъ въ школѣ, надъ зубренiемъ корана. Очевидно, что поддерживать такой ненормальный порядокъ народнаго образованiя не можетъ быть

*) Арабскiй языкъ мало кому знакомъ въ Средней Азiи.

въ видахъ русской цивилизаціи, тѣмъ болѣе, что и сами туземцы сознаютъ безплодность своей школьной науки.

Со введеніемъ нынѣ дѣйствующаго «Проекта Положенія объ управленіи въ Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областяхъ» уничтожилось много туземныхъ особенностей, мѣшавшихъ неуклонному дѣйствію русской интеллигенціи. Въ ряду наиболѣе вредныхъ особенностей, устраненныхъ Положеніемъ, была духовно-полицейская должность *реиса*, которому были подвѣдомы какъ преступленія противъ благочинія и общественнаго порядка, такъ и противъ нравственности, установленной кораномъ и противъ религіозной обрядности. Словомъ, это былъ важный полицейскій чинъ, разъѣзжавшій по городу со свитою и расправлявшійся съ каждымъ виноватымъ тутъ же, на мѣстѣ преступленія. Страшная *дара* *), безпрестанно мелькавшая въ воздухѣ, хлесткіе удары, щедро раздаваемые направо и налѣво, сознаніе, что ни одна вина не укроется отъ ревниваго глаза того или другого агента, спокойно расхаживающаго въ толпѣ—все это поддерживало авторитетъ реиса и развивало въ народѣ ханжество и лицемѣріе. Но у реиса, сверхъ уличныхъ обязанностей, были еще и болѣе важныя—по наблюденію за общественнымъ и домашнимъ воспитаніемъ. Реисъ былъ, такъ сказать, «попечитель учебнаго округа», а при *обязательности обученія*, существовавшей среди осѣдлаго населенія, онъ получилъ право вмѣшиваться даже въ семейный бытъ. Никто изъ туземцевъ не былъ застрахованъ отъ дары, — подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ она падала на его спину: то не послалъ сына въ школу, то пропустилъ намазъ, то не выразилъ должнаго почтенія къ старшимъ.

Если еще полицейскія обязанности могли быть оставлены риесамъ, то ужъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было сохранить за ними права наблюденія за воспитаніемъ. Обязательность обу-

*) Въ родѣ плети, но къ рукояти придѣланъ не плетеный хвостъ, а широкая, длинная и толстая полоса, сшитая изъ нѣсколькихъ ремней, наложенныхъ другъ на друга.

ченія—дѣло безспорно хорошее, когда школа *дѣйствительно* учитъ чему нибудь, но современная мусульманская школа, по своей безсодержательности и закоснѣлой рутинѣ,—только притупляетъ способности дѣтей! Умѣнье читать и писать—единственный практическій результатъ девятилѣтняго курса школы—не оправдываютъ такой затраты времени и труда.

Русской администраціи не было причины поддерживать безполезное для нея учрежденіе. Рѣшено было исподоволь упразднить должность реиса. Эта цѣль теперь уже достигнута самымъ легкимъ способомъ: должность объявлена *незамѣщаемою*. Такимъ образомъ, каждый реисъ зналъ, что онъ былъ послѣднимъ и что послѣ него никого уже не выберутъ. Сознаніе своей ненужности и отсутствіе всякаго поощренія за усердіе,—охладило реисовъ къ дѣлу; съ другой стороны, множество, учрежденныхъ русскими, должностей съ порядочнымъ содержаніемъ — указывало имъ на лучшій исходъ. Мало по малу всѣ они передали свои дары, какъ эмблему духовно-полицейской власти, въ руки русскихъ начальниковъ.

И такъ, реисы «изъяты изъ обращенія», а мусульманскія школы предоставлены сами себѣ. Дѣло тотчасъ и выяснилось: школы стали пустѣть. Народъ, значитъ, сознавалъ неудовлетворительность ихъ. Въ то-же время въ массу проникло сознаніе о преимуществахъ русскаго образованія, о необходимости для своихъ дѣтей, какъ русскихъ гражданъ, такой подготовки, которая бы давала имъ возможность идти въ уровень съ новыми требованіями и быть полезными какъ себѣ, такъ и обществу. Одиночные примѣры поступленія дѣтей туземцевъ въ русскія школы, не смотря на совершенное незнаніе русскаго языка, доказываютъ это какъ нельзя лучше. Нѣтъ сомнѣнія, что запустѣніе мусульманскихъ школъ будетъ все усиливаться, а въ такомъ случаѣ мы должны позаботиться замѣнить ихъ чѣмъ нибудь лучшимъ, мы должны, на развалинахъ рухнувшей кафедры, создать свою, новую, способную провести въ отупѣлый и закоснѣлый мусульманскій міръ живую науку, живыя знанія. На это насъ вызываютъ даже сами

туземцы. Въ началѣ 1871 года нѣсколько почетныхъ жителей города Ташкента и Кураминскаго уѣзда подали генералъ-губернатору адресъ о переформированіи одного изъ ташкентскихъ *медресе* (высшее училище) на русскій образецъ, со введеніемъ въ число преподаваемыхъ предметовъ, и русскаго языка. При этомъ купецъ *Сеидъ-Азимъ* пожертвовалъ, на случай необходимыхъ перестроекъ и ремонта, 2,500 р. сер. Генералъ-губернаторъ встрѣтилъ это заявленіе весьма сочувственно и учредилъ коммиссію изъ всѣхъ наличныхъ переводчиковъ, подъ предсѣдательствомъ автора настоящихъ строкъ.

На коммиссію возложено было: 1) выработать правила транскрипціи туземныхъ нарѣчій русскими буквами, 2) составить руководства для обученія въ среднеазіятскихъ школахъ русскому языку и 3) составить транскрибированную христоматію для народнаго чтенія.

Честь такого лестнаго порученія была для меня тѣмъ дороже, что я давно уже занимался составленіемъ учебниковъ по восточнымъ языкамъ и теперь могъ примѣнить къ дѣлу свои небольшія знанія. Къ сожалѣнію, переводчики, назначенные въ нашу коммиссію были очень заняты по своимъ непосредственнымъ служебнымъ обязанностямъ и потому не могли удѣлять много времени для предстоявшей намъ работы. Видя безуспѣшность нашихъ засѣданій, я, наконецъ, пересталъ собирать коммиссію и занялся дѣломъ одинъ.

Вопросъ о транскрипціи былъ уже разработанъ мною еще въ 1866 году, когда я составлялъ параллельные словари и разговоры для изданнаго мною въ 1867 году «Толмача» *) Какъ тогда, такъ и теперь я нахожу, что русскій алфавитъ способенъ изобразить почти всѣ звуки тюркскихъ нарѣчій и что если мягкое *х* и мягкое *у* лучше передаются: первое фран-

*) Вотъ полный титулъ книги: „Толмачъ—спутникъ русскихъ воиновъ, для неизбѣжныхъ разспросовъ и переговоровъ, на языкахъ: русскомъ, турецкомъ, сербскомъ и греческомъ.“ Складъ изданія у М. Вольфа въ С.-Петербургѣ.

цузскимъ *h*, а второе французскимъ *u*, — то это еще не достаточный резонъ, чтобы вводить эти буквы въ нашъ алфавитъ. Да и вообще всякое введеніе новыхъ буквъ, заимствованныхъ изъ чужихъ языковъ, только пестритъ алфавитъ, нисколько не объясняя дѣла, въ особенности для людей, незнакомыхъ съ этими языками. Звука нарисовать нельзя и потому никакой значекъ не откроетъ секрета произношенія, пока читающій не *услышитъ* его отъ знающаго. Даже русскія буквы, но съ разными прибавками, кавычками и т. п., затрудняютъ чтеніе, почти до невозможности одолѣть читаемое.

Что касается до руководства къ обученію русской грамотѣ, то, познакомившись съ лучшими методами, я остановился на руководствѣ г. Столпянскаго, къ одновременному обученію письму и чтенію.—

Примѣняясь къ условіямъ, въ которыхъ будутъ стоять будущіе учителя и ихъ ученики, я перевелъ на узбекское нарѣчія всѣ тѣ фразы, которыя, такъ сказать, обязательны для учителя и безъ которыхъ дѣло вести нельзя. Такъ составилось «Руководство для учителей.» Затѣмъ я составилъ и «Русскую азбуку для школъ въ средней Азіи». Оба эти учебника напечатаны въ началѣ 1875 года на счетъ туркестанскаго генералъ-губернаторства. Христоматіи также печатаются.

Такимъ образомъ ничто не мѣшаетъ уже сдѣлать первый шагъ.

Пока предположено открыть въ Ташкентѣ школу для подготовленія учителей или учительскую семинарію, затѣмъ будутъ учреждены уѣздныя школы для дѣтей туземцевъ. Можно надѣяться, что дѣло пойдетъ, если и будущіе генералъ-губернаторы отнесутся къ нему съ тою же искренностью и съ тѣмъ же доброжелательствомъ, съ какими относится генералъ фонъ-Кауфманъ.

Пройдетъ, какихъ нибудь, сотня лѣтъ и русскій языкъ сдѣлается для туземцевъ такимъ же обычнымъ, каковы узбекскій и таджикскій. Тогда пусть являются и миссіонеры. Являться же на проповѣдь безъ *совершеннаго* и *всесторонняго* знанія

туземныхъ нарѣчій—значитъ рисковать, что вмѣсто пшеницы посѣешь плевелы и вмѣсто истинной религіи насадишь ересь.

Если ужь вопросъ о томъ, *какъ* писать имя Спасителя— могъ возбудить расколъ, то что же будетъ съ проповѣдникомъ, который, чуть не за каждымъ словомъ будетъ заглядывать въ словарь или обращаться къ толмачу?

Правда, и теперь возможны миссіонеры, вполнѣ отвѣчающіе условіямъ, но это только изъ туземцевъ, а значитъ, и слово *теперь* должно быть растянуто на весьма продолжительный срокъ времени.

Во всякомъ случаѣ всѣ мѣропріятія наши по вопросу объ ассимиляціи народностей Туркестанскаго края принадлежатъ будущему. Но есть одно мощное средство, которое всегда примѣнялось въ Россіи немедленно ко всѣмъ присоединяемымъ къ ней народамъ—это мощное средство: *равноправность*.

Передъ такимъ, искони усвоеннымъ нами, христіанскимъ космополитизмомъ не существуютъ: «ни рабъ, ни свободь, ни грекъ, ни варваръ, ни скифъ, ни іудей».

Наша политика, по отношенію къ покореннымъ народамъ, есть политика гражданскаго равноправія. Житель, только что занятой Кульджи, только что взятыхъ Ташкента, Самарканда и т. д. дѣлается сразу такимъ же русскимъ гражданиномъ, каковъ напримѣръ житель Москвы, да еще пожалуй и съ большими льготами.

Финляндія, Остъ-Зея, Польша пользуются такими правами, какихъ коренная Русь еще не скоро дождется. Нашъ великорусскій крестьянинъ платитъ чуть не втрое болѣе, чѣмъ напримѣръ полякъ, а получаетъ назадъ, въ видѣ школъ, больницъ, дорогъ, мостовъ,—чуть-ли не вдесятеро менѣе. Азіятскіе подданные наши платятъ всего до 1 руб. 10 коп. съ души, не несутъ ни постойной, ни подводной, ни рекрутской повинностей—и за всѣмъ тѣмъ, пользуются широкими привиллегіями по части самоуправленія, черезъ выборныхъ, и народнаго суда по обычаю.

Если такой путь ведетъ къ укорененію нашихъ началъ,

ведетъ къ тому, что теперь истый мусульманинъ начинаетъ держаться, относительно своего ближняго, какъ повелѣваетъ русскій законъ, а слѣдовательно, какъ подобаетъ доброму христіанину — то значитъ путь этотъ хорошъ и наша миссія не безплодна.

Политика наша, по отношенію къ завоеваннымъ странамъ, отличалась всегда особеннымъ великодушіемъ и, такъ сказать, самопожертвованіемъ. Такая политика проведена по всей нашей исторіи и составляетъ одно изъ ея блистательныхъ отличій.

Въ этой-то политикѣ, въ этомъ христіанскомъ космополитизмѣ и заключается наша сила.

Въ этомъ и наша будущность.

КОНЕЦЪ.

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

СОЧИНЕНІЯ ТОГО-ЖЕ АВТОРА.

Толмачъ—спутникъ русскихъ воиновъ (по Балканскому полуострову) для неизбѣжныхъ разспросовъ и переговоровъ на языкахъ: *русскомъ*, *турецкомъ*, *сербскомъ* и *греческомъ*. 1867 года. Цѣна 75 к. въ переплетѣ.

Руководство для учителей къ обученію въ школахъ Средней Азіи одновременно письму и чтенію по «Русской азбукѣ». 1875 г. Цѣна съ таблицами 50 к.

Русская азбука для школъ въ Средней Азіи. 1875 г. Цѣна 15 к.

Статистическіе очерки Средне-азіятской Россіи. 1874 г. Цѣна 1 р. 50 к.

На прощанье съ Средней Азіей. Новыя военныя пѣсни. 1873 г. Ц. 20 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Россія и Англія въ борьбѣ за рынки.

Грамматики: *турецкая*, *персидская*, *киргизская* и *узбекская*.

Хрестоматіи: *турецкаго*, *персидскаго*, *киргизскаго и узбекскаго языковъ*, съ приложеніемъ образцовъ всѣхъ употребительнѣйшихъ почерковъ и сравнительной таблицы мусульманскаго и христіанскаго лѣтосчисленій.
